

**Редакционный совет научного журнала
«Вестник НГУ. Серия: История, филология»**

Председатель редакционного совета серии

В. И. Молодин акад. РАН, д-р ист. наук, проф. (Институт археологии и этнографии СО РАН, Новосибирск, Россия)

Главный редактор серии

А. С. Зуев д-р ист. наук, проф. (Новосибирский государственный университет, Россия)

Ответственный секретарь серии

С. Г. Скобелев канд. ист. наук, доц. (Институт археологии и этнографии СО РАН, Новосибирск, Россия)

Члены совета

- Х. А. Амирханов чл.-кор. РАН, д-р ист. наук, проф. (Институт истории, археологии и этнографии Дагестанского научного центра РАН в Махачкале, Республика Дагестан, Институт археологии РАН, Москва, Россия)
- Б. Виола д-р истории, проф. (Университет Торонто, Канада)
- Е. Э. Войтишек д-р ист. наук, проф. (Новосибирский государственный университет, Россия)
- Т. Гланц д-р филологии, проф. (Университет им. Гумбольдта, Берлин, Германия)
- А. В. Головнёв чл.-кор. РАН, д-р ист. наук, проф. (Институт истории и археологии УрО РАН, Уральский федеральный университет, Екатеринбург, Россия)
- А. Е. Демидчик д-р ист. наук, проф. (Новосибирский государственный педагогический университет, Россия)
- А. П. Деревянко акад. РАН, д-р ист. наук, проф. (Институт археологии и этнографии СО РАН, Новосибирск, Россия)
- Ж. Жобер д-р истории, проф. (Университет Бордо I, Франция)
- О. Д. Журавель д-р филол. наук (Институт истории СО РАН, Новосибирский государственный университет, Россия)
- Г. Э. Импости д-р филологии, проф. (Болонский университет, Италия)
- А. К. Киклевич д-р филол. наук, проф. (Варминьско-Мазурский университет, Ольштын, Польша)
- С. Коткин д-р истории, проф. (Принстонский университет, Принстон, США)
- В. А. Ламин чл.-кор. РАН, д-р ист. наук (Институт истории СО РАН, Новосибирск, Россия)
- Ока Хироки д-р истории, проф. (Университет Тохоку, Сэндай, Япония)
- Г. Парцингер д-р истории, проф. (Фонд Прусского культурного наследия, Берлин, Германия)
- Х. Плиссон д-р истории, проф. (Университет Бордо I, Франция)
- Пэ Гидон д-р археологии и антропологии, проф. (Национальный музей Кореи, Сеул, Республика Корея)
- П. Ратлэнд д-р истории, проф. (Уэслианский университет, Мидделтаун, США)
- И. В. Силантьев д-р филол. наук, проф. (Институт филологии СО РАН, Новосибирский государственный университет, Россия)
- Тан Чун д-р истории, проф. (Гонконгский университет, Китайская Народная Республика, Токийский университет, Япония)
- Т. Хайм д-р истории, профессор (Оксфордский университет, Великобритания)
- Ю. В. Шатин д-р филол. наук, проф. (Институт филологии СО РАН, Новосибирский государственный педагогический университет, Новосибирский государственный университет, Россия)

Редакционная коллегия выпуска «Филология»

Ответственные редакторы

- Н. Б. Кошкарева д-р филол. наук, проф. (Институт филологии СО РАН, Новосибирский государственный университет, Россия)
- Л. Н. Синякова д-р филол. наук, доц. (Новосибирский государственный университет, Россия)

Ответственный секретарь

- Е. Н. Сорокина канд. филол. наук, доц. (Новосибирский государственный университет, Россия)

Члены редакционной коллегии

- Е. И. Дергачева-Скоп д-р филол. наук, проф. (Новосибирский государственный университет, Россия)
- Н. А. Лукьянова д-р филол. наук, проф. (Новосибирский государственный университет, Россия)
- Н. Н. Казанский академик РАН, д-р филол. наук, проф. (Институт лингвистических исследований РАН, Санкт-Петербург, Россия)
- И. А. Мельчук д-р филологии, проф. (Монреальский университет, Канада)
- Э. Стергиопулу д-р филологии, проф. (Афинский национальный университет, Греция)
- П. Энгель д-р наук (Европейский центр по консервации книг и бумаги, Хорн, Австрия)

**Advisory Board of Academic Journal
“Vestnik NSU. Series: History and Philology”**

Chief of the Advisory Board

V. I. Molodin Member of the Russian Academy of Sciences, Doctor of Historical Sciences, Professor (Institute of Archaeology and Ethnography of Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Novosibirsk State University, Russian Federation)

Chief Editor of the Series

A. S. Zuev Doctor of Historical Sciences, Professor (Novosibirsk State University, Russian Federation)

Executive Secretary of the Series

S. G. Skobelev Candidate of Historical Sciences, Docent (Institute of Archaeology and Ethnography of Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Novosibirsk, Russian Federation)

Members of the Advisory Board

- Kh. A. Amirkhanov Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences, Doctor of Historical Sciences, Professor (Institute of History, Archaeology, and Ethnography, Dagestan Scientific Center of the Russian Academy of Sciences in Makhachkala, Dagestan, Institute of Archaeology of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation)
- B. Viola Doctor in History, Professor (University of Toronto, Canada)
- E. E. Voytishek Doctor of Historical Sciences, Professor (Novosibirsk State University, Russian Federation)
- T. Glantz Doctor in Philology, Professor (Humboldt University in Berlin, Germany)
- A. V. Golovnev Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences, Doctor of Historical Sciences, Professor (Institute of History and Archaeology of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences, Ural Federal University, Yekaterinburg, Russian Federation)
- A. E. Demidchik Doctor of Historical Sciences, Professor (Novosibirsk State Pedagogical University, Russian Federation)
- A. P. Derevyanko Member of the Russian Academy of Sciences, Doctor of Historical Sciences, Professor (Institute of Archaeology and Ethnography of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Novosibirsk, Russian Federation)
- J. Joubert Doctor in History, Professor (University of Bordeaux I, France)
- O. D. Zhuravel Doctor of Philological Sciences, Professor (Institute of History of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Novosibirsk State University, Russian Federation)
- G. E. Imposti Doctor in Philology, Professor (University of Bologna, Italy)
- A. K. Kiklevich Doctor of Philological Sciences, Professor (University of Warmia and Mazury, Olsztyn, Poland)
- S. M. Kotkin Doctor in History, Professor (Princeton University, United States)
- V. A. Lamin Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences, Doctor of Historical Sciences (Institute of History of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Novosibirsk, Russian Federation)
- Oka Hiroki Doctor in History, Professor (Center for Northeast Asian Studies of Tohoku University, Sendai, Japan)

- H. Parzinger Doctor in History, Professor (Prussian Cultural Heritage Foundation, Berlin, Germany)
- H. Plisson Doctor in History, Professor (University of Bordeaux I, France)
- Bae Kidong Doctor in Archaeology and Anthropology, Professor (The National Museum of Korea, Seoul, Republic of Korea)
- P. Rutland Doctor in History, Professor (Wesleyan University, Middletown, USA)
- I. V. Silantev Doctor of Philological Sciences, Professor (Institute of Philology of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Novosibirsk State University, Russian Federation)
- Tang Chung Doctor in History, Professor (University of Hong Kong, China, University of Tokyo, Japan)
- T. Higham Doctor in History, Professor (University of Oxford, United Kingdom)
- Yu. V. Shatin Doctor of Philological Sciences, Professor (Institute of Philology of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Novosibirsk State Pedagogical University, Novosibirsk State University, Russian Federation)

Editorial Board of the Issue “Philology”

Executive Editors

- N. B. Koshkareva Doctor of Philological Sciences, Professor (Institute of Philology of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Novosibirsk State University, Russian Federation)
- L. N. Sinyakova Doctor of Philological Sciences, Docent (Novosibirsk State University, Russian Federation)

Executive Secretary

- E. N. Sorokina Candidate of Philological Sciences, Docent (Novosibirsk State University, Russian Federation)

Board Members

- E. I. Dergacheva-Skop Doctor of Philological Sciences, Professor (Novosibirsk State University, Russian Federation)
- N. A. Lukyanova Doctor of Philological Sciences, Professor (Novosibirsk State University, Russian Federation)
- N. N. Kazanskiy Member of the Russian Academy of Sciences, Doctor of Philological Sciences, Professor (Institute of Linguistic Studied of the Russian Academy of Sciences, St. Petersburg, Russian Federation)
- I. A. Melchuk Doctor in Philology, Professor (University of Montreal, Canada)
- E. Stergiopoulou Doctor in Philology, Professor (National University of Athens, Greece)
- P. Engel Doctor of Sciences (European Research Centre for Book and Paper Conservation-Restoration, Horn, Austria)

ВЕСТНИК НГУ

Серия: История, филология

Научный журнал
Основан в ноябре 1999 года

2019. Том 18, № 9: Филология

СОДЕРЖАНИЕ

Языкознание

<i>Григорьева Т. М., Науменко С. В.</i> Приставки на -з как нарушение системы русского письма	9
<i>Андреанова Д. В.</i> Чешские фразеологические параллели к русским диалектизмам (по материалам «Полного фразеологического словаря русских народных говоров»)	19
<i>Ким И. Е., Ильина Д. В.</i> Языковое выражение аргументативной структуры «Ad ro- pulum» – «От эксперта» в тексте научно-популярной статьи	27
<i>Алексеева А. А.</i> Концепт ДЕНЬГИ в фильме А. Звягинцева «Елена»: вербальная и ви- зуальная репрезентация	36
<i>Денисенко В. Н., Денисенко А. В., Ширококов А. Н., Чжан Кэ.</i> Семантическое освое- ние русским и китайским языками иноязычных лексических инноваций (на мате- риале интернет-форумов)	44
<i>Ли Воннам.</i> Синтаксические особенности сложноподчиненных предложений русского языка с обратной подчинительной связью и способы их перевода на корейский язык	56
<i>Газранова А. Р.</i> Форма на =3А в алтайском языке	65
<i>Кошкарева Н. Б., Тимкин Т. В., Ли П. И.</i> Чередование гласных в корнях и лично- притяжательных аффиксах имен существительных в сургутском диалекте хантый- ского языка	78
<i>Кошкарева Н. Б.</i> Парадигма акциональных предложений в хантыйском и ненецком языках	102
<i>Рыжикова Т. Р., Добринина А. А., Уртегешев Н. С.</i> Артикуляторные характеристики реализаций звуков типа «а» в барабинском, алтайском и башкирском языках в со- поставительном аспекте	127

Литературоведение

<i>Юдин А. А.</i> Польско-литовские материалы в азбуковнике Давида Замарая и украинское окружение патриарха Филарета	144
<i>Пономарева А. А.</i> Конфликт поколений в русской литературе второй половины 1850-х годов	157
<i>Синякова Л. Н.</i> Архетипический мотив хаоса в сюжетной структуре повести А. П. Чехова «Убийство»	169
<i>Степанова В. А.</i> «Легенда о Великом инквизиторе» как метасюжет традиционалистской прозы	176
<i>Денисова Е. А.</i> Своеобразие комического в фельетонах М. Стоговского (1918–1919)	185
<i>Шевчугова Е. И.</i> Христианские мотивы в романе Ч. Т. Айтматова «Плаха»	194
<i>Фролкина Д. И.</i> Реализация комического в книге А. Борисовой «Записки для моих потомков»	202

Рецензии

<i>Панич Т. В.</i> Рецензия на книгу: Илюшечкина Т. Н. Литературная история «Описания Сибири» Никифора Венюкова в рукописной книжной традиции XVII–XVIII веков. Новосибирск: ГПНТБ СО РАН, 2018. 538 с.	212
Информация для авторов	215

V E S T N I K N S U

Series: History and Philology

Scientific Journal
Since 1999, November

2019, vol. 18, no. 9: Philology

CONTENTS

Linguistics

<i>Grigorieva T. M., Naumenko S. V.</i> Prefixes with -z as Violations of the Russian Spelling System	9
<i>Andrianova D. V.</i> Czech Phraseological Parallels to the Russian Dialect Idioms (Based on the Materials of the <i>Complete Phraseological Dictionary of Russian Folk Dialects</i>)	19
<i>Kim I. E., Ilina D. V.</i> Language Expression of the Argumentative Framework “From Popular Opinion vs From Expert Opinion” in the Text of Popular Science Article	27
<i>Alekseeva A. A.</i> The Concept of <i>MONEY</i> in the Feature Film <i>Elena</i> by A. Zvyagintsev: Verbal and Visual Representations	36
<i>Denisenko V. N., Denisenko A. V., Shirobokov A. N., Zhang Ke.</i> Semantic Assimilation of Foreign New Words by the Russian and Chinese Language (On the Material of Online Forums)	44
<i>Li Wongnam.</i> Syntactic Traits of Russian Complex Sentences with Subordinate Clauses with Reverse Subordinative Relations and Ways of Their Translation into Korean	56
<i>Tazranova A. R.</i> The Form with =ZA in the Altai Language	65
<i>Koshkareva N. B., Timkin T. V., Li P. I.</i> Alternation of Vowels in Roots and Personal-Possessive Affixes of Nouns in the Surgut Dialect of the Khanty Language	78
<i>Koshkareva N. B.</i> Paradigm of Actional Sentences in Khanty and Nenets	102
<i>Ryzhikova T. R., Dobrinina A. A., Urtegeshev N. S.</i> Articulatory Traits of “a”-Type Sound Realizations in the Barabian, Altai, and Bashkir Languages in the Comparative Aspect	127

Literature

<i>Yudin A. A.</i> Polish-Lithuanian Data of David Zamaray's Azbukovnik and the Ukrainians in Patriarch Filaret's Surroundings	144
<i>Ponomareva A. A.</i> The Generation Gap in Russian Literature of the Second Part of 1850s	157
<i>Sinyakova L. N.</i> Archetypal Motif of Chaos in the Plot Structure of A. P. Chekhov's Story <i>The Murder</i>	169
<i>Stepanova V. A.</i> "The Legend of the Grand Inquisitor" as a Metaplot of Traditionalist Prose	176
<i>Denisova E. A.</i> The Peculiarity of the Comic in M. Stogovsky's Feuilletons (1918–1919)	185
<i>Shevchugova E. I.</i> Christian Motives in Ch. T. Aitmatov's Novel <i>The Scaffold</i>	194
<i>Frolkina D. I.</i> Realization of the Comic in the Story by A. Borisova <i>Zapiski dlya moikh potomkov (Notes for My Descendants)</i>	202

Reviews

Panich T. V. Book Review: Ilyushechkina T. N. Literary History of Nikifor Venyukov's "Description of Siberia" in the Manuscript Book Tradition of the 17 th –18 th Centuries. Novosibirsk, 2018, 538 p.	212
Instructions to Contributors	215

УДК 81.372.462

DOI 10.25205/1818-7919-2019-18-9-9-18

Приставки на -з как нарушение системы русского письма

Т. М. Григорьева¹, С. В. Науменко²

¹ Сибирский федеральный университет
Красноярск, Россия

² Канский педагогический колледж
Канск, Россия

Аннотация

Рассмотрен парадоксальный случай русской орфографии – правописание приставок на -з, в основу которого положен фонетический принцип, что без всяких оснований отделяет их от других приставок на согласный (*под-, над-, от-, об-, в-, с-*), в орфографии которых соблюден ведущий принцип русской орфографии – фонологический. С точки зрения целесообразности и научной обоснованности проведен анализ многочисленных предложений о правописании этих приставок, высказанных на заседаниях орфографических комиссий до и после реформы 1917 г. В работе использованы редкие архивные материалы. Сделан вывод о необходимости приведения к общему правилу орфографии всех приставок на согласный, поскольку орфография приставок на -з нарушает систему русского письма.

Ключевые слова

орфография, приставки на согласный, приставки на -з, нарушение системы письма.

Для цитирования

Григорьева Т. М., Науменко С. В. Приставки на -з как нарушение системы русского письма // Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2019. Т. 18, № 9: Филология. С. 9–18. DOI 10.25205/1818-7919-2019-18-9-9-18

Prefixes with -z as Violations of the Russian Spelling System

T. M. Grigorieva¹, S. V. Naumenko²

¹ Siberian Federal University
Krasnoyarsk, Russian Federation

² Kansk Teacher Training College
Kansk, Russian Federation

Abstract

The article describes the paradoxical case of Russian spelling – the spelling of the prefixes ending with -z, based on the phonetic principle which, without any reason, sets them apart from other prefixes ending with a consonant (*pod-, nad-, ot-, ob-, v-, s-*), according to the main phonological principle of Russian spelling. The analysis of numerous sentences concerning the spelling of these prefixes, which was discussed by spelling committees before and after the 1917 spelling reform, is carried out from the point of view of practicability and scientific validity. Rare archival materials were used in the article. It is concluded that it is necessary to bring the prefixes ending with consonants to the common denominator, since the spelling of the prefixes ending with -z violates the Russian system of writing.

Keyword

Russian spelling, prefixes with consonants, prefixes with -z, suggestions on improvement of spelling, expediency, scientific validity, violation of the whole system of spelling

For citation

Grigorieva T. M., Naumenko S. V. Prefixes with -z as Violations of the Russian Spelling System. *Vestnik NSU. Series: History and Philology*, 2019, vol. 18, no. 9: Philology, p. 9–18. (in Russ.) DOI 10.25205/1818-7919-2019-18-9-9-18

Введение

Русские приставки на -з можно отнести к тому орфографическому наследию, которое представляет, по определению Р. Ф. Брандта, «простые ошибки или же произвольные изменения прежних недостаточно сведущих, но зато крайне смелых грамматистов» [Брандт, 1904] (см. также: [Брандт, 1901]). Возможности усовершенствования этого парадоксального звена русского правописания неоднократно обсуждались во многих публикациях и на заседаниях нескольких орфографических комиссий, включая Орфографическую комиссию петербургских педагогов 1862 г.:

1) Орфографическая комиссия 1901 г. при Московском университете под председательством проф. Р. Ф. Брандта;

2) Орфографическая комиссия 1904 г. при Императорской Российской академии наук под председательством Августейшего Президента Императорской академии наук Его Императорского Высочества Великого Князя Константина Константиновича Романова. При этом товарищем (= заместителем) председателя и настоящим руководителем был акад. Ф. Ф. Фортунатов);

3) Орфографическая подкомиссия 1904–1912 гг. под председательством акад. Ф. Ф. Фортунатова;

4) Подготовительная комиссия 1917 г. под председательством акад. А. А. Шахматова;

5) Орфографическая комиссия при Главнауке 1929 г. (Главное управление научными, музейными и научно-художественными учреждениями) под руководством ученого секретаря Главнауки Г. К. Костенко);

6) Ведомственные орфографические комиссии Народного комиссариата просвещения РСФСР (под руководством Д. Н. Ушакова) и Академии наук 1933 г. (под руководством акад. А. С. Орлова), в декабре 1935 г. формально объединенные в одну (председатель Нарком просвещения РСФСР А. С. Бубнов). В 1939 г. из членов этих комиссий создается Правительственная орфографическая комиссия под председательством Наркома просвещения РСФСР П. А. Тюркина. Корректировка результатов ее работы поручается созданной в 1941 г. новой Правительственной орфографической комиссии под руководством С. П. Обнорского;

7) Послевоенная Правительственная орфографическая комиссия 1947 г. (председатель Министр просвещения РСФСР А. Г. Калашников), в состав которой вошли С. П. Обнорский, В. В. Виноградов, С. Г. Бархударов, Е. С. Истрина, С. И. Абакумов, А. Б. Шапиро, К. И. Былинский, С. Е. Крючков. Комиссия занималась подготовкой окончательного проекта свода правил орфографии и пунктуации. Первый свод «Правила русской орфографии и пунктуации» был издан в 1956 г., утвержден Президиумом Академии наук СССР, Министерством высшего образования СССР и Министерством просвещения РСФСР.

Цель данного исследования – выявить, в чем заключается орфографическая парадоксальность приставок на -з в сравнении с другими русскими приставками, оканчивающимися на согласный.

Результаты исследования и обсуждение

Все приставки, оканчивающиеся на согласный, как известно, пишутся в соответствии с ведущим принципом русского письма: в любом фонетическом контексте сохраняется единство морфемы независимо от последующей согласной, и ориентиром здесь безусловно служит сильная позиция согласных по звонкости / глухости (перед гласным, сонорным и [в], [в'], если за ними следует гласный или сонорный). Это строгое, последовательное, научно обоснованное правило без исключений.

В примерах далее сильная позиция выделена жирным шрифтом:

над- (надо-): *надпилить*, *надбавить*, ***надрезать***;

под- (подо-): *подтачивать*, *подбрасывать*, ***подмять***;

от- (ото-): *отпилить, отбросить, отломить*;
об- (обо-): *обсыпать, обделить, обласкать*;
в- (во-): *вцепляться, взорваться, врезаться*;
пред- (перед-): *предтеча, предзимний, предвесенний*;
с-: *спилить, сделать, сломать*.

Возникает вопрос: почему остальные приставки на согласный подчиняются совсем другому правилу орфографического воплощения, хотя выполняют в языке ту же функцию? Сравним:

без- / *бес-*: *безденежье, беспредел, безвластный*;
раз- / *рас-*: *разбить, распахать, разлить*;
воз- / *вос-*: *воздержание, воспрещать, вознамериться*;
вз- / *вс-*: *взбегать, взлететь, вспыхнуть*;
из- / *ис-*: *издержать, исчертить, излить*;
низ- / *нис-*: *низвергать, ниспадать, низводить*;
чрез- / *чрес-*: *чрезбрюшинный, чрескожный, чрезмерный*;
через- / *черес-*: *череззерница, чересполосный*.

Процесс формирования их современного фонетического написания имеет длительную историю.

Напомним, что до реформы 1917 г. правописание этих приставок отличалось неоправданной сложностью: написание приставок *без-*, *через-* (*чрез-*) подчинялось фонологическому принципу: только на -з. В остальных приставках з менялось на с перед глухими, но не перед с: *расписать, разбить*, но *разсорить; воспылать, воздать*, но *возстать* и др.

Академик Я. К. Грот, автор первого полного орфографического руководства (1885 г.) допускал в соответствии с «издревле» установившимся «исключением» фонетическое написание только четырех приставок *воз-*, *низ-*, *раз-*, *из-*, подчеркивая при этом, что «начертания *ис*, *нис*, *вос*, *рас* составляют противоречие общему характеру нашей орфографии», поскольку остальные приставки «всегда сохраняют свои коренные буквы (*под*, *над*, *об*, *пред*)». По его мнению, не следует «давать дальнейшего хода неправильности», стремясь «распространить это правописание (фонетическое. – Т. Г., С. Н.) на остальные» приставки *без-* и *чрез-*. Он утверждал, что если бы «предвиделась возможность изменить давно укоренившийся обычай, то лучше было бы установить, чтобы все предлоги без изъятия всегда писались по этимологии; конечно, начертания *изтреблять, снизходить, возкресь, вразплохь*, когда бы глаз успел к ним привыкнуть, были бы вовсе не страннее, чем *подслушивать, надпись, обставить* и т. п.» [Грот, 1899. С. 699]. В. И. Даль в первом прижизненном издании «Толкового словаря живого великорусского языка» попытался написание приставок *без-* и *чрез-* подчинить произношению, рекомендуя написание *бескрайний, беспокойный, беспорядок, бестаможженный, бестолковый, бесхитростный, бесловный, беславие, бесмертие, бессмыслие, обеспечить, чересплечный, чересплосица, чересчурь* и т. д. В свою очередь, И. А. Бодуэн де Куртенэ, будучи редактором третьего издания словаря (1903–1908 гг.), станет последовательно восстанавливать фонологические написания *беспорядок, бестаможженный, бестолковый, бесхитростный, чересплечный, чересплосица, чересчурь, бесловный, безсмысленный*.

Непоследовательность в написании этих приставок отмечал выдающийся педагог своего времени В. П. Шереметевский, считая фонетическое написание приставок «случайными уступками», «потворством акустическому насилию и этимологическому невежеству», которые должны быть «решительно отвергнуты» [Шереметевский, 1891. С. 89]. Несколько позже Д. Н. Ушаков также отметит орфографическую непоследовательность этих приставок: «Правописание *ис-*, *нис-*, *вос-*, *рас-* или *рос-*, которые мы пишем перед глухими согласными (но только не перед с!), сохраняя в них принадлежащее им <з> перед звонкими, – правописание правильное фонетически и неправильное исторически; сравнительно с правописанием этих приставок непоследовательно сохранение всюду <з> в *без-* и *чрез-*, *через-* – правильно исторически и неправильно фонетически» [Ушаков, 1911. С. 34].

Проектом 1901 г. предлагалось вполне разумное решение подчинить орфографию этих приставок общему правилу написания другой группы приставок: «Приставки *воз-, из-, низ-* и *раз-,* подобно *без-, чрез- (через-)* и другим префиксам, никогда не меняют ‘з’ на ‘с’». При этом составители проекта были единодушны, утверждая, что «научная закономерность в правописании есть уже его упрощение, потому что все то просто, что объяснено и приведено в более или менее строгую систему» [Сакулин, 1901].

В Предварительном сообщении Орфографической подкомиссии 1904 г. было предложено также последовательное проведение написаний с *з* во всех приставках, поскольку фонетическое написание, по единодушному мнению авторов проекта, противоречит общему характеру орфографии. Из этого следовало написание *возпріятіе, разположеніе, низпослатъ, бесполезно, исчезнуть, рассада* и т. п., но там, где состав слова не совсем ясен, т. е. где приставка тесно срослась с корнем, можно сохранить фонетическое написание (например, *восток*). Это решение было поддержано двумя педагогическими обществами: Казанским и Одесским [Обзор..., 1965. С. 224].

Следует непременно отметить, что проф. А. Будилович, занимавший в целом антиреформаторскую позицию, в решении этого вопроса с полным сочувствием приветствовал те предложения, где подкомиссия руководствуется «этимологическими соображениями, например, в написании *возпріятіе, разположеніе, низпослатъ, исчезнуть*» [1904. С. 47].

В Постановлениях Орфографической подкомиссии 1912 г. в разделе VIII «О правописании приставок *без-, из-, воз-, раз-, чрез-* и *через-, низ-*» было сформулировано следующее положение: «Современное правописание этих приставок отличается большой непоследовательностью: 1) в приставках *воз-, из-, раз-* в силу фонетического начала пишут ‘с’ перед глухими согласными, но при этом исключают ‘с’, перед которым пишут ‘з’; 2) допуская фонетическое начало в написании приставок *воз-, из-, низ-, раз-,* не распространяют его на *без-, чрез-* и *через-,* где ‘з’ сохраняется в письме и перед глухими согласными» [Постановления..., 1912].

Подкомиссия, имея в виду устранение этих противоречий, признала правильным написание ‘с’ во всех указанных приставках перед всеми глухими согласными, например: *воспріятіе, рассудитъ, бесполезно, рассада, чересполосный* и т. д.

Это в некоторой степени устранило существующую непоследовательность, но стало уступкой фонетике и отступлением от разумных предложений двух предыдущих проектов. Голосование обнаружило равное число голосов *за* и *против*. И. А. Бодуэн де Куртенэ был в числе воздержавшихся¹.

На заседании Подготовительной комиссия 11 мая 1917 г. под председательством акад. А. А. Шахматова вопрос об орфографии этих приставок решался в полемике разных мнений: 1) за восстановление этимологического (совр. – фонологического) принципа ‘з’ во всех приставках; 2) за фонетическое написание (Е. Ф. Карский, В. И. Чернышев и др.); 3) оставить вопрос без изменений (А. А. Шахматов). Большинство голосов (15) было подано за постановление Орфографической подкомиссии (учитывать качество следующего за приставкой согласного). За сохранение ‘з’ в любом звуковом контексте – 6, среди них И. А. Бодуэн де Куртенэ, Л. В. Щерба, П. Н. Сакулин и магистр богословия П. П. Мироносицкий; за уклонение от решения – 6².

П. Н. Сакулин объяснял этот выбор тем, что в приставках на *-з* «история нашего правописания сумела произвести такую путаницу, что трудно дать вполне удовлетворительное решение», поэтому комиссии оказалось «проще оставить правило, принятое по отношению к большей части этих приставок – писать ‘з’ перед звонкими и ‘с’ перед глухими, т. е. руководствоваться произношением», применив «это требование решительно ко всем глухим (в том числе и ‘с’)», распространив его также на приставки *без-* и *чрез-*, «занимавшие до сих пор привилегированное положение» [Сакулин, 1917. С. 14–15].

¹ СПбФ АРАН. Ф. 90. Оп. 2. Е. 8.

² Там же. Ф. 9. Оп. 1. Е. 1058 е. Л. 123.

Фонетическое решение подкомиссии не было одобрено многими причастными к вопросу о русском правописании. В частности, в статье А. М. Суворовского «Распад орфографии» в журнале «На путях к новой школе» отмечалось: «Как известно, наше правописание – этимологическое; мы пишем – *дуб, лодка, сделать*, потому что словообразующими морфемами здесь являются, наряду с другими, *дуб, лод, с*, – и где бы и как бы они ни произносились, мы пишем их, не изменяя. В этом есть своя стройная последовательная система, которая легко усваивается. Казалось бы, что этот принцип и нужно было распространить на приставки *из, воз, низ, раз, без*... Комиссия, вероятно, под влиянием членов ее, сторонников фонетического письма и особенно педагогов-практиков, сознание которых было гипнотически засорено путаным правилом старой орфографии об этих приставках, – она сделала исключение для них в нарушение всей системы» [Суворовский, 1927. С. 8].

Несколько позже А. Б. Шапиро отметил неразумность фонетического решения, поскольку комиссия должна была «в максимальной степени использовать» реформу для устранения непоследовательности в написании приставок на -з, сформулировав правило «на том же принципе, что и правило о написании остальных приставок, оканчивающихся на согласный», но оно осталось в числе «труднейших», требует «механического запоминания по крайней мере глухих согласных», а умение «быстро различать качество следующего за приставкой согласного... не всем доступно» [Шапиро, 1951. С. 98–99]. В случае этимологического решения вопроса осталось бы «только общее правило: глухие и звонкие согласные проверяй положением перед гласными», что отвечало бы «господствующему в русском правописании фонематическому принципу» [Обзор..., 1965. С. 235]. Однако вопреки здравым предложениям было принято худшее решение, и в результате мы имеем современное иррациональное написание.

Начавшаяся с сентября 1917 г. реформа (практически за 2 месяца до событий Октября) вызвала разный отклик в среде носителей языка. Показательно решение Первого общегубернского съезда учащихся (так в то время называли учителей) Енисейской губернии по вопросу о введении нового русского правописания от 9 августа 1917 г. Оно отражало горячую заинтересованность участников съезда в проведении реформы: «Приветствовать реформу правописания и немедленно ввести ее в учебных заведениях, в том числе и во всех трех отделениях начальной школы» [Новое русское правописание, 1917. С. 11]. Более того, съезд высказал пожелание о дальнейшей реформе правописания [Там же]. О том, что реформа не использовала всех средств в проведении упрощения и упорядочивания русского правописания, было и еще много отзывов (см., например: [Вахтеров, 1923]).

Очень быстро опыт письма приставок на -з по новой орфографии привел к появлению, «очевидно, под действием аналогии таких написаний, как *блиский, французский, бесграмотный*, процесс идет глубже, в сторону бытового установления письма по произношению вообще всех предлогов-приставок в *зделать, здача, поттянуть*» [Суворовский, 1927. С. 8]. Регламентацию фонетического написания данных приставок современники считали одним из самых неудовлетворительных пунктов реформы 1917 г., поскольку она «насилует живое морфологическое чутье» пишущих, вынуждая «преодолевать не только живые связи приставок перед глухими и звонкими, сонорными и гласными, но и совершенно законные связи приставок с предлогами» [Аванесов, Сидоров, 1930. С. 118]. Произошло «парадоксальное усложнение», так как не было учтено, что «абсолютно легкое» фонетическое написание «на фоне определенной системы может оказаться труднее морфологического» [Пешковский, 1930. С. 106]. Правило оказалось «резким фонетическим пятном на наиболее морфологическом участке нашего правописания», выпирающим из системы, в которой ни один факт не может быть расценен в изолированном виде, а потому не облегчающее дело, но требующее к себе усиленного внимания», поскольку «морфологическое чутье приставок у нас очень сильно (гораздо сильнее, чем суффиксов и окончаний)» [Там же. С. 105]. Ссылаясь на собственный педагогический опыт, А. М. Пешковский был уверен, что легче было бы учить мор-

фологическому написанию приставок на -з [Пешковский, 1930. С. 107]. И современный взгляд оценивает это как очевидное.

Напомним один фрагмент орфографической полемики вокруг нереализованного «Проекта реформы правописания» (1930 г.), который был разработан первой послереформенной орфографической комиссией 1929 г. при Главнауке и где был сохранен фонетический принцип правописания приставок на -з: «...узаконивая написание *ис-*, *вос-*, *нис-*, новый проект, несомненно, слишком большую дань отдает авторитету реформы 1917 года», которая руководствовалась в данном случае «некритическим пониманием фонетизма», отказавшись от «морфологических написаний в угоду не имеющему здесь никакой практической значимости» произношению [Ушаков, 1930. С. 104]. По мнению Н. Н. Дурново, стремление проекта сохранить установленный реформой порядок написания приставок на -з «резко противоречит общим принципам нашего правописания и очень затрудняет письмо» [Дурново, 1930. С. 115]. Требование отменить данный пункт реформы вошло в итоговую резолюцию Всесоюзной орфографической конференции 1931 г. с рекомендацией писать приставки на -з независимо от качества следующего согласного: *разсудить*, *возстановить*, *низпадать*, *возпылать*, *взпылить* ³ («Вечерняя Москва», 29.06.1931).

В ходе рассмотрения проекта «Свода орфографических правил» 1936 г. вновь будет вынесен на обсуждение вопрос, «насколько правомерно», что положение декрета о фонетическом правописании приставок «оставлено нетронутым в Своде» и не следует ли говорить о «восстановлении всюду написаний с З» ⁴. Заметим, что хранящиеся в архиве Российской академии наук (РАН) листы стенограммы этого обсуждения имеют следы многочисленных правок, однако прилагательное *безприставочный* встречается там несколько раз без исправления ⁵. Дискуссию прекратил С. П. Обнорский, заявив, что написание *беспокойный*, *воспитать*, *испить*, *ниспадать*, *расходиться* является нормой нашего правописания, «исключений в пределах формулированного правила не было и нет, это – единая, прочная норма нашего письма», следовательно, «в применении к данному пункту основания для его пересмотра, для его еще какого-либо унифицирования... нет» ⁶.

Обсуждение этого вопроса оказалось невозможно в связи с тем, что с конца 30-х гг. в общественном сознании власть начинает целенаправленно культивировать представление о реформе 1917–1918 гг. как крупнейшем социальном завоевании большевизма, что находит отражение и в публикациях. Так, акад. С. П. Обнорский, координировавший тогда орфографическую работу в Академии наук, писал, что все пункты реформы «тщательно подготовлены и продуманы, объективно являются со всех точек зрения положениями неуязвимыми»; «с научной точки зрения и с точки зрения практической целесообразности положения реформы должны быть признаны жизненными и правильными» [Обнорский, 1939. С. 5; 1944. С. 28–29]. Специалисты получили указание «не заниматься языковой политикой в силу основных установок» и больше «не поднимать вопрос» о новом реформировании или частичном пересмотре итогов предыдущей реформы, поскольку «задание дано не реформировать, а упорядочить правила правописания», при этом «весь наш Свод должен быть построен на базе декрета 1918 г.» ⁷.

³ Это и другие категоричные требования резолюции, опубликованные в центральной печати, на специальном заседании Политбюро ЦК ВКП(б) «О “реформе” русского алфавита» (02.07.1931) признаются «угрозой бесплодной и пустой траты сил и средств государства», поэтому принимается решение «воспретить всякую “реформу” и дискуссию о “реформе”» (протокол заседания № 47 от 5.07.1931) [Сталин, 2004. С. 615–616].

⁴ Отчет С. П. Обнорского об участии в заседании Правительственной комиссии по орфографии Непременному секретарю АН СССР Н. П. Горбунову (РАН. Ф. 2. Оп. 1. Д. 189. Л. 3–5).

⁵ Стенограммы заседаний объединенной орфографической комиссии (РАН. Ф. 394. Оп. 1 (1936). Д. 52. Л. 159, 163, 163 об., 165 и др.).

⁶ Стенограмма собрания Отделения литературы и языка АН СССР (РАН. Ф. 456. Оп. 1. Д. 35. Л. 13).

⁷ Доклад А. С. Орлова (РАН. Ф. 394. Оп. 1. (1936). Д. 52. Л. 3–16); Стенограмма собрания Отделения литературы и языка АН СССР (РАН. Ф. 456. Оп. 1. Д. 35. Л. 54). Второй декрет советского правительства от 10 октября 1918 г. представлял правила реформированного письма как «разработанные Народным комиссариатом просвещения, и этим был наложен запрет на какие-либо сомнения по поводу этих правил, которые разработаны при

По мнению участников орфографической дискуссии 1955 г., предшествовавшей утверждению свода «Правил русской орфографии и пунктуации», дальнейшая практика подтвердила «несостоятельность фонетического принципа» в правописании приставок на -з-, поэтому должна быть использована «возможность оставить единый принцип правописания приставок во всех случаях: *безконечный, безсолнечный, безхарактерный, безсистемный, разкопать*» [Кувичко, 1955. С. 29].

* * *

В текстах постсоветского периода случайно были обнаружены и вызвали удивление единичные примеры фонологического написания приставок на -з-, которые могут быть расценены как возможная тенденция.

Из частного письма В. Ходасевича: *Я живу благополучно и (тайна государственная даже и от друзей) пока **безкорсетно**...* (Писатель страдал туберкулезом позвоночника. – Т. Г.) («Наше наследие». 1988. № 3. С. 86).

В «Записных книжках» А. Платонова: *Такая спешка, такие темпы, такое движение строительства, радости, что человек мчится по коридору своей жизни... пропадая где-то пропадом, **безполезный**, счастливый, удивительный* («Огонек». 1989. № 33. С. 14).

Данные Национального корпуса русского языка всецело подтверждают эту тенденцию, представляя большое число написаний вопреки существующему правилу в соответствии с принципом фонологии. Вот лишь отдельные примеры:

*Среди брикетов соломы и мешков с комбикормом стоял зубной аппарат: кресло с подголовником и плевательницей, лампа из породы **безтеневого**, бормашина с мотором...* (Андрей Кучаев. В германском плену // «Октябрь», 2001); *Более того, он назывался «Указом о **черезполосном** укреплении», ибо историки буквально трактовали...* (Наталья Фёдорова. Неотъемлемое свойство // «Родина», 2007); *...он судил, **низсылал** смертные приговоры на других...* (А. И. Солженицын. Архипелаг ГУЛаг (1958–1973)).

Все разнообразие и обилие подобных примеров представлено в таблице:

Приставки	Перед <i>n</i>		Перед <i>c</i>		Перед <i>t</i>	
	документов	вхождений	документов	вхождений	документов	вхождений
<i>без-</i>	1025	4056	654	1895	102	164
<i>раз-</i>	154	453	1463	10756	65	99
<i>воз-</i>	56	117	511	1366	25	44
<i>вз-</i>	Аббревиатуры		Аббревиатуры		Аббревиатуры	
<i>из-</i>	82	194	362	861	72	157
<i>низ-</i>	44	60	4	4	–	–
<i>через-</i>	14	16	5	5	–	–
<i>чрез-</i>	4	4	2	2	–	–

Заключение

Приведенный материал, без сомнения, свидетельствует о том, что носители языка имеют правильную орфографическую интуицию и внешне стабильная орфография заключает в себе динамические процессы. Стихийно происходит попытка рационального орфографического строительства.

Рациональное предложение проектов 1901–1904 гг. о правописании приставок не нашло практического воплощения, но его научная состоятельность и стихийное воплощение в практику письма есть залог того, что они на очереди следующего орфографического упорядоче-

этом Подготовительной комиссией при Академии наук, опубликованы как Постановления совещания при Академии наук под председательством академика А. А. Шахматова по вопросу об упрощении русского правописания, принятые 11 мая 1917 г. Именно они положили начало реформе 1917 г. (подробно о подготовке и проведении реформы 1917 г. см.: [Григорьева, 2004]).

ния, потому что фонологическое написание приставок на -з, может сделать русское правописание «более последовательным», заметно улучшить его и в перспективе, «следовательно, должно быть признано целесообразным» [Аванесов, 1964. С. 119–120].

Какую практическую значимость будет иметь такая перспектива? Прежде всего, это значительно сократит число ошибок в написании и этих приставок и других, оканчивающихся на согласный, которые живут в тени своих орфографических «собратьев». Как следствие этого, довольно распространенными бывают написания типа *оддать*, *поттисать*, *натставить*, *збежать* и т. п. В этой логике отпадет необходимость уделять особое внимание приставке *с-* и внушать обучающимся, что приставки *з-* не существует.

Вопрос о регламентации правописания приставок на -з в соответствии с общим порядком написания значимых частей слова и остальных приставок на согласную по-прежнему будет вставать «при каждом новом обсуждении путей упрощения и усовершенствования русской орфографии» [Обзор предложений..., 1965. С. 231], поскольку приведет к общему правилу орфографию всех приставок на согласный.

Список литературы

- Аванесов Р. И.** Приставки на <З>. О правописании приставок на <З> в связи со смежными вопросами // О современной русской орфографии. М., 1964. С. 117–120.
- Аванесов Р. И., Сидоров В. Н.** Реформа орфографии в связи с проблемой письменного языка // Русский язык в школе. 1930. № 4. С. 110–118.
- Брандт Р. Ф.** О лженаучности нашего правописания: Публичная лекция // Филол. записки. 1901. Вып. 1–2.
- Брандт Р. Ф.** К орфографической реформе (Письмо в редакцию) // Русь. 1904. № 124.
- Будилович А. С.** Академия наук и реформа русского правописания. СПб., 1904.
- Вахтеров В. П.** Реформа правописания не закончена // Вестник просвещения. 1923. № 7–8. С. 12–18.
- Григорьева Т. М.** Три века русской орфографии. М., 2004.
- Грот Я. К.** Филологические разыскания. СПб., 1899.
- Дурново Н. Н.** К вопросу о реформе русского правописания // Русский язык в советской школе. 1930. № 3. С. 110–116.
- Кувичко Д. П.** Проблемы современного русского правописания // Русский язык в школе. 1955. № 1. С. 28–31.
- Новое русское правописание. Красноярск, 1917.
- Обзор предложений по усовершенствованию русской орфографии (XVIII–XX вв.). М., 1965.
- Обнорский С. П.** Основные принципы орфографической нормализации // Русский язык в школе. 1939. № 11–12. С. 28–35.
- Обнорский С. П.** Вопросы современной русской орфографии // Советская педагогика. 1944. № 5–6. С. 5–13.
- Пешковский А. М.** Реформа или урегулирование? // Русский язык в школе. 1930. № 3. С. 93–110.
- Постановления Орфографической подкомиссии. СПб., 1912.
- [**Сакулин П. Н.**] Доклад Педагогического общества, состоящего при Императорском Московском ун-те, по вопросу об упрощении русской орфографии // Вопросы воспитания и обучения: Тр. пед. об-ва, сост. при Имп. Моск. ун-те. М., 1901. Т. 1. С. 3–42.
- Сакулин П. Н.** Новое русское правописание. М., 1917.
- Сталин И. В.** Соч.: В 18 т. Тверь, 2004. Т. 17.
- Суворовский А. М.** Распад орфографии // На путях к новой школе. 1927. № 12. С. 8–16.
- Ушаков Д. Н.** Русское правописание. Очерк его происхождения, отношения его к языку и вопроса его реформы. М., 1911. 102 с.

- Ушаков М. В.** К реформе русской орфографии // Русский язык в советской школе. 1930. № 4. С. 102–110.
- Шапиро А. Б.** Русское правописание. М., 1951.
- Шереметьевский В. П.** К вопросу о единообразии в орфографии по поводу академического руководства «Русское правописание». М., 1891.

References

- Avanesov R. I.** Pristavki na <Z>. O pravopisanii prstavok na <Z> v svyazi so smezhnymi voprosami [Prefixes with <Z>. On Spelling of Prefixes on <Z> in Connection with Related Issues]. In: O sovremennoi russkoi orfografii [On Modern Russian Spelling]. Moscow, 1964, p. 117–120. (in Russ.)
- Avanesov R. I., Sidorov V. N.** Reforma orfografii v svyazi s problemoi pis'mennogo yazyka [Reform of Spelling in Connection with the Problem of Written Language]. *Russkii yazyk v shkole* [The Russian Language at School], 1930, no. 4, p. 110–118. (in Russ.)
- Brandt R. F.** K orfograficheskoj reforme (Pismo v redaktsiyu) [Towards the Spelling Reform (The Letter to the Editorial Office)]. *Rus' [Russia]*, 1904, no. 124. (in Russ.)
- Brandt R. F.** O lzhenachnosti nashego pravopisaniya: Publichnaya lektsiya [On the Pseudo-Scientific Character of Our Spelling: A Public Lecture]. *Filol. zapiski [Philological Notes]*, 1901, iss. 1–2. (in Russ.)
- Budilovich A. S.** Akademiya nauk i reforma russkogo pravopisaniya [Academy of Sciences and the Reform of the Russian Spelling]. St. Petersburg, 1904. (in Russ.)
- Durnovo N. N.** K voprosu o reforme russkogo pravopisaniya [Towards the Issue of Reform of the Russian Spelling]. *Russkii yazyk v sovetskoj shkole [Russian at the Soviet School]*, 1930, no. 3, p. 110–116. (in Russ.)
- Grigorieva T.** Three centuries of Russian spelling. M., 2004. (in Russ.)
- Grot Ya. K.** Filologicheskie razyskaniya [Philological Investigations]. St. Petersburg, 1899. (in Russ.)
- Kuvichko D. P.** Problemy sovremennogo russkogo pravopisaniya [Problems of Modern Russian Spelling]. *Russkii yazyk v shkole [Russian Language at School]*, 1955, no. 1, p. 28–31. (in Russ.)
- Novoe russkoe pravopisanie [New Russian Spelling]. Krasnoyarsk, 1917. (in Russ.)
- Obnorsky S. P.** Osnovnye printsipy orfograficheskoj normalizatsii [The Basic Principles of Spelling Normalization]. *Russkii yazyk v shkole [Russian Language at School]*, 1939, no. 11–12, p. 28–35. (in Russ.)
- Obnorsky S. P.** Voprosy sovremennoi russkoi orfografii [Issues of Modern Russian Spelling]. *Sovetskaya pedagogika [The Soviet Pedagogics]*, 1944, no. 5–6, p. 5–13. (in Russ.)
- Obzor predlozhenii po usovershenstvovaniyu russkoi orfografii (XVIII–XX vv.) [Review of Suggestions on Improvement of the Russian Spelling (18–20th Centuries)]. Moscow, 1965. (in Russ.)
- Peshkovsky A. M.** Reforma ili uregulirovanie? [Reform or Settlement?] *Russkii yazyk v shkole [Russian Language at School]*, 1930, no. 3, p. 93–110. (in Russ.)
- Postanovleniya Orfograficheskoj podkomissii [Resolutions of the Spelling Subcommittee]. St. Petersburg, 1912. (in Russ.)
- [**Sakulin P. N.**] Doklad Pedagogicheskogo obshchestva, sostoyashchego pri Imperatorskom Moskovskom un-te, po voprosu ob uproshtchenii russkoi orfografii [The Report of the Pedagogical Society Established at the Imperial Moscow University Regarding the Issue of Simplification of the Russian Spelling]. In: Voprosy vospitaniya i obucheniya [Issues of Education and Training]. Works of ped. soc. IMU. Moscow, 1901, vol. 1, p. 3–42. (in Russ.)
- Sakulin P. N.** Novoe russkoe pravopisanie [New Russian Spelling]. Moscow, 1917. (in Russ.)
- Shapiro A. B.** Russkoe pravopisanie [Russian Spelling]. Moscow, 1951. (in Russ.)
- Sheremetyevsky V. P.** K voprosu o edinoobrazii v orfografii po povody akademicheskogo rukovodstva “Russkoe pravopisanie” [On the Issue of Uniformity in Spelling Concerning the Academic Guide *Russian Spelling*]. Moscow, 1891. (in Russ.)

- Stalin I. V.** Sochineniya [Works]. In 18 vols. Tver, 2004, vol. 17. (in Russ.)
- Suvorovsky A. M.** Raspad orfografii [Disintegration of Spelling]. *Na putyakh k novoi shkole* [On the Ways to New School], 1927, no. 12, p. 8–16. (in Russ.)
- Ushakov D. N.** Russkoe pravopisanie. Ocherk ego proiskhozhdeniya, otnosheniya ego k yazyku i voprosa ego reformy [Russian Spelling. A Study of Its Origins, Its Relation to Language, and Issues of Its Reform]. Moscow, 1911, 102 p. (in Russ.)
- Ushakov M. V.** K reforme russkoi orfografii [Towards the Reform of Russian Spelling]. *Russkii yazyk v sovetskoj shkole* [Russian at the Soviet School], 1930, no. 4, p. 102–110. (in Russ.)
- Vakhterov V. P.** Reforma pravopisaniya ne zakonchena [Reform of Spelling is Not Over]. *Vestnik prosveshcheniya* [The Messenger of Education], 1923, no. 7–8, p. 12–18. (in Russ.)

Материал поступил в редколлегию
Received
06.06.2019

Сведения об авторах

Григорьева Татьяна Михайловна, доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры русского языка и речевой коммуникации, Сибирский федеральный университет (Красноярск, Россия)
gtm1955-2011@mail.ru

Науменко Светлана Васильевна, кандидат филологических наук, доцент, заместитель директора КГА ПОУ «Канский педагогический колледж» (Канск, Россия)
rgbsvnaum@mail.ru

Information about the Authors

Tatyana M. Grigorieva, Doctor of Philology, professor, professor of department of Russian and speech communication, Siberian Federal University (Krasnoyarsk, Russian Federation)
gtm1955-2011@mail.ru

Svetlana V. Naumenko, Candidate of Philology, associate professor, deputy director of Kansk Teacher Training College (Kansk, Russian Federation)
rgbsvnaum@mail.ru

УДК 81.373
DOI 10.25205/1818-7919-2019-18-9-19-26

Чешские фразеологические параллели к русским диалектизмам (по материалам «Полного фразеологического словаря русских народных говоров»)

Д. В. Андрианова

*Институт лингвистических исследований РАН
Санкт-Петербург, Россия*

Аннотация

Проводится сопоставительный анализ чешских и русских литературных и диалектных фразеологических единиц, характеризующих состоятельного человека и благополучную жизнь. Исследуемые обороты анализируются на основе сходной образной основы, тематики компонентов, общности логико-семантического содержания и синтаксического «сюжета». Обращение к диалектной фразеологии в рамках сопоставительного межъязыкового исследования родственных языков позволило выявить в чешской и русской фразеологии конкретные фразеологические параллели, сходные синтаксические модели, похожую логику метафоризации для фразеологизмов, объединенных общей семантикой. Благодаря включению в картотеку исследования диалектных устойчивых оборотов удалось найти несколько чешско-русских фразеологических интернационализмов, дальнейшее историко-этимологическое изучение которых, как представляется, позволит приблизиться к решению вопроса о типологической или генетической природе их сходства.

Ключевые слова

фразеология, диалектная фразеология, русский язык, чешский язык, сопоставительное исследование

Благодарности

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (проект № 17-18-01062), Санкт-Петербургский государственный университет

Для цитирования

Андрианова Д. В. Чешские фразеологические параллели к русским диалектизмам (по материалам «Полного фразеологического словаря русских народных говоров») // Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2019. Т. 18, № 9: Филология. С. 19–26. DOI 10.25205/1818-7919-2019-18-9-19-26

Czech Phraseological Parallels to the Russian Dialect Idioms (Based on the Materials of the *Complete Phraseological Dictionary of Russian Folk Dialects*)

D. V. Andrianova

*Institute of Linguistic Studies RAS
St. Petersburg, Russian Federation*

Abstract

The article provides a comparative analysis of Czech and Russian literary and dialectal phraseological units that characterize a wealthy person and prosperous life. Contemporary studies mostly deal with literal and colloquial idioms, whereas dialectal phraseology is rarely used for the comparative studies. It may stem from the fact that there are no large dictionaries of Russian dialectal phraseology. For this article, we used the materials for the *Phraseological Dictionary of Russian Folk Dialects*, which is being prepared under the supervision of prof. V. M. Mokienko. The Russian part of the research is represented by approximately 250 idioms, the Czech part totals about 150 units. Czech and

© Д. В. Андрианова, 2019

Russian phraseological units were grouped together according to their common internal image, the themes of components, similar syntactic models, or similar logical motivations. As an example in the group that combines Czech and Russian phraseological units with a similar figurative basis, we show the model 'animal or bird refuses to eat any kind of food' known in different languages. There are different variants of the model known to Czech and Russian dialects, which represent different animals and birds, and different types of food. The analysis of the idioms grouped together on the basis of the themes of their components have led to the conclusion that in Czech and Russian idioms, the image of wealth is often interpreted through the images of money, storage, satiety, food (mostly fat-heavy and also sweet – in Russian idioms), fantastic abundance, etc. For the Russian dialect phraseology, we describe one characteristic syntactic model, which marks a rich person: one cannot be reached / hurt with any tool. This model was not found in Czech idioms. A comparative analysis showed that in Russian dialect phraseology, which characterizes a comfortable life, one often observes tautological constructions with the lexeme 'live'. In the Czech part of the materials, there was no tautology. Thanks to the dialectal phraseology the materials for the comparative study of the Czech and Russian idioms have qualitatively and quantitatively grown. Because of these dialectal units, parallels in the semantics and syntactic structure of many phraseological phrases in the studied languages have been made obvious. We have also managed to identify several Czech-Russian phraseological internationalisms, further historical and etymological study of which seems to bring us closer to the issue of the typological or genetic similarity of these idioms in two Slavic languages. Usage of dialect phraseology also lets us reveal several syntactic features typical only for Russian phraseology.

Keywords

phraseology, dialect phraseology, Russian, Czech, comparative research.

Acknowledgements

The study was funded by a grant from the Russian Science Foundation (project no. 17-18-01062), St. Petersburg State University

For citation

Andrianova D. V. Czech Phraseological Parallels to the Russian Dialect Idioms (Based on the Materials of the *Complete Phraseological Dictionary of Russian Folk Dialects*). *Vestnik NSU. Series: History and Philology*, 2019, vol. 18, no. 9: Philology, p. 19–26. (in Russ.) DOI 10.25205/1818-7919-2019-18-9-19-26

Введение

К настоящему времени накоплен значительный и успешный опыт исследований по сопоставлению фразеологии родственных и генетически удаленных друг от друга языков, языков ареально близких и далеких, фразеологии общеевропейской, славянской и пр. В последние десятилетия активно изучается диалектная фразеология русского языка, создаются диалектные фразеологические словари, поскольку очевидно, что «для подробного и всестороннего изучения истории формирования фразеологии русского национального языка, для установления этимологии фразеологизмов нужны более полные диалектные фразеологические словари» [Фёдоров, 1983. С. 3]. Учеными наработана обширная теоретическая база для сравнительных исследований, и сегодня многие вопросы, например, о соотношении национального и интернационального во фразеологии, проясняются. Вместе с тем материалом для работ по сопоставительной фразеологии чаще всего становятся единицы, известные прежде всего литературным языкам, в то время как диалектные обороты, представляющие собой объемный и разнообразный пласт, который является плодотворной почвой для литературной фразеологии, пока относительно редко привлекаются для подобного рода исследований.

Важность включения максимально полного материала (в том числе диалектного, просторечного, жаргонного) в межъязыковые исследования отмечается учеными по меньшей мере с 70-х гг. XX в. [Мокиенко, 1973. С. 24], к этому же времени, по-видимому, относятся первые работы, привлекающие диалектную фразеологию для сопоставления с фразеологией других языков (Б. А. Ларин, Л. И. Ройзензон, В. М. Мокиенко, К. Н. Прокошева и др.).

Объективной причиной для малой включенности диалектного материала в современные работы по сопоставительной фразеологии является, безусловно, отсутствие сводного словаря русских диалектных фразеологизмов [Ройзензон, 1974. С. 115]. В настоящее время под руководством проф. В. М. Мокиенко подходит к концу многолетняя работа над «Полным фразеологическим словарем русских народных говоров» (ПФСРНГ). Реализация этого масштабного проекта стала возможной благодаря многолетнему труду лексикографов, создающих специа-

лизированные фразеологические словари: «Фразеологический словарь русских говоров Сибири» под ред. А. И. Федорова, «Фразеологический словарь пермских говоров» К. Н. Прокошевой, «Фразеологический словарь русских говоров Республики Мордовии» Р. В. Семенковой, «Фразеологический словарь русских говоров Нижней Печоры» Н. А. Ставшиной и мн. др. Включение в научный обиход обширного диалектного фразеологического материала, несомненно, откроет совершенно новые возможности для исследований самой разной направленности.

Результаты исследования

Русская часть картотеки настоящего исследования представлена приблизительно 250 единицами, зафиксированными в рабочем варианте ПФСРНГ, чешская часть картотеки насчитывает порядка 150 фразеологических единиц (ФЕ), отобранных из «Словаря чешской фразеологии и идиоматики» Ф. Чермака (SČFI) [Čermák, 2009], а также из словаря литературной и диалектной фразеологии чешского языка Л. Заоралка «Lidová rčení» (LR) [Zaorálek, 2000].

В настоящей статье обратимся к достаточно компактной теме – фразеологическому портрету благополучного и состоятельного человека в русском и чешском языках. Очевидно, что поле позитивной характеристики относится к фразеологической периферии, в то же время благополучие человека, в том числе его материальное благополучие, – понятие во все времена актуальное [Грошева, 2008. С. 214], но трактуемое и оцениваемое в разные времена и в разных культурах (в том числе в разных христианских культурах) по-разному. Интересно найти фразеологические параллели и несоответствия в плане фразеологической формы и содержания в чешских и русских устойчивых оборотах – как литературных, так и диалектных.

В работах по сопоставительной фразеологии исследователи традиционно используют или предлагают ту или иную классификацию (градацию) ФЕ по степени эквивалентности конкретных устойчивых оборотов в сопоставляемых языках, и к настоящему моменту таких классификаций существует уже несколько десятков [Фойту, 2013. С. 11]. Так, тема богатства и бедности в чешских и русских фразеологических оборотах в переводческом аспекте уже поднималась исследователями [Ядловский, 2008]. Однако в данной работе хотелось бы сместить фокус с поиска и подбора межъязыковых соответствий на анализ логико-семантической составляющей рассматриваемой идеографической группы.

Одной из точек схождения между чешскими и русскими ФЕ, характеризующими состоятельного человека, является их сходная образная основа: *вобраться (войти) в перья (Пск.)* и *parostlo ti (na nět) reří*; *зобок набитый у кого (Морд.)*, *из глотки лезет у кого (Курск.)* и *má plný gagor* (*gagor* – словацк. ‘горло’), *máte toho co hrdlo ráčí*; *жить полным домом, большое житьё (Печор., – ‘о крепком, зажиточном хозяйстве’)* и *vede veliký dům*; *в добрых днѣх (Пск.)*, *видеть ясные дни (Сиб.)* и *mít zlaté časy, mít malované časy, mít dobré dni, mít někde hedvábné časy (věk)*; *на двух (крепких, своих) ногах (Печор.)*, *стать на боевую (боеву) ногу (Кемер.)*, *стать на широкую ногу (Ср.-Обск.)* и *je pevný v kramflekách (v kramflekách – ‘на каблуках’)*.

Любопытный случай сходной образной основы наблюдаем в ФЕ *jeho pes nebude jísti samého chleba* и *куры не клюют и собаки не едят (народн.)*, а также *куры не глядят (Кар.)*, *куры не клюют чего у кого (Курск., Ленингр., Пск., Ряз.)*, *куры не клюют и мыши не едут (Пск.)*. Близок по образной мотивировке к этим оборотам и чешский *tuši ti žerou peníze*. Как отмечают исследователи, «происхождение многих интернационализмов связано с особенностями повадок, поведения домашних и диких животных, птиц, насекомых, одинаково подмеченных разноразными народами» [Солодухо, 1982. С. 116]. Так, образ собаки, откалывающейся от какой-л. еды, встречается в чешской и русской фразеологии неоднократно. Например, общеевропейский фразеологизм *ani psi (pes) by toho nejedli* [Flajšhans, 1911–1913, sv. 2, s. 129] и *[u] собаки есть не станут что (Курск. Неодобр.)* имеет совпадающее в русском и чешском языках значение ‘о невкусной, неаппетитной пище’. Оборот *ani pes by od*

něho kůrku chleba nevzal характеризует человека, дискредитировавшего себя, с которым никто не хочет иметь дела [Mgřačova, 1999, s. 109]. *Собаки есть не будут кого* (Селигер. Ирон.) – ‘о человеке, ставшем бесполезным, никому не нужным’ (ПФСРНГ). В белорусском языке также есть оборот *сабакі не ліжуць* в значении ‘о большом количестве чего-л.’ Вообще, по всей видимости, эти фразеологизмы апеллируют к ситуации, которая трактуется как исключительная (отказ прожорливого, ненасытного животного от еды), и это удивление человека закрепляется в разных языках в форме устойчивого выражения. В то же время конкретное объяснение этой необычной ситуации может отличаться в различных языках, с чем связано несоответствие в значениях таких оборотов. Имеющийся в нашем распоряжении фразеологический материал не позволяет делать выводы об этимологии приведенных чешских и русских оборотов, однако очевидное межъязыковое соответствие позволяет отнести их к числу «потенциальных фразеологических интернационализмов» [Солодухо, 1982. С. 125] или фразеологических параллелей, которые «в родственных языках... несколько парадоксально... могут в перспективе оказаться пересекающимися прямыми» [Мокиенко, 1975. С. 131].

Помимо оборотов со сходной образной основой и тематикой компонентов, которые составляют сравнительно небольшую группу, можно выделить несколько объемных групп ФЕ, схожих по тематике компонентов и общей логико-семантической мотивировке. Так, например, «благополучие» в чешских и русских фразеологизмах часто трактуется непосредственно через образы, связанные с деньгами: *mít bankál, mít těžký groš, má peněz, že by jimi mohl oči vytrískat, groš na střechu hodí a spadnou tu dva, moc penězi dlaždit, nevědět co s penězi, oplývat penězi, mít peněz plnou prdel, sedět na pytlí peněz, topit se v penězích* и *места деньги венником* (Новг.), *жить в копейках* (Пск.), *жить с копеечкой* (Пск.), *заходить / зайти в богатство* (Пск.), *с гривенки на гривенку ступает, полтинную ворота подпирает* (Народн.), *тачка, дачка, да денег пачка (да с кайформ жрачка)* (Жарг. Мол.), *деньги шелестят у кого, деньги шевелятся у кого, денег девать некуда у кого*.

Еще один характерный для чешских и русских образ, связываемый с материальным благосостоянием, – это образ хранилища (кошелек, сундука, кармана и под.): *má oteklou šrajtofli, pytel se s tím roztrhl, plní se měšec* и *сундуки ломаются у кого* (Волг.), *прижимать сундук коленом* (Волг.), *у сусека дна не видать* (Прикам.), *карман толстый у кого* (Волг., Том.), *в карманчике шумит у кого* (Пск.), *иметь толстый (полный, тугой, сильный) карман* (Волг., Одесск., Р. Урал., Том.), *карман отвалился от денег у кого* (Моск.), *карман распухши у кого* (Пск.), *карманы денег у кого* (Амур.), *клепать карманы* (Пск.), *набить коробью, корыта серебром нарыта* (Петерб.), *набивать кошелек* (Пск.), *большой кошель* (Пск.), *набить каланду* (Яросл.), *денежный (золотой) мешок, толстая (тугая) мошна, денег у кого полная киса* (Вят.), *большая сума* (Нижегор.).

Еще одна группа объединяет ФЕ, описывающие материальное благополучие человека через образ сытости (об этом см. также [Кнутова, 2016. С. 63–66]). В основе ряда чешских и русских фразеологизмов, изображающих хорошую, благополучную жизнь, лежит представление о том, что достаточно самого наличия еды, достатка еды, пусть даже самой простой. В данном случае можно говорить о сходстве логико-семантической мотивировки при отсутствии сходной образной основы, тематики компонентов и синтаксической модели: *mít větší bochník, je při kaše, být při míse, velkou lžící jídá, být na krmníku* и *жить-поживать да хлебушко пожимать* (Смол.), *жить да есть* (Сиб.), *жить хлеб (хлеба) жевать* (Арх.), *и хлеба и к хлебу* (Волг.), *жить на кашу без худобы* (Краснодар.), *живут хорошо, а жуют всегда жить на хлебах* (Печор.), *жить (быть) на готовых харчах* (Печор.), *жить у хлеба* (Печор.).

Признаком особенно хорошей жизни русская и чешская фразеология признает жирную еду. В данном случае тематика компонентов совпадает: *mastit si v krku, je tu s máslem, naříká na tišnou rolívku* и *сыр в масле* (Пск.), *кипеть в масле* (Дон.), *жиристо жить / зажить* (Арх.), *бродить до локот (локтей) в масле* (Печор.).

Для русской фразеологии характерно связывать беззаботную обеспеченную жизнь также со сладкой едой: *не жизнь, а малина* (Пск.), *разлюли малина* (Волг.), *мёд с сахаром* (Орл.), *киснуть / искиснуть в (на) меду* (Волг., Прикам.), *калачики висятся у кого* (Том.), *лить мёд на голову* (Кар.), *ехать на меду* (Алт.), *одна нога в меду, другая в патоке у кого* (Новг., Пск.).

Кроме того, и в русской и в чешской фразеологии богатство может характеризоваться через сказочные, фантастические образы изобилия еды: *lítají ti řečené holubi do huby, klobásou srazil plot slatin, má tam ráj na knedlíky a blaženost na koláče* и *манна с неба (с небес) валится на кого* (Новг., Пск.), *запирать ворота пирогами* (Волг.), *бродить по локоть в рыбе* (Печор.), *одна нога в меду, другая в патоке у кого* (Новг., Пск.).

Среди чешских ФЕ целый ряд оборотов характеризует благополучную жизнь, в том числе материально обеспеченную, через образ какого-то уютного, теплого, безопасного места – убежища, глагольный компонент в этом случае обычно совпадает – *sedět: sedět v dobrém důlku, posadil se (dostat se) do dobrého (teplého) hnízda, sedí v teple (v suchu), sedět na měkkých poduškách, je tam dobře schovaný, sedět hřbetem k ohni a břichem ke stolu*. Эти чешские обороты можно соотнести с русскими: *жить за Богородицей* (Волг., Дон., Печор.), *жить [себе] у Бога в пазухе, у матушки (у отца-матушки) за пазушкой* (Обл.), *жить как у Бога за дверью (дверями, печкой, плечами, рамкой и др.)* [Мокиенко, 1978. С. 157; Ивашко, 1975. С. 136]. Здесь, в отличие от чешских ФЕ, образная основа другая, но смысловая соотнесенность (трактовка благополучия через метафору безопасного и уютного места) очевидна.

Одна из структурно-семантических моделей, которая обращает на себя внимание в массиве русских диалектных фразеологизмов и не имеет параллелей среди чешских фразеологизмов, характеризует человека богатого и неприступного: ЧЕМ-Л. + НЕ ДОСТАНЕШЬ (НЕ ДОКИНЕШЬ, НЕ КРЯКНЕШЬ, НЕ НАЕДЕШЬ) + КОГО (НА КОГО, ДО КОГО): *не крякнешь об земь кого, палкой не докинешь до кого, конём не наедешь на кого, рукой не достанешь до кого, не достать рога палкой кому*. В буквальном смысле речь идет о человеке, над которым невозможно совершить насильственное действие, который находится вне досягаемости для говорящего. Как свидетельствуют пометы, эта модель характерна только для Волгоградских говоров. Сама синтаксическая конструкция продуктивна для образования фразеологизмов, но обычно с другими значениями, например, *палкой не докинуть (не докинешь)* – о чем-л. недостижимом, далеко; *палкой не выкинешь до чего* (Вят.) – ‘о чем-л. далеко по времени (например, Рождестве); *палкой не вытащишь кого откуда* (Омск.) (1970) – о невозможности выгнать кого-л. откуда-л.; *палкой не докинешься до чего* (Влад.) – о том, что наступит нескоро, *палкой не убьёшь (не уколотишь) кого* (Волог. и Перм.) – об очень здоровом, крепком, выносливом человеке.

Также среди русских ФЕ можно отметить ряд оборотов, в которых фразеологическая экспрессия достигается за счет тавтологии: *добро жить (живать, пожить)* (Арх.), *жить-поживать да добра наживать* (Фольк.), *жить в живости* (Орл.), *в своей жизни живу хорошо (неплохо)* (Алт.), *жить не нажиться* (Пск.), *жить – не тужить* (Арх., Перм.), *жить в какой жизни* (Пск.), *жить житейски* (Арх.), *жить в зажитке (в зажитках)* (Омск., Сиб.), *жить в прожитке (в прожитках)* (Волог., Вят., Кар., Пск.), *жить дак жить* (Арх.), *жить в живности* (Печор.), *жить житейски* (Арх.), *разживать / разжить (розживать / розжить) житьё* (Печор.). Среди чешских ФЕ подобных оборотов не встретилось.

Заключение

Подводя итог, прежде всего хотелось бы отметить, что благодаря включению в сопоставительное исследование диалектного материала удалость существенно обогатить картотеку ФЕ количественно и качественно. Именно благодаря диалектным оборотам появилась возможность увидеть некоторые системные особенности в каждом из рассматриваемых языков, понять логику отдельных синтаксических конструкций, принципы метафоризации однотипных

оборотов. Сопоставление образной, логико-тематической составляющей устойчивых оборотов одного фразеосемантического поля подтверждает мысль Э. М. Солодухо о «закономерности, определенной предсказуемости... образования ФЕ, особенно в лексико-тематическом и тематико-семантическом отношениях» [Солодухо, 1982. С. 115]. В большинстве случаев обнаружить конкретные русско-чешские фразеологические параллели не удается, однако сам факт наличия в чешском и русском языках устойчивых оборотов, характеризующих богатство человека через один и тот же образ (например, образ животного или птицы, которые поедают (или отказываются есть) что-л.) переводит нас из плоскости синхронно-диахронических изысканий в плоскость логико-семиотическую и позволяет над собственно национальным увидеть логику общечеловеческого и ментального. В заключение также можно отметить, что межъязыковые расхождения в большей степени позволяют говорить об общих принципах, чем о различиях, которые обусловлены, скорее, собственно языковыми факторами.

Список литературы

- Грошева Т.** Отражение национального мировидения в словообразовательном гнезде «богатый» (диалектный фрагмент) // Изв. Рос. гос. пед. ун-та им. А. И. Герцена. Общественные и гуманитарные науки. 2008. № 12 (85). С. 214–217.
- Ивашко Л. А.** Интеръязыковые и интердиалектные фразеологические связи // Тр. Самарканд. гос. ун-та им. А. Навои. Новая серия, вып. 288. Вопросы фразеологии IX. Самарканд, 1975. С. 133–138.
- КнUTOва О.** Отражение культуры еды в русских и чешских фразеологизмах: Магистр. дис. Brno: Masarikova Univerzita, 2016. URL: https://is.muni.cz/th/yoals/diplomova_prace_Knutova.pdf (дата обращения 08.02.2019).
- Мокиенко В. М.** Внутренняя логика фразеологизма и его происхождение // Studia Rossica Posnaniensia. Poznań: Wydawnictwo Naukowe Uniwersytetu im. Adama Mickiewicza w Poznaniu, 1978. № 10. С. 155–161.
- Мокиенко В. М.** Историческая фразеология: этнография или лингвистика? // Вопросы языкознания. 1973. № 2. С. 21–34.
- Мокиенко В. М.** Фразеологические параллели и фразеологические изоглоссы в славянских диалектах // Тр. Самарканд. гос. ун-та им. А. Навои. Новая серия, вып. № 288. Вопросы фразеологии IX. Самарканд, 1975. С. 122–132.
- Ройзензон Л. И.** Украинско-русские (сибирские) параллели и соответствия в области фразеологии // Актуальные проблемы лексикологии и словообразования. Новосибирск: Новосибирский государственный университет, 1974. Вып. 3. С. 113–121.
- Солодухо Э. М.** Проблемы интернационализации фразеологии (на материале языков славянской, германской и романской групп). Казань: Изд-во Казан. ун-та, 1982. 168 с.
- Федоров А. И.** Фразеологический словарь русских говоров Сибири. Новосибирск: Наука, 1983. 232 с.
- Фойту П.** Фразеологические интернационализмы в русском языке: Дис. ... канд. филол. наук. Оломоуц, 2013. URL: https://theses.cz/id/lfylyu0/Petra_Fojtu.pdf (дата обращения 19.02.2013).
- Ядловский Т.** Перевод безэквивалентных фразеологизмов (на материале русского и чешского языков) // Веснік БДУ. Сер. 4. 2008. № 1. С. 28–32.
- Flajšhans V.** Česká přísloví. Sbírnka přísloví, průpovědí, přípovědek a pořekadel lidu Českého v Čechách, na Moravě a v Slezsku. 2 svázky. Praha, Česká akademie císaře Františka Josefa pro vědy, slovesnost a umění, 1911–1913.
- Čermák, Fr.** Slovník české frazeologie a idiomatiky. Výrazy neslovesné. Praha, LEDA, 2009, díl 3, 4.

- Mrhačová E.** *Názvy zvířat v české frazeologii a idiomatice (tematický frazeologický slovník)*. Ostrava, Spisy Filozofické fakulty Ostravské Univerzity, 1999, č. 124, 161 s.
- Zaorálek J.** *Lidová rčení*. Reprint 1 vydání. Praha, Academia, 2000, 744 s.

References

- Grosheva T.** Otrazheniye natsional'nogo mirovideniya v slovoobrazovatel'nom gnezde «bogaty» (dialektnyi fragment) [The Reflection of the National Worldview in the Word-Formation Nest Rich (Dialect Fragment)]. *News of the A. I. Herzen Russian State Pedagogical University. Social and Human Sciences*, 2008, no. 12 (85), p. 214–217. (in Russ.)
- Ivashko L. A.** Inter"yazykovye i interdialektnye frazeologicheskie svyazi [Interlanguage and Interdialect Phraseological Relations]. In: Proceedings of the A. Navoi Samarkand State University. New series, issue 288. Questions of phraseology IX. Samarkand, Samarkand State University Press, 1975, p. 133–138. (in Russ.)
- Knutova O.** Otrazheniye kul'tury yedy v russkikh i cheshskikh frazeologizmakh [Reflection of Food Culture in Russian and Czech Idioms]. Master. diss. Brno, Masarikova Univerzita press, 2016. URL: https://is.muni.cz/th/yoals/diplomova_prace_Knutova.pdf (accessed 02.08.2019). (in Russ.)
- Mokiyenko V. M.** Vnutrennyaya logika frazeologizma i ego proiskhozhdenie [Internal Logic of a Phraseological Unit and Its Origins]. In: *Studia Rossica Posnaniensia*. Poznań, Scientific Publisher of the University of Adam Mickiewicz in Poznan, 1978, no. 10, p. 155–161. (in Russ.)
- Mokienko V. M.** Istoricheskaya frazeologiya: etnografiya ili lingvistika? [Historical Phraseology: Ethnography or Linguistics?] *Questions of Linguistics*, 1973, no. 2, p. 21–34. (in Russ.)
- Mokiyenko V. M.** Frazeologicheskiye paralleli i frazeologicheskiye izoglossy v slavyanskikh dialektakh [Phraseological Parallels and Phraseological Isogloss in Slavic Dialects]. In: Proceedings of the A. Navoi Samarkand State University. New series, issue 288. Questions of phraseology IX. Samarkand, Samarkand State University Press, 1975, p. 122–132. (in Russ.)
- Royzenzon L. I.** Ukrainsko-russkie (sibirskie) paralleli i sootvetstviya v oblasti frazeologii [Ukrainian-Russian (Siberian) Parallels and Conformities in the Area of Phraseology]. In: *Actual Problems of Lexicology and Word Formation*. Novosibirsk, Novosibirsk State University Press, 1974, iss. 3, p. 113–121. (in Russ.)
- Solodukho E. M.** Problemy internatsionalizatsii frazeologii (na materiale yazykov slavyanskoy, germanskoy i romanskoy grupp) [Problems of internationalization of phraseology (on the material of the languages of the Slavic, Germanic and Romance groups)]. Kazan, Kazan University Press, 1982, 168 p. (in Russ.)
- Fodorov A. I.** Frazeologicheskiy slovar' russkikh govorov Sibiri [Phraseological Dictionary of Russian Dialects of Siberia]. Novosibirsk, Nauka, 1983, 232 p. (in Russ.)
- Foytu P.** Frazeologicheskiye internatsionalizmy v russkom yazyke [Phraseological Internationalism in the Russian Language]. PhD Diss. Olomouc, 2013. URL: https://theses.cz/id/lfyly0/Petra_Fojtu.pdf (appeal date: 02/19/2013) (in Russ.)
- Yadlovskiy T.** Perevod bezekvivalentnykh frazeologizmov (na materiale russkogo i cheshskogo yazykov) [Translation of Non-Equivalent Phraseological Units (on the Material of Russian and Czech Languages)]. *Vesnik BDU. Ser. 4*, 2008, no. 1, p. 28–32. (in Russ.)
- Flajhgans V.** Czech proverbs. A collection of proverbs, stories and sayings to the Czech people in Bohemia, Moravia and Silesia. In 2 vols. Prague, Czech Academy of Emperor Franz Joseph for Science, Literacy and Art, 1911–1913. (in Czech.)
- Chermak, Fr.** Dictionary of Czech phraseology and idiomatics. Non-verbal expressions. Prague, LEDA, 2009, pt. 3, 4. (in Czech.)

Mrhachova E. Animal Names in Czech Phraseology and Idiomatics (Thematic Phraseological Dictionary). Ostrava, Writings of the Philosophical Faculty of the University of Ostrava, 1999, no. 124, 161 p. (in Czech.)

Zaorálek J. Folk Sayings. Reprint 1st ed. Prague, Academia, 2000, 744 p. (in Czech.)

*Материал поступил в редколлегию
Received
05.06.2019*

Сведения об авторе

Андрианова Дарья Витальевна, кандидат филологических наук, научный сотрудник словарного отдела Института лингвистических исследований Российской Академии наук (Тучков переулок, 9, Санкт-Петербург, 199053, Россия)
yakonukdar@yandex.ru

Information about the Author

Darya V. Andrianova, Candidate of Philological Sciences, Researcher of the Dictionary Section of the Institute of Linguistic Studies of the Russian Academy of Sciences (Tuchkov Pereulok, 9, St. Petersburg, 199053, Russian Federation)
yakonukdar@yandex.ru

Языковое выражение аргументативной структуры «Ad populum» – «От эксперта» в тексте научно-популярной статьи

И. Е. Ким^{1,2}, Д. В. Ильина¹

¹ Новосибирский государственный университет
Новосибирск, Россия

² Институт филологии СО РАН
Новосибирск, Россия

Аннотация

Рассматривается аргументация, представленная в научно-популярных статьях, написанных учеными. В центре внимания авторов находятся аргументы, представляющие собой ссылку на субъекта точки зрения, и аргументативная структура, в которой экспертное мнение (аргумент «От эксперта») противопоставлено «общему» мнению (аргумент «Ad populum»), отражающему наивный взгляд на мир. Такая структура включает следующие элементы: оппонируемый тезис; авторизационный показатель, маркирующий всеобщность мнения и его необъективность; логическая связка-противопоставление (например, союз *но*); контртезис эксперта-ученого; авторизационный показатель, маркирующий экспертную позицию ученого; общий вывод.

Элементы данной аргументативной структуры могут быть представлены явно, а могут присутствовать имплицитно или реализуются грамматическими показателями. Наиболее часто эксплицируются оппонируемый тезис субъекта «всеобщего мнения» и связка-противопоставление между двумя аргументами. Субъект «всеобщего» мнения может быть представлен лексическими и синтаксическими средствами выражения неопределенно-личности или безличности в сочетании с ирреальной модальностью и персуазивностью неочевидной достоверности или даже недостоверности (*Казалось бы...; Может показаться, что...; Многие заметили, что... и т. п.*). Контртезис часто реализуется в виде указания на то, что оппонируемый тезис не верен, поскольку смысл контртезиса прямо противоположен смыслу тезиса и отрицание тезиса представляет собой контртезис. Регулярно отсутствует авторизационный показатель мнения ученого-эксперта. Необязательность указания на носителя экспертного мнения объясняется тем, что весь текст статьи, за исключением фрагментов с авторизационными показателями, написан таким экспертом – ученым, изучающим описываемый научный объект. Крайне редко эксплицируется общий вывод, как правило, совпадающий с контртезисом.

Ключевые слова

аргументация, аргумент «Ad populum», аргумент «От эксперта», модус авторизации, персуазивность, имплицитность, жанр научно-популярной статьи, аргументативная лингвистика

Благодарности

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 18-00-01376 (18-00-00760)

Для цитирования

Ким И. Е., Ильина Д. В. Языковое выражение аргументативной структуры «Ad populum» – «От эксперта» в тексте научно-популярной статьи // Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2019. Т. 18, № 9: Филология. С. 27–35. DOI 10.25205/1818-7919-2019-18-9-27-35

Language Expression of the Argumentative Framework “From Popular Opinion vs From Expert Opinion” in the Text of Popular Science Article

I. E. Kim^{1,2}, D. V. Ilina¹

¹ Novosibirsk State University
Novosibirsk, Russian Federation

² Institute of Philology SB RAS
Novosibirsk, Russian Federation

Abstract

The paper discusses argumentation in popular science articles written by scholars. The authors focus on argumentative framework, which is presented by opposition of an expert’s judgment (argument from expert opinion) and a common, “naive” view (one from popular opinion). The framework consists of a thesis being opposed (by a subject of common sense); its authorization marker; an opposing structural constant / propositional connective; an expert’s thesis; its authorization marker; general conclusion.

In summary, this paper argues that the elements of the argumentative framework can be explicit, implicit, or be presented grammatically. Text analysis of popular science articles leads to the following conclusions. (1) The opposed thesis and opposing link are typically explicit. (2) The subject of common sense can be represented by lexical and syntactic expressions of indefinite-personality, impersonality together with unreal mood and epistemic modality of uncertain knowledge (*One would think...*; *smth may seem...*; *many noticed that...*) etc. (3) An expert’s thesis, as a rule, is presented as a negation of the opposed statement. (4) An authorization marker of the expert’s opinion is consistently implicit. The reason is that an expert writes the entire text (except for parts with authorization markers), and in this case the additional expression of this fact is optional. (5) Normally, the general conclusion is the same as the expert’s thesis, therefore it is rarely if ever explicit.

Keywords

argumentation, argument from popular opinion, argument from expert opinion, mode of authorization, persuasiveness, implicitness, genre of popular science article, argumentative linguistics

Acknowledgments

This study was carried out with the financial support of the Russian Foundation for Basic Research within the framework of scientific project 18-00-01376 (18-00-00760)

For citation

Kim I. E., Ilina D. V. Language Expression of the Argumentative Framework “From Popular Opinion vs From Expert Opinion” in the Text of Popular Science Article. *Vestnik NSU. Series: History and Philology*, 2019, vol. 18, no. 9: Philology, p. 27–35. (in Russ.) DOI 10.25205/1818-7919-2019-18-9-27-35

Научно-популярная коммуникация, являясь производной от научной коммуникации, тем не менее существенным образом отличается от нее распределением ролей участников коммуникативного акта. Научная коммуникация, образующая в русской общественно-языковой практике самостоятельную сферу общения [Аврорин, 1975. С. 76–77; Ким, Силантьев, 2017. С. 171], – это общение равных. Автор и адресат входят в профессиональное сообщество ученых, занимающихся исследованиями в одной научной области, пусть даже она оказывается очень широкой. Близость их картины мира сочетается с общностью ценностных установок, в частности с ценностью объективности научного исследования, которая обеспечивается строгостью научных процедур. Научно-популярная коммуникация образует периферию научной сферы общения и характеризуется асимметрией позиций автора (ученого или журналиста) и адресата, потенциально далекого от научного сообщества. Автор в этом случае должен считаться с ценностными установками читателя, ориентированного на познавательность и увлекательность изложения.

Для выявления ценностных оснований аргументации в научно-популярных текстах мы проанализировали 10 статей на предмет представленных в них типов аргументации. Классификация аргументов, использованная при анализе, составлена в рамках научного проекта № 18-00-01376 (18-00-00760) на основе теории аргументации Д. Уолтона [Walton et al., 2008],

которая описывает формально-логическую аргументацию только как один из способов убеждения в реальной речевой практике.

Классификация включает 45 видов (схем) аргументов, объединенных в три группы:

- аргументы, основанные на представлении о структуре реальности и являющие собой логическое или квазилогическое обоснование тезиса (например, аргумент «От частей к целому» или «От причины к следствию»);
- аргументы, демонстрирующие способы установления реальности и допускающие несоответствие формально-логическим законам (например, экстраполяция примера или принятие «лучшего» объяснения как единственно верного);
- аргументы, представляющие собой ссылку на субъекта точки зрения (например, аргумент «От эксперта» или «Ad populum»).

Обнаружено, что в научно-популярных статьях, написанных учеными, преобладают первые два типа аргументов: авторы-специалисты опираются на структуру реальности (55 % аргументов) и на способы получения знаний о реальности (26 %). В текстах, написанных журналистами, преобладают аргументы третьего типа – ссылки на эксперта, носителя знания (56 %). Аргументы, указывающие на способ получения знания, встречаются в журналистских текстах с той же частотой, что и в текстах ученых (25 %).

Тем не менее в текстах авторов-ученых обнаруживается интересная аргументативная структура (комбинация аргументов, поддерживающих или опровергающих тезис), основанная на аргументах, которые представляют собой ссылку на субъекта точки зрения, комбинация аргументов «Ad populum» и «От эксперта». Интерпретация организации этих аргументов интересна тем, что она вовлекает в себя семантический синтаксис, а именно модус авторизации [Золотова, 1973. С. 263–278; Шмелева, 1984; 1988. С. 31]. Вообще оказывается, что серия квалификационных категорий модуса (авторизация, персуазивность) [Шмелева, 1988. С. 32] в сочетании с ирреальной модальностью позволяет столкнуть друг с другом потенциального адресата, носителя «всеобщего», но неправильного мнения, и автора-ученого, знающего суть вещей.

Напомним схемы аргументов:

- 1) аргумент «Ad populum»: (Посылка) Все признают $A \rightarrow$ (Тезис) A истинно;
- 2) аргумент «От эксперта»: (Посылка 1) S – эксперт в области D ; (Посылка 2) S говорит A ; (Посылка 3) A относится к $D \rightarrow$ (Тезис) A истинно.

Аргументативная структура, регулярно встречающаяся в научно-популярных текстах, выглядит следующим образом:

Аргумент «Ad populum» $\rightarrow P$ (тезис)

<Связка-противопоставление: *но / однако / тем не менее / на самом деле* и т. п.>

Аргумент «От эксперта» \rightarrow не- P (контртезис)

(Вывод) Не- P .

Приведем пример. *Многие образованные люди (\cong ‘все’) сейчас возмущаются (Посылка) обилием уменьшительных... ‘плохо, что в русском языке сейчас много уменьшительных слов = P ’ («Ad populum») *А между тем (связка-противопоставление) лингвисты (= ‘эксперт в области лингвистики’ – Посылка 1) знают, что (Посылка 2) многие слова (относятся к языку – Посылка 3), которые сейчас нам кажутся абсолютно нейтральными, когда-то тоже были уменьшительными ‘раньше тоже было много уменьшительных \rightarrow большое количество уменьшительных слов – это нормально’ («От эксперта») [Июдин, Постнаука] ¹.**

¹ Здесь и далее ссылка на источник дается в квадратных скобках. В ней указаны автор (или название статьи) и название журнала и / или электронного ресурса. Список источников приведен в конце статьи. Внутри контекста, используемого в качестве иллюстративного материала, в квадратных скобках приводится восстановленный значимый контекст, в круглых скобках – реконструируемый текст посылок и тезисов в одинарных кавычках и названия структурных элементов схемы аргумента, в угловых скобках – маркер связи аргументативной структуры.

В приведенной реализации структуры «Ad populum» P, но «От эксперта» не-P → не-P интересна тем, что в ней эксплицированы посылки обоих аргументов (кроме третьей посылки аргумента «От эксперта»), связка и оба тезиса. Заключительный тезис (вывод) в норме полностью совпадает с контртезисом и поэтому оказывается имплицитным².

Однако данная аргументативная структура может быть реализована и с другими имплицитными структурными элементами.

Чаще всего опускается посылка аргумента «От эксперта». Ведь весь текст, кроме его отрезков, имеющих авторизационные показатели, является авторским, т. е. имеет по умолчанию в качестве источника информации автора, который является ученым-лингвистом, априори экспертом в области лингвистики. Однако аргументом «От эксперта» эта невыраженная авторизация становится только при актуализации противоположной точки зрения и наличии связи-противопоставления.

Рассмотрим пример: *Какие-то изменения* [в культуре, связанные с глобализацией] *нам* (псевдоинклюзив = множество, включающее автора и адресата) *представляются* (Посылка) *явно негативными* ('Какие-то изменения в культуре, связанные с глобализацией, явно негативны' = P), но <связка-противопоставление> (имплицитный аргумент «От эксперта») *у любого явления всегда как минимум две стороны; Глобализация оказалась явлением противоречивым* (не-P) [Тер-Минасова, Наука и жизнь]. В данном случае автор использует для обозначения субъекта всеобщего мнения псевдоинклюзив (его употребление для выражения сопричастности автора и адресата описано в [Апресян, 1986]). Зная «правильный ответ», автор играет с читателем в игру, смысл которой в том, что он как бы солидаризуется с читателем, становясь на его точку зрения, но затем опровергает «совместный» тезис. Отметим, что в данном предложении используется вместо изъяснительной полипредикативной конструкции изъяснительное простое предложение (изъяснительное словосочетание [Чайковская, 1988. С. 54–70] с двумя зависимыми формами: существительного и прилагательного; оно представляет собой так называемый дериват [Белошапкина, Шмелева, 1981; Белошапкина, 1981] структурной схемы N₁Adj: *Какие-то изменения нам представляются явно негативными* ← (*Нам представляется, что*) *Какие-то изменения негативны*. Особенностью такого изъяснительного предложения является наличие сразу двух зависимых форм: существительное принимает форму именительного падежа, а прилагательное – форму творительного падежа).

Автор может комбинировать аргументативную структуру с другими схемами аргументов, встраивая их внутрь фрагмента, выражающего эту структуру. Так, интересен фрагмент статьи [Левонтина, Элементы], в котором ученый, встречаясь с распространенным мнением о речевом факте, приводит опыт использования лингвистического инструмента, по сути дела исследование, которое является еще одним аргументом – «От свидетеля», и лишь потом не соглашается с позицией «молчаливого большинства»: *...Многие заметили, что* (Посылка) *помимо нормативного варианта в Донбассе и из Донбасса в литературной речи начал распространяться вариант на Донбассе и с Донбасса* (P; «Ad populum») *<...> Корпус позволяет быстро прикинуть, действительно ли раньше в литературной речи такого не встречалось* (≅ «От свидетеля»). *<...> Вообще-то* (показатель достоверности и низкой категоричности) (имплицитный аргумент «От эксперта») *этот вариант и раньше встречался – и у приличных авторов* (не-P) [Левонтина, Элементы]. Авторизационный предикат *заметили* выражает также и слабую персуазивность: факт замечен не автором, поэтому автор не выражает максимальную уверенность в достоверности факта. Соответственно показатель достоверности *вообще-то* при контртезисе подчеркивает ненадежность предиката *заметили*

² Имплицитность является одним из интересных лингвистических сюжетов, поскольку связана с невыраженными смыслами. Она находится в сложных отношениях с синтаксическим нулем, пресуппозициями, эллипсисом и другими средствами и способами организации языкового содержания, позволяющими скрывать план выражения тех или иных смыслов. Имплицитность становилась темой даже масштабных лингвистических конференций, ср., например, [Проблемы семантики предложения, 1986].

в плане достоверности факта. Кроме того, *вообще-то* служит аналогом связки-противопоставления. Таким образом, в данном случае автор встроил в рассматриваемую нами аргументативную структуру аргумент «От свидетеля», расширив ее.

Одной из реализаций рассматриваемой аргументативной структуры, в которой имплицитная позиция субъекта всеобщего мнения, является конструкция с маркером посылки аргумента «Ad populum» *может показаться*. Отсылка к всеобщему мнению здесь является не прямой, а включает в себя безличность (с неопределенным субъектом точки зрения), ирреальность возможности и персуазивное значение недостоверности. Таким образом, неопределенность субъекта мнения распространяется на условную фигуру человека, который не знает истинного положения вещей. Таким человеком не может быть лингвист, но может быть человек, далекий от лингвистики. Таких людей большинство. Модальность возможности актуализирует потенциальность как всеобщность мнения. А вот персуазивность недостоверности является элементом аргумента «От эксперта». Экспликация же самого аргумента «От эксперта», как мы знаем, необязательна, поскольку автор является ученым, который осведомлен в описываемом сюжете и поэтому является экспертом. Приведем пример: *Может показаться, что (Посылка + 'Р недостоверно') изучение и описание таких слов нетрудно и малоинтересно (Р; «Ad populum»)...* Однако <противопоставление> (имплицитный аргумент «От эксперта») *именно потому, что бытовая лексика – самая частотная и общеупотребительная, лингвисту, который ее исследует, приходится тяжело...* (не-Р) [Июдин, Постнаука].

В такой структуре на месте предиката мнения может использоваться описательный оборот: [Выше были упомянуты четверо ученых, оставивших значительный след в индоевропеистике... Все они жили в XIX веке, и] *может создаться впечатление* (Посылка + 'Р недостоверно'), *будто индоевропеистика – это отсталая наука, законсервировавшаяся сто с лишним лет назад (Р; «Ad populum»)*. Но <связка-противопоставление> (имплицитный аргумент «От эксперта») *это не так* (не-Р)... [Пиперски, Постнаука]. Обратим внимание на то, что поскольку в аргументе «Ad populum» тезис эксплицитен (*индоевропеистика – это отсталая наука, законсервировавшаяся сто с лишним лет назад*), то в аргументе «От эксперта» достаточно только указать, что тезис предыдущего аргумента неверен (*это не так*), чтобы получить тезис, отстаиваемый автором: 'индоевропеистика – это вполне современная наука'.

Аналогичную роль играет показатель *казалось бы*, в котором модальное значение выражается частицей *бы*, например: [На земном шаре люди говорят более чем на 6000 естественных языков, кроме того, существует множество мертвых.] *Казалось бы* (Посылка + 'Р недостоверно'), *какое вавилонское разнообразие!* ('на Земле слишком много языков' = Р; «Ad populum»). Но *тем не менее* <связка-противопоставление> (имплицитный аргумент «От эксперта») *находятся энтузиасты, которые разрабатывают новые языки 'языков на Земле не так много (не-Р) → некоторые люди увеличивают количество языков на Земле'* [Петров, Популярная механика]. В данном случае отметим развитие тезиса аргумента «От эксперта». Поскольку содержание тезиса этого аргумента предопределено первым аргументом в данной структуре, автор имеет возможность «нарастить тезис», содержательно поменять его, хотя и в узком диапазоне (указать на следствие этого тезиса).

Можно отметить, что описываемая аргументативная структура встречается не только в лингвистических научно-популярных текстах, и в статьях по другим специальностям. Ср., например, статью Д. Кузнецова по тематике биотехнологий: *Некоторые из этих экспериментов и разработок действительно могут показаться (Посылка + 'Р недостоверно') кощунственными (Р; «Ad populum»)*. Однако <связка-противопоставление> (имплицитный аргумент «От эксперта») *они не только продвигают науку вперед, но и являются частью ее обычного развития (не-Р)*. [Кузнецов, Популярная механика]; *Выяснилось (Посылка + «От свидетеля»), что территорий для свалок в России не так уж и много (не-Р), как это (Р) кому-то могло показаться (посылка + 'Р недостоверно'), и что рост этих свалок приводит*

к катастрофическим последствиям для экологии [Мусор в нашей жизни, Троицкий вариант]. В последнем примере, помимо экспликации неопределенного субъекта авторизации, наблюдается «инверсия» тезиса и контртезиса, которая вызвана особенностями актуального членения. Автор поместил аргумент «Ad populum» в рему высказывания, ср., например: *Кому-то могло показаться, что в России много территорий для свалок. Однако выяснилось, что это не так.*

Наиболее имплицитной реализацией рассматриваемой аргументативной структуры является использование парного (двухместного) союза *не просто* – *а*, а также его аналогов, в которых позицию *а* занимает анафорическое местоимение или другое средство кореферентности, ср., например: [Пресуппозиция: (нулевая авторизация = всеобщее мнение) Корпус – это большое собрание текстов] *Корпус – это не просто* (левая часть связки-противопоставления) *большое собрание текстов. Это* (аналог союза *а*) *собрание сбалансированное* [Левонтина, Элементы]. В данном случае частица-связка *это* выполняет роль не противопоставляющего союза *а*, а пограничного сигнала, разделяющего противопоставленные парным союзом с опущенной второй частью именные сказуемые (в другой терминологии субстантивные предикаты) *большое собрание текстов* и *сбалансированное собрание текстов*. Аналогичную роль играет дубль-подлежащее, выражающее моносубъектность в полипредикативной конструкции [Леонтьев, 1982], например: [*Режиссер показал забытое Богом общежитие, где каждый человек не просто живет, он существует* (коллективный [автор]. Форум: комментарии к фильму «Все будет хорошо» (2008–2011). – Национальный корпус русского языка), ср. *каждый человек не просто живет, а существует*].

Встретился пример и обратной реализации рассматриваемой нами аргументативной структуры, сопровождающийся инверсией позиции автора-ученого и адресата – носителя всеобщего мнения («От эксперта» → Р, но «Ad populum» → не-Р): *Этот очень краткий обзор (Посылка 2) непрерывно растущего встречного движения (политкорректное название влияния английского языка (является предметом филологии, имплицитная Посылка 3) как глобального на национальные языки, в данном случае – на русский) ‘глобальный английский язык плохо влияет на русский язык’ (Р) сделан русским филологом (Посылка 1) не первой молодости (Аргумент «От эксперта»). Молодёжь в России, наверное, воспринимает (Посылка) и этот процесс, и его результат по-другому (не-Р; аргумент «Ad populum»)* [Тер-Минасова, Наука и жизнь].

В научно-популярных статьях, написанных журналистами, описываемая аргументативная структура также встречается, однако в максимально эксплицитной реализации, см., например: [*Возникает вопрос, в каком возрасте впервые проявляется влияние языка на мышление. И,] казалось бы, сам собой напрашивается ответ (Посылка), что это происходит в детстве, когда ребёнок выучивается говорить (Р, «Ad populum»). Исследователи из Северо-Западного университета (Посылка 1) согласны с такой точкой зрения, но <связка-противопоставление> с одной оговоркой (Посылка 2) – по их данным (повтор Посылки 2), язык (является объектом лингвистики, имплицитная Посылка 3) начинает влиять на сознание ещё до того, как человек произносит своё первое слово (не-Р, «От эксперта»)*] [Стасевич, Наука и жизнь]. Автор показывает, что исследователи соглашались с Р. Однако в тезисе и контртезисе по-разному оценивается отношение возраста, в котором впервые проявляется влияние языка на мышление, к моменту, когда ребенок начинает говорить. Таким образом, оговорка на самом деле означает несогласие.

Эксплицитность наиболее важных элементов схемы аргумента «От эксперта» связана с тем, что субъектом экспертного мнения в таких статьях выступает, как правило, не автор, а другой субъект речи (ученый), что требует наличия специальных показателей авторизации [Шмелева, 1994. С. 32].

Таким образом, общая ценностная ориентация на авторитетность научного знания как критерия объективности изложения присуща обеим категориям авторов. Разница состоит в том, что авторы-журналисты опираются на авторитетное мнение ученых в качестве основного аргумента, а авторы-ученые полагают собственное мнение и мнение коллег весомым априори и поэтому актуализируют, эксплицируют его в составе аргументативной структуры, призванной противопоставить научное представление об описываемом объекте наивному представлению. Особенности выражения модусных категорий авторизации и персуазивности позволяют авторам-ученым представлять многие компоненты этой аргументативной структуры имплицитно.

Список литературы

- Аврорин В. А.** Проблемы изучения функциональной стороны языка (к вопросу о предмете социолингвистики). Л.: Наука. Ленинград. отд-ние, 1975. 276 с.
- Апресян Ю. Д.** Дейксис в лексике и грамматике и наивная модель мира // Семиотика и информатика. 1986. Вып. 28. С. 5–33.
- Белошапкина В. А.** Синтаксис // Современный русский язык: Учебник. М.: Высш. шк., 1981. С. 363–552.
- Белошапкина В. А., Шмелева Т. В.** Деривационная парадигма предложения // Вестник МГУ. Серия 9. 1981. № 2. С. 43–51.
- Золотова Г. А.** Очерк функционального синтаксиса русского языка. М.: Наука, 1973. 351 с.
- Ким И. Е., Силантьев И. В.** Сфера общения и дискурс: терминологическая избыточность или сущностное различие? // Сибирский филологический журнал. 2017. № 4. С. 163–174.
- Леонтьев А. П.** Моносубъектные полипредикатные конструкции современного русского языка: Сопоставительное описание структур с нулевым подлежащим и с дубль-подлежащим: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Томск, 1982.
- Проблемы семантики предложения: выраженный и невыраженный смысл / Тез. докл. краевой науч. конф. Красноярск, 1986. 158 с.
- Чайковская Н. Н.** Бессоюзное изъяснительное предложение. Алма-Ата: Наука, 1988. 189 с.
- Шмелева Т. В.** Смысловая организация предложения и проблема модальности // Актуальные вопросы синтаксиса. М.: Изд-во МГУ, 1984. С. 78–100.
- Шмелева Т. В.** Семантический синтаксис: Текст лекций из курса «Современный русский язык». Красноярск: Изд-во Краснояр. гос. ун-та, 1988. 54 с.
- Шмелева Т. В.** Семантический синтаксис: Текст лекций из курса «Современный русский язык» / Краснояр. ун-т. Красноярск, 1994. 54 с.
- Walton D., Reed C., Macagno F.** Argumentation Schemes. Cambridge, 2008.

Список источников

- Иомдин Б.** Как взаимодействуют язык бытовой и язык официальный? // Постнаука. 16.10.2014. URL: <http://postnauka.ru/faq/34828> (дата обращения 15.12.2016). Категории: Лингвистика.
- Кузнецов Д.** Мир Дикого Востока // Популярная механика. 2018. № 12. С. 66–71. Категории: Биотехнологии, Медицина.
- Левонтина И.** Русский национальный // Элементы. 06.05.2014. URL: http://elementy.ru/nauchno-populyarnaya_biblioteka/432329/Russkiy_natsionalnyy (дата обращения 20.01.2017). Категории: Лингвистика.
- Мусор в нашей жизни / Валерий Аджиев, Николай Митрохин, Андрей Калиничев, Сергей Голунов, Владимир Гельман, Анна Абалкина, Павел Колосницын, Пётр Власов // Троицкий вариант. 5 июня 2018 г. № 11 (255). URL: <https://trv-science.ru/2018/06/05/musor-v-nashej-zhizni/comment-page-1/> (дата обращения 15.09.2019). Категории: Экология.

- Петров А.** Зачем люди придумывают языки? Нео, эсперанто, волапюк // Популярная механика. 19.03.2012. URL: <http://www.popmech.ru/science/12528-zachem-lyudi-pridumyvayut-yazyki-neo-esperanto-volapyuk/#> (дата обращения 19.01.2017). Категории: Лингвистика.
- Пиперски А.** Введение в индоевропеистику // Постнаука. 01.06.2015. URL: <http://postnauka.ru/longreads/48008> (дата обращения 20.01.2017). Категории: Лингвистика.
- Стасевич К.** Язык влияет на мышление с младенчества // Наука и жизнь. 21.07.2016. URL: <http://www.nkj.ru/news/29189/> (дата обращения 19.01.2017). Категории: Лингвистика.
- Тер-Минасова С. Г.** Великий и могучий или глобальный? // Наука и жизнь. 2014. № 9. URL: <http://www.nkj.ru/archive/articles/24859/> (дата обращения 17.01.2017). Категории: Лингвистика.

References

- Apresyan Yu. D.** Deixis v leksike i grammatike i naivnaya model' mira [Deixis in Lexis and Grammar and the Naïve World Model]. *Semiotika i informatika* [*Semiotics and Informatics*], 1986, iss. 28, p. 5–33. (in Russ.)
- Avrorin V. A.** Problemy izucheniya funktsional'noi storony yazyka (k voprosu o predmete sotsiolingvistiki) [Issues of Studying the Functional Aspect of Language (On the Question of the Subject Matter of Sociolinguistics)]. Leningrad, Nauka Publ., 1975, 276 p. (in Russ.)
- Beloshapkova V. A.** Sintaksis [Syntax]. In: *Sovremenniy russkii yazyk* [Modern Russian Language]. Textbook. Moscow, Vysshaya shkola Publ., 1981, p. 363–552. (in Russ.)
- Beloshapkova V. A., Shmeleva T. V.** Derivatsionnaya paradigma predlozheniya [Derivation Paradigm of Sentence]. *Moscow State University Bulletin. Series 9*, 1981, no. 2, p. 43–51. (in Russ.)
- Chaikovskaya N. P.** Bessoyuznoe iz'yasnitel'noe predlozhenie [Conjunctionless Complement Sentence]. Alma-Ata, Nauka Publ., 1988, 189 p. (in Russ.)
- Kim I. E., Silantev I. V.** Sfera obshcheniya i diskurs: terminologicheskaya izbytochnost' ili sushchnostnoe razlichie? [Sphere of Communication and Discourse: Terminological Redundancy or the Essential Difference?]. *Siberian Journal of Philology*, 2017, no. 4, p. 163–174. (in Russ.) DOI 10.17223/18137083/61/15
- Leontiev A. P.** Monosub'ektnye polipredikatnye konstruksii sovremennogo russkogo yazyka: Sopostavitel'noe opisanie struktur s nulevym podlezhashchim i s dubl'-podlezhashchim [Mono-Subject Polypredicate Constructions of Modern Russian: a Comparative Description of Structures with a Zero Subject and a Double Subject]. Cand. phil. sci. syn. diss. Tomsk, 1982. (in Russ.)
- Problemy semantiki predlozheniya: vyrazhennyi i nevyrazhennyi smysl [Issues of the Semantics of Sentence: Explicit and Implicit Meanings]. Abstracts of the Regional Academic Conference. Krasnoyarsk, 1986, 158 p. (in Russ.)
- Shmeleva T. V.** Semanticheskii sintaksis: Tekst leksii iz kursa “Sovremenniy russkii yazyk” [Semantic Syntax: Scripts of Lectures in Discipline “Modern Russian Language”]. Krasnoyarsk, Krasnoyarsk State University Publ., 1994. (in Russ.)
- Shmeleva T. V.** Semanticheskii sintaksis: Tekst leksii iz kursa “Sovremenniy russkii yazyk” [Semantic Syntax: Scripts of Lectures in Discipline “Modern Russian Language”]. Krasnoyarsk, Krasnoyarsk State University Publ., 1988. (in Russ.)
- Shmeleva T. V.** Smyslovaya organizatsiya predlozheniya i problema modal'nosti [Conceptual Composition of Sentence and the Problem of Modality]. In: *Aktual'nye voprosy sintaksisa* [Topical Issues of Syntax]. Moscow, Moscow State University Publ., 1984, p. 78–100. (in Russ.)
- Walton D., Reed C., Macagno F.** Argumentation Schemes. Cambridge, 2008.
- Zolotova G. A.** Oчерк funktsional'nogo sintaksisa russkogo yazyka [Essay on the Functional Syntax of the Russian Language]. Moscow, Nauka Publ., 1973. 351 p. (in Russ.)

List of Sources

- Adzhiev V., Mitrokhin N. et al.** Musor v nashei zhizni [Garbage in Our Lives]. *Troitskii variant* [*Troitsk Variant*]. 06.05.2018, no. 11 (255). URL: <https://trv-science.ru/2018/06/05/musor-v-nashej-zhizni/comment-page-1/> (accessed: 15.09.2019). Categories: Ecology.
- Iomdin B.** Kak vzaimodeistvuyut yazyk bytovoï i yazyk ofitsialnyi? [How Do Everyday Language and Official Language Interact?]. *Postnauka* [*Post-Science*], 16.10.2014. URL: <http://postnauka.ru/faq/34828> (accessed: 15.12.2016). Categories: Linguistics.
- Kuznetsov D. Mir Dikogo Vostoka [World of Wild West]. *Populyarnaya mekhanika* [Popular Mechanics]. 2018, no. 12, p. 66–71. Categories: Biotechnology, Medicine.
- Levontina I.** Russkii natsional'nyi [The Russian National]. *Elementy* [*Elements*]. 06.05.2014. URL: http://elementy.ru/nauchno-populyarnaya_biblioteka/432329/Russkiy_natsionalnyy (accessed: 20.01.2017). Categories: Linguistics.
- Petrov A.** Zachem liudi pridumyvaiut iazyki? Neo, esperanto, volapiuk [Why do people invent languages]. *Populiarnaia mekhanika* [*Popular Mechanics*], 19.03.2012. URL: <http://www.popmech.ru/science/12528-zachem-lyudi-pridumyvayut-yazyki-neo-esperanto-volapyuk/#> (accessed: 19.01.2017). Categories: Linguistics.
- Piperski A.** Vvedenie v indoeuropeistiku [Introduction to Indo-European Linguistics]. *Postnauka* [*Post-Science*], 01.06.2015. URL: <http://postnauka.ru/longreads/48008> (accessed: 20.01.2017). Categories: Linguistics.
- Stasevich K.** Yazyk vliyaet na myshlenie s mladenchestva [Language Influences One's Brainwork Since Infancy]. *Nauka i zhizn'* [*Science and Life*], 21.07.2016. URL: <http://www.nkj.ru/news/29189/> (accessed: 19.01.2017). Categories: Linguistics.
- Ter-Minasova S. G.** Velikii i moguchii ili global'nyi? [The Great and Mighty or Global?]. *Nauka i zhizn'* [*Science and Life*], 2014, no. 9. URL: <http://www.nkj.ru/archive/articles/24859/> (accessed: 17.01.2017). Categories: Linguistics.

Материал поступил в редколлегию
Received
19.09.2019

Сведения об авторах

- Ким Игорь Ефимович**, доктор филологических наук, доцент, Институт филологии СО РАН (ул. Николаева, 8, Новосибирск, 630090, Россия), Новосибирский государственный университет (ул. Пирогова, 1, Новосибирск, 630090, Россия)
kim@philology.nsc.ru
- Ильина Дарья Владимировна**, Новосибирский государственный университет (ул. Пирогова, 1, Новосибирск, 630090, Россия)
dviljina@gmail.com

Information about the Authors

- Igor E. Kim**, Doctor of Philological Sciences, Institute of Philology of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences (8 Nikolaev Str., Novosibirsk, 630090, Russian Federation), Novosibirsk State University (1 Pirogov Str., Novosibirsk, 630090, Russian Federation)
kim@philology.nsc.ru
- Daria V. Ilina**, Novosibirsk State University (1 Pirogov Str., Novosibirsk, 630090, Russian Federation)
dviljina@gmail.com

УДК 811.161.1 + 7.067
DOI 10.25205/1818-7919-2019-18-9-36-43

Концепт ДЕНЬГИ в фильме А. Звягинцева «Елена»: вербальная и визуальная репрезентация

А. А. Алексеева

*Новосибирский государственный университет
Новосибирск, Россия*

Аннотация

Рассматривается многоуровневая репрезентация концепта *ДЕНЬГИ* в художественном фильме А. Звягинцева «Елена»: сюжетная, визуальная и вербальная. Деньги являются в первую очередь сюжетообразующим элементом, поскольку именно из-за них происходит конфликт между главными героями, трагичное разрешение которого демонстрируется на протяжении фильма. На визуальном уровне концепт репрезентируется, во-первых, эксплицитно, через постоянную демонстрацию денег в кадре, во-вторых, имплицитно, с помощью образов, отражающих уровень достатка людей. Очень яркий визуальный контраст наблюдается между «миром богатых», главным представителем которого в фильме является Владимир, и «миром бедных», в котором живет семья сына Елены. Главная героиня соединяет эти два мира.

На вербальном уровне, проявляющемся в репликах героев, было выделено несколько признаков концепта *ДЕНЬГИ*. Ряд этих признаков связан с функционированием денег, их использованием в повседневной жизни, юридическими аспектами, обеспечивающими законное распоряжение финансами. В речи Владимира присутствуют вербальные показатели, выражающие его восприятие денег как символа труда, ответственности за свою жизнь и за благополучие своей семьи, зрелости, самостоятельности. Анализ речи Елены и ее родственников выявил совершенно иные репрезентанты концепта, показывающие, что в их понимании деньги – это помощь, поддержка, которую необходимо оказывать в трудной ситуации. К периферийным концептуальным признакам относятся смысл жизни и свобода.

Ключевые слова

концепт, репрезентация концепта, кинодискурс, художественный фильм «Елена»

Благодарности

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 18-312-00052

Для цитирования

Алексеева А. А. Концепт *ДЕНЬГИ* в фильме А. Звягинцева «Елена»: вербальная и визуальная репрезентация // Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2019. Т. 18, № 9: Филология. С. 36–43. DOI 10.25205/1818-7919-2019-18-9-36-43

The Concept of MONEY in the Feature Film *Elena* by A. Zvyagintsev: Verbal and Visual Representations

A. A. Alekseeva

*Novosibirsk State University
Novosibirsk, Russian Federation*

Abstract

The article deals with the representation of the concept of money in the feature film *Elena* by Andrey Zvyagintsev. Money is first of all a plot-forming element because this is the reason behind the conflict between the main characters, which is shown in the film. At the visual level, the concept is represented explicitly by constant demonstration of money, and implicitly, with the help of objects reflecting the level of people's welfare. There is a striking contrast be-

© А. А. Алексеева, 2019

ISSN 1818-7919

Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2019. Т. 18, № 9: Филология
Vestnik NSU. Series: History and Philology, 2019, vol. 18, no. 9: Philology

tween the 'world of the rich', whose main representative is Vladimir, and the 'world of the poor' where Elena's son's family live. The protagonist unites these two worlds.

We also found out several attributes of this concept at the verbal level, in the discourse of the characters. Some of these attributes are connected with the functioning of money, its use in the daily life, and legal financial aspects. Vladimir's discourse contains verbal markers reflecting his idea of money as a symbol of work, responsibility for one's own life and their family's welfare, a symbol of maturity and independence. The analysis of the discourse of Elena and her relatives revealed completely different realizations of the concept, demonstrating that in their worldview money represents help and support which people are obliged to give to the ones who are in difficult situations. Less frequent concept attributes are meaning of life and freedom.

Keywords

concept, representation of concept, cinematic discourse, feature film "Elena"

Acknowledgements

The following study was performed with the financial support of RFBR within the research project no. 18-312-00052

For citation

Alekseeva A. A. The Concept of *MONEY* in the Feature Film *Elena* by A. Zvyagintsev: Verbal and Visual Representations. *Vestnik NSU. Series: History and Philology*, 2019, vol. 18, no. 9: Philology, p. 36–43. (in Russ.) DOI 10.25205/1818-7919-2019-18-9-36-43

Введение

Современный мир изобилует полимодальными и поликодовыми объектами. Они передают информацию через различные каналы (визуальные, аудиальные, тактильные и др.) и сочетают в себе различные коды в рамках одной модальности (например, вербальный и параграфический коды в визуально воспринимаемом тексте). Разные модальности и/или коды в рамках одного объекта взаимосвязаны посредством одного или нескольких концептов.

Согласно определению З. Д. Поповой и И. А. Стернина, концепт является «комплексной мыслительной единицей, которая в процессе мыслительной деятельности <...> поворачивается разными сторонами, актуализируя в процессе мыслительной деятельности свои разные признаки и слои» [Попова, Стернин, 2015. С. 24]. Психическая природа концепта предполагает, что он может быть реализован различными материальными способами: вербальными средствами, визуальными образами, через музыку и т. д.

Фильмы являются полимодальными объектами, поскольку сочетают в себе визуальную и аудиальную модальности, и они представляют собой интересный материал для исследования разноуровневой реализации концептов. Более того, нередко фильмы имеют литературный первоисточник, поэтому центральный концепт, объединяющий литературное произведение и снятый по нему фильм, может изучаться с точки зрения своей трансформации в процессе смены кодов.

Приведем примеры современных исследований, объектом которых стали концепты в фильмах. Одним из наиболее часто изучаемых концептов является *ДОМ*. Так, М. Коссаковска-Марас [2014] анализирует этот архетипичный концепт на материале советского и современного российского кинематографа. Образы дома и дороги в кинотворчестве В. Шукшина изучает И. В. Шестакова [2014]. Ю. В. Афонина [2017] сопоставляет реализацию концепта *ДОМ* в стихотворениях С. Есенина и фильмах А. Тарковского. Есть исследования и других концептов. Например, В. Ю. Самодурова [2010] изучает выражение концепта *СУПЕРМЕН* на материале романов и скриптов фильмов о Джеймсе Бонде, Д. С. Капитонов [2013] исследует концепт *МАЛЕНЬКИЙ ЧЕЛОВЕК* в фильмах К. Муратовой, А. А. Гетман [2015] анализирует репрезентацию концепта *ВЕРНОСТЬ* в сценарии к фильму «Kingdom of Heaven».

Цель данного исследования – показать вербальную и визуальную репрезентацию концепта *ДЕНЬГИ* в кинодискурсе художественного фильма А. Звягинцева «Елена».

Результаты исследования и обсуждение

А. Н. Зарецкая отмечает, что кинодискурс представляет собой «сложное явление, включающее в себя связный текст, являющийся вербальным компонентом фильма, в совокупно-

сти с невербальными компонентами – аудиовизуальным рядом и другими значимыми для смысловой завершенности фильма невербальными факторами» [Зарецкая, 2008. С. 70].

Фильм «Елена» вышел на экраны в 2011 г. В различных интервью А. Звягинцев отмечал, что эта кинокартина изначально задумывалась как художественное воплощение Апокалипсиса. Именно такая тема была предложена британским продюсером О. Данги, выступившим с идеей создания масштабного кинопроекта, в котором, по его замыслу, должны были участвовать четыре разных режиссера. В процессе работы О. Данги и А. Звягинцев не нашли взаимопонимания, фильм «Елена» был снят не в рамках данного проекта, однако эсхатологическая идейная основа в кинокартине сохранилась.

Главная героиня Елена, в начале фильма предстающая как заботливая, добрая, понимающая женщина, убивает своего мужа Владимира, чтобы использовать его деньги для «спасения» внука от армии. Владимир, очень состоятельный человек, не соглашался на просьбы Елены дать деньги для этой цели, поскольку считал, что решением всех финансовых проблем должен заниматься ее сын от первого брака. Таким образом, именно деньги в данном фильме служат причиной грехопадения Елены, которое рассматривается в более широком контексте. Т. Авилова в ходе интервью с режиссером отмечает: «И Елена – это тоже как нравственный выбор, стоящий перед человеком сегодня: жить по животным инстинктам или совершать поступок, который всегда “шаг по вертикали”...»¹.

Для изучения концепта *ДЕНЬГИ* мы выявляли и анализировали изображение денег в видеоряде, а также лексические единицы со значением денег, денежных операций и т. п.

На визуальном уровне данный концепт представлен эксплицитно – с помощью демонстрации денежных купюр в кадре, и имплицитно – через объекты, отражающие финансовое благополучие или неблагополучие героев. Елена показана как центр денежного оборота в фильме. Она постоянно берет и отдает деньги: получает в кассе пенсию и пересчитывает эти деньги, два раза привозит деньги сыну (в первый раз отдает ему свою пенсию, во второй раз – деньги своего мужа после его смерти), расплачивается за покупки, кладет деньги в сейф мужа и берет их оттуда.

Имплицитное воплощение концепта происходит через изображение имущества героев. Зрители видят два противоположных мира. С одной стороны, показан мир состоятельных людей, центральным репрезентантом которого является фешенебельная квартира Владимира – просторная, с продуманным дизайном, с большим количеством дорогой бытовой техники и мебели, находящаяся в доме с консьержем в престижном районе города. С другой стороны, демонстрируется тесная, плохо обставленная квартира сына Елены в типовом многоэтажном доме в неблагополучном пригороде Москвы.

Это разделение двух миров подкрепляется и на вербальном уровне. Во время последнего разговора, в котором Елена еще раз просит мужа дать деньги для ее внука, она говорит: «Какое *вы* имеете право думать, что *вы* особенные? <...> Только потому что у *вас* больше денег и больше вещей? Все может измениться. <...> И последние станут первыми». Владимир отвечает: «А, это *мы* слышали. Сказки для бедных и глупых, библейские истории. Равенство и братство, Лена, бывает только там у *вас* – в Царствии небесном». В данном случае вербализуется разделение на *своих* и *чужих*, причем как со стороны Елены, так и со стороны Владимира. Они используют в своих репликах местоимения *вы* и *мы*, подчеркивающие противопоставление социальных слоев, к которым они принадлежат. Елена, выйдя замуж за Владимира, представителя категории «богатых», не потеряла свою связь с категорией «бедных».

С точки зрения переходного положения Елены – на стыке этих двух миров – интересны две сцены, между которыми режиссер проводит параллель. В начале фильма Елена забирает в банке пенсию и едет к сыну отдать эти деньги, а по пути заходит в продуктовый магазин рядом с его домом и покупает продукты. Общая стоимость покупок, названная продавцом,

¹ <http://az-film.com/ru/Publications/162-Ob-Apokalipsise-i-novih-putjah-nadezhdi.html>

составляет 1 425 руб. В другой сцене Елена принимает в своей квартире курьера, который привез ей небольшой пакет с продуктами из очевидно дорогого магазина, и отсчитывает 8 000 руб. Контраст между суммами, потраченными на продукты, который передается посредством визуально-вербальных репрезентантов концепта ДЕНЬГИ, подчеркивает различия между «миром богатых» и «миром бедных». При этом Елена ведет себя одинаково естественно в обеих сценах.

На основе анализа реплик героев фильма мы выделили несколько признаков концепта ДЕНЬГИ.

Часть из них связана с **функционированием денег**, т. е. с действиями, в которых деньги фигурируют как объект или инструмент: *зарабатывать, платить, оплатить, содержать семью, отдать деньги, занимать деньги, выкраивать деньги, тратить свои кровные, отчитаться за каждый рубль* и т. д. Контекстов реализации этого признака в фильме довольно много. Таким способом подчеркивается важность денег для героев фильма. Однако концепт ДЕНЬГИ не остается лишь на бытовом уровне репрезентации. Даже, казалось бы, в обыденных ситуациях виден переход на философский уровень восприятия денег. Так, концептуальный признак **свободы**, которую дают деньги, выражен во фразе Кати, дочери Владимира: «Ты *оплатил* эти апартаменты, *можешь себе что угодно позволить*». Деньги выступают не только как способ оплаты конкретных товаров и услуг, но и как расплата за поступки:

(Владимир) Не понимаю, зачем я это делаю.

(Катя) Не понимаешь, за что *платишь*?

(Владимир) За что *расплачиваюсь*.

Отдельную большую группу концептуальных признаков образуют слова, описывающие **юридические аспекты** распоряжения деньгами. У этого есть сюжетное обоснование: Владимир держит свои финансовые дела в порядке, понимает, что в его возрасте необходимо иметь готовое завещание, и общается на эту тему с личным адвокатом, а после его смерти юрист организует встречу с родственниками Владимира для прояснения финансовой ситуации. В основном в репрезентации этого концептуального признака участвуют слова и выражения официально-делового стиля речи (*совместно нажитое имущество, наследство, принцип наследования, личная собственность, завещание* и др.): «А ты, как моя, в общем, супруга, получишь *пожизненную ренту*. Это будут *ежемесячные выплаты*, и я считаю, что ты нуждаться не будешь»; «Как его личный адвокат, я знаю, как он хотел *распорядиться своим имуществом*»; «Увы, мы *не оформили его волю письменно*»; «Владимир Иванович *не оставил завещания*, и в силу вступает *принцип наследования по закону*»; «Во-первых, хочу сообщить вам, что Владимир Иванович *не оставил долгов*. В противном случае, *приняв наследство*, вам пришлось бы *отвечать по его долгам* перед его *кредиторами*»; «Кроме того, переживший супруг наравне с другими *наследниками наследует* от этого *имущества долю умершего супруга*, которая входит в состав *наследства* вместе с *имуществом*, являвшимся *личной собственностью умершего*» и т. д.

В эпизоде, когда Катя и Елена находятся на приеме у личного адвоката Владимира после его смерти, в официально-деловой дискурс входит инослитевое выражение *дербанить хату*:

(Катя) Так как будем *дербанить хату*?

(Юрист) *Дербанить* будем по закону.

Это просторечное выражение на первый взгляд кажется лишь отражением характера, жизненных принципов Кати, ее отношения к окружающим: она живет в свое удовольствие, прожигает жизнь, отрицает ценность семьи и заявляет об отсутствии теплых чувств к отцу и благодарности за то, что он обеспечивает ее, а также считает, что Елена заинтересована в браке с Владимиром лишь из-за денег. Однако эти слова имеют и прогностическую функцию, репрезентируя те действия, которые будут совершаться далее. В последней сцене фильма показано, как в квартире Владимира проводит время семья сына Елены, как ее родственники обсуждают перепланировку квартиры, совершают привычные для себя действия (например, смотрят низкоинтеллектуальные телепередачи, пьют пиво). «Мир бедных» начи-

нает проникать в «мир богатых», подчинять его своим правилам, но это подчинение связано не с созиданием, а с разрушением, растратой. В этом смысле *квартира* превращается в *хату*, которую не просто *делят по закону*, а действительно *дербанят*.

В картине мира Елены и ее родственников деньги – это **помощь**. Елена использует в своей речи эксплицитные средства выражения этой идеи: «Надо просто *помочь* Саше, понимаешь? *Дать ему шанс*»; «Володя, ты *поможешь* Саше?»; «*Если бы не он*, у нас бы не было и того, что у нас есть». Сергей использует более эмоционально нагруженный глагол: «Мам, нам надо парня от армии *спасать*. Нам надо заранее понимать, попадет он в институт или, б..., прямиком в Осетию какую-нибудь». Интересен в этом отношении глагол *попадет*. Одно из его значений – ‘оказаться, очутиться в каком-либо месте, положении, обстоятельствах’ [БТС, 2000]. Это значение предполагает пассивность субъекта действия. Внук Елены в данном случае действительно абсолютно пассивен: его самого не заботят вопросы поступления в вуз, он проводит время за видеоиграми, участвует в уличных драках, и он может лишь *оказаться* в той или иной ситуации в зависимости от решений и действий других людей. Если Владимир даст деньги, то он *попадет* в институт, если нет, то *окажется* в армии.

Концептуальный признак помощи выражается также имплицитными средствами: «Он знает Саню. Они вроде как дружат. В конце концов мы родственники или как?». Сергей в данном случае не просит напрямую о помощи, но риторический вопрос, заданный с агрессивной интонацией, подразумевает логическую цепочку: они с Владимиром родственники (стали таковыми благодаря браку с его матерью), и поэтому Владимир обязан, по мнению Сергея, помогать им. При этом Сергей два раза называет Владимира *жмотом*. Имплицитные средства выражения сходной идеи использует и жена Сергея: «Мы бы не беспокоились, но надо же и в школе, и в институте кое с кем обо всем *договориться*». Глагол *договориться* нередко используется в разговорном языке в значении ‘дать взятку’, что предполагает помощь за деньги.

В картине мира Владимира деньги предстают совершенно иным образом – как символ **труда, ответственности, а значит, самостоятельности, зрелости**. В ответ на слова Елены о том, что она возьмет пенсию и поедет к сыну, он говорит: «Пускай бы сам *карабкался, большой уже мальчик*». Метафора *карабкаться* подразумевает образ напряженного труда, ироничное словосочетание *большой уже мальчик* указывает на то, что сын Елены до сих пор воспринимается ею как ребенок, которому нужно помогать, что совершенно не соотносится с его реальным возрастом и уровнем ответственности, связанным с этим возрастом. В другом разговоре Владимир использует более экспрессивные вербальные средства: «Пусть он, наконец, *оторвет задницу от дивана и займется делом*, пусть он накормит свою семью». Просторечный фразеологизм *оторвать задницу от дивана* и выражение *займаться делом* отражают пренебрежительное отношение Владимира к образу жизни Сергея, осуждение его нежелания работать.

Поскольку для Владимира умение зарабатывать деньги – это одно из проявлений зрелости, а зрелость – это итог воспитания, то он занимает в конфликте отцовскую позицию по отношению к сыну Елены, пытаясь воспитать в нем финансовую самостоятельность. Вербально это проявляется в выборе слов, которые обычно используются в ситуации общения с ребенком: «Я не хочу ему *потакать*. Считай это *воспитательной мерой*». Той же задаче на морфологическом уровне служат формы повелительного наклонения глаголов (*пусть оторвет задницу от дивана и займется делом, пусть он накормит свою семью*), на синтаксическом уровне – риторические вопросы: «*О чем они думали, когда его рожали?*»; «*Случайно сделали одного ребенка, потом еще одного. А кормить должен чужой дядя?*».

Слова с корнем *сам-* выражают идею необходимости стать самостоятельным в финансовом плане: «Пускай бы *сам* карабкался», «Лена, я считаю, что его отец, твой сын, должен решать эти проблемы *самостоятельно*». После окончательного решения Владимира не давать деньги Елена использует в своей речи слова с тем же корнем, но в ее картине мира самостоятельность связана не со зрелостью, ответственностью, а с отсутствием помощи, необ-

ходимость справляться с проблемами в одиночку: «Боюсь, нам придется *справляться самим*. <...> Он считает, что ты как отец должен *сам* решить эту проблему. <...> Но, мне кажется, в его словах есть доля правды. Справимся *сами*».

При этом Елена обвиняет Владимира в том, что по отношению к своей дочери он поступает совсем иначе: «К своей дочери ты *такие воспитательные меры не применяешь*. И не применял никогда, я уверена», «Ты же *отдаешь* их все [деньги] *своей безрассудной дочери*». Судя по вербальной репрезентации концепта ДЕНЬГИ в разговоре между Владимиром и его дочерью, обвинения Елены небезосновательны:

(Владимир) Для тебя деньги тоже важны.

(Катя) Не настолько.

(Владимир) Может, потому что ты их *никогда не зарабатывала сама*?

(Катя) Может, потому что ты слишком *баловал* меня? Ну прямо *ни в чем не отказывал*.

Слова *баловал*, *ни в чем не отказывал*, используемые при описании отношений взрослого и маленького ребенка, сохраняют актуальность и при описании отношений отца и взрослой дочери. Таким образом, когда речь идет о родной дочери, деньги в представлении Владимира являются символом заботы, позволяют по-отечески побаловать ее, даже несмотря на то что дочь уже взрослая. По отношению к неродным людям он такую заботу не проявляет и подчеркивает, что это не его зона ответственности: «Скажи, почему я должен содержать семью *твоего сына*? С какой статьи платное образование, в общем-то, *чужого* для меня человека должно *ложиться на мои плечи*? Лена, я живу *с тобой, а не с твоими родственниками*»; «*Твой* Серёжа до сих пор не отдал мне деньги, которые занимал у меня три года назад, если ты, конечно, помнишь». В данных репликах Владимир подчеркивает, что Сергей – чужой для него человек; эта идея выражается на лексическом, фразеологическом и синтаксическом уровнях: с помощью прилагательного *чужой* и противопоставленных друг другу местоимений *твой – мой*, фразеологизма *ложиться на плечи*, конструкции со скрепой *а не*.

Наконец, в разговоре Кати и Владимира проявляется ещё один концептуальный признак – **смысл жизни**: «*Деньги, папа, только деньги* для тебя всегда были *единственным смыслом*»; «Для тебя *деньги тоже важны*»; «Чего только *ради денег* не сделаешь»; «Вот видишь, по крайней мере ты начинаешь кое-что понимать, находить *определенный смысл*».

Заключение

Таким образом, концепт ДЕНЬГИ репрезентируется на сюжетном, визуальном и вербальном уровнях фильма. Деньги выполняют сюжетообразующую функцию, поскольку именно они являются источником конфликта между героями и приводят к грехопадению Елены. Зрители постоянно видят в кадре и деньги сами по себе, и те материальные блага, которые могут себе позволить герои в зависимости от своего финансового состояния. Герои постоянно говорят о деньгах, и в их речи деньги предстают не только как объект и инструмент бытовых действий (купли, продажи, займа и т. д.), но и как проявление заботы, помощи в трудных ситуациях, а также как символ зрелости и самостоятельности, в некоторых ситуациях – как смысл жизни и способ обеспечения свободы.

Список литературы

- Афонина Ю. В. Концепт «Дом» в творчестве С. А. Есенина и фильмах А. Тарковского // Современное есениноведение. 2017. № 4 (43). С. 66–71.
- Гетман А. А. Лингвокультурный концепт «Верность» (на материале сценария к художественному фильму «Kingdom of Heaven») // Путь науки. 2015. № 2 (12). С. 80–82.
- Зарецкая А. Н. Особенности реализации подтекста в кинодискурсе // Вестник Челябин. гос. ун-та, 2008. № 16 (117). С. 70–74.

- Капитонов Д. С.** Концепт «маленький человек» в фильмах Киры Муратовой «Чувствительный милиционер» (1992) и «Увлечения» (1994) // Артикульт. 2013. № 10. С. 124–130.
- Коссаковска-Марас М.** Особенности репрезентации концепта *ДОМ* в советском и современном российском кинематографе // Мова. 2014. № 21. С. 83–88.
- Попова З. Д., Стернин И. А.** Язык и национальная картина мира. 4-е изд., стереотип. Москва; Берлин: Директ-Медиа, 2015.
- Самодурова В. Ю.** Семиотическое выражение концепта «СУПЕРМЕН» в «Бондиане» // Вестник Иркут. гос. лингвист. ун-та. 2010. № 2. С. 150–156.
- Шестакова И. В.** Образ дома и дороги в кинотворчестве В. М. Шукшина // Изв. АлтГУ. Филология и искусствоведение. 2014. № 2 (82). С. 205–208.

Список словарей

БТС – Большой толковый словарь русского языка / Сост. и гл. ред. С. А. Кузнецов. СПб.: Норинт, 2000.

Список источников

Скрипт фильма «Елена»: <http://cinematext.ru/movie/elena-2011/>

References

- Afonina Yu. V.** Kontsept «Dom» v tvorchestve S. A. Esenina i fil'makh A. Tarkovskogo [The Concept of House in the Poems by S. Yesenin and in the Films by A. Tarkovsky]. *Sovremennoe eseninovedenie* [Modern Yesenin Studies], 2017, no. 4 (43), p. 66–71. (in Russ.)
- Getman A. A.** Lingvokul'turnyi kontsept «Vernost'» (na materiale stsenariya k khudozhestvennomu fil'mu «Kingdom of Heaven») [Linguocultural Concept 'Loyalty' on the Material of the Movie Script of the Feature Film "Kingdom of Heaven"]. *Put' nauki* [Way of Science], 2015, no. 2 (12), p. 80–82. (in Russ.)
- Kapitonov D. S.** Kontsept «malen'kii chelovek» v fil'makh Kiry Muratovoi «Chuvstvitel'nyi militsioner» (1992) i «Uvlecheniya» (1994) [The Concept of 'Little Man' in The Sentimental Policeman (1992) and Passions (1994) by Kira Muratova]. *Artikul't* [Articult]. Moscow: RGGU Publ., 2013, №10, p. 124–130. (in Russ.)
- Kossakovska-Maras M.** Osobennosti reprezentatsii kontsepta DOM v sovetskom i sovremennom rossiiskom kinematografe [The Specific Features of the Concept of 'House' Representation in Soviet and Modern Russian Cinematography]. *Mova*, 2014, no. 21, p. 83–88. (in Russ.)
- Popova Z. D., Sternin I. A.** Yazyk i natsional'naya kartina mira [Language and National Worldview]. 4th ed. Moscow, Berlin, Direkt-Media Publ., 2015. (in Russ.)
- Samodurova V. Yu.** Semioticheskoe vyrazhenie kontsepta «SUPERMEN» v «Bondiane» [The Semiotic Representation of the Concept 'Superman' in the James Bond Novels and Film Scripts]. *Vestnik Irkutskogo gosudarstvennogo lingvisticheskogo universiteta* [Irkutsk State Linguistic University Bulletin], 2010, no. 2, p. 150–156. (in Russ.)
- Shestakova I. V.** Obraz doma i dorogi v kinotvorchestve V. M. Shukshina [The Concept of 'Home' and 'Road' in the Cinematography of V. M. Shukshin]. *Izvestiya Altaiskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya i iskusstvovedenie* [Altai State University Bulletin. Philology and Art Studies], 2014, no. 2 (82), p. 205–208. (in Russ.)
- Zaretskaya A. N.** Osobennosti realizatsii podteksta v kinodiskurse [The Specific Features of Underlying Message Realization in Cinematic Discourse]. *Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta* [Chelyabinsk State University Bulletin], 2008, no. 10, p. 70–74. (in Russ.)

List of Dictionaries

Bol'shoj tolkovyj slovar' russkogo yazyka [Big Explanatory Dictionary of Russian Language].
Comp. and ed. by S. A. Kuznetsov. St. Petersburg, Norint Publ., 2000. (in Russ.)

List of Internet Sources

“Elena” script: <http://cinematext.ru/movie/elena-2011/>

Материал поступил в редколлегию

Received

09.08.2019

Сведения об авторе

Алексеева Алина Алексеевна, кандидат филологических наук, старший преподаватель кафедры общего и русского языкознания, кафедры истории, культуры и искусств Гуманитарного института НГУ (ул. Пирогова, 1, Новосибирск, 630090, Россия)
alina.alexeeva@gmail.com

Information about the Author

Alina A. Alekseeva, Candidate of Philology, Senior Lecturer of Section of General and Russian Linguistics of Novosibirsk State University (1 Pirogov St., Novosibirsk, 630090, Russian Federation)
alina.alexeeva@gmail.com

УДК 811.161.1 + 811.581 + 81'373.613
DOI 10.25205/1818-7919-2019-18-9-44-55

Семантическое освоение русским и китайским языками иноязычных лексических инноваций (на материале интернет-форумов)

В. Н. Денисенко, А. В. Денисенко, А. Н. Ширококов, Чжан Кэ

*Российский университет дружбы народов
Москва, Россия*

Аннотация

Рассматриваются способы заимствования иноязычных слов в современном русском и китайском языках, а также процессы их освоения в письменной речи участников интернет-форумов. Эта важная лингвистическая проблема приобретает особую актуальность в условиях интернетизации общества, поскольку именно в сети Интернет возникают и развиваются новые формы массового общения, коммуницируют многочисленные социальные и возрастные группы. В исследовании выявляются и сравниваются различия в способах заимствования иноязычной лексики русским и китайским языками. Сопоставительный анализ исследуемых лексических единиц показал, что как в русской, так и в китайской современной речи заимствованные слова могут развивать новую семантику путем расширения, метафоризации и метонимизации значения. Отмечается, что на формирование новых смыслов в семантической структуре заимствованных слов могут оказывать влияние контексты, в которых они употребляются.

Ключевые слова

заимствованное слово, интернет-форумы, расширение значения, метафоризация, метонимизация, сопоставительный анализ

Благодарности

Публикация подготовлена при поддержке Программы РУДН «5-100»

Для цитирования

Денисенко В. Н., Денисенко А. В., Ширококов А. Н., Чжан Кэ. Семантическое освоение русским и китайским языками иноязычных лексических инноваций (на материале интернет-форумов) // Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2019. Т. 18, № 9: Филология. С. 44–55. DOI 10.25205/1818-7919-2019-18-9-44-55

Semantic Assimilation of Foreign New Words by the Russian and Chinese Language (On the Material of Online Forums)

V. N. Denisenko, A. V. Denisenko, A. N. Shirobokov, Zhang Ke

*Peoples' Friendship University of Russia
Moscow, Russian Federation*

Abstract

The article discusses the ways of borrowing foreign words in modern Russian and Chinese language, and the processes of their adoption in written speech of participants of Internet forums. This important linguistic problem was endowed with particular relevance in the conditions of the internetization of society, since it is on the Internet that new forms of mass communication arise and develop, communicate numerous social and age groups. The study identifies and compares differences in the ways of borrowing of foreign language vocabulary in Russian and Chinese. A comparative analysis of the studied lexical units showed that, in both Russian and Chinese modern speech, loanwords can

© В. Н. Денисенко, А. В. Денисенко, А. Н. Ширококов, Чжан Кэ, 2019

ISSN 1818-7919

Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2019. Т. 18, № 9: Филология
Vestnik NSU. Series: History and Philology, 2019, vol. 18, no. 9: Philology

develop new semantics by meaning extension, metaphorizing and metonymizing. It is noted that the formation of new meanings in the semantic structure of loanwords can be influenced by the contexts in which they are used.

Keywords

loanword, Internet forum, meaning extension, metaphorizing, metonymizing, comparative analysis

Acknowledgements

The publication has been prepared with the support of the «RUDN University Program 5-100»

For citation

Denisenko V. N., Denisenko A. V., Shirobokov A. N., Zhang Ke. Semantic Assimilation of Foreign New Words by the Russian and Chinese Language (On the Material of Online Forums). *Vestnik NSU. Series: History and Philology*, 2019, vol. 18, no. 9: Philology, p. 44–55. (in Russ.) DOI 10.25205/1818-7919-2019-18-9-44-55

Главным критерием полного освоения заимствованного слова в принимающем языке считается его семантическая адаптация, которая предопределяет функциональную активность слова, регулярность его употребления, появление у него новых значений. Как в русском, так и в китайском языке заимствованные слова могут развивать новые значения в процессе их функционирования способом семантической деривации. На наш взгляд, способность заимствованных слов к развитию новых значений является одним из важных показателей глубины их освоения в заимствующем языке.

Исследуемый материал был сформирован методом сплошной выборки лексических единиц иноязычного происхождения из словарей и научных работ по данной тематике, а также текстов сообщений на русско- и китайскоязычных интернет-форумах, посвященных обсуждению общих тем: на русскоязычных форумах «iXBT Конференция»¹ в разделе «Прочие форумы» (форумы для тем, не подходящих для обсуждения на других тематических форумах) и китайскоязычных форумах «Тянья (天涯 ‘Вселенная’))»² в разделе «Ляован Тянья (了望天涯 ‘горячая точка на форумах Тянья’)» (форумы для самых обсуждаемых тем), он содержит единицы как общеупотребительной лексики, так и лексики ограниченного употребления.

Теоретико-методологической основой настоящего исследования являются работы российских и китайских лингвистов в области лексикологии, лексикографии, неологии, теории заимствования: Л. П. Крысин [2004]; А. Л. Семенов [2000]; Е. В. Маринова [2009]; Лю Чжэнтань, Гао Минкай, Май Юн цзянь, Ши Ювэй [1984]; Гэ Бэньи [2003]; Ло Чанпэй, Ху Шуанбао [2009]; Ма Чжонхун, Ян Чанчжэн [2016]. Имея в виду традиционное понимание вопроса заимствования, а также точки зрения современных лингвистов, мы рассматриваем *заимствование* как процесс перехода языковой единицы из одного языка в другой, а также процесс появления в языке новой языковой единицы под влиянием другого языка вследствие одного или нескольких языковых контактов. Итак, придерживаясь широкого понимания, мы называем *заимствованными словами* лексические единицы, образованные в результате лексического заимствования.

Согласно М. В. Никитину, «семантическая деривация – образование производных значений от исходных без изменения формы знака» [1996. С. 375]. Е. В. Падучева считает, что «основная часть моделей семантической деривации относится к одному из двух крупных классов: метафорические и метонимические переносы» [2000. С. 402]. Так, семантическую деривацию можно понимать как образование новых слов от одного исходного, идущее по метафорическим и метонимическим моделям с множественными явлениями генерализации и специализации.

Суть метафорического переноса состоит в выделении в объекте (или классе объектов) признаков, уподобляемых признакам, присущим другому классу предметов [Феоклистова, 1999]. Метафоризации подвергаются заимствованные слова, позволяющие выделить в них «специфический атрибут» [Арутюнова, 1998], который служит основой создания окказио-

¹ URL: <http://forum.ixbt.com/>.

² URL: <http://bbs.tianya.cn/>.

нальной метафоры, позднее закрепляющейся в качестве основного значения заимствованного слова.

Метонимический перенос заключается в регулярном или окказиональном переносе имени с одного класса объектов или единичного объекта на другой класс или отдельный предмет, ассоциируемый с ним по смежности, сопредельности, вовлеченности в одну ситуацию [Новиков, 2003; Павленко, 1999].

Процесс метафоризации и метонимизации на базе заимствованных слов, не отличаясь от подобного процесса развития новых значений, который происходит на базе исконной по происхождению лексики, представляет собой основной показатель их семантического освоения в системе языка-реципиента. Многие заимствованные слова расширяют свой семантический объем за счет образующихся у них переносных значений.

Развитие в заимствованном слове новых значений в процессе его семантического освоения в русском языке

Развитие новых значений у заимствованных слов может произойти путем расширения значения в процессе их функционирования в русском языке. Например, *контейнер* (от англ. *container*) в 30-е гг. XX в. заимствовалось в русский язык в значении 'стандартное вместилище для перевозки в нем грузов без упаковки разными видами транспорта' [Кузнецов, 1998]. В XXI в. в современной русской речи контейнером называют любое вместилище [Шанский, Боброва, 2018].

Графически заимствованная из английского языка аббревиатура *PR*, а также и ее варианты *ПР / пиар* (*public relation* 'связи с общественностью'), отталкиваясь от специального значения 'налаживание каналов коммуникации, по которым пойдет сообщение, подготовка сообщения с точки зрения целевой аудитории' [Кочеткова и др., 2009], стали употребляться в русской современной речи в широком значении 'практика создания и внедрения в сознание людей привлекательного образа кого-, чего-л.' [Кузнецов, 1998].

Метафорически возникшие значения у некоторых заимствованных слов могут получить фиксацию в словарях. Например, слово *тарелка* (от нем. *Teller*) в «Большом толковом словаре» русского языка имеет следующие значения: 1) название различного рода деталей, имеющих вид плоского диска; 2) разновидность НЛЮ – наблюдаемый в воздухе движущийся объект различной формы, которому приписывается взвешенное происхождение; 3) легкий пластмассовый диск для метания в воздухе во время игры [Кузнецов, 1998].

Заимствованное слово *ментор* (др.-греч. Μέντωρ 'имя воспитателя сына Одиссея из гомеровской поэмы') закрепилось в русском языке в значении 'наставник, воспитатель' [БСИС, 2007], но чаще употребляется в речи метафорически и иронически: 'о том, кто любит поучать, изрекать непререкаемые, по его мнению, истины; а также о педантичном, самодовольном, высокомерном учителе или советчике', например: *По имени воспитателя сына Одиссея из поэмы Гомера «Одиссея». Менторов никто не любит. Говорить тоном ментора* [Кузнецов, 1998].

Слово *меню* (фр. *menu* 'ограниченное количество блюд') пришло в русский язык в конце XIX в. в значении 'подбор кушаний, блюд для обеда, завтрака и т. п.; листок с перечнем предлагаемых кушаний и напитков' [Шанский, Боброва, 2018], в XX в. данное слово калькировалось (с англ. *menu*) в техническом значении 'перечень возможных вариантов работы какого-л. устройства или компьютерной программы, выведенный на экран дисплея' [Кузнецов, 1998]. В современной русской речи на базе слова *меню* появляются варианты метафорического употребления, например: *В меню отеля – бассейн, анимация, вечерние шоу* [ЭКРГ].

Заимствованные слова входят в литературный язык чаще всего в своих основных значениях, но при помощи механизма метафорического мышления могут приобретать новые значения со сниженной стилистической окраской и употребляться в качестве сленгизмов, использоваться в субстандарте, в частности в интернет-социолекте, например, *баиня* (от итал.

bastia ‘крепость’) шутливо означает ‘голову человека’ [Кузнецов, 1998]: *Когда вытють, башиню сносит*³. Слово *бантик* – уменьшительная форма заимствованного слова *бант* (от нем. *band* ‘лента, завязка’), в значении ‘украшение из ленты, тесьмы и т. п.’ используется в литературном языке и фиксируется в словаре [Кузнецов, 1998]. В молодежном сленге слово *бантик* употребляется для ироничного обозначения послушного ребенка [Казачкова, 2006. С. 12]. Значение данного сленгизма закрепилось через ассоциацию с послушным ребенком, никогда не срывающим с головы бантик, надетый родителями.

Слово *бренд* (от англ. *brand*) в конце XX в. пришло в русский язык в значении ‘торговая марка, по которой покупатель узнает производителя данного товара’ [Кузнецов, 1998]. В речи интернет-пользователей слово *бренд* реализует переносное значение ‘совокупность отличительных, характерных черт, формирующих представление о чем-л.’, например: *www.ixbt.RU входит в список «Самых известных брендов Рунета»*⁴; иногда оно претерпевает метафорический перенос, в результате чего выступает синонимом метафоры *ярлыки для людей* (‘как качество личности – склонность мысленно или словесно навешивать на других людей неприглядную табличку – результат субъективной или предвзятой их оценки’ [Федоров, 2008]), например: *Создание уникального личного бренда открывает новые возможности в профессиональной сфере*⁵. Кроме того, слово *бренд* метонимически может обозначать всемирно известную фирму, бренд которой гарантирует качество, а также продукцию данной фирмы, например: *История брендов: кто как начинал, на что делал акцент и во что превратился*⁶...; *Бренд ли Samsung или нет? Почему я больше не буду брать его*⁷.

Новые значения заимствованных слов способом метонимического переноса могут формироваться в языке-источнике и затем заимствоваться языком-реципиентом способом калькирования, а также возникать в самом заимствующем языке. Например, слово *караоке* (от япон. *kara* ‘пустой’ и *okesutora* ‘оркестр’) заимствовалось в русский язык в значении ‘вид развлечения – исполнение популярных песен под музыкальную фонограмму и видеоклип с субтитрами текста песни’ и метонимически развившемся значении ‘электронно-музыкальное устройство, предназначенное для такого развлечения’ [Кузнецов, 1998]. В современной русской речи на базе этого слова возникают случаи метонимического употребления: слово *караоке* обозначает ‘минусовку (музыкальное сопровождение без голоса исполнителя)’, например: *Где можно достать караоке-версию Jesus christ superstar?*⁸; *Караоке для DVD плеера*⁹.

Слово *порт* (фр. *port*) пришло в русский язык в значении ‘специально оборудованное место для стоянки, погрузки, разгрузки и ремонта судов’ [Кузнецов, 1998], его метонимически развившееся в русском языке значение – ‘приморский город с таким специально оборудованным местом для стоянки, погрузки, разгрузки и ремонта судов’ [Там же]. Слово *порт* также калькировалось (с англ. *port*) в новом метонимическом значении ‘устройство, с помощью которого к компьютеру могут быть подключены другие устройства’ [Там же].

Слово *чайник* – производное от заимствованного слова *чай* (кит. 茶 [ча]), в результате метонимии оно шутливо означает ‘неопытный человек, новичок в чем-л.’ [Там же], в компьютерном жаргоне употребляется в значении ‘малоопытный пользователь, человек, который не умеет целесообразно пользоваться персональным компьютером в нужном для него объеме’ [Викиреальность], например: *Питерцы! Помогите отдрессировать сканер! Чайнику помогите!*¹⁰; *Можно чайниковский вопрос: а зачем делают анонимные прокси?*¹¹. Слово

³ <https://29.ru/>.

⁴ <http://forum.ixbt.com/>.

⁵ Ibid.

⁶ Ibid.

⁷ Ibid.

⁸ Ibid.

⁹ Ibid.

¹⁰ Ibid.

¹¹ Ibid.

в метонимическом значении пришло из речи альпинистов: чайником называют новичка, совершившего свое первое восхождение на вершину горы. Вместо того чтобы заниматься обустройством лагеря, такие люди первым делом позируют фотоаппаратам, упирая одну руку в бок, а другую отставляя в сторону и опираясь на ледоруб, лыжную палку и т. д., отчего их силуэт напоминает чайник. Таким образом, термин *чайник* не имеет ничего общего с умственными способностями человека, а говорит лишь о его неопытности [Викиреальность].

Другим примером развития нового значения на основе метонимии в русском языке может послужить слово *гуру* ‘великий утвердившийся в истине’ [Википедия]. Исходное слово в индуизме имеет значение ‘духовный наставник, учитель’ [Кузнецов, 1998]. В современном русском языке это слово употребляется для обозначения профессионала в определенной области. В компьютерном жаргоне слово *гуру* метонимически употребляется в значении ‘компьютерный специалист, опытный программист’ [Викиреальность], например: *Сеть через Bluetooth! О, великие гуру, помогите поднять!*¹²; *Конфигурация компьютера – хочу купить, но вдруг обманут, вот если бы гуру-железячник (в роговых очках), сначала оценил*¹³...

Снайпер (англ. *sniper*) – фонетически заимствованное слово из английского языка в значении ‘стрелок, владеющий искусством меткой стрельбы, маскировки и наблюдения’ [Кузнецов, 1998]. В профессиональном жаргоне это слово метонимически используется в значении ‘спортсмен, без промаха забивающий гол в ворота, корзину противника’: *снайпер баскетбольной команды* [Там же]. В молодежной среде данное слово шуточно обозначает ‘одноглазый, слепой на один глаз; человек с плохим зрением’ [СИТ, 2018].

Развитие в заимствованном слове новых значений в процессе его семантического освоения в китайском языке

В китайском языке, как и в русском, у заимствованных терминов появляются новые не-терминологические значения. Входя в общеупотребительных значениях в узус, многие заимствованные специальные слова становятся частью фиксированной в толковых словарях лексики. Так, например, по мнению Лю Чжэнтаня, Гао Минкя и других китайских лингвистов, театральное слово 背景 [бэй цзин] было графически заимствовано в значении ‘задняя декорация’ от японского 背景 [хайкэ], являющегося структурной калькой английского *background* (背 ‘задний’ + 景 ‘обстановка’), а его новое переносное значение ‘фон, обстановка’ в конце XX в. уже зафиксировано словарем заимствованных слов [Лю Чжэнтань и др., 1984. С. 64]. К началу XXI в. слово 背景 стало употребляться в метафорическом переносном значении ‘скрытая причина’ в составе устойчивого оборота 政治背景 [ССКЯ, 2012. С. 57], т. е. ‘политическая подоплека’. В современной китайской речи это слово метафорически используется в значении ‘закулисная сила’, например: 别人有背景, 我只有背影 ‘За другими людьми находится покровитель, а за мной – только тень’¹⁴; 年纪轻轻就那么成功, 这恐怕还是有一定背景 ‘Он так молод и добился успехов, скорее всего, благодаря какой-то закулистной силе’¹⁵. Новое метафорическое значение развивает и другое театральное слово 后台 [хоу тай] – структурная калька англ. *backstage* (后 ‘зад’ + 台 ‘сцена’) в значении ‘помещение за сценой’, которое в переносном значении ‘негласная поддержка’ получило фиксацию в словаре [ССКЯ, 2012. С. 543].

Новая семантика заимствованной терминологической лексики в китайском языке формируется также в результате расширения значения. Например, техницизм 克隆 [кэ лон] (фонетически от англ. *clone* в значении ‘клон / клонировать – бесполое вегетативное размноже-

¹² <http://forum.ixbt.com/>.

¹³ Ibid.

¹⁴ <http://bbs.tianya.cn/>.

¹⁵ Ibid.

ние») [Лю Чжэнтань и др., 1984. С. 187] употребляется в широком значении ‘копировать, дублировать’ [ССКЯ, 2012. С. 736], например: 硬盘克隆 ‘клонирование жесткого диска’¹⁶; 怎样给苹果手机安装克隆软件? ‘Как создать дубликат приложения на iPhone?’¹⁷.

Военный термин 假想敌 [цзя сянь ди] (графически от яп. 仮想敵 [ка сотэки] в значении ‘воображаемый враг в ходе военных учений’ [Лю Чжэнтань и др., 1984. С. 157] свободно включается в речь неспециалистов для обозначения ‘воображаемого противника на пути к своей цели’, например: 每当我的假想敌在我面前哭, 我都高兴死了! ‘Я так радуюсь, когда мой **воображаемый враг** плачет передо мной в жизни!’¹⁸; 每个人都该有一个假想敌 ‘Каждый человек должен иметь **воображаемого противника**’¹⁹.

Политический термин 冷战 [лэн чжань] (графически от яп. 冷戦 [жэйсэн] в значении ‘холодная война’ [Лю Чжэнтань и др., 1984. С. 205]) приобретает новое общеупотребительное значение ‘быть в напряженных отношениях, молчаливая ссора, дуться’, например: 我还是在和同事冷战... ‘Холодная война с коллегами продолжается...’²⁰; 家庭生活中的激烈争吵总比冷战要好 ‘В семье горячая ссора лучше **холодной войны**’²¹.

Графически заимствованное слово *out* пришло в китайскую речь как компьютерный жаргонизм, в значении ‘выходить из игры проигравшим’, например: 你输了, 你out了! ‘Ты проиграл, ты **выбываешь из игры!**’²². Сейчас слово *out* используется в общеупотребительном значении ‘непопулярный, старомодный’, например: 这你都不知道, 真的out了! ‘Ты даже этого не знаешь? Совсем **отстал от жизни!**’²³; 这个包很out ‘Эта сумка **старомодна**’²⁴.

Можно перечислить некоторые заимствованные слова, которые в новом значении употребляются в современной речи активнее, чем в первично заимствованном варианте. Так, слово 撒花 [са хуа] (фонетически от монг. *sauyat* ‘плата’), как правило, используется среди участников форумов не в заимствованном значении ‘вознаграждение’ [Лю Чжэнтань и др., 1984. С. 294], а в новом значении ‘статус поздравления с хорошими результатами’ как лексическая единица, выражающая эмоцию восхищения, например: 撒花! 你是最棒的! ‘**Молодец!** Ты самый лучший человек!’²⁵; 撒花! 我终于见到他了! ‘**Красота!** Я ее, наконец, увидел!’²⁶. Слово 恐龙 [кон лон] (графически от яп. 恐竜 в значении ‘динозавр’) послужило базой для метафоры в речи пользователей Интернета и обозначает ‘некрасивую девушку, страхолюдину’, например: 帅哥爱上恐龙 ‘Красивый мужчина полюбил **некрасивую женщину**’²⁷; 我今天和一只恐龙相亲... ‘Мое ужасное первое свидание с **некрасивой девушкой**...’²⁸.

Также новые значения у заимствованных слов в китайском языке развиваются на основе сходства вновь обозначаемых явлений с уже известными явлениями. В поисках новых экспрессивных средств люди вовлекают в процесс метафоризации заимствованные лексические единицы. Например, слово 马拉松 [ма ла сон] (англ. *marathon* ‘марафон’) было заимствовано фонетическим способом в значении ‘забег на длинные дистанции как дисциплина легкой атлетики’, позже оно стало метафорой как в английском, так и в китайском языке. Его пере-

¹⁶ <http://bbs.tianya.cn/>.

¹⁷ Ibid.

¹⁸ Ibid.

¹⁹ Ibid.

²⁰ Ibid.

²¹ Ibid.

²² Ibid.

²³ Ibid.

²⁴ Ibid.

²⁵ Ibid.

²⁶ Ibid.

²⁷ Ibid.

²⁸ Ibid.

носное значение – ‘долгий, длительный процесс (чаще с отрицательным оттенком)’ [ССКЯ, 2012. С. 863], например: 马拉松会议 ‘растянутое совещание’ [Там же]; 人生不是百米赛跑, 而是马拉松 ‘Жизнь – это не бег на сто метров, а марафон’²⁹.

Структурная калька 旗舰 [ци цзань] (с англ. *flagship*: 旗 ‘флаг’ + 舰 ‘корабль’) первоначально употреблялся только в одном значении ‘флагманский корабль’, под влиянием семантики *flagship* английское выражение *flagship store* 旗舰 используется в китайских текстах в метафорическом значении ‘передовой, образцовый’ [ССКЯ, 2012. С. 1020], например, в таких сочетаниях, как 旗舰店 ‘ведущий магазин в сети магазинов’, 旗舰企业 ‘передовое предприятие’ [Там же].

Словосочетание 快餐 [куай цань] (структурная калька англ. *fast food* ‘фастфуд’: 快 ‘быстрый’ + 餐 ‘блюда’) метафорически употребляется в значении ‘что-л. удобно и быстро’, например: 快餐文化 ‘скороспелое литературно-художественное произведение’ [Там же. С. 752]; 快餐爱情 ‘скоротечные отношения между мужчиной и женщиной без обязательств’ [Энциклопедия Байду]: 快餐爱情里, 我们已经丧失爱的能力 ‘В «фастфудных отношениях» мы потеряли способность любить’³⁰.

Словосочетание 备胎 [бэй тай] (структурная калька англ. *spare tire* ‘запасное колесо’: 备 ‘запасной’ + 胎 ‘колесо’) в результате метафоризации стало использоваться для обозначения человека, к которому партнер не испытывает романтических чувств, но будет использовать его в затруднительных ситуациях [Энциклопедия Байду], например: 他是我的理想对象, 而我只是他的备胎... ‘Он для меня идеальный вариант, а я для него – всего лишь запасной...’³¹; 这个贱女人有12个备胎! ‘Эта шлюха создает 12 запасных вариантов!’³².

Многие сленгизмы, используемые для общения участниками форумов, являются результатом метафорического переосмысления заимствованных слов литературного языка. Например, этимологическая калька 冲浪 [чун лан] (англ. *surfing* ‘серфинг’: 冲 ‘устраиваться’ + 浪 ‘волна’) первоначально имела значение ‘серфинг как вид парусного спорта и водного развлечения’, а в последние годы получило метафорическое значение ‘бродить по Интернету’ [Энциклопедия Байду].

Словосочетание 潜水 [цянь шуй] (этимологическая калька англ. *driving* ‘дайвинг’: 潜 ‘спрятаться’ + 水 ‘вода’) семантически заимствовано как спортивный термин в первичном значении ‘подводное плавание’, в речи пользователей Интернета оно метафорически обозначает ‘тайком молчать на форуме (посещать форум, но не оставлять сообщений)’ [Энциклопедия Байду].

Примером формирования новых значений заимствованных слов путем метонимии в китайском языке является слово 沙龙 [ша лон] (фонетически от фр. *salon* ‘комната, гостиная’). Это слово заимствовалось в значении ‘литературный, художественный или политический кружок избранных лиц, собирающихся в частном доме’ [Лю Чжэнтань и др., 1984. С. 157]. Теперь слово 沙龙 имеет новое, метонимическое значение ‘заведение, занимающееся предоставлением услуг для населения по уходу за волосами, т. е. салон-парикмахерская’, например: 我在沙龙做了个新发型! ‘Мне сделали новую прическу в парикмахерской!’³³; 为什么去沙龙做头发总是不满意... ‘Почему в парикмахерских всегда стригут не так, как хотелось...’³⁴.

²⁹ <http://bbs.tianya.cn/>.

³⁰ Ibid.

³¹ Ibid.

³² Ibid.

³³ Ibid.

³⁴ Ibid.

Английское слово *white-collar* ‘белый воротничок’ в метонимическом значении обозначает ‘людей, которые в большинстве случаев носят белые рубашки во время работы’. Оно калькировалось китайским языком, в котором 白领 [бай лин] (白 ‘белый’ + 领 ‘воротничок’) обозначает наемного профессионала или образованного сотрудника, выполняющего офисные или административные координационные задачи [Гэ Бэньи, 2003. С. 56]. Постепенно значение слова все более упрощалось, стало нарицательным обозначением работника интеллектуального (умственного) труда [ССКЯ, 2012. С. 25].

Слово 马赛克 [ма сай кэ] (от англ. *mosaic* ‘мозаика’) пришло в китайский язык в значении ‘отделочный материал, являющийся совокупностью мелких плиток квадратной или гексагональной формы различных цветов, из которых составляется напольный или настенный узор’ [Лю Чжэнтань и др., 1984. С. 225]. Данное слово на китайской почве развило новое значение ‘рисунок или орнамент из таких материалов’ [ССКЯ, 2012. С. 863] и ‘рисунок (составляющийся, как правило, из полупрозрачных квадратиков), похожий на мозаику, используемый иногда специально для скрытия или замаскирования элемента на фотографии или видео’ [Там же].

Слово 沙发 [ша фа] было фонетически заимствовано от английского *sofa* ‘диван’ в значении ‘мягкое кресло с пружиной и мягкой набивкой’ [Лю Чжэнтань и др., 1984. С. 305]. В пространстве Интернета слово 沙发 получило метонимическое значение ‘человек, который сидит на диване’, этим словом называют участника форума, который отвечает на новую тему первым [Энциклопедия Байду]. Это связано с тем, что автор создает тему на форуме и старается привлечь к обсуждению как можно больше участников – это все равно, что хозяин приглашает людей к себе в гости: дома есть диван и стулья для гостей, можно посадить первого посетителя на диван в знак уважения, а второго – на стул, третьего и следующих – остается только на пол [Там же].

Слово 酱油 [цзяню] (графически от яп. 醤油 [шойо] ‘соевый соус’) первоначально обозначал ингредиент кулинарии, продукт ферментации соевых бобов под воздействием грибов рода аспергилл [ССКЯ, 2012. С. 645], теперь оно употребляется пользователями Интернета, а также в обычной жизни в значении ‘постороннее лицо’, например: 酱油男 ‘посторонний’; 酱油族 ‘группа равнодушных людей, которые ничем не интересуются’ [Энциклопедия Байду]. Слово получило новое значение в интервью с одним крестьянином: когда спрашивали его мнение о какой-то сенсационной новости, он ответил спокойным тоном: 这和我无关, 我是来打酱油的 ‘Это меня не касается, я же тут **соевый соус покупаю**’, отсюда и появилось новое значение выражения 打酱油 ‘покупать соевый соус’ – ‘меня это не касается, я просто проходил мимо’ [Там же].

Заключение

Приведенные выше примеры из письменной речи интернет-пользователей свидетельствуют о том, что важнейшими показателями успешного освоения заимствованных слов в процессе их функционирования в русском и китайском языках являются их возросшая валентность, экспрессивность, расширение значения, возникновение новых значений, определенная метафоризация и метонимизация значения.

Список литературы

- Арутюнова Н. Д. Язык и мир человека. М.: Языки русской культуры. 1998. 896 с.
Гэ Бэньи. Лексика современного китайского языка. Цзинань: Изд-во Шаньдонского ун-та, 2003. 1027 с. (на кит. яз.)
Казачкова Е. М. Формирование и функционирование молодежного сленга в лингвокультурной среде: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 2006. 16 с.

- Кочеткова А. В., Филиппов В. Н., Скворцов Я. Л., Тарасов А. С.** Теория и практика связей с общественностью. СПб.: Питер, 2009. 240 с.
- Крысин Л. П.** Русское слово, свое и чужое: Исследования по современному русскому языку и социолингвистике. М.: Языки славянской культуры, 2004. 888 с.
- Ло Чанпэй, Ху Шуанбао.** Язык и культура. Пекин: Изд-во Пекин. ун-та, 2009. 221 с. (на кит. яз.)
- Лю Чжэнтань, Гао Минкай, Май Юнцзянь, Ши Ювэй.** Словарь заимствованных слов в китайском языке. Шанхай: Цышу, 1984. 422 с. (на кит. яз.)
- Ма Чжонхун, Ян Чанчжэн.** Новые СМИ, Новая молодежь, Новая культура: исследование феномена популярной культуры в Интернете среди китайской молодежи. Пекин: Изд-во Университета Цинхуа, 2016. 372 с. (на кит. яз.)
- Маринова Е. В.** Иноязычные слова в русской речи конца XX – начала XXI века: проблемы освоения и функционирования: Дис. ... д-ра филол. наук. М., 2009. 509 с.
- Никитин М. В.** Курс лингвистической семантики: Учеб. пособие для студентов, аспирантов и преподавателей лингвистических дисциплин в школах, лицеях, колледжах и вузах. СПб.: Научный центр проблем диалога, 1996. 756 с.
- Новиков Л. А.** Современный русский язык: Фонетика. Лексикология. Словообразование. Морфология. Синтаксис. СПб.: Лань, 2003. 864 с.
- Павленко Г. В.** Проблема освоения иноязычных заимствований: языковой и речевой аспекты (на материале англицизмов конца XX века): Автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 1999. 27 с.
- Падучева Е. В.** О семантической деривации: слово как парадигма лексем // Русский язык сегодня (сборник памяти Д. Н. Шмелева). М.: Азбуковник, 2000. С. 395–417.
- Семенов А. Л.** Лексика китайского языка. М.: Муравей, 2000. 312 с.
- ССКЯ – Словарь современного китайского языка. 6-е изд., юбилейное, испр. и доп. Пекин: Коммерческое издательство, 2012. 1789 с. (на кит. яз.)
- Феоклистова В. М.** Иноязычные заимствования в русском литературном языке 70–90-х гг. XX века: Дис. ... канд. филол. наук. Тверь, 1999. 227 с.

Список интернет-источников

- БСИС – Большой словарь иностранных слов (М.: ИДДК, 2007) // Словари и энциклопедии на Академике. URL: <http://dic.academic.ru/>
- Википедия. URL: <https://ru.wikipedia.org/>
- Викиреальность: Свободная энциклопедия Интернета. URL: <http://www.wikireality.ru/>
- Кузнецов С. А.** Большой толковый словарь русского языка. 1-е изд. СПб.: Норинт, 1998. Электронная версия. 2009. URL: <https://gufo.me/dict/kuznetsov/>.
- СИТ – Словарь интернет-терминов, интернет-сленга и жаргона. 2018. URL: <http://internet-rabota.net/>.
- Федоров А. И.** Фразеологический словарь русского литературного языка (М.: Астрель, АСТ, 2008) // Словари и энциклопедии на Академике. URL: <https://phraseology.academic.ru/>.
- Шанский Н. М., Боброва Т. А.** Школьный этимологический словарь русского языка. 3-е изд. М.: Дрофа, 2004. Электронная версия. 2018. URL: <https://lexicography.online/>.
- ЭКРГ – Электронный корпус русских газет. Лаборатория общей и компьютерной лексикологии и лексикографии МГУ им. М. В. Ломоносова. URL: <http://www.philol.msu.ru/>.
- Энциклопедия Байду. (на кит. яз.) URL: <https://baike.baidu.com/>.

References

- Arutyunova N. D.** Yazyk i mir cheloveka [The Human Language and World]. Moscow, Yazyki russkoi kul'tury Publ., 1998, 896 p. (in Russ.)

- Dictionary of Modern Chinese. 6th Edition, for Anniversary, Revised and Enlarged. Beijing, Commercial Publ., 2012, 1789 p. (in Chin.)
- Feoklistova V. M.** Inoyazychnye zaimstvovaniya v russkom literaturnom yazyke 70–90-kh gg. XX veka [Foreign Borrowings in the Literary Russian Language of 1970–1990s]. Cand. phil. sci. diss. Tver, 1999, 227 p. (in Russ.)
- Ge Benyi.** Modern Chinese Lexis. Jinan, Shandong University Publ., 2003, 1027 p. (in Chin.)
- Kazachkova E. M.** Formirovanie i funktsionirovanie molodezhnogo slenga v lingvokul'turnoi srede [Formation and Functioning of Youth Slang in the Linguocultural Environment]. Cand. phil. sci. syn. diss. Moscow, 2006, 16 p. (in Russ.)
- Kochetkova A. V., Filippov V. N., Skvortsov Y. L., Tarasov A. S.** Theory and practice of public relations. St. Petersburg, Peter, 2009. 240 p. (in Russ.)
- Krysin L. P.** Russkoe slovo, svoe i chuzhoe: Issledovaniya po sovremennomu russkomu yazyku i sotsiolingvistike [Russian Word, Own and Foreign: Studies in the Modern Russian Language and Sociolinguistics]. Moscow, Yazyki slavyanskoi kul'tury Publ., 2004, 888 p. (in Russ.)
- Liu Zhengtan, Gao Mingkai, Mai Yongqian, Shi Youwei.** Dictionary of Loanwords in Chinese. Shanghai, Shanghai Lexicographical Publ., 1984, 422 p. (in Chin.)
- Luo Changpei, Hu Shuangbao.** Language and Culture. Beijing, Beijing University Press, 2009, 221 p. (in Chin.)
- Ma Zhonghong, Yang Changzheng.** New Media, New Youth, New Culture: A Study of the Popular Culture Phenomenon of Chinese Youth Network. Beijing, Tinghua University Press, 2016, 372 p. (in Chin.)
- Marinova E. V.** Inoyazychnye slova v russkoi rechi kontsa XX – nachala XXI veka: problemy osvoeniya i funktsionirovaniya [Foreign Words in Russian Speech of Late 20th – Early 21st Centuries: Issues of Assimilation and Functioning]. Dr. phil. sci. diss. Moscow, 2009, 509 p. (in Russ.)
- Nikitin M. V.** Kurs lingvisticheskoi semantiki [The Course of Linguistic Semantics]. A Tutorial for Students, Graduate Students, and Teachers of Linguistic Courses in Schools, Lyceums, Colleges, and Universities. St. Petersburg, Nauchnyi tsentr problem dialoga Publ., 1996, 756 p. (in Russ.)
- Novikov L. A.** Sovremenniy russkii yazyk: Fonetika. Leksikologiya. Slovoobrazovanie. Morfolo-giya. Sintaksis [Modern Russian Language: Phonetics. Lexicology. Word Formation. Morphology. Syntax]. St. Petersburg, Lan' Publ., 2003. 864 p. (in Russ.)
- Paducheva E. V.** O semanticheskoi derivatsii: slovo kak paradigma leksem [On Semantic Derivation: the Word as a Paradigm of Lexemes]. In: Russkii yazyk segodnya (sbornik pamyati D. N. Shmeleva) [Russian Language Today (In the Memory of D. N. Shmelev)]. Moscow, Azbukovnik Publ., 2000, p. 395–417. (in Russ.)
- Pavlenko G. V.** Problema osvoeniya inoyazychnykh zaimstvovaniy: yazykovoi i rechevoi aspekty (na materiale anglitsizmov kontsa XX veka) [The Problem of Mastering of Foreign Language Loanwords: Linguistic and Speech Aspects (on the Material of English Loanwords in the Late 20th Century)]. Cand. phil. sci. syn. diss. Moscow, 1999, 27 p. (in Russ.)
- Semenas A. L.** Leksika kitaiskogo yazyka [Chinese Lexis]. Moscow, Muravei Publ., 2000, 312 p. (in Russ.)

List of Internet Sources

- Baidu Encyclopedia. (in Chin.) URL: <https://baike.baidu.com/> (accessed 07.08.2019).
- Bolshoi slovar' inostrannykh slov [Large Dictionary of Foreign Words]. (in Russ.) URL: <http://dic.academic.ru/> (accessed 07.08.2019).
- Elektronnyi korpus russkikh gazet. Laboratoria obshechei i komp'yuternoii leksikologii i leksikografii MGU im. M. V. Lomonosova [Digital Russian Newspaper Corpus. Laboratory of General and

- Computer Lexicology and Lexicography of M. V. Lomonosov Moscow State University]. (in Russ.) URL: <http://www.philol.msu.ru/> (accessed 07.08.2019).
- Fedorov A. I.** Frazеologicheskii slovar' russkogo literaturnogo yazyka [Phraseological Dictionary of the Literary Russian Language]. Moscow, Astrel, AST Publ., 2008, digital edition. (in Russ.) URL: <https://phraseology.academic.ru/> (accessed 07.08.2019)
- Kuznetsov S. A.** Bol'shoi tolkovyi slovar' russkogo yazyka [Great Explanatory Russian Dictionary]. 1st ed. St. Petersburg, Norint Publ., 1998. (in Russ.) URL: <https://gufo.me/dict/kuznetsov/> (accessed 07.08.2019).
- Shansky N. M., Bobrova T. A.** Shkol'nyi etimologicheskii slovar' russkogo yazyka [Russian Etymological Dictionary for Students]. Digital edition. Moscow, Drofa, 2018. (in Russ.) URL: <https://lexicography.online/> (accessed 07.08.2019).
- Slovar' internet-terminov, internet-slenga i zhargona [Dictionary of Internet Terms, Slang, and Jargon]. 2018. (in Russ.) URL: <http://internetrabota.net/> (accessed 07.08.2019).
- Vikireal'nost: Svobodnaya entsiklopedia Interneta [Wikireality: A Free Internet Encyclopedia]. (in Russ.) URL: <http://www.wikireality.ru/> (accessed 07.08.2019).
- Wikipedia. (in Russ.) URL: <https://ru.wikipedia.org/> (accessed 07.08.2019).

*Материал поступил в редколлегию
Received
09.09.2019*

Сведения об авторах

Денисенко Владимир Никифорович, доктор филологических наук, профессор кафедры общего и русского языкознания филологического факультета Российского университета дружбы народов (Москва, Россия)
denissenko_vn@rudn.ru

Денисенко Анастасия Владимировна, кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка Инженерной академии Российского университета дружбы народов (Москва, Россия)
denissenko_av@rudn.ru

Широбокков Александр Николаевич, кандидат технических наук, доцент Российского университета дружбы народов (Москва, Россия)
shirobokov_an@rudn.ru

Чжан Кэ, аспирант кафедры общего и русского языкознания филологического факультета Российского университета дружбы народов (Москва, Россия)
ke6831@yandex.ru

Information about the Authors

Vladimir N. Denisenko, the Head of Department of General and Russian Linguistics of Peoples' Friendship University of Russia (Moscow, Russian Federation)
denissenko_vn@rudn.ru

Anastasya V. Denisenko, PhD of Philology, Associate Professor, Associate Professor of Chair of General and Russian linguistics, Faculty of Philology, Peoples' Friendship University of Russia (Moscow, Russian Federation)
denissenko_av@rudn.ru

Alexandre N. Shirobokov, PhD of Philology, Associate Professor, Peoples' Friendship University of Russia (Moscow, Russian Federation)
shirobokov_an@rudn.ru

Zhang Ke, postgraduate student of the Department of General and Russian Linguistics of Peoples' Friendship University of Russia (Moscow, Russian Federation)
ke6831@yandex.ru

УДК 811.161.1 + 811.531 + 81'367.335.2 + 81'25
DOI 10.25205/1818-7919-2019-18-9-56-64

Синтаксические особенности сложноподчиненных предложений русского языка с обратной подчинительной связью и способы их перевода на корейский язык

Ли Воннам

*Университет имени Ким Ир Сена
Пхеньян, КНДР*

Аннотация

Статья посвящена вопросам преподавания русского языка как иностранного для корейцев, в частности вопросам синтаксических особенностей сложноподчиненных предложений русского языка с обратной подчинительной связью в целях обучения правильному переводу таких предложений на корейский язык.

Ключевые слова

сложноподчиненные предложения, прямая подчинительная связь, обратная подчинительная связь

Для цитирования

Ли Воннам. Синтаксические особенности сложноподчиненных предложений русского языка с обратной подчинительной связью и способы их перевода на корейский язык // Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2019. Т. 18, № 9: Филология. С. 56–64. DOI 10.25205/1818-7919-2019-18-9-56-64

Syntactic Traits of Russian Complex Sentences with Subordinate Clauses with Reverse Subordinative Relations and Ways of Their Translation into Korean

Li Wongnam

*Kim Il-sung University
Pyongyang, Democratic People's Republic of Korea*

Abstract

Russian complex with reverse subordinative relations between clauses are characterized by asymmetric relations between their form and content: the main clause is formed as a subordinate one because it includes the relation marker, namely the subordinate conjunction or conjunction-like word; the formally subordinate clause is in reality the main one according to its meaning. In the Russian language, this serves as syntactic means of expressiveness (sudden and unexpected change in circumstances, etc.), implicit modus meanings, or actualization of various relations. To preserve these meanings, various expanded means of expression of all meanings are used to translate such sentences into Korean: implicit modus meanings are made explicit with the help of independent predicative units, relations of immediate consecution are expressed via special lexical units, and some parts of Russian complex sentences may sometimes be represented as separate sentences in Korean in order to actualize the rhematic parts.

Keywords

complex sentences, direct subordinative relations, inverse subordinative relations

For citation

Li Wongnam. Syntactic Traits of Russian Complex Sentences with Subordinate Clauses with Reverse Subordinative Relations and Ways of Their Translation into Korean. *Vestnik NSU. Series: History and Philology*, 2019, vol. 18, no. 9: Philology, p. 56–64. (in Russ.) DOI 10.25205/1818-7919-2019-18-9-56-64

© Ли Воннам, 2019

ISSN 1818-7919

Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2019. Т. 18, № 9: Филология
Vestnik NSU. Series: History and Philology, 2019, vol. 18, no. 9: Philology

При изучении русского языка как иностранного одним из труднейших вопросов является правильное понимание и перевод сложноподчиненных предложений (СПП) с обратной подчинительной связью (ОПС). В них используются инверсивные союзы, «переворачивающие» факты [Пешковский, 1959]: придаточное называет событие, а главное определяет время, причину или условие осуществления этого события, т. е. главным по смыслу является придаточное, и наоборот: формально главная часть является зависимой по существу.

Основополагающим при изучении русского языка как иностранного является грамматический анализ предложений, в центре внимания находятся грамматические связи между частями СПП, перевод начинается с придаточных частей независимо от характера СПП. Такой метод вполне оправдан при переводе СПП с прямой подчинительной связью (ППС), но перевод СПП с ОПС вызывает затруднения.

В СПП с ППС наблюдается соответствие между структурой и семантикой: главная часть подчиняет себе придаточную и по смыслу, и по форме. В предложениях с ОПС дело обстоит иначе: зависимая по структуре часть является главной по смыслу. Предложения с асимметричными отношениями между планом выражения и планом содержания подробно изучены в русистике (см. [Бабайцева, Максимов, 1987; Белашапкина, 1977; Колосова, 1980; Пешковский, 1959; Поспелов, 1990; Русская грамматика, 1980] и мн. др.).

В корейской лингвистике предложения с ППС изучены глубоко и всесторонне [현대어어종속복합문연구», 2004], в том числе в свете методики преподавания русского языка как иностранного. Однако предложения с ОПС исследованы недостаточно. Для улучшения преподавания русского языка необходимо охарактеризовать специфику СПП с ОПС и определить эффективные способы их перевода на корейский язык.

Специфика русских сложноподчиненных предложений с обратной подчинительной связью

СПП с ОПС обладают следующими отличительными особенностями.

Во-первых, в отличие от предложений с ППС, где придаточная часть по смыслу зависит от главной, в предложениях с ОПС зависимой по смыслу является формально главная часть, поэтому нельзя задать прямой вопрос от главной части к придаточной на основе содержания последней.

В предложениях с ОПС между частями часто устанавливаются отношения причины или условия, при этом главная часть указывает на причину или условие, а придаточная – на порождаемые ими следствия, в то время как в предложениях с ППС соотношение смыслов в главной и придаточной частях обратное: придаточная часть указывает на причину или условие, а главная – на порождаемые ими следствия.

Собственно обратная причинность выражается в СПП с придаточными следствия и присоединительными, например:

У заборов росли липы, бросавшие теперь при луне широкую тень, **так что** заборы и ворота на одной стороне совершенно утопали в потемках (А. П. Чехов. Три года);
Его не было дома, **почему** я и оставил записку (А. С. Пушкин).

Обратная причинность наблюдается также в СПП с причинными и условными и определительными придаточными, например:

Теперь, по-видимому, обоих нет дома, **так как** никто не выходит на лай громадной овчарки (В. Г. Короленко. Слепой музыкант);

В доме, наверное, все спали, **потому что** в окнах не было света и никто не отвечал на стук в дверь (А. П. Чехов. Черный монах);

В нижнем этаже, под балконом, окна, вероятно, были открыты, **потому что** отчетливо слышались женские голоса и смех (А. П. Чехов. Черный монах);

Если везут меня так далеко, стало быть, я там нужен, значит, без меня нельзя обойтись;

Видимо, предварительные соображения будут подготовлены в МГБ, все руководство **которого** собралось в среду на экстренное совещание по «текущим вопросам».

В предложениях с ОПС могут передаваться временные отношения, при которых действие главной части предшествует действию придаточной, например:

Алексей Петрович уже собирался скрыться, **когда** она распахнула дверь;
Он пошел было по дороге, **когда** кто-то окликнул его;
Мы уже начали работу, **как** прибежал Коля.

Обратная подчинительная связь встречается также в СПП с придаточными места, цели и определительными:

Они пошли осмотреть конюшню, **в которой** видели двух коней;
Она встретила его строгим, внимательным взглядом, **от которого** Владимир весь съежился и решил, что он не пробудет в этом доме ни часу дольше;
Он ушел в степь, **где** провел несколько дней;
Он вылез на берег там, **где** он и увидел баржу;
Мы все искали его там, **где** и нашли;
Вскоре после того как дом был построен, его хозяева уехали, **с тем чтобы** никогда не вернуться;
Разбившись о борт на миллиарды брызг, волны откатывались на миг в глубину реки, **чтобы** тотчас с еще большей силой повторить наскок.

Во-вторых, предложения с ОПС обычно относятся к расчлененным. Исключение составляют СПП с придаточными определительными и места, в которых связь между предикативными частями обуславливается особенностью именных или местоименных слов в главной части. Морфологические характеристики имен и коррелятивность местоименных слов подчеркивают предсказуемость и обязательность придаточной части, к которой они относятся, поэтому в грамматическом отношении они сохраняют нерасчлененность. Все остальные типы предложений с ОПС (с придаточными следствия, присоединительными, причины, условными, уступительными, времени и цели) имеют расчлененную структуру.

Расчлененный характер предложений с ОПС проявляется в невозможности употребления коррелятов. Даже в составных союзах коррелятивный компонент не отделяется от союзного. При наличии коррелятов в главной части структурные и семантические отношения между частями изменяются: предложение становится нерасчлененным с прямыми подчинительными отношениями, ср.:

Коля Собачкин... ехал обок с предводительскими санями и, по-видимому, говорил нечто острое, **потому что** пикантная предводительница хохотала и грозила ему пальчиком (М. Е. Салтыков-Щедрин. Помпадур и помпадурши);
Священник зажег две украшенные цветами свечи, держа их боком в левой руке, **так что** воск капал с них медленно (Л. Н. Толстой. Анна Каренина).

Первое предложение является СПП с ОПС, где главная часть указывает на заключение о причине действий придаточной части (*хохотала, грозила*). Придаточная часть выражает основания для заключения, названного в главной части. Однако если отделить от составного союза коррелятивный компонент *потому* и переставить его в главную часть, то смысловые отношения изменятся: придаточная часть приобретает значение причины. Во втором предложении при перестановке коррелятивного компонента составного союза *так* в главную часть отношения следствия меняются на отношения образа действия, ср.:

Коля Собачкин... ехал обок с предводительскими санями и, по-видимому, говорил нечто острое **потому, что** пикантная предводительница хохотала и грозила ему пальчиком;
Священник зажег две украшенные цветами свечи, держа их боком в левой руке **так, что** воск капал с них медленно.

Таким образом, при отделении коррелятивного компонента от составного союза и перестановке его в главную часть изменяется характер связи между предикативными частями, и ОПС превращается в ППС. При этом в СПП устраняется расчлененность и появляется нерасчлененность.

В-третьих, ОПС проявляется и во многих СПП с устойчивой структурой, таких как *стоит (стоило) – чтобы (как, как вдруг), довольно (достаточно) – чтобы (как), слишком – чтобы, не успел (не прошло) – как (как вдруг)*, главная часть которых указывает на время, условие и причину действия придаточной части, например:

Стоит сказать одно слово, **как** он перебивает;
Стоит только ему отойти в сторону, **чтобы** пропустить машину;
Стоило только закрыть глаза, **чтобы** вспомнить о детстве;
Достаточно было притопнуть ногой, **как** с лакированных туфель сразу слетела пыль;
Достаточно было прочесть пять-шесть страниц, **чтобы** он утомлялся и снимал очки;
Он **слишком** умен, **чтобы** не понять этого;
Он **слишком** увлекается работой, **чтобы** серьезно думать о личной жизни.

В-четвертых, в СПП с ОПС важную роль играют вводные слова и частицы. Так, благодаря вводным словам *вероятно, должно быть, кажется, видно, возможно* и др. в зависимой от смысла части выражается основание для заключения, например:

Видно, за ужином было шумно и весело, **потому что** часто долетал громкий говор и смех

(громкий говор и смех являются основанием для вывода о том, что за ужином было шумно и весело).

Обратное подчинение характерно для временных предложений, в которых в формально главной части стоит сочетание *еще не* с некоторыми видовременными формами глаголов. Ср. два предложения:

Брат вернулся домой, **когда** принесли телеграмму

(СПП с ППС, так как придаточная часть указывает на время действия главной части);

Брат **еще не** вернулся домой, **когда** принесли телеграмму

(СПП с ОПС, так как на время действия придаточной указывает главная часть).

В-пятых, при обратном подчинении определенную роль могут играть и видовременные отношения между сказуемыми предикативных частей. Во временных СПП с ОПС сказуемое главной части может выражаться глаголом несовершенного вида, тогда как сказуемое придаточной – глаголом совершенного вида, например:

Я едва **держалась** на ногах, когда моя бабушка **увезла** меня к себе в деревню.

В-шестых, во всех СПП с ОПС, кроме предложений с придаточными определительными и места, имеющих обратную подчинительную связь при сохранении нерасчлененного характера, придаточная часть, как правило, ставится после главной. Только в некоторых предложениях с союзами *когда, если, раз* наблюдаются случаи постановки придаточной части перед главной, что зависит от коммуникативного членения предложения, например:

Когда он отыскал свою дачу и узнал ее, уже заходило солнце (А. П. Чехов. Попрыгунья);

Если Виктор Семенович звонит, значит, заехал через границу в Борисовский район.

Русские СПП с ОПС переводятся на корейский язык методом «нисходящего» перевода, т. е. начиная с формально главной части, стоящей в начале предложения. Это объясняется тем, что в предложениях с ОПС главная часть обуславливает придаточную по смыслу, и только начав перевод с главной части, можно обеспечить логическую связь между содержанием предикативных частей СПП. «Восходящий» способ перевода, т. е. перевод с придаточной части, стоящей после главной, применяется только в предложениях с придаточными причины и условия, связанных обратной подчинительной связью, а также в некоторых предложениях устойчивой структуры с ОПС.

Способы перевода русских сложноподчиненных предложений с обратной подчинительной связью на корейский язык

Для СПП с придаточными следствия и присоединительными установлено, что оптимальным для них является нисходящий способ перевода: сначала переводится главная часть, затем придаточная. Возможно также представление частей русского сложного предложения в виде самостоятельных предложений.

В СПП с придаточными причины и следствия, связанных обратной подчинительной связью, в отличие от других типов СПП с ОПС, можно применять способ восходящего перевода. Это связано с тем, что, хотя главная часть обуславливает придаточную в смысловом отношении, она передает предполагаемый факт, поэтому придаточная часть указывает на основания или условия для этого предположения:

Теперь, по-видимому, никого нет дома, так как никто не выходит на лай собак.

개 짖는 소리에 누구도 나오지 않는것을 보니 지금 집안에 아무도 없는 모양이다.

Букв.: **По тому, что** никто не выходит на лай собак, **можно предположить, что** теперь никого нет дома.

Причина, о которой идет речь в главной части (никого нет дома), обуславливает следствие, о котором говорится в придаточной (никто не выходит). Однако то, что никого нет дома, представляется здесь не как подтвержденный факт, а как предположение. Основания же для этого предположения в придаточной части не раскрываются. При переводе следует выявить модальное значение предположения, о котором идет речь в главной части, целесообразно начать перевод с придаточной части, где указывается основание для предположения.

Для перевода СПП с придаточными причины и следствия, связанных обратной подчинительной связью, применяется другой способ: сначала переводится придаточная часть, этот перевод связывается с переводом главной части с помощью корейского выражения (는)것을 보니(보면) ‘по тому, что...’, ‘можно предположить, что...’, например:

На нижнем этаже окна, **вероятно**, были открыты, **потому что** отчетливо слышались женские голоса.

녀자들의 목소리가 똑똑히 들려온것을 보니 아래층 창문들이 열려져있었던것 같다.

Букв.: **По тому, что** отчетливо слышались женские голоса, **можно предположить, что** окна на нижнем этаже были открыты.

Вы **слишком** добры, **что** еще заботитесь.

아직도 돌봐주는걸 보면 당신은 마음이 비단결 같다.

Букв.: **По тому, что** вы еще заботитесь, **можно предположить, что** вы очень добры.

Если везут меня так далеко, **стало быть**, я там нужен, значит, без меня нельзя обойтись.

나를 이렇게 멀리 데려가는것을 보니 내가 꼭 필요하고 내가 없이는 안되겠던 모양이다.

Букв.: **По тому, что** везут меня так далеко, **можно предположить, что** я там нужен, без меня нельзя обойтись.

В подобных СПП можно применять и нисходящий способ перевода, прежде всего тогда, когда главная часть стоит в препозиции, а придаточная осложнена или распространена. В переводе употребляется конструкция (아마) ... 는지 ... 다 ‘наверное, ..., и поэтому...’. Возможен также перевод, при котором части СПП оформляются как самостоятельные простые предложения.

В доме, **наверное**, все спали, **потому что** в окнах не было света и никто не отвечал на стук в дверь.

집안에서는 다들 자고**있는지** (**자고있었던 모양이다. 그래서 그런지**) 창문에 불이 꺼져있었고 문을 두드려도 누구도 대답하는 사람이 없었다.

Букв.: **Наверное**, в доме все спали, **и поэтому** в окнах не было света и никто не отвечал на стук в дверь.

СПП фразеологизированной структуры типа *стоит (стоило) ... как, достаточно (довольно)*, ... *как* переводятся при помощи конструкции (...기만) *하면 ...다* ‘едва ... , как ...’.

Стоит сказать одно слово, **как** он перебивает меня.

말꼭지를 떼기만 하면·떼기 바쁘게) 그는 내 말을 막군 한다.

Букв.: **Едва** я начну говорить, **как** он сразу перебивает меня.

Уступительные СПП с ОПС переводятся нисходящим способом, т. е. способом опережающего перевода главной части в соответствии с логикой развития явлений, так как в данных СПП главная часть указывает на объективное условие или причину, а придаточная – на противоречащее им следствие. При этом на месте уступительного союза используется противительный союз:

Нет дождя, **хотя** он взял зонтик.

비가 오지 않지만 그는 우산을 가지고 갔다.

Букв.: Нет дождя, **но** он взял зонтик.

В этом случае важно коммуникативное членение предложения. В данном предложении придаточная часть *хотя он взял зонтик* занимает позицию ремы, благодаря чему предложение могло приобрести характер ОПС, поэтому его актуальное значение адекватно передается только при нисходящем способе перевода.

Основным способом перевода временных СПП с ОПС с отношениями последовательности событий признается нисходящий перевод. Это объясняется тем, что в данных предложениях главная часть указывает на предшествующее действие, так что для логического оформления перевода предложения следует сначала перевести главную часть.

В СПП с придаточными времени, связанных обратной подчинительной связью, как правило, сначала переводится главная часть, а затем придаточная, для связи частей используются выражения *막 ... 하려는데* ‘собираться было...’, *...하려는 참인데* ‘как только...’, *...하는데* ‘едва ... , как...’.

Мы **уже** начали работу, **как** прибежал Коля.

우리가 이미 작업을 시작했는데 끌라가 뛰어왔다.

Букв.: **Как только** мы начали работу, прибежал Коля.

Для перевода определительных СПП с ОПС также применяется нисходящий способ. При этом русское союзное слово либо заменяется местоимением, либо используется повтор именного (опорного) слова:

Они пошли осмотреть **конюшню, в которой** видели двух коней.

그들은 마구간을 돌아보려고 갔는데 거기에서 말 두필을 보게 되었다.

Букв.: Они пошли осмотреть конюшню и **там** видели двух коней.

Он ушел **в степь, где** провел несколько дней.

그는 초원으로 갔는데 거기에서 며칠을 지냈다.

Букв.: Он ушел в степь и **там** провел несколько дней.

Если главная часть стоит в препозиции и имеет относительную смысловую и структурную самостоятельность, а придаточная распространена, то можно использовать нисходящий способ перевода с оформлением частей сложного предложения как отдельных предложений, например:

Она встретила его строгим, внимательным **взглядом, от которого** Владимир весь съёжился и решил, что он не пробудет в этом доме ни часу дольше.

그 녀자는 그를 엄하고 신중한 눈길로 맞아주었다. 그 눈길을 보자 올라지미르는 온몸이 오싹해졌고 이 집에 한시간도 더 머무를수 없다고 생각하였다.

Букв.: Она встретила его строгим, внимательным взглядом. **От этого взгляда** Владимир весь съёжился и решил, что он не пробудет в этом доме ни часу дольше.

СПП с придаточными места, связанные обратной подчинительной связью, переводятся таким же образом, что и СПП с придаточными определительными. Однако, учитывая, что в качестве опорного употребляется местоименное слово, при переводе его следует повторить вместо союзного слова, а опорное слово в главной части, как правило, не переводится.

Он вылез на берег **там, где он и** увидел баржу.

그는 기슭으로 기어나갔는데 바로 그곳에서 끝배를 보게 되었다.

Букв.: Он вылез на берег, **а именно там** увидел баржу.

Мы все искали его **там, где и** нашли.

우리는 모두가 그를 찾아보았는데 찾던 곳에서 그를 찾아냈다.

Букв.: Мы все искали его, **а именно там** нашли его.

СПП с придаточными цели, связанные обратной подчинительной связью, также переводятся нисходящим способом.

Вскоре после того как дом был построен, его хозяева уехали, **с тем чтобы** никогда не вернуться.

집이 다 건설되자 그 집주인들은 곧 떠나갔다가 다시는 돌아오지 않았다.

Букв.: Вскоре после того как дом был построен, его хозяева уехали и никогда не вернулись.

Разбившись о борт на миллиарды брызг, волны откатывались на миг в глубину реки, **чтобы** тотчас с еще большей силой повторить наскок.

파도는 배전에 부딪쳐 수십억개의 잔 물방울로 부서져서는 잠시 깊은 강물속으로 말려들어갔다 곧 더 세차게 다시 밀려들군 했다.

Букв.: Разбившись о борт на миллиарды брызг, волны откатывались на миг в глубину реки и тотчас с еще большей силой повторяли наскок.

Для перевода предложений с устойчивыми оборотами типа *слишком (чересчур) ... чтобы, достаточно (довольно) ... чтобы, стоит (стоило) ... чтобы* и т. п. используется нисходящий способ.

Предложения со структурой *слишком ... чтобы* переводятся обычно при помощи конструкции *지나치게(너무) ... 하여 ... 다* ‘слишком..., и (поэтому)...’, положительная форма сказуемого придаточной части заменяется при этом отрицательной, а отрицательная – положительной, ср.:

Он **слишком** умен, **чтобы не** понять этого.

그는 너무 똑똑해서 이것을 리해하지 못할수 없다.

Букв.: Он **слишком** умен, **и** не понимает этого.

Он **слишком** увлекается работой, **чтобы** серьезно думать о личной жизни.

그는 너무 사업에 열중하여 사생활에 대해서는 심중하게 생각할 새가 없다.

Букв.: Он **слишком** увлекается работой, **поэтому** некогда серьезно думать о личной жизни.

В других устойчивых структурах данного типа подобного явления не наблюдается, поэтому они переводятся так же, как и временные СПП типа *стоит ... как*, ср.:

Достаточно было прочесть пять-шесть страниц, **чтобы** он утомлялся и снимал очки.

책을 대여섯페이지만 읽으면 그는 지쳐서 안경을 벗곤 하였다.

Букв.: Прочтет он пять-шесть страниц, утомится и снимет очки.

Стоит только ему отойти в сторону, **чтобы** пропустить машину.

그가 옆으로 물러서기만 하면 차를 통과시킬수 있다.

Букв.: **Как только** он отойдет в сторону, можно пропустить машину.

Стоило только закрыть глаза, **чтобы** вспомнить о детстве.

눈만 감으면 곧 어린시절이 생각나곤 했다.

Букв.: Если закрываю глаза, **сразу** вспоминаю о детстве.

Таким образом, анализ СПП в русском языке с учетом смысловой обусловленности их предикативных частей и поиск более эффективных путей для правильного их перевода вполне могут способствовать дальнейшему улучшению и совершенствованию преподавания русского языка как иностранного.

Русские сложные предложения с обратным подчинением частей характеризуются асимметричными отношениями между их формой и содержанием: главная по смыслу часть оформляется как зависимая, так как в ее состав входит показатель отношений – подчинительный союз или союзное слово, зависимая по форме часть является главной по смыслу. В русском языке такой прием является синтаксическим способом выражения экспрессивности (быстрой, неожиданной смены событий и т. п.), свернутых модусных смыслов, актуализации тех или иных отношений. Чтобы не утратить эти оттенки смысла, при переводе на корейский язык используются развернутые способы представления всех смысловых оттенков: свернутые модусные смыслы развертываются при помощи самостоятельных предикативных единиц, отношения быстрого следования передаются специальными лексическими показателями, для актуализации рематической части возможно представление частей русского сложного предложения в виде отдельных предложений на корейском языке.

Список литературы

- Бабайцева В. В., Максимов Л. Ю.** Современный русский язык: В 3 ч. 2-е изд. М.: Просвещение, 1987. Ч. 3: Синтаксис. Пунктуация.
- Белошапкова В. А.** Современный русский язык: Синтаксис. М.: Высш. шк., 1977.
- Колосова Т. А.** Русские сложные предложения асимметричной структуры. Воронеж: Изд-во Воронеж. ун-та, 1980.
- Пешковский А. М.** Существует ли в русском языке сочинение и подчинение предложений // Пешковский А. М. Избранные труды. М., 1959. С. 131–146.
- Поспелов Н. С.** Мысли о русской грамматике. М.: Наука, 1990.
- Русская грамматика. М.: Наука, 1980. Т. 2.
- 현대어종속복합문연구» 종합대학출판사, 평양, 2004. (Исследование сложноподчиненных предложений в современном русском языке / Университет им. Ким Ир Сена. Пхеньян, 2004). (на кор.)

References

- Babaitseva V. V., Maksimov L. Yu.** Sovremenniy russkii yazyk [The Modern Russian Language:]. In 3 parts. 2nd ed. Moscow, Prosveshchenie Publ., 1987, part 3: Syntax. Punctuation. (in Russ.)
- Beloshapkova V. A.** Sovremenniy russkii yazyk: Sintaksis [The Modern Russian Language: Syntax]. Moscow, Vysshaya shkola Publ., 1977. (in Russ.)
- Kolosova T. A.** Russkie slozhnye predlozheniya asimmetrichnoi struktury [Russian Asymmetric Complex Sentences]. Voronezh, Voronezh Uni. Press, 1980. (in Russ.)
- Peshkovskii A. M.** Sushchestvuet li v russkom yazyke sochinenie i podchinenie predlozhenii [Do Coordination and Subordination of Sentences Exist in the Russian Language?]. In: Peshkovskiy A. M. Izbrannye trudy [Selected Works]. Moscow, 1959, p. 131–146. (in Russ.)
- Pospelov N. S.** Mysli o russkoi grammatike [Thoughts on Russian Grammar]. Moscow, Nauka Publ., 1990. (in Russ.)
- Russkaya grammatika [Russian Grammar]. Moscow, Nauka Publ., 1980, vol. 2. (in Russ.)
- 현대러어종속복합문연구» 종합대학출판사, 평양, 2004. (in Kor.)

*Материал поступил в редколлегию
Received
18.01.2019*

Сведения об авторе

Ли Воннам, доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой русской филологии Университета имени Ким Ир Сена (Пхеньян, КНДР)

Information about the Author

Li Wongnam, Doctor of Philology, Professor, Head of Chair of Russian Philology, Kim Il-sung University (Pyongyang, Democratic People's Republic of Korea)

УДК 811.512.151'367.625
DOI 10.25205/1818-7919-2019-18-9-65-77

Форма на =ЗА в алтайском языке

А. Р. Тазранова

*Институт филологии СО РАН
Новосибирск, Россия*

Аннотация

Статья посвящена условной форме на =ЗА. В алтайском языке ее семантика и функции разнообразны. В роли сказуемого простого предложения она может принимать аффиксы 2-го л. ед. и мн. ч. =ЗAn, =ZAzAr и имеет значение мягкого побуждения или неосуществимого желания, что свидетельствует о движении данной формы в сторону форм наклонений. В функции зависимого сказуемого форма на =ЗА употребляется в составе полипредикативных конструкций с отношениями нереального и реального условия, уступки и времени.

Ключевые слова

алтайский язык, тюркские языки, условное наклонение, оптатив, полипредикативная конструкция, временные, условные, уступительные отношения

Для цитирования

Тазранова А. Р. Форма на =ЗА в алтайском языке // Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2019. Т. 18, № 9: Филология. С. 65–77. DOI 10.25205/1818-7919-2019-18-9-65-77

The Form with =ZA in the Altai Language

A. R. Tazranova

*Institute of Philology SB RAS
Novosibirsk, Russian Federation*

Abstract

In the following article, we analyze the polyfunctional form with =ZA in the Altai language. Traditionally, this form is viewed as a marker of conditional mood. Our materials show that its semantics and functions are very varied. It can be used not only in infinite functions within polypredicative constructions, but also as an independent finite form with the meaning of a non-real, contrafactive volition. When it is used as a dependent predicate, this form mainly denotes modality of an action's conditions according to the speaker's point of view. When one uses the *if* conjunction, the expected action-condition may not take place, and when the *when* conjunction is used, such possibility is not considered, but rather, temporal relations are expressed (consecution, simultaneity, general temporal correlation). Specific temporal meanings depend on specific tense forms of finite predicates: if the predicate of a main clause is in present tense, the construction denotes general temporal correlation; if a future tense form is used, it denotes consecution or simultaneity in the future; the past tense denotes consecution in the past.

With a 2nd person singular and plural affix =ZAn, =ZAzAr expresses the meaning of soft incentive. The =ZA form as a marker of concessive mood denotes completion of an action in spite of conflicting conditions, which demonstrates the shift of this form towards other mood forms.

Keywords

Altai language, grammar, syntax, conditional mood, concessive mood, optative, temporal relations

For citation

Tazranova A. R. The Form with =ZA in the Altai Language. *Vestnik NSU. Series: History and Philology*, 2019, vol. 18, no. 9: Philology, p. 65–77. (in Russ.) DOI 10.25205/1818-7919-2019-18-9-65-77

Форма на =3А имеется во всех тюркских языках, и в каждом из них она обладает определенным функциональным отличием или своеобразием.

Об этимологии формы на =3А писали не только тюркологи, но и монголисты. Г. И. Рамстедт считал, что в тюркско-монгольских языках эта форма произошла от отыменного глагола *sa= (sä=)* ‘что-либо любить, охотно иметь’. В тюркском языке более древнего периода данный глагол в энклитическом употреблении сделался однородным целым в качестве производной формы [Рамстедт, 1957. С. 168].

Н. А. Баскаков разделял мнение Г. И. Рамстедта и полагал, что форма на =3А произошла от самостоятельного слова с семантикой ‘хотеть, желать’, которая сочеталась сначала с именем существительным, а затем с именем действия и получила модальное значение. Позже это «сочетание постепенно превратилось в обычную желательную форму или наклонение глагола, а затем в условную форму глагола» [Баскаков, 1953. С. 54].

Эта форма получает разные терминологические именованья: предварительная форма [ГАЯ, 1869. С. 211], предварительная или условная форма [Дыренкова, 1941], условная форма [Баскаков, 1953], форма условно-временного наклонения [Филистович, 1991], условно-временное наклонение [Черемисина, 2004]. «Эту форму называют и условной, и деепричастием, и просто формой на =са. С ее помощью выражаются условные отношения между событиями, т. е. такие отношения, когда одно событие, главное, зависит от другого, причем говорящий не знает, произойдет ли это другое, а тем самым и первое событие» [Там же. С. 177].

Некоторые тюркологи считают, что форма на =3А в процессе языкового развития в ряде тюркских языков Сибири переходит в разряд деепричастий. Главным аргументом в принятии такого решения является инфинитный характер данной формы как средства формально-содержательного подчинения в синтаксических отношениях [Структурные типы..., 1986. С. 56; Невская, 1993. С. 71; Шамина, 2001. С. 77; Абумова, 2013. С. 16–17]. Другая точка зрения высказана В. Б. Касевичем, который считает, что в условных конструкциях не утверждается ни условие, ни следствие, «но определенно утверждается специфическая связь между ними», и выдвигается некоторая гипотеза [Касевич, 1995. С. 28].

Форма условного наклонения в тюркских языках является специализированным средством выражения посылки (= условия) в условных конструкциях. Вторая часть этих конструкций содержит описание следуемой условию ситуации. Поэтому условно-следственные конструкции (как и причинно-следственные) в терминах логики определяются как имплицитивные, в которых одна ситуация имплицитивует другую [Плунгян, 2011. С. 429].

Форма на =3А и ее функции в полипредикативных конструкциях довольно подробно исследованы на материале многих тюркских языков. Структурно-семантические особенности условных полипредикативных конструкций тувинского языка описаны Л. А. Шаминой [1993; 2000], хакасского языка – О. Д. Абумовой [2013. С. 73–76], казахского – С. Ж. Тажибаевой [2001. С. 176–208], алтайского языка – Т. П. Филистович [1991. С. 61–77].

В алтайском языке форма на =3А является спрягаемой: она принимает аффиксы лично-финитного типа спряжения: *мен бер=зе=м* ‘если я дам’, *сен бер=зе=н* ‘если ты дашь’, *ол бер=зе* ‘если он даст’ и т. д. В простом предложении эта форма выступает в роли финитного сказуемого со значением опатива и императива, в составе полипредикативных конструкций она выполняет функцию сказуемого зависимой предикативной единицы и выражает отношения обусловленности (условия и уступки) и времени.

1. Форма на =3А в роли финитного сказуемого в простом предложении

Сравнительно-исторические исследования тюркских языков показывают, что форма на =3А может выражать побуждение и желательность. А. М. Щербак отмечает, что для семантики формы на =3А характерно четко и регулярно проявляющееся смещение в направлении форм других наклонений, особенно повелительного и желательного [Щербак, 1981. С. 44–58].

Б. А. Серебренников считал, что модель условного наклонения с показателем =3А представляет собой одну из архаических разновидностей оптатива, которая была использована позже для выражения условия [1976. С. 95].

В простых предложениях алтайского языка форма на =3А выступает в значении оптатива (ирреального желания) и императива (мягкого побуждения).

1.1. Форма на =3А в значении оптатива

В функции финитного сказуемого в составе простого предложения форма на =3А выражает значение сильного желания, которое часто невозможно осуществить:

(1) *Энем келген болзо.*

эне=м кел=ген бол=зо
мать=POSS.1SG приходить=PP быть=COND

‘Приехала бы моя мама.’

(Говорящий очень этого хочет, но знает, что его желание не осуществится, мама не придет.)

В большинстве случаев в подобных предложениях используются бивербальные конструкции, в которых в качестве первого компонента выступают глаголы любых лексико-семантических групп в формах на =ГAn или =AtAn, а в роли второго компонента – глагол *бол=* в форме на =3А в финитной функции.

(2) *Ол торт јок болгон болзо.* (Кокышев, 1980. С. 76)

ол торт јок бол=гон бол=зо
он совсем нет быть=PP быть=COND

‘Лучше бы ее [стенгазеты] не было.’

(Говорящий очень хочет, чтобы стенгазеты не было, но она есть.)

(3) *Капшай таң ататан болзо.* [Ол тушта Јергелей бир де аспас эди] (Кокышев, 1980. С. 273)

капшай таң ат=атан бол=зо
быстро утро наступать=PP быть=COND

‘Скорее бы наступило утро. [Тогда Дергелей точно бы не заблудилась.]’ (Но утро наступит еще не скоро, поэтому говорящий ждет его с большим нетерпением.)

При переводе таких конструкций на русский язык используются различные сочетания с частицей *бы*: *лучше бы*, *хоть бы*, *если бы* и др., которые подчеркивают сильное, но неосуществимое желание субъекта.

(4) *Мен мындый көп акчаду болзом.*

мен мындый көп акча=лу бол=зо=м
я такой много деньги=POSSV быть=COND=1SG

‘Было бы у меня столько денег.’

(Но у меня их нет, и я знаю точно, что такого количества денег у меня не будет никогда.)

Для экспрессивного выражения сожаления, досады, негодования, сопровождающих значение невозможности осуществить желаемое, используется модальный предикат *кайт=*:

(5) *Ого јүк мындый айас күнде аракыдабаза кайдар!* (Шинжин, 1981. С. 16)

ого јүк мындый айас күн=де аракыда=ба=за кайдар
он.DAT хотя такой ясный день=LOC пить=NEG=COND MOD

‘Хотя бы в такую ясную погоду ему бы не пить!’

(Но, к сожалению, он все-таки пьет.)

(6) *Ондый ла болзо кайдат.* (Суркашев, 2009. С. 191)

ондый ла бол=зо кайдат
так PTCL быть=COND MOD

‘Было бы все так, как есть.’

(Но ситуация складывается так, что, вероятнее всего, все изменится в худшую сторону.)

Во всех этих предложениях есть подразумеваемый контрафактический смысл: реальное положение дел не соответствует желаемому, и говорящий очень хочет, чтобы дела обстояли прямо противоположным образом, хотя это маловероятно или даже невозможно.

1.2. Форма на =3А в значении побуждения

Принимая показатели 2-го л. ед. и мн. ч., форма на =3А выражает смягченное побуждение или попытку деликатно убедить адресата выполнить желаемое действие.

(7) *Бир неме айдайын, сен мени сакызан!*

бир неме айд=айын сен мени сакы=за=н
одна вещь говорить=OPT.1SG ты я. ACC ждаты=COND=2SG

Букв.: ...ты меня подожди бы.

‘Скажу одну вещь, ты меня подожди!’

(8) *Јииттер, бу јүрүмди колыгарга алзаар!* (Каинчин, 2003. С. 483)

јиит=тер бу јүрүм=ди кол=ыгар=га ал=за=ар
молодежь=PL это жизнь=ACC рука=2PL=DAT брать=COND=2PL

Букв.: Молодежь, эту жизнь в свои руки взяли бы.

‘Молодежь, возьмите же эту жизнь в свои руки!’

Наряду со значением мягкого побуждения, форма на =3А во 2-м л. мн. ч. может передавать семантику вежливой просьбы:

(9) *Петр Петрович, тоноорды кийзеер.* (Эмдиги..., 1986. С. 233)

Петр Петрович тон=оор=ды кий=зе=ер
Петр Петрович пальто=2PL=ACC надевать=COND=2PL

Букв.: Петр Петрович, пальто надели бы.

‘Петр Петрович, наденьте, пожалуйста, свое пальто.’

Семантика убеждения проявляется особенно отчетливо с глаголами чувственного восприятия типа *көр*= ‘смотреть’, а также с глаголами ментального действия типа *бодо*= ‘считать, предполагать’, *санан*= ‘думать’:

(10) *Је бу көк тенерини көрзөн дө, Саламчы, мында база электричество бар ине.* (Кокышев, 1980. С. 76)

је бу көк тенери=ни көр=зө=н дө Саламчы
но это синий небо=ACC смотреть=COND=2SG PTCL Саламчы
мында база электричество бар ине
здесь тоже электричество есть PTCL

‘Саламчы, но посмотри-ка на это синее небо, ведь там тоже есть электричество.’

(11) *Сен бодозон, озор база бис ошкош тирү бе?* (Укачин, 1985. С. 14)

Сен бодо=зо=н озор база бис ошкош тирү бе
Ты считать=COND=2SG он.PL тоже мы как живой Q

‘Ты подумай, они тоже живые, как и мы?’

Глагол *көр*= ‘смотреть’ с показателем =3А в форме 2-го л. ед. и мн. ч. может использоваться в конструкциях с модальным значением упрека:

(12) *Көрзөн, уйалбазын!*

көр=зб=н уйал=ба=зын
смотреть=COND=2SG стыдиться=NEG=IMP.3SG
 ‘Смотри-ка, какой бессовестный!’

(13) *Көрзөр кандый эмеш!*

көр=зб=өр кандый эмеш
смотреть=COND=2PL какой ведь
 ‘Смотрите-ка, какой [наглый, плохой]!’

При наличии отрицательного показателя форма на =3А во 2-м л. (=БАЗАн / =БАЗАзАр) выражает более категоричное пожелание, заключающееся в том, что говорящий просит собеседника не совершать или прекратить действие, нежелательное или неприятное для окружающих:

(14) *Сен оны ого айтпазан!*

сен оны ого айт=па=за=н
 ты это. ACC он. DAT говорить=NEG=COND=2SG
 ‘Ты ему это не говори!’

(15) *Куучынга јара киришпезен – деп, Муксум нөкөрин токтотты.* (Шинжин, 1981. С. 16)

куучын=га јара кириш=пе=зе=н деп
 разговор=DAT сильно вмешиваться=NEG=COND=2SG CONJ
 Муксум нөкөр=и-н токтот=ты
 Муксум друг=POSS.3-ACC останавливать=PAST
 ‘Муксум прервал своего друга, мол, не вмешивайся сильно в разговор.’

Таким образом, опативное значение формы на =3А осложняется экспрессивным оттенком – выражением высокой степени желания, которое противоречит сложившейся ситуации и поэтому вряд ли осуществимо. Значение желательности сопровождается также и императивные высказывания с формой на =3А, в которых передается вежливая просьба, увещание, упрек, основанные на оценке говорящим события как соответствующего или, наоборот, не соответствующего определенным нормам и стереотипам.

2. Форма на =3А в роли зависимого сказуемого в составе полипредикативных конструкций

Во всех тюркских языках: узбекском, азербайджанском, турецком, гагаузском, каракалпакском, кумыкском, хакасском, тувинском и др. – отмечается условно-временное значение данной формы (см. [Кузнецов, 1953. С. 156; Щербак, 1976. С. 19–20; Баскаков, 1953. С. 35] и др.).

В алтайском языке форма на =3А функционирует в роли зависимого сказуемого в составе полипредикативных конструкций со значением обусловленности и времени.

2.1. Форма на =3А в роли зависимого сказуемого в предложениях условия и уступки

Прототипическое условное значение формы на =3А предопределяет ее роль в составе полипредикативных конструкций со значением обусловленности. Эта форма используется в качестве зависимого сказуемого в составе условных и уступительных конструкций, значение которых предполагает альтернативность.

По мнению М. И. Черемисиной, условные предложения выражают такие отношения между двумя событиями, когда одно из них, названное зависимой частью, представляется необходимым условием для совершения другого, названного главной частью. Главная особенность условных предложений состоит в том, что они всегда альтернативны. При употреблении

этой формы говорящий всегда допускает две возможности: «если А, то В, если не А, то не В» [Черемисина, 2004. С. 771], например:

(19) *Кийин эдегине мал басса, базар, баспаза, баспас.* (Суркашев, 2009. С. 183)

кийин эдег=и=н=е мал бас=са
 задний подол=POSS.3=INFX=DAT скот ходить=COND
 баз=ар бас=па=за бас=пас
 ходить=PrP ходить=NEG=COND ходить=NEG.PrP

‘Если скот будут держать, то будет размножаться, если не будут держать, то ничего не будет.’

(20) *Айдарда, үрен чачса, аш бүдер.* (Суркашев, 2009. С. 186)

айдарда үрен чач=са аш бүд=ер
 таким образом семена сеять=COND зерно уродиться=PrP

‘Таким образом, если посеять семена, то зерно уродится.’

(21) *Балдарыгарды байытсагар, бажыгарга чыгар, онызын база билер керек.* (Суркашев, 2009. С. 184)

балдар=ыгар=ды байыт=са=гар баж=ыгар=га
 дети=POSS.2PL=ACC богатеть=COND=2PL голова=POSS.2PL=DAT
 чыг=ар оны=зы=н база бил=ер керек
 залезать=PrP это=POSS.3=ACC тоже знать=PrP надо

‘Если будете баловать своих детей, то они сядут на шею, это тоже надо понимать.’

(22) *Болзо до, гениальный поэт болор керек де=зе=н.* (Суркашев, 2009. С. 180)

бол=зо до гениальный поэт бол=ор керек
 быть=COND PTCL гениальный поэт быть=PrP надо
 де=зе=н

говорить=COND=2SG

‘Если быть, то надо ведь быть гениальным поэтом.’

(Если не быть гениальным поэтом, то не надо быть.)

Как видно из примеров, связь между двумя частями является предположительной: наблюдается непосредственная зависимость между двумя явлениями, заключающаяся в их сопряжении, при которой наличие / отсутствие первого явления с необходимостью влечет наличие / отсутствие второго. Условия, выражаемые формой на =3A, носят характер потенциально возможного условия, от которого зависит реализация гипотетического главного действия, являющегося следствием первого (условного) действия.

Форма на =3A употребляется в предложениях со значением согласия, в которых сказуемое зависимой части выражено формой оптатива:

(23) *Жаража берзе, бистин айылга јатсын.* (Суркашев, 2009. С. 260)

јараж=а бер=зе бис=тин айыл=га јат=сын
 сходиться=CV давать=COND наш=GEN дом=DAT жить=IMP.3SG

‘Если сойдутся, пусть живет в нашем доме.’

(24) *Керек болзо, кырда конлогой – деген.* (Суразаков, 1967. С. 45)

керек бол=зо кыр=да конло=гой де=ген
 надо быть=COND гора=LOC ночевать=OPT говорить=PP

‘Если надо, то пусть ночуют в горах, она сказала.’

(25) *Јарап турган болзо, алгайын.*

јара=п тур=ган бол=зо ал=гай=ын
 нравиться=CV AUX: стоять=PP быть=COND брать=OPT=2SG

‘Если нравится, бери.’

Форма на =3А используется также в уступительных предложениях: событие, названное в зависимой части, совершается вопреки определенным условиям, несмотря на наличие препятствующей ситуации. Такие отношения выражаются сочетанием формы на =3А с частицей *ДА*.

Форму на =3А могут принимать глаголы, являющиеся носителями лексического значения, например:

(29) *Куйун ла келген кийнинде аяктын үстине канча да кире көнкөрилзе, тобрак толо берер.* (Каинчин, 2003. С. 79)

куйун	ла	кел=ген	кийнинде	аяк=тын	үстине
вихрь	PTCL	приходить=PP	POSTP	чашка=GEN	POSTP
канча	да	кире	көнкөрил=зе		тобрак
сколько	PTCL	сколько	наклоняться=COND		пыль
тол=о		бер=ер			
наполняться=CV		AUX: дать=PrP			

‘После того как придет вихрь, хоть сколько ни наклоняйся над чашкой, все равно пылью покроется.’

(26) *Ол тушта кату да жылдар болзо, алтай албаты сүрекей күндүчи болгон.* (Суркашев, 2009. С. 183)

ол	тушта	кату	да	жыл=дар	бол=зо	алтай
то	время	трудный	PTCL	год=PL	быть=COND	алтай
албаты	сүрекей	күндүчи		бол=гон		
народ	очень	гостеприимный		быть=PP		

‘Хотя в то время были тяжелые годы, алтайцы были гостеприимными.’

Сказуемое зависимой части полипредикативной конструкции может быть выражено аналитическими конструкциями, в состав которых входит вспомогательный глагол бытия (*тур=* ‘стоять’, *жат=* ‘лежать’, *бол=* ‘быть’) в форме на =3А, а также финитный глагол в разных временных формах. Чаще всего в зависимой части встречается вспомогательный глагол *бол=*:

(27) *Энем ол карганакка берген сөзүн бүдүрүп койгон эди, бойы фермада иштебеген де болзо, суранып, торолоп то жүрзе.* (Суркашев, 2009. С. 184)

эне=м	ол	карганак=ка	бер=ген	сөз=и=н
мать=POSS.3	та	старушка=DAT	давать=PP	слово=POSS.3=ACC
бүдүр=ип	кой=гон		эди	бой=ы
выполнять=CV	AUX: оставаться=PP		MOD	сам=POSS.3
иште=бе=ген	де	бол=зо		суран=ып
работать=NEG=PP	PTCL	быть=COND		просить=CV
тороло=п	то	жүр=зе		
голодать=CV	PTCL	жить=COND		

‘И все-таки моя мама сдержала слово, данное той старушке, хотя сама на ферме не работала, хотя сама просила милостыню, голодала.’

(28) *Сүүнер айагын жажырган да болзо, ого толтыра уруп берди.* (Каинчин, 2003. С. 79)

Сүүнер	айаг=ы=н	жажыр=ган	да	бол=зо	ого
Сююнер	чашка=POSS.3=ACC	прятать=PP	PTCL	быть=COND	он.DAT
толтыра	ур=уп	бер=ди			
полный	налить=CV	AUX: дать=PAST			

‘Хотя Сююнер и прятал свою чашку, ему все равно налили полную [чашку].’

Если в составе зависимой части форму на =3A принимают модусные глаголы со значением ‘посмотреть’, ‘прислушаться’, ‘задуматься’, то формируются предложения асимметричной структуры, в которых опущено модусное звено, ср.:

(16) *Сананза, јаман ла кижі эмес.*

санан=за јаман ла кижі эмес
думать=COND плохо PTCL человек нет
‘Если задуматься, [то можно понять, что] он неплохой человек.’

(17) *Тындааланза, аттардын тибиртти јууктап келеет.*

тындаалан=за ат=тар=дын тибирт=ти
прислушаться=COND конь=PL=GEN топот=ACC
јуукта=п келеет (< кел=ип јат)
приближаться=CV приходит=CV AUX: лежать
‘Если прислушаться, [то можно услышать, что] приближается топот коней.’

(18) *Көрзө, энези коркышту тын карып калган.*

көр=зө эне=зи коркышту тын кары=п
смотреть=COND мать=POSS.3 очень сильно стареть=CV
кал=ган
AUX: оставаться=PP

‘Если присмотреться, [то можно увидеть, что] его мама совсем постарела.’

В таких предложениях форма на =3A не принимает показателей лица и числа, передает значение только 3-го л. в силу обобщенности семантики.

Подобные построения Т. А. Колосова называет предложениями асимметричной структуры или семантическим эллипсисом [1980. С. 8–9], в них план содержания и план выражения не соответствуют друг другу и находятся в отношении 2 : 3, т. е. двум формально выраженным единицам соответствуют три смысловых компонента, один из которых – модусный – не вербализован, но подразумевается. Условные отношения устанавливаются между зависимой частью с формой на =3A и эксплицитно не выраженным модусным звеном (*если прислушаться, то можно услышать* – условные отношения), от которого зависит формально главная часть (*можно услышать, что приближается топот коней* – изъяснительные отношения). Отсутствующая модусная часть по смыслу является главной по отношению к обеим представленным в высказывании частям. Связь между ними устанавливается опосредованно – через опущенное модусное звено.

Аналогичные явления описаны для ненецкого языка, в котором также имеется условная форма со сходным набором функций [Буркова, 2002. С. 85–103], и для хантыйского языка, где те же отношения выражаются причастием в форме местно-творительного падежа [Кошкарёва, 2007].

2.2. Форма на =3A в роли зависимого сказуемого в предложениях времени

Форма на =3A в роли сказуемого зависимой части полипредикативной конструкции может передавать разные значения времени – общую временную соотносительность, одновременность, следование (подробнее см.: [Филистович, 1991. С. 65–78]). Конкретное временное значение зависит от того, в какой временной форме употребляется финитное сказуемое.

Если сказуемое главной части стоит в форме настоящего времени, то передается общая временная соотносительность или регулярность:

(33) *Јас келзе, күүк эдет.*

јас кел=**зе** күүк эд=**ет**
весна наступить=**COND** кукушка делать=**PRES**
'Когда наступает весна, кукушка кукует.' (общая временная соотнесенность)

(30) *А јай келзе, Алтайга барадым.*

а јай кел=**зе** Алтай=**га** бар=**ад=ым**
CONJ лето приходит=**COND** Алтай=**DAT** уезжать=**PRES=1SG**
'А когда приходит лето, ежу на Алтай.' (регулярность)

(31) *Ўредүчилердин кыбында отурзам, ...журналды колымнан ушта согуп алар.* (Сартакова, 2010. С. 513)

ўредүчи=**лер=дин** кыб=**ы=н=да** отур=**за=м**
учитель=**PL=GEN** кабинет=**POSS=INFX=LOC** сидеть=**COND=1SG**
журнал=**ды** кол=**ым=нан** ушта сог=**уп**
журнал=**ACC** рука=**POSS.1SG=ABL** ADV AUX: бить=**CV**
ал=**ар**
AUX: брать=**PrP**

'Когда я сижу в учительской, она вырывает из рук журнал.' (регулярность)

Если сказуемое главной части принимает форму будущего времени, то передается значение общего следования:

(34) *Кыш кел=зе, ак беени азырап, оны саар.* (Укачин, 1985. С. 18)

кыш кел=**зе** ак бее=**ни** азыра=**п**
зима приходит=**COND** белый кобыла=**ACC** кормить=**CV**
оны са=**ар**
он.**ACC** доить=**PrP**

'Когда наступит зима, кормя белую кобылу, ее будет доить.'

(32) *Кузук бүтсе, албаты-јон акча эдер.*

кузук бүт=**се** албаты-јон акча эд=**ер**
кедровая шишка уродиться=**COND** народ деньги делать=**PrP**
'Когда шишка уродится, народ заработает деньги.'

Если в главной части – форма прошедшего времени, то конструкция передает несобственно временные отношения: в них опущено модусное звено:

(35) *Турага кирип келзе, јангыс энези отур=ды.*

тура=**га** кир=**ип** кел=**зе** јангыс
дом=**DAT** заходить=**CV** приходит=**COND** только
эне=**зи** отур=**ды**
мать=**POSS.3** сидеть=**PAST**

'Когда он зашел в дом, [то увидел, что / оказалось, что там] сидела только его мать.'

(36) *Једин барзам, Иван Ильич јада калган, бүгүн сөөгин јууп јат дешти.* (Суркашев, 2009. С. 249)

јед=**ип** бар=**за=м** Иван Ильич јад=**а**
достигать=**CV** AUX: уходить=**COND=1SG** Иван Ильич умирать=**CV**
кал=**ган** бүгүн сөөг=**и=н** јуу=**п**
AUX: оставаться=**PP** сегодня похороны=**POSS.3=ACC** хоронить=**CV**
јат де=**ш=ти**
AUX: лежать говорить=**RECIP=PAST**

'Когда доехал, [выяснилось, что] Иван Ильич умер, сказали, что его хоронят сегодня.'

Временные отношения устанавливаются между зависимой частью с формой на =ca и невербализованной главной частью: *когда он зашел в дом, то увидел*. Между отсутствующей модусной частью и второй предикативной единицей в составе этого предложения устанавливаются изъяснительные отношения: *он увидел, что там сидела только его мать*. Если развернуть эту фразу, включив невербализованное звено, то предложение становится из двухкомпонентного трехкомпонентным: *когда А, то В, что С*.

Выводы

Форма на =3А в алтайском языке характеризуется полифункциональностью и полисемантической: она может выступать в роли сказуемого простого предложения и в роли сказуемого зависимой предикативной единицы, передавая разные значения.

Традиционно она считается формой условного наклонения, но в простом предложении может выражать значения желательности и побудительности. На основе базовой контрафактической семантики данной формы значение желания преломляется как ирреальное, актуальное на данный момент, но неосуществимое, а значение побудительности приобретает смягченный характер и переплетается с семантикой вежливой просьбы.

В роли зависимого сказуемого форма на =3А выражает отношения условия, при которых, с точки зрения говорящего, возможно или невозможно осуществление того или иного действия. Регулярность условной связи между событиями приводит к сдвигу семантики в темпоральную сферу, где данная форма передает значения общей временной соотнесенности и регулярности.

Наличие в семантике данной формы модусного компонента ('говорящий знает, что...') обуславливает возможность употребления формы на =3А в составе асимметричных предложений условной и временной семантики с опущенным модусным звеном. В семантике формы на =3А имеется и эвиденциальный компонент, во всех примерах просвечивает субъективная информация.

Список литературы

- Абумова О. Д.** Структурная типология тюркских причинно-следственных конструкций и ее семантическая реализация в хакасском языке. Абакан, 2013. 182 с.
- Баскаков Н. А.** К вопросу о происхождении условной формы на =ca / =ce в тюркских языках // Академику В. А. Гордлевскому к его 75-летию. М., 1953. С. 35–63.
- Буркова С. И.** Условные конструкции в ненецком языке // Языки коренных народов Сибири. Новосибирск, 2002. Вып. 8. С. 85–106.
- ГАЯ – Грамматика алтайского языка. Казань, 1869. 291 с.
- Дыренкова Н. П.** Грамматика ойротского языка. М.; Л., 1941. 302 с.
- Касевич В. Б.** Семантика условности и условность семантики // Лингвистика на исходе XX в.: итоги и перспективы. Тез. Междунар. конф. М., 1995. Т. 1. С. 28–29.
- Колосова Т. А.** Русские сложные предложения асимметричной структуры. Воронеж, 1980. 164 с.
- Кошкарева Н. Б.** Временные синтетические полипредикативные конструкции с инфинитивными формами глагола в форме местно-творительного падежа в сургутском диалекте хантыйского языка (в сопоставлении со смежными хантыйскими и ненецкими диалектами) // Сибирский филологический журнал. 2007. № 3. С. 158–173.
- Кузнецов П. И.** Условное наклонение в турецком языке // Академику В. А. Гордлевскому к его 75-летию. М., 1953. С. 155–162.
- Невская И. А.** Формы деепричастного типа в шорском языке. Новосибирск, 1993. 118 с.
- Плунгян В. А.** Введение в грамматическую семантику: грамматические значения и грамматические системы языков мира. М., 2011.

- Рамстедт Г. И.** Введение в алтайское языкознание. Морфология. М.: Изд-во иностр. лит., 1957. 251 с.
- Серебренников Б. А.** Заметки об истории тюркских языков // Тюркологические исследования. М., 1976.
- Структурные типы синтетических полипредикативных конструкций в языках разных систем. Новосибирск: Наука, 1986. 319 с.
- Тажигаева С. Ж.** Каузальные полипредикативные конструкции казахского языка (сопоставительный аспект). Новосибирск: Сибирский хронограф, 2001. 271 с.
- Филистович Т. П.** Темпоральные полипредикативные конструкции алтайского языка в сопоставлении с тувинским и хакасским. Новосибирск, 1991. 170 с.
- Черемисина М. И.** Теоретические проблемы синтаксиса и лексикологии языков разных систем. Новосибирск: Наука, 2004. 896 с.
- Шамина Л. А.** Сложные предложения, выражающие отношение обусловленности между событиями // Вопросы тувинского языкознания. Кызыл, 1993, С. 63–76.
- Шамина Л. А.** Каузальные сложные предложения в тувинском языке // Дульзоновские чтения. Сравнительно-историческое и типологическое изучение языков и культур. Томск, 2000. Ч. 3. С. 183–186.
- Шамина Л. А.** Полипредикативные синтетические предложения в тувинском языке. Новосибирск, 2001.
- Щербак А. М.** О происхождении формы условного наклонения в тюркских языках // Советская тюркология. 1976. № 2. С. 19–20.
- Щербак А. М.** Очерки по сравнительной морфологии тюркских языков (Глагол). М., 1981.

References

- Abumova O. D.** Strukturnaya tipologiya tyurkskikh prichinno-sledstvennykh konstruktssii i ee semanticheskaya realizatsiya v khakasskom yazyke [Structural Typology of Turkic Causal Structures and its Semantic Implementation in the Khakas Language]. Abakan, 2013, 182 p. (in Russ.)
- Baskakov N. A.** K voprosu o proiskhozhdenii uslovnoi formy na =sa / =se v tyurkskikh yazykakh [On the Origin of the Conditional Form with =sa / =se in the Turkic Languages]. In: Akademiku V. A. Gordlevskomu k ego 75-letiyu [For Academician V. A. Gordlevsky on His 75th Anniversary]. Moscow, 1953, p. 35–63. (in Russ.)
- Burkova S. I.** Uslovnye konstruktssii v nenetskom yazyke [Conditional Constructions in the Nenets language]. In: Yazyki korennykh narodov Sibiri [Languages of the Indigenous Peoples of Siberia]. Novosibirsk, 2002, iss. 8, p. 85–106. (in Russ.)
- Grammatika altayskogo yazyka [Grammar of the Altai Language]. Kazan, 1869, 291 p. (in Russ.)
- Dyrenkova N. P.** Grammatika oirotского yazyka [Grammar of the Oyrot Language]. Moscow, Leningrad, 1941, 302 p. (in Russ.)
- Kasevich V. B.** Semantika uslovnosti i uslovnost' semantiki [Semantics of Conventions and Conventions of Semantics]. In: Lingvistika na iskhode XX v.: itogi i perspektivy [Linguistics in Late 20th century: Results and Prospects]. Proc. of Int. Conf. Moscow, 1995, vol. 1, p. 28–29. (in Russ.)
- Kolosova T. A.** Russkie slozhnye predlozheniya asimmetrichnoi struktury [Russian Asymmetric Compound Sentences]. Voronezh, 1980, 164 p. (in Russ.)
- Koshkareva N. B.** Vremennye sinteticheskie polipredikativnye konstruktssii s infinitnymi formami glagola v forme mestno-tvoritel'nogo padezha v surgutskom dialekte khantyiskogo yazyka (v sopostavlenii so smezhnymi khantyiskimi i nenetskimi dialektami) [Temporary Synthetic Polypredicative Constructions with Infinite Forms of the Verb in the Form of a Locally Instrumental Case in the Surgut Dialect of the Khanty Language (in Comparison with Related

- Khanty and Nenets Dialects)] *Sibirskii filologicheskii zhurnal* [*Siberian Journal of Philology*], 2007, no. 3, p. 158–173. (in Russ.)
- Kuznetsov P. I.** Uslovnnoe naklonenie v turetskom yazyke [Conditional Mood in Turkish]. In: Akademiku V. A. Gordlevskomu k ego 75-letiyu [For Academician V. A. Gordlevsky on His 75th Anniversary]. Moscow, 1953, p. 155–162. (in Russ.)
- Nevskaya I. A.** Formy deeprichastnogo tipa v shorskoy yazyke [Adverbial Participle Forms in the Shor Language]. Novosibirsk, NSU Press, 1993, 118 p. (in Russ.)
- Plungyan V. A.** Vvedenie v grammaticheskuyu semantiku: grammaticheskie znacheniya i grammaticheskie sistemy yazykov mira [Introduction to Grammatical Semantics: Grammatical Meanings and Grammatical Systems of World's Languages]. Moscow, 2011. (in Russ.)
- Ramstedt G. I.** Vvedenie v altaiskoe yazykoznanie. Morfologiya [Introduction to Altai Linguistics. Morphology]. Moscow, Inostr. lit. Publ., 1957, 251 p. (in Russ.)
- Serebrennikov B. A.** Zametki ob istorii tyurkskikh yazykov [Notes on the History of Turkic Languages]. In: Tyurkologicheskie issledovaniya [Studies in Turcology]. Moscow, 1976. (in Russ.)
- Strukturnye tipy sinteticheskikh polipredikativnykh konstruktov v yazykakh raznykh sistem [Structural Types of Synthetic Polypredicative Constructions in Languages of Various Systems]. Novosibirsk, Nauka, 1986, 319 p. (in Russ.)
- Tazhibaeva S. Zih.** Kauzal'nye polipredikativnye konstruktivnyye kazakhskogo yazyka (sopostavitel'nyi aspekt) [Causal Polypredicative Constructions of the Kazakh Language (Comparative Aspect)]. Novosibirsk, Sibirskii khronograf Publ., 2001, 271 p. (in Russ.)
- Filistovich T. P.** Temporal'nye polipredikativnye konstruktivnyye altayskogo yazyka v sopostavlenii s tuvinskim i khakasskim [Temporal Polypredicative Constructions of the Altai Language in Comparison with Tuvan and Khakas]. Novosibirsk, NSU Press, 1991, 170 p. (in Russ.)
- Cheremisina M. I.** Teoreticheskie problemy sintaksisa i leksikologii yazykov raznykh sistem [Theoretical Problems of Syntax and Lexicology of Languages of Different Systems]. Novosibirsk, Nauka, 2004, 896 p. (in Russ.)
- Shamina L. A.** Slozhnye predlozheniya, vyrazhayushchie otnosheniye obuslovlennosti mezhdu sobytiyami [Complicated Sentences Expressing the Relations of Conditionality between Events]. In: Voprosy tuvinskogo yazykoznanija [Issues of Tuvan Linguistics]. Kyzyl, 1993, p. 63–76. (in Russ.)
- Shamina L. A.** Kauzal'nye slozhnye predlozheniya v tuvinskom yazyke [Causal Complex Sentences in the Tuvan Language]. In: Dul'zonovskie chteniya. Sravnitel'no-istoricheskoe i tipologicheskoe izuchenie yazykov i kul'tur [Dulzon Readings. Comparative-Historical and Typological Study of Languages and Cultures]. Tomsk, 2000, pt. 3, p. 183–186. (in Russ.)
- Shamina L. A.** Polipredikativnye sinteticheskie predlozheniya v tuvinskom yazyke. [Polypredicative Synthetic Sentences in Tuvan]. Novosibirsk, 2001. (in Russ.)
- Shcherbak A. M.** O proiskhozhdenii formy uslovnogo nakloneniya v tyurkskikh yazykakh [On the Origin of the Form of Conditional Mood in Turkic Languages]. *Sovetskaya tyurkologiya* [*Soviet Turcology*], 1976, no. 2, p. 19–20. (in Russ.)
- Shcherbak A. M.** Ocherki po sravnitel'noi morfologii tyurkskikh yazykov (Glagol) [Essays on the Comparative Morphology of Turkic Languages (Verb)]. Moscow, 1981. (in Russ.)

СПИСОК ТЕКСТОВЫХ ИСТОЧНИКОВ

- Каинчин Ж. Ёстибисте – Ёч-Сёмер. Горно-Алтайск, 2003.
- Кокышев Л. Алтайдын кыстары. Горно-Алтайск, 1980.
- Сартакова С. Жүрүмнин элестери. Горно-Алтайск, 2010.
- Суразаков С. Кайчы. Горно-Алтайск, 1967.
- Суркашев Б. Чике таман ажыра. Горно-Алтайск, 2009.
- Укачин Б. Туулар, туулар ла бойы артар. Горно-Алтайск, 1985.

Эмдиги ойдин повестытери. Горно-Алтайск, 1986.
Шинжин Т. Ак кулун. Горно-Алтайск, 1981.

Список условных сокращений и обозначений

ABL – аблатив, **ACC** – аккузатив, **ADV** – аффикс наречия, **AUX** – вспомогательный глагол, **COND** – условное наклонение, **CONJ** – союз, **CV** – деепричастные формы, **GEN** – генетив, **DAT** – датив, **INFX** – инфикс, **INSTR** – орудный падеж, **IMP** – императив, **LOC** – локатив, **MOD** – модальное слово, **NEG** – отрицание, **OPT** – оптатив, **PAST** – форма на =ды прошедшего времени, **PL** – множественное число, **POSS** – посессив, **POSSV** – аффикс обладания, **POSTP** – послелог, **PP** – причастная форма, **PRES** – форма настоящего времени, **PrP** – причастие будущего времени на =ар, **PTCL** – частица, **RECIP** – взаимный залог, **Q** – вопросительная частица, **SG** – единственное число; **1, 2, 3** – лицо, **/** – разграничитель значений в комплексной морфеме; **V** – глагол, **знак равенства** – морфемный шов при словоизменительных и формообразовательных аффиксах.

*Материал поступил в редколлегию
Received
16.08.2019*

Сведения об авторе

Тазранова Алена Робертовна, кандидат филологических наук, старший научный сотрудник сектора языков народов Сибири Института филологии СО РАН (ул. Николаева, 8, Новосибирск, 630090, Россия)
atazranova@mail.ru

Information about the Author

Alena R. Tazranova, Candidate of Philology, Institute of Philology SB RAS (8 Nikolaev Str., Novosibirsk, 630090, Russian Federation)
atazranova@mail.ru

Чередование гласных в корнях и лично-притяжательных аффиксах имен существительных в сургутском диалекте хантыйского языка

Н. Б. Кошкарева^{1,2}, **Т. В. Тимкин**^{1,2}, **П. И. Ли**^{1,2}

¹ *Институт филологии СО РАН
Новосибирск, Россия*

² *Новосибирский государственный университет
Новосибирск, Россия*

Аннотация

Лично-притяжательные аффиксы имен существительных сургутского диалекта хантыйского языка 1-го и 2-го лица единственного числа и непоследовательно для разных говоров 1-го лица множественного числа (при единственном числе предмета) представлены несколькими алломорфами: 1SG.SG – =эм / =эм / =ам; 2SG.SG – =эн / =э (=эн) / =а (=ан); 1PL.SG – =Vв / =Vх. При присоединении лично-притяжательных аффиксов в ряде корней происходит чередование гласных. Выбор алломорфа и наличие / отсутствие чередования зависит от характера гласного корня. В корнях с краткими гласными чередования не происходит, употребляются аффиксы с гласным нижнего подъема =ам (1SG.SG) и =а (2SG.SG). При присоединении лично-притяжательных аффиксов к корням с долгими гласными гласные нижнего подъема меняются на соответствующие им по ряду гласные верхнего подъема. После корней с долгими гласными верхнего подъема используются варианты аффиксов =эм (1SG.SG) и =э (2SG.SG), чередования не происходит, так как продвижение гласного далее вверх невозможно. После основ с долгим неверхним гласным корня используются аффиксы =эм (1SG.SG) и =эн (2SG.SG), в корне происходит чередование. Наблюдаются отдельные отклонения от данного правила: в корнях с долгими гласными среднего подъема описываемые процессы могут происходить либо по типу для гласных верхнего подъема, либо по типу для гласных нижнего подъема; к лексеме с кратким гласным *вду* 'зять' присоединяются аффиксы с гласным э, типичные для корней с долгими гласными верхнего подъема.

Исследование проведено на основе полевых материалов авторов, собранных в Сургутском районе Ханты-Мансийского округа – Югры в 2017–2019 гг. Аудиозаписи сегментированы и аннотированы в программе Praat. Акустический анализ и статистическая обработка данных осуществлялись с использованием корпусной системы Etno-SDMS и языка R.

Ключевые слова

сургутский диалект хантыйского языка, чередование, лично-притяжательные аффиксы, экспериментальные фонетические методы, PRAAT

Благодарности

Исследование выполнено при поддержке РФФИ, проект № 19-012-00388 «Специфика звукового строя сургутского диалекта хантыйского языка»

Для цитирования

Кошкарева Н. Б., Тимкин Т. В., Ли П. И. Чередование гласных в корнях и лично-притяжательных аффиксах имен существительных в сургутском диалекте хантыйского языка // Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2019. Т. 18, № 9: Филология. С. 78–101. DOI 10.25205/1818-7919-2019-18-9-78-101

Alternation of Vowels in Roots and Personal-Possessive Affixes of Nouns in the Surgut Dialect of the Khanty Language

N. B. Koshkareva^{1,2}, T. V. Timkin^{1,2}, P. I. Li^{1,2}

¹ Institute of Philology SB RAS
Novosibirsk, Russian Federation

² Novosibirsk State University
Novosibirsk, Russian Federation

Abstract

Personal-possessive 1st and 2nd person singular noun affixes in the Surgut dialect of the Khanty language, as well as 1st person plural noun affixes (irregular in various dialects) with singular objects are represented by several allomorphs: 1SG.SG – =əм / =əм / =ам; 2SG.SG – =əн / =ə(=əн) / =а; 1PL.SG – =Vв. When the personal-possessive affixes are attached, vowel alternation occurs in several roots. The choice of specific allomorphs and the presence or absence of alternation depends on the root vowels. In roots with short vowels, there is no alternation, and affixes with lower vowels are used: =ам (1SG.SG) and =а (1SG.SG). When the personal-possessive affixes are attached to roots with long vowels, lower vowels are replaced by corresponding upper vowels. After roots with long upper vowels, =əм (1SG.SG) and =ə (2SG.SG) affix variants are used, and no alternation occurs, because vowels can no longer be ‘moved’ upwards. After stems with long non-upper vowels, the =əм (1SG.SG) and =əн (2SG.SG) affixes are used, and alternation takes place in the root. This is not true for some specific cases: in roots with long middle vowels, these processes may occur according to the upper vowel model, or the lower vowel model; for example, the lexeme *вöй* ‘son-in-law’, which contains a short vowel, can be followed by affixes with the vowel ə, typical for roots with long upper vowels.

Our research is based on field materials collected in the Surgut District, Khanty-Mansi Autonomous Okrug, or Yugra, in 2017–2019. The audio records were segmented and annotated via Praat software. Acoustic analysis and further statistical analysis of our data was performed on the basis of Emu-SDMS corpus system and R language.

Keywords

Surgut dialect of Khanty, alternation, personal-possessive affixes, experimental phonetic methods, PRAAT

Acknowledgements

The following research is performed with support of RFBR, project No. 19-012-00388 “Phonetic Composition of the Surgut Dialect of the Khanty Language”

For citation

Koshkareva N. B., Timkin T. V., Li P. I. Alternation of Vowels in Roots and Personal-Possessive Affixes of Nouns in the Surgut Dialect of the Khanty Language. *Vestnik NSU. Series: History and Philology*, 2019, vol. 18, no. 9: Philology, p. 78–101. (in Russ.) DOI 10.25205/1818-7919-2019-18-9-78-101

Введение

В именах существительных сургутского диалекта хантыйского языка в лично-притяжательных формах 1-го и 2-го лица единственного числа и непоследовательно в форме 1-го лица множественного числа (при единственном числе имени обладаемого) употребляются разные алломорфы лично-притяжательных аффиксов. При этом в корне может происходить или не происходить чередование гласных.

Подобные явления отмечаются во всех восточных диалектах хантыйского языка: сургутском (аг., у.-аг., тр.-юг., юг., у.-юг.) *lek* ‘дорога’ → *likəm* ‘моя дорога’, а также ваховском и васюганском: *lök* ‘дорога’ → *lükəm* ‘моя дорога’ [Терёшкин, 1981. С. 236].

Несмотря на то что ваховский и васюганский диалекты, с одной стороны, и сургутский диалект, с другой, относятся к одному диалектному массиву (иначе он называется кантыкским наречием в противопоставлении собственно хантыйским западным диалектам), между ними наблюдаются существенные различия в образовании лично-притяжательных форм имен существительных, обусловленные разными параметрами фонологических систем, кото-

рые влияют на чередование гласных в корне и выбор алломорфа лично-притяжательного аффикса.

Целью данной статьи является описание фонетических процессов, которые происходят в лично-притяжательных формах имен существительных сургутского диалекта хантыйского языка, а именно чередование гласных в корне и выбор того или иного алломорфа лично-притяжательного аффикса в их взаимной обусловленности.

Материал и методы исследования

Материалом для исследования послужили собственные полевые материалы авторов, собранные во время лингвистических экспедиций в Сургутский район Ханты-Мансийского автономного округа – Югры. Они относятся к двум говорам сургутского диалекта – юганскому и тром-аганскому, распространенным по лево- и правобережным притокам Оби соответственно (последний в разных источниках называется также *тромъеганским*, *тром-юганским* и т. п. [Ли, Тимкин, 2019]). В данной работе для обозначения изучаемого идиома используется название *тром-аганский* говор в соответствии с самоназванием его носителей).

Юганские материалы получены в августе 2019 г. во время лингвистической экспедиции в с. Угут, а также в стойбища, расположенные по рекам Большой и Малый Юган: юрты Ачимовы-1 (р. Малый Юган), юрты Каюковы (р. Большой Юган). Во время пребывания в с. Угут сделаны также записи от жителей юрт Сурломкины, Нюгломкины и Кинямины, расположенных на Малом Югане, а также жителей юрт Курломкины и Тайлаковы, расположенных на Большом Югане. Всего опрошено 19 информантов – носителей юганского говора.

Тром-аганские материалы собраны во время лингвистических экспедиций 2016–2018 гг. на стойбища в районе г. Когалым и с. Рускинская, а также включают записи, сделанные в 2014 г. в Институте филологии СО РАН от носителей тром-аганского и пимского говоров. Всего опрошено 9 информантов.

Большинство информантов – люди старшего возраста (старше 50 лет), ведущие традиционный образ жизни, в повседневной жизни пользующиеся родным языком. Самые пожилые из них практически не владеют русским языком, общение с ними осуществлялось через переводчика.

Со всеми информантами был озвучен сбалансированный список из 130 слов, включающий минимальные фонологические пары, а также слова, в которых те или иные гласные фонемы находятся в разном окружении. Кроме того, с разными информантами были записаны разные по объему словарные материалы, позволяющие составить достаточно полное представление о фонологической системе сургутского диалекта хантыйского языка и фонетических процессах.

Обработка собранных данных проводилась методом слухового анализа, а также с помощью инструментальных методик. Аудиозаписи сегментированы и аннотированы в программе Praat. Акустический анализ и статистическая обработка данных осуществлялись с использованием корпусной системы Emlu-SDMS и языка R.

Выражаем глубочайшую признательность всем людям, с которыми нам довелось встретиться и работать во время проведения лингвистических экспедиций, за готовность поделиться знаниями, помочь как в проведении научных исследований, так и в решении бытовых вопросов.

Чередование гласных в лично-притяжательных формах имен существительных в восточных диалектах хантыйского языка

Для восточных диалектов хантыйского языка характерна гармония гласных. В ваховском диалекте она реализуется последовательно. Выбор гласного аффикса определяется гласным корня: передним гласным корня соответствуют передние гласные аффикса, задним глас-

ным корня соответствуют задние гласные аффикса. Кроме того, при образовании лично-притяжательных форм единственного числа обладателя при единственном числе обладаемого в корне наблюдается чередование некоторых полных гласных более низкого подъема с полными гласными более верхнего подъема: *a / y, o / y, ä / u, ö / ü* [Терёшкин, 1961. С. 17–22]. Как отмечает Н. И. Терёшкин, «это служит своего рода морфологическим признаком, обособляющим притяжательные формы единственного числа предмета принадлежности от притяжательных форм двойственного и множественного числа предмета принадлежности» [Там же. С. 42].

В работе [Filchenko, 2010], посвященной васюганскому диалекту, отмечается общий принцип чередования в именных основах: гласные более низкого подъема меняются на гласные более верхнего подъема. Однако правила выбора тех или иных вариантов лично-притяжательных аффиксов в зависимости от гласного корня не сформулированы. Выбор гласного в лично-притяжательных аффиксах зависит от гласного корня – переднего или заднего, т. е. подчиняется законам гармонии гласных, базирующимся на противопоставлении гласных по ряду. Признак долготы / краткости гласных, насколько это следует из имеющихся описаний, определяющей роли не играет. Между тем для сургутского диалекта основанием для выбора того или иного варианта лично-притяжательного аффикса является противопоставление гласных корня по долготе и краткости, а также по подъему – гласные верхнего подъема противопоставляются гласным неверхнего подъема. Соответственно, сургутская система чередований основывается на иных фонологических признаках по сравнению с ваховско-васюганской.

История изучения чередования гласных в сургутском диалекте хантыйского языка

Для сургутского диалекта чередование гласных в посессивных формах фиксируется в самых ранних источниках. В работе Х. Паасонена «*Ostjakische grammatikalische Aufzeichnungen nach den Dialekten an der Konda und am Jugan*» [Paasonen, Vértes, 1963] приводятся парадигмы посессивного склонения имен с чередованиями, демонстрирующие устойчивость этого явления во времени:

māš ‘корова’, *māš=ām* ‘моя корова’, *māš=ā* ‘твоя корова’: 1) в посессивном аффиксе *a*, так как гласный корневого слога *ā* краткий; 2) в посессивном аффиксе 2-го лица ед. ч. нет *n*, так как он содержит *a*;

nē ‘женщина’, *nīn=ēm* ‘моя женщина’, *nīn=e* ‘твоя женщина’: 1) долгий гласный корня *e* изменяется на соответствующий верхний *i*, так как в склонении появляется конечный согласный; 2) в посессивном аффиксе 2-го лица ед. ч. слов с основами на *i* (*-i ~ -e-*) факультативный *n* и гласный *e* в посессивном аффиксе;

āwī ‘девочка’, *āw=ēm* ‘моя девочка’, *āw=e* ‘твоя девочка’: 1) в посессивном аффиксе гласный *e*, так как основа оканчивается на *i*; 2) в посессивном аффиксе 2-го лица ед. ч. слов с основами на *i* (*-i ~ -e-*) факультативный *n*;

wōŋ ‘зять’, *wōŋ=ām* ‘мой зять’, *wōŋ=ā* ‘твой зять’; *iāy* ‘отец’, *iāy=ām* ‘мой отец’, *iāy=ā* ‘твой отец’: в терминах родства с краткими корневыми гласными в посессивном аффиксе фиксируется редуцированный *ə* и удлинение конечного согласного корня;

pūt ‘котел’, *pūt=ēm* ‘мой котел’, *pūt=e* ‘твой котел’;

qat ‘день, солнце’, *qat=ām* ‘мой день’, *qat=ā* ‘твой день’.

Чередования в двусложных словах часто имеют факультативный характер и поэтому описаны фрагментарно, имеются лишь отдельные примеры, отражающие вариативность данного процесса. Для двусложного слова *qōlāŋk* ‘ворон’ Х. Паасонен приводит несколько вариантов посессивных форм 1-го и 2-го лица ед. ч. – *qōlāŋk=ēm ~ kūlāŋk=ēm* ‘мой ворон’, *qōlāŋk=e ~ kūlāŋk=ā* ‘твой ворон’: 1) второй слог основы содержит краткий гласный *ə* и оканчивается на согласный *k*, поэтому потенциально может происходить чередование: неверхний долгий

гласный \bar{o} корня меняется на соответствующий верхний \bar{u} ; 2) посессивные аффиксы содержат e в существительных с неверхним долгим гласным в корневом слоге, когда не происходит чередования гласных (варианты $k\bar{o}l\bar{a}n\bar{k}\bar{e}m$ 'мой ворон', $k\bar{o}l\bar{a}n\bar{k}\bar{e}$ 'твой ворон');

$p\bar{a}l\bar{l}\bar{a}n$ 'облако', $p\bar{a}l\bar{n}=\bar{a}m$ 'мое облако', $p\bar{a}l\bar{n}=\bar{a}$ 'твое облако' – 1) гласный корневого слога \bar{a} краткий, в посессивном аффиксе a ; 2) если в посессивном аффиксе a , то в форме 2-го лица ед. ч. нет n ;

$k\bar{a}l\bar{l}\bar{a}n$ 'кастрированный бык', $k\bar{a}l\bar{n}=\bar{a}m$ 'мой кастрированный бык', $k\bar{a}l\bar{n}=\bar{a}$ 'твой кастрированный бык': 1) гласный корневого слога \bar{a} краткий, в посессивном аффиксе a ; 2) если в посессивном аффиксе a , то в форме 2-го лица ед. ч. нет n .

Неоднозначный характер явления стал предметом наблюдений Л. Хонти [Honti, 1977], который выделяет следующие закономерности (табл. 1).

Таблица 1

Примеры и правила чередований в [Honti, 1977]

Table 1

Examples and Rules of Alternation in [Honti, 1977]

Пример	Правило
Чередование в корне	
pul 'кусок', $pul=em \sim pul=\bar{a}m \sim pul=\bar{a}m$ 'мой кусок' $w\bar{a}y$ 'железо', $w\bar{a}y=em \sim w\bar{a}y=\bar{a}m \sim w\bar{a}y=\bar{a}m$ 'мое железо'	Верхнему гласному или краткому гласному в корневом слоге могут соответствовать гласные e , \bar{a} или a в лично-притяжательном аффиксе
$n\bar{o}p\bar{a}t$ 'возраст', $n\bar{o}p\bar{t}=em \sim n\bar{o}p\bar{t}=\bar{a}m$ 'мой возраст'	
$\bar{a}l$ 'год' – $ul=\bar{a}m$ 'мой год' $\check{c}\bar{a}n\check{c}$ 'колени' – $\check{c}\bar{i}n\check{c}=\bar{a}m$ 'мое колени' $\check{c}op$ 'половина' – $\check{c}ip=\bar{a}l$ 'его половина' lek 'след' – $lik=\bar{a}l$ 'его след'	В именах, которые в склонении оканчиваются на согласный, неверхний долгий гласный корня изменяется на соответствующий верхний
Тга $\bar{l}\bar{a}t$ 'место' – $lut=\bar{a}m$ 'мое место' Тга $\bar{l}\bar{a}r$ 'озеро' – $lur=\bar{a}m$ 'мое озеро' Тга $\bar{k}\bar{a}r$ 'кора' – $k\bar{i}r=\bar{a}m$ 'моя кора' P $\bar{n}\bar{a}l$ 'стрела' – $\bar{n}\bar{a}l=em \sim \bar{n}\bar{u}l=\bar{a}m$ 'моя стрела' P $\bar{l}\bar{a}t$ 'время' – $\bar{l}\bar{a}t=em \sim \bar{l}\bar{i}t=\bar{a}m$ 'мое время' P $o\bar{n}k$ 'смола' – $u\bar{n}k=\bar{a}m$ 'смола' ~ $o\bar{n}k=em$ 'моя смола' P lek 'дорога' – $lik=\bar{a}m$ 'моя дорога'	Для тех имен, которые содержат долгий гласный в корне и одновременно \bar{a} во втором слоге, чередование в тром-аганском (Тга) обязательно, в пимском факультативно (P)
Тга $\bar{a}nki$ 'мать' – $\bar{a}nk=em$ 'моя мать', $\bar{a}nk=e$ 'твоя мать' $\bar{a}t'i$ 'отец' – $\bar{a}t'=em$ 'мой отец'	Если в непервом слоге долгий гласный, то чередования в корне не происходит
Чередования в посессивном аффиксе	
wel 'олень' – $wel=e \sim wel=en$ 'твой олень' $\bar{j}\bar{a}n\bar{k}$ 'лед' – $\bar{j}\bar{a}n\bar{k}=e \sim \bar{j}\bar{a}n\bar{k}=en$ 'твой лед'	Факультативный n в посессивном аффиксе 2-го лица ед. ч. слов с основами на i ($-i \sim -e$) или в суффиксах с гласным e
$\bar{s}\bar{e}m$ 'глаз' – $\bar{s}\bar{e}m=a$ 'твой глаз', $\bar{s}\bar{e}m=y\bar{a}n=a$ 'твои два глаза', $\bar{s}\bar{e}m=l=a$ 'твои глаза' $w\bar{a}y$ 'железо' – $w\bar{a}y=a$ 'твое железо', $w\bar{a}k=k\bar{a}l=a$ 'твои два железа', $w\bar{a}y=l=a$ 'твои железа'	В посессивных аффиксах, которые содержат гласный a , нет конечного n
$\bar{l}\bar{a}t$ 'время' – $\bar{l}\bar{a}t=em \sim \bar{l}\bar{i}t=\bar{a}m$ 'мое время'; $\bar{j}om$ 'смородина' – $\bar{j}om=em \sim \bar{j}um=\bar{a}m$ 'моя смородина'	В существительных с неверхним долгим гласным в корневом слоге, когда не происходит чередования гласных, посессивные аффиксы содержат e

Окончание табл. 1

Пример	Правило
<i>jǎyǎl</i> ‘лук’ – <i>jǎyǎl=am</i> ‘мой лук’, <i>jǎyǎl=a</i> ‘твой лук’ <i>kaŋ</i> ‘камень’ – <i>kaŋ=am</i> ‘мой камень’, <i>kaŋ=a</i> ‘твой камень’ <i>nǒj</i> ‘халат’ – <i>nǒj=am</i> ‘мой халат’, <i>nǒj=a</i> ‘твой халат’	Если гласный корневого слога краткий, в посессивном аффиксе гласный <i>a</i>
<i>wǒŋ</i> ‘зять’ – <i>wǒŋ=am</i> ~ <i>wǒŋ=əm</i> ‘мой зять’, <i>wǒŋ=a</i> ~ <i>wǒŋ=ən</i> ‘твой зять’	В терминах родства с краткими корневыми гласными в посессивном аффиксе <i>ə</i>
<i>kim</i> ‘способность’ – <i>kim=e</i> ‘твоя способность’ <i>put</i> ‘котел’ – <i>put=em</i> ‘мой котел’	Гласный посессивного аффикса 1-го и 2-го лица ед. ч. в существительных с верхним долгим гласным в корневом слоге – <i>e</i>
Тра <i>ǒlak</i> ‘лямка оленьей упряжи’ – <i>ǒlak=em</i> ‘моя лямка’, <i>ǒlak=e</i> ‘твоя лямка’ Р <i>pěsan</i> ‘стол’ – <i>pěsan=em</i> ~ <i>pěsan=əm</i> ‘мой стол’, <i>pěsan=e</i> ~ <i>pěsan=ən</i> ‘твой стол’	Посессивный аффикс двусложных основ, заканчивающихся на согласный, которые имеют гласный полного образования во втором слоге, имеет <i>e</i> (в пимском также <i>ə</i>)

Некоторые объяснения, предложенные в работах Х. Паасонена и Л. Хонти, требуют уточнения, однако в них отмечены существенные признаки сургутской посессивной системы: широкая вариативность лично-притяжательных аффиксов в определенных формах, различия между говорами, отпадение конечного *n* в суффиксах 2-го лица ед. ч. с гласными полного образования, общий принцип чередования гласных в корне, в соответствии с которым долгие гласные неверхнего подъема меняются на соответствующие им долгие гласные верхнего подъема, а краткие гласные не чередуются.

Л. Хонти считает, что первоначально чередования носили фонетический характер, «так как они возникли в результате ассимиляции гласных первого и второго слогов, но в настоящее время уже морфологизованы. Напряженные гласные нижнего и среднего подъема (первичные гласные с точки зрения чередования) чередуются с соответствующими им напряженными гласными верхнего подъема (со вторичными), а ненапряженные гласные нижнего подъема (первичные) – с гласными ненижнего подъема (вторичными): *á – j, á – u, o – u, ä – i, e – i, ö – ä, ä – ë, ɔ – ẽ*. В лично-притяжательной парадигме существительных выступают только чередования напряженных гласных. Гласный, являющийся в чередовании вторичным (нем. Wechsel-Vokal), выступает в лично-притяжательной парадигме существительных с одним обладаемым, перфекте и повелительном наклонении» [Хонти, 1993. С. 305].

С точки зрения исторической грамматики чередование корневой гласной объясняется воздействием аффиксального гласного, которое было живым фонетическим процессом в прахантыйский период. Так, Е. А. Хелимский реконструировал для прахантыйского периода гласный **U* на месте *ə* в притяжательном аффиксе, вызывавший изменение долгого корневого гласного и в результате фонетических переходов его совпадение с верхним гласным того же ряда. Например, для лексемы *kát* ‘дом’, *ta kutəm* ‘мой дом’ (тр.-аг.) реконструируется начальная форма **kaat(ə)* и притяжательная **kaatUm*, где *aa°* – умлаут фонемы *aa* [Helimski, 2000]. В результате перестройки фонетической системы соответствующие процессы перестали носить обязательный характер (так, *ə* второго слога на синхронном срезе не обязательно вызывает чередование в корне, ср. *sájəp* ‘сеть’ < **saajp(ə)*). Таким образом, исторически в сургутском диалекте хантыйского языка была представлена регрессивная ассимиляция гласных, на синхронном срезе чередование гласных в корне является грамматикализованным историческим, но не фонетическим чередованием.

В монографии М. Чепреги [2017] приводится следующая парадигма лично-притяжательных аффиксов для сургутского диалекта (табл. 2).

Таблица 2

Лично-притяжательная парадигма имен существительных сургутского диалекта хантыйского языка по [Чепреги, 2017. С. 78]

Table 2

Personal-Possessive Paradigm of Nouns in the Surgut Dialect of the Khanty Language according to [Csepregi, 2017. P. 78]

Обладатель		Место-имение	Число обладаемого		
Число	Лицо		Единственное число	Двойственное число	Множественное число
Ед. ч.	1.	ма	=ам, =эм, =ам	=хэл=ам	=л=ам
	2.	нүң	=ән, =эн, =э, =а,	=хэл=а	=л=а
	3.	дүв	=эл	=хэл	=л=эл
Дв. ч	1.	мин	=мән	=хэл=амән	=л=амән
	2.	нын	=ин	=хэл=ән	=л=ән
	3.	дин	=ил	=хэл=ән	=л=ин
Мн. ч.	1.	мәң	=ув, =эв	=хэл=ув	=л=ув
	2.	нәң	=ин	=хэл=ин	=л=ин
	3.	дәх	=ил	=хэл=эл	=л=эл

В данной таблице продемонстрирована широкая вариативность лично-притяжательных аффиксов для трех форм в субпарадигме единственного числа обладаемого – 1-го лица ед. ч., 2-го лица ед. ч. и 1-го лица мн. ч. обладаемого, однако не объясняется их выбор и соответствие вариантов аффиксов для разных лиц и чисел.

Имеющиеся в нашем распоряжении полевые материалы позволяют установить правила выбора тех или иных лично-притяжательных аффиксов в зависимости от корневого гласного.

Чередование гласных в корне и выбор варианта лично-притяжательного аффикса в тром-аганском и юганском говорах сургутского диалекта хантыйского языка по полевым данным

Полевые материалы, собранные нами по тром-аганскому и юганскому говорам, в целом подтверждают предшествующие наблюдения и дают возможность внести некоторые уточнения в их интерпретацию и установить системные связи между типом корневого гласного и соответствующим ему вариантом лично-притяжательного аффикса для форм разного лица и числа.

Чередование гласных в корне и лично-притяжательном аффиксе зависит от гласного корня. Приведем для наглядности классификацию гласных (табл. 3).

Лично-притяжательная парадигма, зафиксированная нами для тром-аганского говора, частично отличается от парадигмы, приведенной в монографии М. Чепреги [2017. С. 78–79]. В табл. 4 заливкой выделены формы, в которых зафиксированы расхождения. Для их убедительного подтверждения требуется еще инструментальная обработка материалов.

Для двойственного числа обладателя показательным для тром-аганского говора является совпадение форм 2-го и 3-го лица для всех чисел обладаемого: аналогичное совпадение форм наблюдается и в казымском диалекте. В форме 1-го л. мн. ч. в тром-аганском говоре упот-

ребляется суффикс =ив / =ыв, который является отличительной чертой данного говора на фоне других обследованных нами идиомов.

Таблица 3

Гласные первого слога сургутского диалекта хантыйского языка
(по [Чепреги, 2017. С. 36])

Table 3

Vowels of the First Syllable in the Surgut Dialect of the Khanty Language
(according to [Csepregi, 2017. P. 78])

Долгота		Ряд	Передние		Задние	
			Неогуб- ленные	Огуб- ленные	Неогуб- ленные	Огуб- ленные
Полные	Долгие	Подъем				
		Верхний	и		ы	у
		Средний	э			ө
	Краткие	Верхний	а			о
		Средний				(ӱ)
		Нижний			ӓ	
	Сверх- краткие	Верхний		ӱ		
		Средний		ӓ		
		Нижний	ӓ			
Непол- ный	Сверх- краткий		ә			

Таблица 4

Лично-притяжательная парадигма существительного *ɟот* 'дом'
в тром-аганском говоре сургутского диалекта хантыйского языка

Table 4

Personal-Possessive Paradigm of the Noun *ɟот* 'house'
in the Trom-Agan Subdialect, Surgut Dialect of the Khanty Language

Обладатель		Местоимение	Число обладаемого		
число	лицо		единственное	двойственное	множественное
Единственное	1	ма	ɟут=эм	ɟот=хэл=ам	ɟот=л=ам
	2	нӱн	ɟут=эн	ɟот=хэл=а	ɟот=л=а
	3	лӱв	ɟут=эл	ɟот=хэл	ɟот=л=ал
Двойственное	1	мин	ɟут=ымэн	ɟот=хэл=эмэн ɟот=хэл=амэн	ɟот=л=эмэн ɟот=л=амэн
	2	нын	ɟут=ын	ɟот=хэл=эн	ɟот=л=эн
	3	лин	ɟут=ын ɟут=ыл	ɟот=хэл=эн	ɟот=л=эн ɟот=л=ин
Множественное	1	мәң	ɟут=ыв ɟут=ув	ɟот=хэл=ув	ɟот=л=ув
	2	нәң	ɟут=ын	ɟот=хэл=эн ɟот=хэл=ин	ɟот=л=эн ɟот=л=ин
	3	ләх	ɟут=ыл	ɟот=хэл=ал	ɟот=л=ал

содержат гласный полного образования э: =эм (POSS.1SG.SG), =э / =эн (POSS.2SG.SG), например:

Слово	POSS.1SG.SG	POSS.2SG.SG
<i>мил</i> 'шапка'	<i>мил=эм</i>	<i>мил=э(н)</i>
<i>чив</i> 'туман'	<i>чив=эм</i>	<i>чив=э(н)</i>
<i>һыр</i> 'обувь'	<i>һыр=эм</i>	<i>һыр=э(н)</i>
<i>лыт</i> 'рукав'	<i>лыт=эм</i>	<i>лыт=э(н)</i>
<i>рыт</i> 'лодка'	<i>рыт=эм</i>	<i>рыт=э(н)</i>
<i>лул</i> 'рот'	<i>лул=эм</i>	<i>лул=э(н)</i>
<i>һур</i> 'возжи, веревка'	<i>һур=эм</i>	<i>һур=э(н)</i>
<i>йух</i> 'дерево'	<i>йух=эм</i>	<i>йух=э(н)</i>
<i>бул</i> 'рыба'	<i>бул=эм</i>	<i>бул=э(н)</i>

1.1.2.2. В корнях с долгими гласными неверхнего подъема при присоединении лично-притяжательного аффикса гласный корня меняется на соответствующий ему по ряду гласный верхнего подъема: *а, э* → *и, о, ө* → *у*; лично-притяжательный аффикс содержит редуцированный гласный э: =эм (POSS.1SG.SG), =эн (POSS.2SG.SG), при этом в аффиксе 2-го лица конечный *н* не усекается, например:

Слово	POSS.1SG.SG	POSS.2SG.SG
<i>пай</i> 'куча'	<i>пий=эм</i>	<i>пий=эн</i>
<i>рак</i> 'мука'	<i>рик=эм</i>	<i>рик=эн</i>
<i>пау</i> 'большой палец'	<i>пиу=эм</i>	<i>пиу=эн</i>
<i>лэк</i> 'дорога'	<i>лик=эм</i>	<i>лик=эн</i>
<i>кер</i> 'печь'	<i>кир=эм</i>	<i>кир=эн</i>
<i>ол</i> 'год'	<i>ул=эм</i>	<i>ул=эн</i>
<i>пунз</i> 'мухомор'	<i>пунз=эм</i>	<i>пунз=эн</i>
<i>бот</i> 'дом'	<i>бут=эм</i>	<i>бут=эн</i>
<i>лот</i> 'яма'	<i>лут=эм</i>	<i>лут=эн</i>
<i>сорт</i> 'щука'	<i>сурт=эм</i>	<i>сурт=эн</i>
<i>һол</i> 'нос'	<i>һул=эм</i>	<i>һул=эн</i>
<i>лор</i> 'озеро'	<i>лур=эм</i>	<i>лур=эн</i>
<i>лонт</i> 'гусь'	<i>лунт=эм</i>	<i>лунт=эн</i>
<i>лөй</i> 'палец'	<i>луй=эм</i>	<i>луй=эн</i>

Приведем примеры употребления посессивных форм существительных *арэх* 'песня' – *ма ирх=эм* 'моя песня' и *моһч* 'сказка' – *ма муһч=эм* 'моя сказка' в фольклорном тексте:

ma muw tâyi jis irəm, jis muñt'əm? [Csepregi, 1998. P. 70]

ma muw tâyi jis **irə=эм**
 я=NOM откуда старый **песня=POSS.1SG.SG**
 jis **muñt'=эм**
 старый **сказка=POSS.1SG.SG**
 'Откуда у меня старая песня, старая сказка?'

wəle, jis arəx, jis mañt'! [Csepregi, 1998. P. 70]

wəle jis **arəx=Ø** jis **mañt'=Ø**
 ведь старый **песня=NOM** старый **сказка=NOM**
 'Вот старая песня, старая сказка!'

Ультьэма мойэлта ййуэжэм [Волкова, Соловар, 2018. С. 168].

ульть=эм=а

мойэлта

ййуэж=л=эм

племянница=POSS.1SG.SG=DAT

гостить=INF

ходить=PR=SUBJ.1SG

‘К племяннице в гости съезжу.’

Это явление для терминов родства и свойства отмечает также Л. Хонти [Honti, 1977]. В наших материалах целенаправленно проверялось оформление лично-притяжательными аффиксами термина *вöу* ‘зять’, в котором все информанты последовательно употребляли варианты с гласным неполного образования *э*, отклонений не наблюдалось.

б) По особому правилу образуются лично-притяжательные формы от слова *нэ* ‘женщина’. По-видимому, только в данном слове и его производных основа оканчивается на гласный *э*. В лично-притяжательных формах происходит закономерное чередование корневого гласного *э / и*, в исходе основы восстанавливается согласный *у*, к которому и присоединяются лично-притяжательные аффиксы: *ниу*=эм ‘моя женщина’, *ниу*=э(н) ‘твоя женщина’. Во всех диалектах хантыйского языка представлено аналогичное усечение конечного согласного основы в форме именительного падежа и его наличие во всех прочих косвенных формах.

1.2. Неодносложные основы.

В некоторых типах неодносложных основ сохраняются те же закономерности чередования гласных и выбор варианта лично-притяжательного аффикса, что и в односложных основах. В других действуют особые правила.

1.2.1. Неодносложные основы на согласный.

1.2.1.1. В двусложных основах с гласным полного образования в первом слоге и гласным *э* неполного образования во втором действуют те же правила, что и для односложных основ:

а) если в первом слоге краткий или сверхкраткий гласный, то в аффиксе употребляется гласный *а*. При этом в основах типа CV-СэС редуцированный гласный выпадает, а в основах типа CVC-СэС редуцированный гласный сохраняется (эта закономерность для редуцированного гласного актуальна и для корней с другими гласными полного образования), например:

Слово	POSS.1SG.SG	POSS.2SG.SG
<i>кэхэн</i> ‘пуговица’	<i>кэхн=ам</i>	<i>кэхн=а(н)</i>
<i>күйэн</i> ‘бубен’	<i>күйп=ам</i>	<i>күйп=а(н)</i>
<i>ййвэн</i> ‘река’	<i>ййвн=ам</i>	<i>ййвн=а(н)</i>
<i>күчүэр</i> ‘бурундук’	<i>күчүэр=ам</i>	<i>күчүэр=а(н)</i>

б) если в первом слоге представлен долгий гласный верхнего подъема *и*, *ы* или *у*, то в аффиксе гласный *э*, например:

Слово	POSS.1SG.SG	POSS.2SG.SG
<i>мухэл</i> ‘печень’	<i>мухл=эм</i>	<i>мухл=э(н)</i>
<i>бумпэт</i> ‘волна’	<i>бумпт=эм*</i>	<i>бумпт=э(н)</i>

* При произнесении данной формы группа губно-губных согласных *мп* упрощается, структура слога соответствует формуле CVC-CVC.

в) если в корне долгий гласный неверхнего подъема, то он чередуется с соответствующим ему долгим гласным верхнего подъема, а в аффиксе используется гласный *э* неполного образования, например:

Слово	POSS.1SG.SG	POSS.2SG.SG
<i>васэх</i> 'утка'	<i>висх=эм</i>	<i>висх=эн</i>
<i>һаләм</i> 'язык'	<i>һилм=эм</i>	<i>һилм=эн</i>
<i>чамәч</i> 'болотный мох'	<i>чимч=эм</i>	<i>чимч=эн</i>
<i>чэвэр</i> 'заяц'	<i>чивр=эм</i>	<i>чивр=эн</i>
<i>һорәх</i> 'хрящ'	<i>һурх=эм</i>	<i>һурх=эн</i>
<i>өпәт</i> 'волосы'	<i>упт=эм</i>	<i>упт=эн</i>
<i>поңкәл</i> 'лопатка'	<i>пуңкәл=эм</i>	<i>пуңкәл=эм</i>

1.2.2. Неодносложные основы на гласный.

1.2.2.1. Основы на *i* принимают аффиксы с гласным *э*, при этом конечный гласный основы *i* усекается, например:

Слово	POSS.1SG.SG	POSS.2SG.SG
<i>вурһи</i> 'ворона'	<i>вурһ=эм</i>	<i>вурһ=э(һ)</i>
<i>күвәли</i> 'колокольчик'	<i>күвәл=эм</i>	<i>күвәл=э(һ)</i>
<i>ийтәрһи</i> 'тетерев'	<i>ийтәрһ=эм</i>	<i>ийтәрһ=э(һ)</i>
<i>әви</i> 'девочка, дочь'	<i>әв=эм</i>	<i>әв=э(һ)</i>
<i>ики</i> 'мужчина, муж'	<i>ик=эм</i>	<i>ик=э(һ)</i>
<i>майһи</i> 'младший брат'	<i>майһ=эм</i>	<i>майһ=э(һ)</i>

1.2.2.2. Неодносложные основы типа CVCэ с кратким гласным в первом слого и редуцированным во втором открытом слого принимают аффиксы с гласным *а*, при этом конечный гласный основы *э* усекается, например:

Слово	POSS.1SG.SG	POSS.2SG.SG
<i>әлә</i> 'крышка'	<i>әл=ам</i>	<i>әл=а(һ)</i>
<i>кәрә</i> 'место'	<i>кәр=ам</i>	<i>кәр=а(һ)</i>
<i>көрә</i> 'покрышка'	<i>көр=ам</i>	<i>көр=а(һ)</i>
<i>күсә</i> 'обруч, дуга'	<i>күс=ам</i>	<i>күс=а(һ)</i>

1.2.2.3. К двухсложным основам с любыми гласными полного образования типа CV-CVC и CVC-CVC присоединяются аффиксы с гласным *э*, причем различий по подъему или долготе / краткости не наблюдается, например:

Слово	POSS.1SG.SG	POSS.2SG.SG
<i>һыпәк</i> 'бумага'	<i>һыпәк=эм</i>	<i>һыпәк=э(һ)</i>
<i>һэврәм</i> 'ребенок'	<i>һэврәм=эм</i>	<i>һэврәм=э(һ)</i>
<i>лөпәс</i> 'лабаз'	<i>лөпәс=эм</i>	<i>лөпәс=э(һ)</i>
<i>күнчип</i> 'расческа'	<i>күнчип=эм</i>	<i>күнчип=э(һ)</i>
<i>көрас</i> 'образ'	<i>көрас=эм</i>	<i>көрас=э(һ)</i>
<i>пәсан</i> 'стол'	<i>пәсан=эм</i>	<i>пәсан=э(һ)</i>
<i>ийәрок</i> 'катушка ниток'	<i>ийәрок=эм</i>	<i>ийәрок=э(һ)</i>
<i>ийәрнас</i> 'платье'	<i>ийәрнас=эм</i>	<i>ийәрнас=э(һ)</i>
<i>пәйләһ</i> 'крыло'	<i>пәйләһ=эм</i>	<i>пәйләһ=э(һ)</i>

В заимствованном слове *кешка* 'кошка' представлен нетипичный для хантыйского языка исход основы с гласным *а*. При образовании лично-притяжательных, числовых и падежных

форм между корнем и суффиксом появляется согласный *χ* (ср. аналогичный процесс для существительного *нэ* ‘женщина’):

Слово	POSS.1SG.SG	POSS.2SG.SG
<i>кешка</i> ‘кошка’	<i>кешкаχ=эм</i>	<i>кешкаχ=э(н)</i>

2. Правила для форм 1-го лица мн. ч. обладателя.

Чередование гласных в лично-притяжательных аффиксах в разных говорах хантыйского языка распространяется на разный круг форм. В тром-аганском говоре варьирование типично только для форм 1-го и 2-го лица ед. ч. обладателя, тогда как в форме 1-го лица мн. ч. обладателя для любых типов корневых гласных употребляется один и тот же суффикс, представленный двумя алломорфами – *=ив* и *=ыв*, например: *мил=ив* ‘наша шапка’, *рыт=ыв* ‘наша лодка’, *нур=ив* ‘наши вожжи, наша веревка’, *кўм=ив* ‘наш амбар’, *пён=ыв* ‘наша мордушка’, *рик=ив* ‘наша мука’, *зут=ив* ‘наш дом’, *ай=ив* ‘наша крышка’, *пэсан=ыв* ‘наш стол’, *ййрок=ив* ‘наша катушка ниток’ и т. д.

В некоторых говорах невариативный лично-притяжательный аффикс 1-го лица мн. ч. обладателя выступает в других огласовках – *=эв* или *=ув*.

В юганском говоре губно-губному *в* в данной позиции соответствует согласный, близкий по акустическим признакам к *χ*. В речи жителей и уроженцев Малого Югана посессивный показатель 1-го л. мн. ч. представлен вариантами *=аχ* и *=уχ*, распределение которых еще предстоит уточнить.

В речи жителей и уроженцев Большого Югана зарегистрировано также варьирование гласных в формах 1-го лица мн. ч. обладателя: в аффиксе используется тот же гласный, что и в формах единственного числа. Соответственно, лично-притяжательный аффикс 1-го лица мн. ч. обладателя представлен вариантами *=аχ*, *=эχ*, *=ау* (табл. 5).

Таблица 5

Фрагмент лично-притяжательной парадигмы существительных сургутского диалекта хантыйского языка для единственного числа обладаемого

Table 5

Fragment of the Personal-Possessive Noun Paradigm of the Surgut Dialect of the Khanthy Language for the Singular Forms of the Possessed

Лексема	Лично-притяжательные формы единственного числа обладаемого				
	1-е л. ед. ч. обладателя POSS.1SG.SG	2-е л. ед. ч. обладателя POSS.2SG.SG	1-е л. мн. ч. обладателя POSS.1PL.SG		
			Юганский говор (р. Большой Юган)	Тром-аганский говор	Другие варианты
<i>сёχ</i> ‘шкура’	<i>сёχ=ам</i> ‘моя шкура’	<i>сёχ=а</i> ‘твоя шкура’	<i>сёχ=аχ</i> ‘наша шкура’	<i>сёχ=ив</i> ‘наша шкура’	<i>=аχ</i>
<i>рыт</i> ‘лодка’	<i>рыт=эм</i> ‘моя лодка’	<i>рыт=э</i> ‘твоя лодка’	<i>рыт=эв</i> ‘наша лодка’	<i>рыт=ив</i> ‘наша лодка’	<i>=эв</i> <i>=ув</i>
<i>зот</i> ‘дом’	<i>зут=эм</i> ‘мой дом’	<i>зут=эн</i> ‘твой дом’	<i>зут=эв</i> ‘наш дом’	<i>зут=ив</i> ‘наш дом’	<i>=уχ</i>

Экспериментальные данные

Верификация данных, полученных на слуховом уровне, была проведена методами экспериментальной фонетики. Аффиксальные гласные в сургутском диалекте отличаются значительной количественной и качественной редукцией и не всегда могут быть однозначно зафиксированы на слух. По этой причине представляется важным проверить предложенную систему транскрипций экспериментальными методами.

Покажем количественные и качественные характеристики гласных в притяжательных аффиксах первого и второго лица единственного числа обладателя при единственном числе обладаемого по данным, полученным от двух информантов – носителей юганского и тром-аганского говоров.

Юганский информант – женщина, уроженка с. Угут, работает в культурно-досуговом центре; данные записаны в с. Угут во время экспедиции 2019 г. Тром-аганский информант – женщина, проживает на р. Ортъягун; данные получены в д. Русскинская во время экспедиции 2018 г.

Исследуемые словоформы были записаны в изолированном произношении в составе словарных списков объемом 130 лексем с частичным озвучиванием морфологической парадигмы. Дикторы получали русскоязычные стимулы и должны были произнести хантыйский эквивалент. В настоящем исследовании проанализировано сто аффиксальных гласных звуков, записанных в притяжательных формах различных лексем.

Аудиозаписи были сегментированы и аннотированы в программе Praat¹ на основе слухового и спектрального анализа. Акустический анализ и дальнейшая статистическая обработка данных осуществлялись с использованием корпусной системы Emu-SDMS [Winkelmann et al., 2017] и языка R.

На рис. 1 и 2 приводятся данные, полученные от носителя юганского говора.

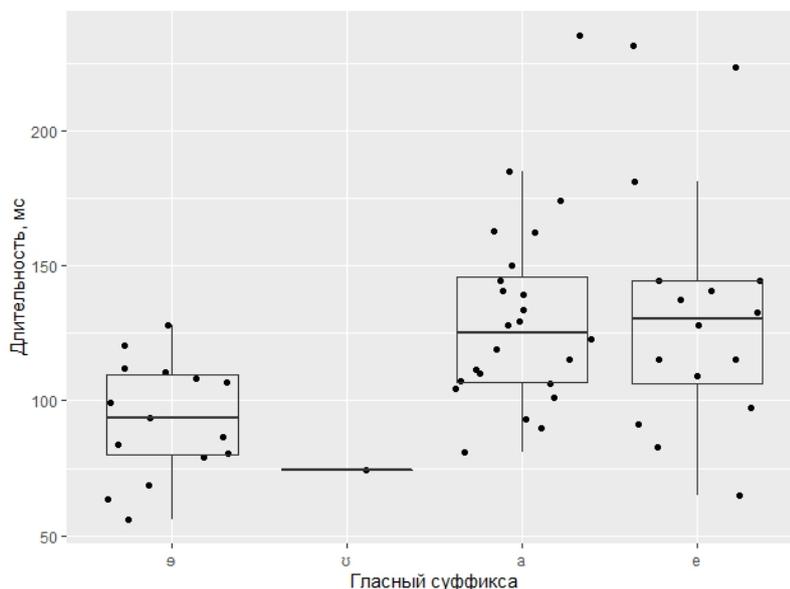

Рис. 1. Гласные звуки притяжательного аффикса по данным носителя юганского говора: количественные характеристики
 Fig. 1. Vowels of Possessive Affixes According to Yugan Subdialect Speakers: Quantitative Characteristics

¹ Boersma P., Weenink D. Praat: doing phonetics by computer [Компьютерная программа]. Version 6.0.37, retrieved 14 March 2018 from <http://www.praat.org/>.

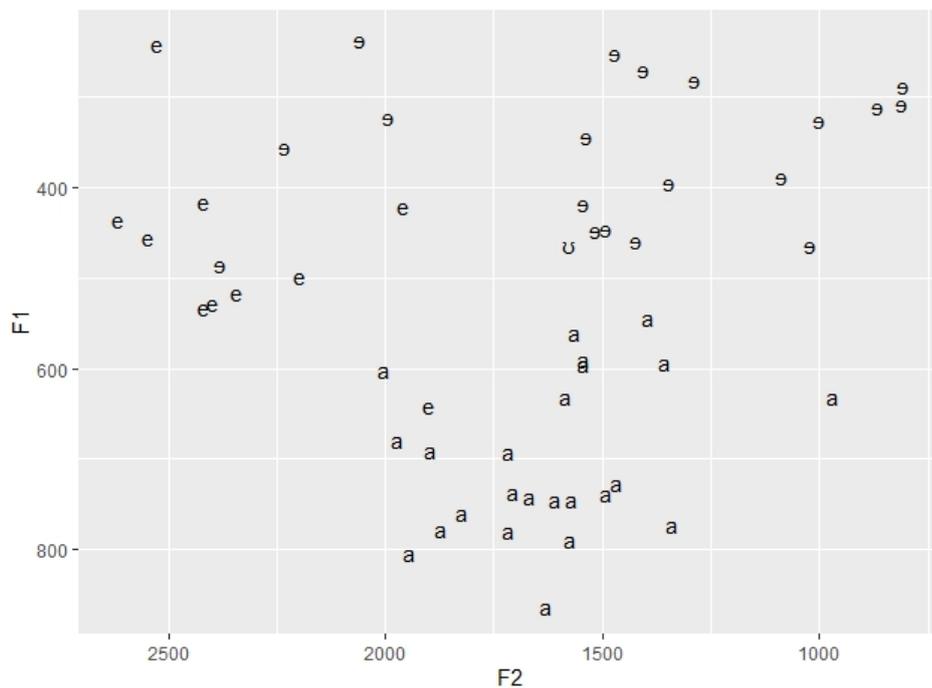

Рис. 2. Гласные звуки притяжательного аффикса по данным носителя юганского говора: качественные характеристики
 Fig. 2. Vowels of Possessive Affixes According to Yugan Dialect Speakers: Qualitative Characteristics

На рис. 1 представлены данные о длительности гласных. Каждая точка показывает отдельное произнесение. Расположение точки по вертикальной оси соответствует абсолютной длительности аффиксального гласного, измеренной в миллисекундах. Прямоугольные фигуры, наложенные сверху, характеризуют пределы варьирования.

По признаку длительности противопоставляются редуцированный гласный *э* и гласные полного образования *а*, *е*. В единичном случае был зафиксирован гласный *σ*. Наибольшая длительность гласных полного образования (более 120 мс) зафиксирована в позиции абсолютного конца, т. е. в аффиксах 2-го лица обладателя *а*, *е*, не имеющих конечного *п*. Звук *э* в соответствующей позиции не представлен. В закрытых слогах (в аффиксах 1-го лица обладателя) гласные полного образования сокращаются и по длительности сопоставимы с гласным *э*. Несмотря на эту зону пересечения, гласный *э* в среднем реализуется более кратко и имеет оттенки длительностью менее 75 мс, которые не характерны для гласных полного образования.

На рис. 2 приводятся данные о тембрах аффиксальных гласных. Каждая буква на графике обозначает отдельное произнесение соответствующего гласного. Положение буквы на графике соответствует формантам – резонансным частотам в спектре гласного, вычисленным методикой линейного предсказания речи с использованием языка R (функция *forest* из пакета *wtassr*). Частота первой форманты (F1, Гц) является коррелятом подъема, частота второй форманты (F2, Гц) – коррелятом ряда и огубленности. Положение точек на графике соответствует расположению гласных по рядам и подъемам.

Судя по данным первой и второй формант, гласный *а* реализуется в среднем ряду в средне-нижнем и нижнем подъемах. Гласный зафиксирован в следующих формах:

- в аффиксах существительных с кратким нечередующимся корневым гласным: *ма сām=ам* ‘мой глаз’, *нūу сām=а* ‘твой глаз’; *ма рāѳ=ам* ‘мой жир’, *нūу рāѳ=а* ‘твой жир’; *ма лūк=ам* ‘мой глухарь’, *нūу лūк=а* ‘твой глухарь’; *ма лāй=ам* ‘мой черпак’; *ма сēл=ам* ‘моя

кишка', *нўн сѣл=а* 'твоя кишка'; *ма зѣр=ам* 'мое болото', *нўн зѣр=а* 'твое болото'; *ма кѣт=ам* 'моя рука', *нўн кѣт=а* 'твоя рука'; *ма сѣх=ам* 'моя кожа', *нўн сѣх=а* 'твоя кожа'; *ма сўй=ам* 'мой звук'; *ма сѣв=ам* 'моя коса', *нўн сѣв=а* 'твоя коса'; *ма мѣс=ам* 'моя корова', *нўн мѣс=а* 'твоя корова'; *нўн лѣх=а* 'твой хвост';

- в формах существительного *лѣв* 'круг', где вопреки общей закономерности информант образовал притяжательную форму без чередования долгого корневого гласного: *ма лѣв=ам* 'мой круг', *нўн лѣв=а* 'твой круг' (ожидались чередование в корне и другие варианты аффиксов: *ма лув=эм* 'мой круг', *нўн лув=эн* 'твой круг').

Фонема *e* реализуется как передний гласный среднего подъема. Данный гласный зафиксирован в следующих случаях:

- в формах с долгим верхним гласным в корне, который не подвержен чередованию: *ма ньыр=эм* 'моя обувь', *нўн ньыр=э* 'твоя обувь' (*ньыр*), *ма лул=эм* 'мой рот', *нўн лул=э* 'твой рот' (*лул*); *ма нур=эм* 'мои вожжи' (*нур*); *ма луй=эм* 'мой наперсток', *нўн луй=э* 'твой наперсток' (*луй*); *ма рыт=эм* 'моя лодка', *нўн рыт=э* 'твоя лодка' (*рыт*); *ма зынь=эм* 'моя болезнь', *нўн зынь=э* 'твоя болезнь' (*зынь*); *ма нипэк=эм* 'моя бумага' (*нипэк*);

- в формах существительного *кѣнь* 'песец', где, вопреки закономерности, чередования неверхнего долгого гласного не происходит: *кѣнь=эм* 'мой песец' (ожидалось: *ма киць=эм* 'мой песец', *нўн киць=э* 'твой песец'); такие варианты зарегистрированы в речи других информантов);

- в формах существительного *вѣнтѣри* 'выдра' с неодносложной основой на гласный *и*: *ма вѣнтѣр=эм* 'моя выдра', *нўн вѣнтѣр=эн* 'твоя выдра'.

Фонема *э* отличается низким значением F1, что свидетельствует о закрытом произношении. Параметр F2 имеет здесь высокую вариативность и в значительной степени обусловлен левым консонантным контекстом. Так, крайне передний оттенок, близкий к *e*, зафиксирован в форме *нўн пий=эн* 'твоя куча' в позиции после среднеязычного согласного. Наоборот, наиболее отодвинутые в задний ряд оттенки встречаются после заднеязычных.

Фонема *э* зафиксирована в следующих случаях:

- в формах с долгим неверхним гласным, который в притяжательной форме заменяется на верхний:

лор 'озеро' – *ма лур=эм* 'мое озеро', *нўн лур=эн* 'твое озеро';

рак 'мука' – *ма рик=эм* 'моя мука';

пай 'куча' – *нўн пий=эн* 'твоя куча';

вон 'плечо' – *ма вун=эм* 'мое плечо', *нўн вун=эн* 'твое плечо';

зор 'бык' – *ма зур=эм* 'мой бык', *нўн зур=эн* 'твой бык';

зон 'царь' – *ма зун=эм* 'мой царь', *нўн зун=эн* 'твой царь';

лот 'яма' – *ма лут=эм* 'моя яма', *нўн лут=эн* 'твоя яма';

оч 'баран' – *ма уч=эм* 'мой баран', *нўн уч=эн* 'твой баран';

њол 'стрела' – *ма њул=эм* 'моя стрела', *нўн њул=эн* 'твоя стрела';

- в формах существительного *вѣн* 'зять' вопреки общему правилу для кратких гласных.

Отдельно необходимо упомянуть лексему *лѣк* 'дорога', в формах которой отмечается у-образный гласный *ѣ*. По своим количественным и спектральным характеристикам он соответствует реализациям фонемы *э* и, вероятно, является еще одним ее оттенком. Интересна позиция появления этого звука. В словаре Н. И. Терѣшкина для данной лексемы фиксируется в исходе основы редкий огубленный заднеязычный *k_o*, фонологический статус которого не вполне ясен. По-видимому, аномалия в суффиксальном гласном объясняется консонантным окружением и может быть отражением лабиовелярного характера *k*.

На рис. 3 и 4 приводятся аналогичные данные для информанта – носителя тром-аганского говора.

Инвентарь аффиксальных гласных в юганском говоре, их качественные и количественные характеристики в целом соответствуют данным по тром-аганскому говору. Отметим следующие отличия.

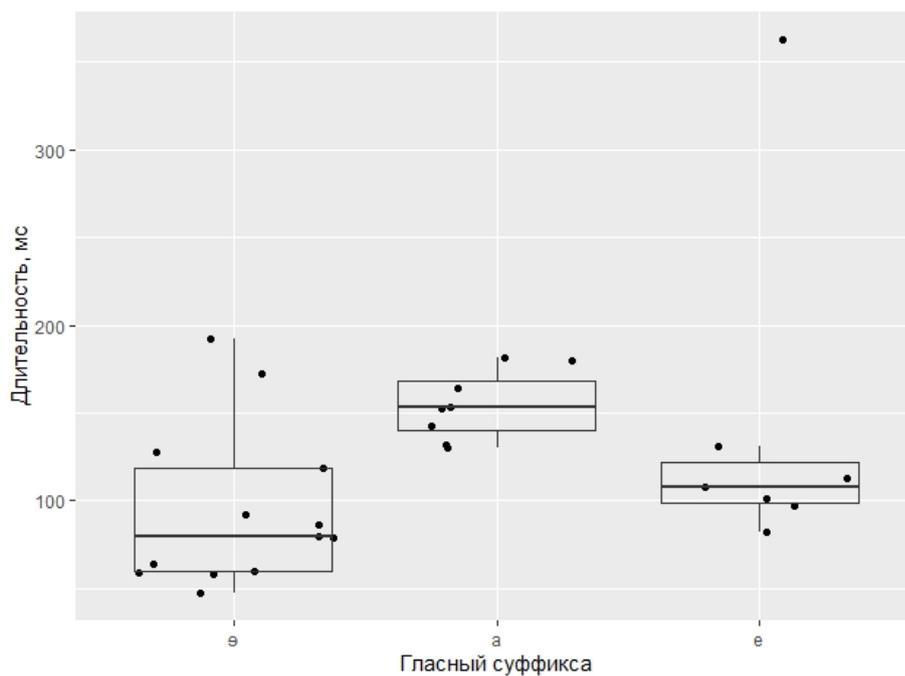

Рис. 3. Гласные звуки притяжательного аффикса по данным носителя тром-аганского говора: количественные характеристики
Fig. 3. Vowels of Possessive Affixes According to Trom-Agan Subdialect Speakers: Quantitative Characteristics

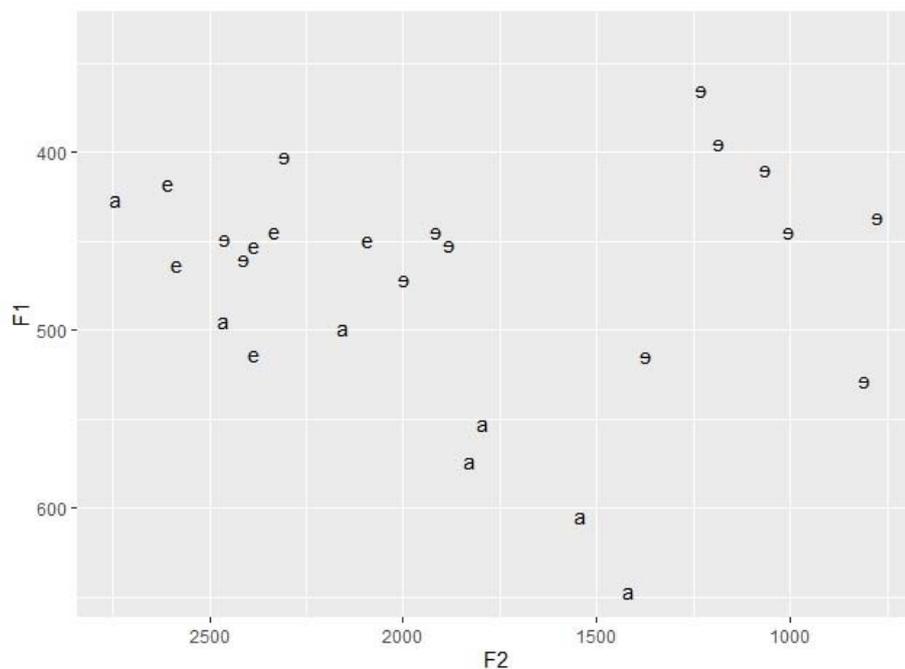

Рис. 4. Гласные звуки притяжательного аффикса по данным носителя тром-аганского говора: качественные характеристики
Fig. 4. Vowels of Possessive Affixes According to Trom-Agan Subdialect Speakers: Qualitative Characteristics

Во-первых, в речи данного информанта в ряде форм с кратким корневым гласным, где ожидается *a*, реализуется передний закрытый гласный, по формантным характеристикам совпадающий с *e*. Это явление зафиксировано в таких формах, как *ма вѳй=ам* ‘мой жир’, *ма лѳй=ам* ‘мой черпак’, *ма сѳй=ам* ‘мой шум’, т. е. в позиции после среднеязычного согласного, и не характерно для других позиций. Таким образом, после согласного *й* варианты аффикса *=ам* у отдельных дикторов могут иметь позиционное неразличение. В речи других информантов, наоборот, долгий гласный аффикса перетягивает на себя ударение и на фоне краткого гласного корня звучит более отчетливо.

Во-вторых, в некоторых формах гласный аффикса артикулируется неотчетливо, за счет этого на месте аффиксального согласного реализуется слоговой сонорный. Такое явление зафиксировано в формах *ма вут=эм* ‘мой ветер’ (*вот* ‘ветер’), *ма ѳул=эм* ‘моя стрела’ (*ѳол* ‘стрела’), где в корне представлен долгий неверхний гласный, чередующийся с верхним. Вероятно, здесь можно говорить о вариативной нулевой реализации фонемы /*э*/ после основ на глухой согласный.

В-третьих, в форме *ма ѳѳэм* ‘моя смола’ закономерного чередования корневого гласного не отмечается, но употребляется аффиксальный гласный, близкий по своим характеристикам к *э*.

Таким образом, экспериментальные данные подтверждают противопоставление трех серий притяжательных аффиксов: *=ам / =эн*, *=эм / =э(н)*, *=ам / =а(н)*. Тембральные признаки позволяют разграничить реализации различных фонем и подтвердить предполагаемую дистрибуцию морфов. Так, после основ с кратким гласным закономерно употребляются аффиксы *=ам / =а(н)* (исключение составляет лексема *вѳу* ‘зять’); после основ на гласный и основ с долгим верхним гласным – *=эм / =э(н)*. После основ с долгим неверхним гласным корня закономерно используется *=ам / =эн*, если есть чередование в корне. При его отсутствии наблюдаются различные отклонения в огласовке аффикса.

Выводы

Фонологическая система сургутского диалекта хантыйского языка представлена богатым набором гласных, включающим несколько огубленных гласных разного подъема, противопоставленных дополнительно по долготе / краткости: *о, ѳ, ѳ̄, у, ү*. Их разграничение на слух представляет определенные сложности, но и экспериментальные методики тоже не всегда дают однозначный результат, так как реализации данных фонем варьируют в широких пределах. Закономерности лично-притяжательного оформления имен существительных служат дополнительным средством дифференциации корневых гласных. Ср. образование лично-притяжательных форм от слов, представляющих минимальные фонологические пары.

Очень отчетливым становится противопоставление лично-притяжательных форм с корневыми гласными *у* и *ү*: при присоединении аффикса с гласным *а* к корню с кратким гласным *ү* ударение перемещается на второй слог, ср.:

Долгий гласный в корне	Краткий гласный в корне
<i>түвэр</i> ‘хвоя’ – <i>түвр=эм</i> ‘моя хвоя’	<i>түвэр</i> ‘гнилушка’ – <i>түвр=ам</i> ‘моя гнилушка’
<i>лүл</i> ‘рот’ – <i>лүл=эм</i> ‘мой рот’	<i>лүл</i> ‘сажень’ – <i>лүл=ам</i> ‘моя сажень’
<i>лүй</i> ‘наперсток’ – <i>лүй=эм</i> ‘мой наперсток’	<i>лүй</i> ‘гной’ – <i>лүй=ам</i> ‘мой гной’

Аналогично противопоставляются долгие *о* и *ѳ* кратким *ѳ̄* и *ѳ̄*, ср.:

Долгий гласный в корне	Краткий гласный в корне
<i>ѳор</i> ‘бык’ – <i>ѳур=эм</i> ‘мой бык’	<i>ѳѳр</i> ‘болото’ – <i>ѳѳр=ам</i> ‘мое болото’
<i>ѳот</i> ‘дом’ – <i>ѳут=эм</i> ‘мой дом’	<i>кѳт</i> ‘рука’ – <i>кѳт=ам</i> ‘моя рука’
<i>оч</i> ‘овца’ – <i>уч=эм</i> ‘моя овца’	<i>ѳч</i> ‘чага’ – <i>ѳч=ам</i> ‘моя чага’

В результате возникают серии близких по звучанию форм, ср.: *юй* ‘палец’ – *луй=эм* ‘мой палец’; *луй* ‘наперсток’ – *луй=эм* ‘мой наперсток’. Пара *луй=эм* ‘мой палец’ – *луй=эм* ‘мой наперсток’ позволяет разграничить гласный полного образования *э* и гласный неполного образования *ә*.

В некоторых случаях отмечается вариативность при образовании лично-притяжательных форм от основ с огубленным гласным среднего подъема *ө*. От слова *зөр* ‘просека’ зарегистрированы формы *зөр=эм* (по типу гласных верхнего подъема), *зур=эм* (по типу гласных нижнего подъема), а также неясные произнесения типа *зөр=?м*, в которых можно подозревать суффикс с гласным неполного образования *ә* без чередования в корне. Подобные случаи требуют тщательного инструментального исследования на репрезентативной выборке.

В опубликованных текстах на сургутском диалекте хантыйского языка наблюдается широкое варьирование в огласовке лично-притяжательных аффиксов. Приведем лишь некоторые из многочисленных примеров, которые могут быть связаны либо с различиями по говорам, либо с неустойчивой графической фиксацией и отсутствием орфографических справочников. Вариант лично-притяжательного суффикса с редуцированным гласным *=ам* (POSS.1SG.SG) и *=ә* (POSS.2SG.SG) в слове *ävi* ‘девочка’ при ожидаемом *=эм* и *=э* соответствует наблюдениям Л. Хонти [Honti, 1977] для пимского говора, где фиксируется редуцированный на месте гласного полного образования:

ma nüŋ äwə wösəm. [Csepregi, 1998. С. 52]
 ma nüŋ äw=ә wös=эм
 я ты девочка=POSS.2SG.SG быть=SUBJ.1SG
 ‘Я ведь твоя дочь.’

t'enə kuntə, nüŋ əntə ma äwəm! [Csepregi, 1998. P. 52]
 t'enə kuntə nüŋ əntə ma äw=эм
 так если ты NEG я девочка=POSS.1SG.SG
 ‘Если так, то ты не моя дочь.’

Таким образом, лично-притяжательные аффиксы имен существительных сургутского диалекта хантыйского языка 1-го и 2-го лица единственного числа и непоследовательно для разных говоров 1-го лица множественного числа (при единственном числе предмета) представлены несколькими алломорфами: 1SG.SG – *=ам* / *=эм* / *=ам*; 2SG.SG – *=ән* / *=э* (*=ән*) / *=а*; 1PL.SG – ^(?)*=әв* / *=эв* / *=ив* / *=ув* / *=ав* и соответствующие последним варианты с согласным *у* вместо *в*. При присоединении лично-притяжательных аффиксов в ряде корней происходит чередование гласных. Выбор алломорфа и наличие / отсутствие чередования зависит от характера гласного корня. В корнях с краткими гласными чередования не происходит, употребляются аффиксы с гласным нижнего подъема *=ам* (1SG.SG) и *=а* в форме именительного падежа и *=ән* во всех остальных формах (2SG.SG).

При присоединении лично-притяжательных аффиксов к корням с долгими гласными гласные нижнего подъема меняются на соответствующие им по ряду гласные верхнего подъема. После корней с долгими гласными верхнего подъема используются варианты аффиксов *=эм* (1SG.SG) и *=э* / *=ән* (2SG.SG), чередования не происходит, так как продвижение гласного далее вверх невозможно.

После основ с долгим неверхним гласным корня используются аффиксы *=ам* (1SG.SG) и *=ән* (2SG.SG), в корне происходит чередование.

Наблюдаются отдельные отклонения от данного правила: в корнях с долгими гласными среднего подъема описываемые процессы могут происходить либо по типу для гласных верхнего подъема, либо по типу для гласных нижнего подъема; к терминам родства и свойства (типа существительного *вöн* ‘зять’ с кратким гласным в корне) вместо ожидаемых аф-

фиксов с гласным *a* присоединяются аффиксы с редуцированным гласным *ə*, типичные для корней с долгими гласными верхнего подъема.

Список литературы

- Волкова А. Н., Соловар В. Н.** Хантыйско-русский тематический словарь (сургутский диалект) / Отв. ред. З. С. Рябчикова. СПб.: Изд-во РГПУ им. А. И. Герцена, 2018. 212 с.
- Ли П. И., Тимкин Т. В.** Проблема диалектной принадлежности полевых материалов по хантыйскому языку с реки Тромъеган // Документирование языков и диалектов коренных малочисленных народов России: Тез. докл. междунар. науч. конф. СПб.: ИЛИ РАН, 2019. С. 44–47.
- Терёшкин Н. И.** Очерки диалектов хантыйского языка. Часть первая. Ваховский диалект. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1961. 205 с.
- Терёшкин Н. И.** Словарь восточно-хантыйских диалектов. Л.: Наука, 1981. 544 с.
- Хонти Л.** Хантыйский язык // Языки мира. Уральские языки / Под ред. В. Н. Ярцевой. М.: Наука, 1993. С. 300–319.
- Чепреги М.** Сказки и рассказы сургутских ханты: Фольклорный сборник / Под ред. А. С. Песиковой; пер. на рус. Т. А. Ефремовой, А. С. Песиковой. Тюмень: Формат, 2015. 118 с.
- Чепреги М.** Сургутский диалект хантыйского языка / Под ред. Н. Б. Кошкарёвой; ред. хантыйского текста А. С. Песикова; пер. на рус. Т. А. Ефремова. Ханты-Мансийск: Печатный мир г. Ханты-Мансийск, 2017. 275 с.
- Csepregi M.** Szurguti osztják chrestomathia. Szeged, 1998, Suppl. 6: Studia uralo-altaica.
- Filchenko A.** Aspects of the Grammar of Eastern Khanty. Tomsk, TSPU-Press, 2010, 536 p.
- Helimski E.** Umlaut in Diachronie – Ablaut in Synchronie: Urostjakischer Umlaut und ostjakischer Ablaut. In: Problemy izucheniya dal'nego rodstva yazykov na rubezhe tret'ego tysyacheletiya. Doklady i tezisы nauchnoi konferentsii 29 maya – 2 iyunya 2000 g. [Issues of Research of Distant Relations between Languages at the Dawn of Third Millennium. Reports from the Academic Conference, May 29 – June 2, 2000]. Moscow, 2000, p. 194–200.
- Honti L.** Beobachtungen über die Laut- und Formenlehre gegenwärtiger Surguter Mundarten der Ostjakischen. *Acta Linguistica Academiae Scientiarum Hungaricae*, 1977, no. 27, p. 271–286.
- Paasonen H., Vértés E.** Ostjakische grammatikalische Aufzeichnungen nach den Dialekten an der Konda und am Jugan. *Journal de la Société Finno-Ougrienne*, 1963, no. 66, p. 73–77.
- Winkelmann R., Harrington J., Jänsch K.** EMU-SDMS: Advanced speech database management and analysis in R. *Computer Speech & Language*, 2017, vol. 45, p. 392–410.

References

- Csepregi M.** Szurguti osztják chrestomathia. Szeged, 1998, Suppl. 6: Studia uralo-altaica.
- Csepregi M.** Skazki i rasskazy surgutskikh khanty: fol'klorni sbornik [Tales and Stories of the Surgut Khanty: A Folklore Anthology]. Ed. by A. S. Pesikova. Trans. by T. A. Efremova, A. S. Pesikova. Tyumen, Format Publ., 2015, 118 p. (in Russ.)
- Csepregi M.** Surgutskii dialekt khantyiskogo yazyka [Surgut Dialect of the Khanty Language]. Ed. by N. B. Koshkareva; Khanty text ed. by A. S. Pesikova; trans. by T. A. Efremova. Khanty-Mansiisk, Khanty-Mansiisk Pechatnyi mir Publ., 2017, 275 p. (in Russ.)
- Filchenko A.** Aspects of the Grammar of Eastern Khanty. Tomsk, TSPU-Press, 2010, 536 p.
- Helimski E.** Umlaut in Diachronie – Ablaut in Synchronie: Urostjakischer Umlaut und ostjakischer Ablaut. In: Problemy izucheniya dal'nego rodstva yazykov na rubezhe tret'ego tysyacheletiya. Doklady i tezisы nauchnoi konferentsii 29 maya – 2 iyunya 2000 g. [Issues of Research of Distant Relations between Languages at the Dawn of Third Millennium. Reports from the Academic Conference, May 29 – June 2, 2000]. Moscow, 2000, p. 194–200.

- Honti L.** Beobachtungen über die Laut- und Formenlehre gegenwärtiger Surguter Mundarten der Ostjakischen. *Acta Linguistica Academiae Scientiarum Hungaricae*, 1977, no. 27, p. 271–286.
- Honti L.** Khantyiskii yazyk [The Khanty Language]. In: *Yazyki mira. Ural'skie yazyki* [Languages of the World. Uralic Languages]. Ed. by V. N. Yartseva. Moscow, Nauka Publ., 1993, p. 300–319. (in Russ.)
- Li P. I., Timkin T. V.** Problema dialektnoi prinadlezhnosti polevykh materialov po khantyiskomu yazyku s reki Trom"egan [The Issue of Dialectal Nature of Khanty Field Materials from the Tromegan River]. In: *Dokumentirovanie yazykov i dialektov korennykh malochislennykh narodov Rossii* [Documentation of Minor Russian Indigenous Languages and Dialects]. Reports from the International Academic Conference. St. Petersburg, ILS RAS, 2019, p. 44–47. (in Russ.)
- Paasonen H., Vértes E.** Ostjakische grammatikalische Aufzeichnungen nach den Dialekten an der Konda und am Jugan. *Journal de la Société Finno-Ougrienne*, 1963, no. 66, p. 73–77.
- Tereshkin N. I.** Ocherki dialektov khantyiskogo yazyka. Chast' pervaya. Vakhovskii dialekt [Essays on Khanty Dialects. Part One. Vakha Dialect]. Moscow, Leningrad, AS USSR Publ., 1961, 205 p. (in Russ.)
- Tereshkin N. I.** Slovar' vostochno-khantyiskikh dialektov [Eastern Khanty Dialect Dictionary]. Leningrad, Nauka Publ., 1981, 544 p. (in Russ.)
- Volkova A. N., Solovar V. N.** Khantyisko-russkii tematicheskii slovar' (surgutskii dialekt) [Khanty-Russian Thematic Dictionary (Surgut Dialect)]. Ed. by Z. S. Ryabchikova. St. Petersburg, A. I. Gertsen RSPU Publ., 2018, 212 p. (in Russ.)
- Winkelmann R., Harrington J., Jänsch K.** EMU-SDMS: Advanced speech database management and analysis in R. *Computer Speech & Language*, 2017, vol. 45, p. 392–410.

Список условных сокращений и обозначений

аг. – аганский говор сургутского диалекта хантыйского языка; **тр.-аг.** – тром-аганский говор сургутского диалекта хантыйского языка; **тр.-юг.** – тром-юганский говор сургутского диалекта хантыйского языка; **у.-аг.** – усть-аганский говор сургутского диалекта хантыйского языка; **у.-юг.** – усть-юганский говор сургутского диалекта хантыйского языка; **юг.** – юганский говор сургутского диалекта хантыйского языка

ABL – показатель отложительного падежа; **C** – согласный; **COM** – показатель совместно-го падежа; **DAT** – показатель дательного-направительного падежа; **INF** – показатель инфинитива; **INSTR** – показатель творительного падежа; **LAT** – показатель общенаправительного падежа; **LOC** – показатель местно-творительного падежа; **NEG** – отрицательная частица; **NOM** – показатель именительного падежа; **PASS** – показатель страдательного залога; **PL** – показатель множественного числа; **POSS** – лично-притяжательный аффикс; **POSS.1SG.SG** – лично-притяжательный аффикс 1-го лица единственного числа субъекта обладания при единственном числе объекта обладания; **PP** – показатель причастия прошедшего времени; **PR** – показатель настоящего времени; **PrP** – причастие настоящего времени; **SG** – показатель единственного числа; **SUBJ** – показатель субъектного спряжения; **TRLAT** – показатель превратительного падежа; **V** – гласный

Материал поступил в редколлегию
Received
30.08.2019

Сведения об авторах

Кошкарева Наталья Борисовна, доктор филологических наук, профессор, главный научный сотрудник сектора языков народов Сибири Института филологии СО РАН (ул. Николаева, 8, Новосибирск, 630090, Россия), зав. кафедрой общего и русского языкознания Гуманитарного института Новосибирского государственного университета (ул. Пирогова, 1, Новосибирск, 630090, Россия)
koshkar_nb@mail.ru

Тимкин Тимофей Владимирович, магистр филологии, младший научный сотрудник сектора языков народов Сибири Института филологии СО РАН (ул. Николаева, 8, Новосибирск, 630090, Россия), ассистент кафедры общего и русского языкознания Гуманитарного факультета Новосибирского государственного университета (ул. Пирогова, 1, Новосибирск, 630090, Россия)
ttimkin@yandex.ru

Ли Полина Игоревна, бакалавр филологии, студент-магистрант Новосибирского государственного университета (ул. Пирогова, 1, Новосибирск, 630090, Россия), лаборант-исследователь сектора языков народов Сибири Института филологии СО РАН (ул. Николаева, 8, Новосибирск, 630090, Россия)
polina.li.14@mail.ru

Information about the Authors

Natalya B. Koshkareva, Doctor of Philology, Professor, Head Researcher at the Sector of Siberian Languages, Institute of Philology SB RAS (8 Nikolaev Str., Novosibirsk, 630090, Russian Federation), Head of Chair of General and Russian Linguistics, Institute of Humanities, Novosibirsk State University (1 Pirogov Str., Novosibirsk, 630090, Russian Federation)
koshkar_nb@mail.ru

Timofei V. Timkin, Master of Philology, Junior Researcher at the Sector of Siberian Languages, Institute of Philology SB RAS (8 Nikolaev Str., Novosibirsk, 630090, Russian Federation), Assistant of the Chair of General and Russian Linguistics, Institute of Humanities, Novosibirsk State University (1 Pirogov Str., Novosibirsk, 630090, Russian Federation)
ttimkin@yandex.ru

Polina I. Li, Bachelor of Philology, Masters Student at the Novosibirsk State University (1 Pirogov Str., Novosibirsk, 630090, Russian Federation), Laboratory Assistant Researcher at the Sector of Siberian Languages, Institute of Philology SB RAS (8 Nikolaev Str., Novosibirsk, 630090, Russian Federation)
polina.li.14@mail.ru

УДК 811.511.142, 811.511.25, 81'367.332, 81'367.7, 81'37
DOI 10.25205/1818-7919-2019-18-9-102-126

Парадигма акциональных предложений в хантыйском и ненецком языках

Н. Б. Кошкарева

*Институт филологии СО РАН
Новосибирск, Россия
Новосибирский государственный университет
Новосибирск, Россия*

Аннотация

Акциональные предложения описывают разного рода воздействия субъекта на объект, при котором положение объекта в пространстве не меняется. Планом содержания является акциональная пропозиция, в состав которой входят три обязательных компонента – субъект, объект и предикат; планом выражения – модель элементарного простого предложения, в которой позиция объекта прототипически выражается именем в форме винительного падежа. В хантыйском и ненецком языках акциональные элементарные простые предложения, передавая однотипные отношения, различаются возможностями парадигматического варьирования. В тундровом ненецком языке коммуникативные варианты связаны с варьированием винительного, именительного, дательного и творительного падежей для выражения тематического или рематического объекта и инструмента / адресата. В казымском диалекте хантыйского языка форма винительного падежа представлена только в системе прономинального склонения, имя существительное в объектной позиции стоит в форме именительного падежа. Соответственно, для выражения актуального членения используются, прежде всего, глагольные категории спряжения (противопоставление субъектного и объектного типов спряжения) и залога, так как падежная система максимально свернута. Коммуникативная парадигма в ненецком языке связана с варьированием именных категорий, тогда как в хантыйском – с варьированием глагольных категорий.

Ключевые слова

элементарное простое предложение, синтаксическая парадигма, акциональное предложение, хантыйский язык, ненецкий язык

Для цитирования

Кошкарева Н. Б. Парадигма акциональных предложений в хантыйском и ненецком языках // Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2019. Т. 18, № 9: Филология. С. 102–126. DOI 10.25205/1818-7919-2019-18-9-102-126

Paradigm of Actional Sentences in Khanty and Nenets

N. B. Koshkareva

*Institute of Philology SB RAS
Novosibirsk, Russian Federation
Novosibirsk State University
Novosibirsk, Russian Federation*

Abstract

Actional sentences describe certain ways in which the subjects affect the objects while the object's position in space does not change. The plane of content is the actional proposition, which contains the three necessary components, namely the subject, the object, and the predicate; the plane of expression is the model of the elementary simple sentence where the object position is prototypically expressed by a name in accusative. In the Khanty and Nenets lan-

© Н. Б. Кошкарева, 2019

ISSN 1818-7919
Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2019. Т. 18, № 9: Филология
Vestnik NSU. Series: History and Philology, 2019, vol. 18, no. 9: Philology

guages, the actional elementary simple sentences tend to express the same types of relations but differ in their potential for paradigmatic variation. In Tundra Nenets, the communicative variants are related to variation in the choice of accusative, nominative, dative, or instrumental cases in order to express the thematic or rhematic objects and instruments/addressees. In the Kazym dialect of the Khanty language, the accusative form is only used in the system of pronominal declination; in the object position, nouns in nominative case are used. Therefore, to express the thematic-rhematic articulation, verb categories of conjugation (opposition of subject and object conjugation types) are used, as well as genus, because the case system is contracted. In the Nenets language, the communicative paradigm is related to the variation in name categories, whereas in Khanty, it is related to variation in verb categories.

Keywords

elementary simple sentence, syntactic paradigm, actional sentence, Khanty language, Nenets language

For citation

Koshkareva N. B. Paradigm of Actional Sentences in Khanty and Nenets. *Vestnik NSU. Series: History and Philology*, 2019, vol. 18, no. 9: Philology, p. 102–126. (in Russ.) DOI 10.25205/1818-7919-2019-18-9-102-126

Акциональные предложения описывают разного рода воздействия субъекта на объект типа «кто воздействует на кого / на что», при котором положение объекта в пространстве остается неизменным. Элементарные простые предложения представляют собой единство плана выражения и плана содержания: планом содержания является акциональная пропозиция, в состав которой входят три обязательных компонента – субъект, объект и предикат; планом выражения – модель $N^{AG}_{НОМ} N^{OBJ}_{АСС} V_f^{ACT}$, где $N^{AG}_{НОМ}$ – это субъект-агнс, выраженный именем существительным или его субститутотом в форме именительного падежа, $N^{OBJ}_{АСС}$ – это объект, прототипически выраженный именем в форме винительного (или именительного) падежа, V_f^{ACT} – акциональный предикат (глагол с семантикой воздействия).

Будучи единицей языка, акциональные предложения обладают широкими возможностями варьирования, образуя синтаксическую парадигму – систему форм, противопоставленных по предикативным категориям при сохранении пропозиции, отношений между компонентами и способа их грамматического выражения [СРЯз, 1997. С. 744–764].

Целью данной статьи является определение возможных границ варьирования акциональных предложений в двух уральских языках Сибири – хантыйском и ненецком, при котором тождество предложения самому себе сохраняется, и установление набора предикативных категорий, формирующих синтаксические парадигмы этого типа предложений в двух языках. Парадигмы описываются как комплекс взаимосвязанных формальных, семантических и коммуникативных категорий, устанавливается объем парадигмы акциональных предложений, отличающийся от объема парадигм других типов предложений.

Материалом исследования послужили данные по казымскому, шурьшкарскому, сургутскому диалектам хантыйского языка, а также по тундровому и лесному диалектам ненецкого языка, собранные прежде всего в полевых условиях. Собственные полевые материалы приводятся без ссылки на первоисточник в практической орфографии на основе фонематического принципа. Примеры, извлеченные из опубликованных источников, сопровождаются библиографическими ссылками. В первой строке примера воспроизводится запись в том виде, в котором она дается в первоисточнике, по необходимости в строке глоссирования может быть использована финно-угорская транскрипция, если авторский вариант записи затрудняет проведение морфемного членения.

Парадигма простого предложения в казымском диалекте хантыйского языка описана в монографии В. Н. Соловар [2009]. В других диалектах она имеет отличительные особенности, так как набор грамматических категорий имени и глагола в разных диалектах не совпадает. Акциональные предложения тундрового ненецкого простого предложения в общих чертах охарактеризованы в работе М. В. Баркаловой [2004]. В данной статье анализируются примеры из других диалектов этих языков: лесного ненецкого, шурьшкарского и сургутского хантыйского, вносятся некоторые коррективы в определение объема синтаксических парадигм в этих языках и проводится их сопоставление.

Понятие «парадигма предложения»

Понятие *парадигмы* является одним из ключевых в рамках структурализма и описания предложения как единицы языка, поскольку позволяет представить системные отношения на уровне синтаксиса и выявить дифференциальные признаки синтаксических единиц. Синтаксическая парадигма понимается как совокупность форм предложения, относящихся к одной грамматической категории и употребляющихся в одинаковой позиции [Общее языкознание... 1972. С. 334].

В русской грамматике пионерской в области синтаксической парадигматики следует, вероятно, считать работу Е. А. Седельникова [1961], где парадигма определяется как совокупность всех регулярно существующих в системе языка видоизменений предложения, связанных с выражением категорий объективной модальности и синтаксического времени. Соответственно, парадигма предложения восьмичленна и включает три времени индикатива и пять ирреальных наклонений. Такое же понимание парадигмы предложения представлено и в «Грамматике современного русского литературного языка» 1970 г. под редакцией Н. Ю. Шведовой. Это пример узкого подхода к пониманию парадигмы предложения на основе предикативных категорий сказуемого, формирующих такие регулярные реализации, как обобщенно-личная, фазовая, модальная, количественная, отрицательная [Шведова, 1973. С. 20].

Обзор работ, посвященных синтаксической парадигматике, представлен в монографии М. В. Всеволодовой и О. Ю. Дементьевой [1997. С. 6–19]. На него ссылаются многие исследователи [Антонова, 2001; Джабраилова, 2015; Савосина, 1998; 2000], указывая в качестве первоисточника представлений о парадигме синтаксических единиц работу Д. Уорта [Worth, 1963], написанную в рамках трансформационной грамматики. В ней отражается широкое понимание парадигмы. Предложение может входить одновременно в несколько парадигматических рядов: в простых линейных парадигмах меняется только модально-временной план, конструктивно-синтаксическая форма предложения не затрагивается (*Я писал / Я пишу / Я буду писать*); в простых нелинейных парадигмах смена модально-временного плана частично меняет и конструктивно-синтаксическую форму предложения (*Он профессор / Он был профессором / Он будет профессором*); комплексные парадигмы представляют собой определенные преобразования синтаксической модели (схемы конструктивного строения) предложения [Ibid.] (цит. по: [Распопов, 1969. С. 92–93]).

Основополагающими в области синтаксической парадигматики признаются также труды представителей Пражского лингвистического кружка: они связывали синтаксическую парадигму со структурной основой предложения, включающей, кроме главных членов, также и те второстепенные члены, наличия которых требует валентность глагола [Зимек, 1966; Грабе, 1966; Адамец, 1966].

Единицами синтаксических парадигм П. Адамец считал модели предложения на определенной ступени развернутости [1966. С. 78]. Парадигма, как иерархически организованная система, включает ядерное предложение (исходную форму парадигмы) и его преобразования – трансформации, модификации и вариации. Трансформации характеризуются стабильностью содержательной стороны и изменениями в структуре ядерного предложения: *Директор утвердил приказ – Приказ был утвержден директором*. Модификации предполагают изменения модального или фазисного значения в результате введения нового элемента – модификатора: *Я приду – Я могу прийти*. Вариации связаны с изменением морфологических категорий отдельных компонентов (время, вид, наклонение, число) при полном сохранении синтаксической структуры и количества компонентов: *Я читаю / читал / буду читать книгу* [Там же. С. 78–79].

В отечественном языкознании за прошедшие полвека сформировалось около десятка концепций синтаксической парадигматики: формоизменяющая [Седельников, 1961; Шведова, 1967], деривационная [Белошапкина, Шмелева, 1981], коммуникативная [Золотова, 1982; Зо-

лотова и др., 1998], актуализационная (также коммуникативная) [Всеволодова, Дементьева, 1997; Всеволодова, 2000], аспектуальная [Белошапкина, 2007], комбинаторная [Гришина, 2001]; перформативная [Формановская, 2002], семантическая [РГП, 2002] и др.

При узком подходе к парадигме предложения должно соблюдаться требование структурного тождества, тогда как при широком подходе единство парадигмы определяется тождеством семантики, которое сохраняется при видоизменениях структурной схемы предложения и ее преобразовании в другие схемы. Деривационная парадигма включает исходные и производные построения, каждый ее член отличается от исходного определенным семантическим компонентом: фазисность (*Он начал работать над книгой*), модальность (*Он должен работать над книгой*), негация (*Не было дождя*), количественность (*Шум – Шуму!*), оценочно-экспрессивный смысл (*Он изменился – Как он изменился!*), авторизация (*Книга оказалась интересной*), интерпретация субъекта – неопределенность (*Звонят*) и обобщенность (*Вечно его ждешь!*) [Белошапкина, Шмелева, 1981].

В рамках широкого подхода активно обсуждается вопрос о пределах допустимого варьирования структуры и семантики предложения, о параметрах соотношения разнообразных вариантов высказываний с инвариантом.

О. И. Москальская выделяет два уровня модификаций предложения: внутримодельные (не изменяющие компонентного состава предложения) и межмодельные (изменяющие состав модели предложения). Формами предложения, составляющими в своей совокупности парадигму предложения, считаются только модификации структуры предложения, не нарушающие ее тождества: границей тождества предложения «является его структурная модель, и все модификации предложения, включаемые в парадигму предложения, должны протекать в рамках соответствующей модели предложения» [Москальская, 1974. С. 102].

Концепция парадигмы как системы межмодельных преобразований предложения активно разрабатывалась И. П. Распоповым и Т. П. Ломтевым.

И. П. Распопов различал парадигмы конструктивного и коммуникативного синтаксиса [1969. С. 94]. Конструктивные парадигмы строятся на основе глагольных категорий лица и залога, при варьировании которых сохраняется тождество ситуации (ср. в трактовке Е. А. Седельникова и Н. Ю. Шведовой базовые для парадигмы категории времени и модальности). По категории представления субъекта парадигму составляют предложения: *Кто-то постучал в дверь – В дверь постучали; Волна уносит лодку в море – Лодку уносит в море*. Парадигму по категории залога образуют предложения типа *Отец встречается с сыном – Отец встречает сына; Бухгалтер составляет смету – Смета составляется бухгалтером; Товарищу вспомнилась эта история – Товарищ вспомнил эту историю* [Там же. С. 95].

Под коммуникативной парадигмой предложений И. А. Распопов понимал систему видоизменений, связанных с целевым назначением предложения (повествовательный, вопросительный и побудительный типы) и с развертыванием его коммуникативной перспективы, которое «осуществляется (главным образом за счет порядка слов и интонации) в соответствии с определенным коммуникативным заданием и проявляется в соотношении компонентов его... актуального членения – темы и ремы» [Там же. С. 97].

Т. П. Ломтев вводит собственно синтаксическое определение парадигмы на основе набора грамматических категорий самого предложения, а не глагола. Грамматические категории – «различные классы лингвистических единиц и различные семантические свойства, которые выделяют и оформляют эти классы» [1972. С. 143]. Синтаксические категории предложения не дублируют систему морфологических категорий глагола, к ним относятся: утвердительность – отрицательность; вид общения (повествовательные, вопросительные, побудительные предложения); синтаксическое время (соотношение события с моментом речи); модальность (реальность – гипотетичность); модус существования – наличность, бытие, возможность, необходимость; субъективная оценка истинности или ложности сообщения; конвертируемость (отношения между двумя субстанциями – субъектом и объектом, при которых субъект предложения становится его объектом, например: *Тишина сменяет шум и Шум сменяется тиши-*

ной; данная категория связана с залоговыми трансформациями); определенность, неопределенность, обобщенность и формальность предмета (соотносится с классификацией предложений по наличию / отсутствию действующего лица в предложении); активность – демиактивность (противопоставление номинативных предложений, с одной стороны, и дативных и инструментальных предложений, с другой, ср.: *Он не спит; Ему не спится* и под.) [Ломтев, 1972. С. 62].

Близкий набор категорий вводится при описании коммуникативной парадигмы предложения, которая объясняет модификации языковой модели текстовыми, коммуникативными, социальными, стилистическими, прагматическими контекстами общения. Предложение претерпевает грамматические и структурно-семантические модификации, затрагивающие предикат (фазисные и модально-волево-волянтативные модификации), субъект (определенно-личная, неопределенно-личная, обобщенно-личная модификации) [Золотова и др., 1998. С. 111–112], отражающие независимость предикативного признака от воли субъекта (волево-волянтативность / инволево-волянтативность), активность / неактивность – в форме залоговых трансформаций [Там же. С. 124]. Таким образом, коммуникативная парадигма предложения включает семь членов: две предикатные модификации, три субъектные, инволево-волянтативная и пассивно-процессуальная модификации.

Коммуникативная парадигма в определении М. В. Всеволодовой и О. Д. Дементьевой представляет собой совокупность предложений, объединенных общностью отражаемой ситуации, каждое из которых служит решению определенной коммуникативной задачи. Коммуникативная парадигма объединяет два парадигматических ряда: актуализационную парадигму и ряд трансформационных парадигм для каждого варианта отношений предикативности.

Коммуникативная парадигма имеет полевою структуру. Ее ядром является изосемическая конструкция, представляющая ситуацию наиболее корректным способом – при помощи изосемических слов, синтаксические позиции которых соответствуют их денотативным и коммуникативным ролям; семантический субъект должен быть предикативным компонентом, например: *На ВАЗе (Loc) рабочие (S) выпускают автомобили (Ob) «Жигули»*.

Следующий слой составляет актуализационная парадигма, в рамках которой происходит тема-рематическая мена порядка слов, перенос рематического компонента в инициальную позицию, перестановка словоформ внутри синтагмы, топикализация. Каждый член актуализационной парадигмы имеет свою трансформационную парадигму, которая включает три типа предложений, построенных по следующим моделям: а) $N_1 - V_f - N_4$ с типовым значением «субъект и его действие»: *ВАЗ (Loc) выпускает «Жигули» (Ob)*; б) $N_1 - V_{pass} - N_5$ с типовым значением «объект и производимое по отношению к нему действие»: *ВАЗом (Loc) выпускаются «Жигули» (Ob)*; в) $N_1 - (COP) - N_1$ с типовым значением «субъект и его характеристика»: *ВАЗ (Loc) – это предприятие по выпуску «Жигулей» (Ob)* [Всеволодова, Дементьева, 1997].

Перформативные парадигмы (коммуникативно-семантические группы) включают стереотипные способы выражения перформативности, свойственные определенному интенциональному значению [Формановская, 2002].

В комбинаторную парадигму объединяются предложения «на основе учета комбинаторных потенциалов грамматических компонентов» [Гришина, 2001. С. 216]. Комбинаторная парадигма охватывает, во-первых, варьирование предикатного компонента, который может быть выражен личной формой глагола, императивом, инфинитивом, причастием, прилагательным, словом категории состояния, признаковым существительным и пр., во-вторых, варьирование субъектного компонента, ограниченное изменением имени по категории падежа. Такая парадигма является межмодельной и межуровневой, в ней объединяются такие предложения, как *Ему полегчало* (Дат. п. + глагол), *Ему плохо* (Дат. п. + категория состояния), *В нем нет страха* (Предл. п. + сущ. в косв. падеже), *Он грустит* (Им. п. + глагол) и др.

Аспектуальная парадигма простого предложения позволяет систематизировать припропозиционные смыслы (интенсивность, фазовость, однократность, длительность, результатив-

ность, множественность, соотношение с нормой и проч.), которые выражаются при помощи разноуровневых средств – различного вида аффиксации, корневой морфемой, а также определенной синтаксической конструкцией, например: *приболеть*; *слегка удариться*; *учиться пять лет*; *дети – бежать*; *он как прыгнет*; *гореть – тлеть – пылать*; *я буду ждать тебя, пока у меня будут силы* [Белошапкина, 2007].

План содержания синтаксического знака моделируется группой «Русский глагол» под руководством Л. Г. Бабенко. Под семантической моделью понимается горизонтально развернутая структура типового содержания предложения, состоящая из иерархически организованных компонентов, связанных типовыми отношениями: вершина – предикат, актанты – его уточнители. Семантическая модель описывается в терминах *пропозиция*, *денотативная (ситуационная) семантика*, *грамматическая (схемная) семантика*, *семантика глагола-предиката*. Семантическая модель отражает структуру ситуации и обусловлена семантикой предиката. Оптимальным признается описание семантических моделей предложения на основе определенных лексико-семантических групп глаголов [РГЛ, 1998. С. 13–17]. В экспериментальном синтаксическом словаре «Русские глагольные предложения» разграничиваются основные модели и их варианты. Первичные семантические модели содержат компоненты с прямым, исходным, первичным значением, вторичность обусловлена переносным значением базовых компонентов [РГП, 2002].

В данной работе мы опираемся на определение парадигмы предложения как системы грамматических мест, в которой сохраняется тождество языковой единицы данного грамматического класса, сформулированное М. И. Черемисиной [2003. С. 4]. Важный параметр, введенный М. И. Черемисиной, – это определение объекта, для которого строится парадигма: «Объектом синтаксической парадигмы может быть только элементарное простое предложение. Это главная синтаксическая единица, синтаксическая сущность любого языка» [Там же. С. 5], «парадигма имеет отношение только к моделям предложений» [Там же. С. 25]. При этом разным типам выделяемых единиц соответствуют собственные парадигмы [Там же. С. 4]. «Непременным условием инвариантности модели должно быть тождество структуры пропозиции, а этим предполагается инвариантность отношений между предикатом и актантами, которые задаются валентностями предиката» [Там же. С. 26].

Грамматическая парадигма структурируется на основе ряда противопоставлений: во-первых, по способу выражения предиката («варьирование сказуемого») и, во-вторых, его именного окружения («варьирование актантов»). Варьирование предиката основано на изменении глагола по всем лексико-грамматическим категориям, свойственным данному языку (лицо, число, время, наклонение, аспектуальность, модальность, эвиденциальность и пр.), при сохранении системы его валентностей. Варьирование именных компонентов модели, в свою очередь, зависит от валентностных свойств предиката, требующего постановки зависимого имени в определенной падежной форме. На лексико-семантическом уровне варьирование «определяется лексико-семантическими требованиями и ограничениями, которые модель предъявляет к “заместителям” каждой из позиций» [Там же. С. 27].

Таким образом, парадигматические отношения устанавливаются применительно к плану выражения и к плану содержания предложения, а также по отношению к его коммуникативным вариантам.

Модель акциональных предложений как объект синтаксического моделирования

Изосемическим средством репрезентации акциональной пропозиции является модель $N_{\text{НОМ}}^{\text{AG}} N_{\text{ACC}}^{\text{OBJ}} V_f^{\text{ACT}}$, для которой выстраивается парадигма, охватывающая возможности варьирования каждого из трех компонентов и элементарного простого предложения в целом.

В позиции агенса $N_{\text{НОМ}}^{\text{AG}}$ могут стоять имена существительные или их субституты в форме именительного падежа, обозначающие активно действующих субъектов, контролирующе-

щих и целенаправленно осуществляющих воздействие. Специфика сопоставляемых языков определяется возможностями заполнения этой позиции именами, называющими природные явления, стихии, а следовательно, семантические ограничения, накладываемые тем или иным языком на возможность заполнения данной позиции (*лицо / сила*).

Позицию объекта N^{OBJ}_{ACC} занимают неодушевленные или одушевленные имена, называющие предметы воздействия или манипуляции. Каноническим способом оформления этой позиции является винительный падеж. Однако и в хантыйском, и в ненецком языке винительный падеж последовательно употребляется в одном случае – если объект воздействия выражен личным местоимением, т. е. обозначает конкретное, определенное лицо. Если же объект воздействия обозначается именем существительным, то в хантыйском языке используется только форма именительного падежа, так как винительный падеж в системе именного склонения отсутствует, в ненецком выбор между именительным и винительным падежами осуществляется в зависимости от определенности / неопределенности объекта, а также от актуального членения предложения. Кроме того, объект может выражаться формами других косвенных падежей, если находится в реме.

Позицию предиката V_f^{ACT} занимают глаголы акциональной семантики, обозначающие креативное (созидательное), деструктивное (разрушительное), трансформационное воздействие на объект, т. е. появление, повреждение, разрушение объекта в результате воздействия, а также воздействие с последующим качественным изменением объекта или без него. На основе лексико-семантической группы глагола-предиката различаются семантические варианты акциональных предложений.

Грамматическое варьирование предикатной позиции регулируется наличием в хантыйском и ненецком языках субъектного и объектного спряжений, закономерности выбора той или иной формы во многом совпадают. Однако в обоих языках есть уникальные глагольные категории, на основе которых парадигмы различаются: в ненецком языке есть еще один тип спряжения – «возвратный», а в хантыйском широко используется страдательный залог для выражения актуального членения предложения.

Таким образом, объектом синтаксической парадигматики является модель элементарного простого предложения $N^{AG}_{ном} N^{OBJ}_{ACC} V_f^{ACT}$ как прототипическое средство репрезентации акциональной пропозиции в хантыйском и ненецком языках.

Парадигмы акциональных предложений в уральских языках

Базовые модели акциональных элементарных простых предложений в хантыйском и ненецком языках тождественны, различия лежат в сфере парадигматики: каждый из компонентов модели варьирует в обоих языках в разных пределах и по разным причинам. С одной стороны, варьирование происходит в рамках предикативных категорий темпоральности, модальности и персональности, которые выражаются прежде всего глагольными категориями. С другой стороны, важным для синтаксиса уральских языков является падежное варьирование в оформлении субъектно-объектных позиций, связанное с такими факторами, как определенность / неопределенность, одушевленность / неодушевленность актантов, их коммуникативный статус. В этом типе варьирования задействованы одновременно именные и глагольные категории: мена падежных форм, выбор залоговых форм, а также типа спряжения – субъектного или объектного.

Мы разграничиваем два типа синтаксических парадигм в уральских языках Сибири – предикативную и коммуникативную, в рамках которых сохраняется тождество элементарного простого предложения самому себе. Посредством предикативной парадигмы содержание высказывания соотносится с внеязыковой реальностью, коммуникативная парадигма структурирует передаваемую в предложении информацию с позиций говорящего и его коммуникативных намерений.

1. Предикативная парадигма уральского элементарного простого предложения.

Предикативная парадигма (или грамматическая парадигма в узком смысле слова) отражает варьирование предложения по синтаксическим категориям темпоральности, модальности, персональности, а также аспектуальности, связанное с модификациями предикатной позиции, а кроме того, по категориям одушевленности / неодушевленности, определенности / неопределенности, обусловленное способами выражения актантных позиций.

1.1. Морфологические категории глагола являются ядерным способом выражения предикативных категорий предложения, поэтому предикативная парадигма предложения в первую очередь связана с варьированием предикатной позиции. Однако предикативные категории предложения не тождественны морфологическим категориям глагола, они носят функционально-семантический характер и выражаются всеми возможными способами – синтаксическими, лексическими, просодическими.

Варьирование по категориям темпоральности, персональности, модальности составляет ядро синтаксической парадигмы и формирует предикативность как основной признак предложения. Опора на морфологические категории глагола обеспечивает принципиальное сходство парадигм в разных языках, но предикативные категории темпоральности, персональности и модальности не тождественны морфологическим категориям времени, лица и наклонения.

Следующие хантыйские предложения представляют собой члены одной синтаксической парадигмы и отражают результат варьирования по категориям темпоральности (релевантное для хантыйского языка противопоставление настоящего и прошедшего времен) и персональности (в данных примерах определенное лицо – 1, 2, 3-е – может выражаться лексически или грамматически – глагольными аффиксами).

хант. каз. *Мўу хўл кавэртлэв.*

мўу хўл кавэрт=**л**=**эв**
мы рыба варить=**PR**=**SUBJ.1SG**
 ‘Мы варим рыбу.’

хант. каз. *Кев пўтэн йиңк кавэртэс.*

кев пўт=эн йиңк кавэрт=**эс**=**Ø**
 камень котел=**LOC** вода варить=**PAST**=**SUBJ.3SG**
 ‘Кипятила воду в чугунном котле.’

хант. шур. *Майшайэн хўл пўтэн кавэртсэңэн.*

майшайэн хўл пўт=эн кавэрт=**с**=**эңэн**
 молча рыба котел=**LOC** варить=**PAST**=**SUBJ.3DU**
 ‘Молча рыбу в котле сварили.’

Морфологическим ядром категории модальности является глагольное наклонение. В хантыйском языке в зоне реализа противопоставляются друг другу индикатив и эвиденциалис (наклонение неочевидного действия), благодаря чему средства выражения категории модальности представлены двумя рядами форм – финитными и инфинитными: причастные формы в функции сказуемого простого предложения передают эвиденциальные смыслы, при переводе на русский язык обычно используется метапоказатель ‘оказывается’, например:

хант. каз. [*Ин мәшйу икен цйта ци улл,*] *нэмәлта мәш йнт тәйтәл!* [Касум мув..., 2002. С. 138]

нэмәлта мқš әнт тәј=**t**=**al**
 никакой болезнь NEG иметь=**PrP**=**3SG**

Букв.: никакой болезнь не имеет (оказывается).

‘[Тот больной мужчина там и лежит,] никакой болезни нет у него!’ [Касум мув..., 2002. С. 139]

В ненецком языке система наклонений включает индикатив и ряд косвенных наклонений: императив, гортатив, оптатив, эмфатический оптатив, конъюнктив, а также наклонения, связанные с выражением эпистемической модальности: пробабилитив, суперпробабилитив и аппроксиматив [Буркова, 2010. С. 278–300]. Несмотря на наличие в ненецком языке богатого набора разнообразных наклонений, в ряде случаев употребляются также и аналитические модальные конструкции, например:

ненецк. тундр. *Тебтад' няна ямда харва.* [Терещенко, 1990. С. 44]
 тебтад' няна ямда=∅ харва=∅
 завтра около перекочевать=CV хотеть=SUBJ.3SG
 'Завтра хочет перекочевать.'

ненецк. тундр. *Намгэрт ты хадо хось я"ма.* [Ненецкий фольклор..., 1995. С. 126]
 намгэ=рт ты=∅ хадо хо=сь
 что=PRTCL олень=NOM.SG пастбище.ACC.PL найти=CV
 я"ма=∅
 не мочь=SUBJ.3SG
 'Но он не может найти никаких пастбищ.'

Наличие разнообразных модальных аналитических конструкций дополняет систему дифференциальных признаков в данной субпарадигме, поскольку необходимо разграничивать те смыслы, которые обозначаются прежде всего морфологически, и те, для которых в языке предусмотрено аналитическое выражение. Соответственно, в рамках модальной синтаксической субпарадигмы следует учитывать комплекс способов выражения, устанавливая для них систему оппозиций, которая и структурирует синтаксическую категорию модальности в отличие от морфологической категории наклонения.

Варьирование по категории модальности регулярно сопровождается варьированием по категории персональности: если действие потенциально или не осуществляется вообще, то субъектная позиция может редуцироваться, либо форма номинатива заменяется формой датива, указывающей на то, что субъект в реальности никакого действия не осуществляет (ср. в русском языке: *я пойду / мне надо пойти*):

хант. каз. *Тәм пўш йиләп ләтут, йиләп лант па кавэрта.*
 тәм пўш йиләп ләтут йиләп лант
 этот раз новый еда новый мука
 па кавэрт=а
 и варить=IMP.SUBJ.2SG
 'В этот раз еще сварю свежую еду, свежую кашу.'

хант. шур. *(Манэм) мус йиңк кавэртты мосәл.*
 (ман=эм) мус йиңк кавэрт=ты
 я.OBL=DAT корова вода варить=PrP
 мос=әл=∅
 быть нужным=PR=SUBJ.3SG
 '(Мне) надо вскипятить молоко.'

Таким образом, развитая система косвенных наклонений является отличительным признаком уральской морфологии, она вызывает усложнение и синтаксической парадигмы.

Варьирование по категории аспектуальности также должно быть включено в парадигму простого предложения. В разных языках преимущественно реализуются либо лексические,

либо грамматические, либо синтаксические способы. Для синтаксической парадигмы аспектуальности важен комплекс способов выражения.

В хантыйском и ненецком языках способы глагольного действия получают прежде всего морфологическое выражение, в этих языках существуют богатые ряды аспектуальных аффиксов. Однако фазисность может передаваться не только при помощи специальной морфемы, но и аналитически – при помощи полужнаменательной лексической единицы фазисной семантики, смысловой глагол принимает типичную для того или иного языка инфинитивную форму (причастную или деепричастную в хантыйском и форму имени действия или неопределенного деепричастия в ненецком). При этом возможны также сложные комбинации с категорией персональности:

хант. шур. *Лант кавэртты йэтишатал тумпийэн*, [пйасана ал опсаты].
 лант кавэрт=**гы** йэтша=**г**=ал тумпийэн
 мука варить=**PrP** закончить=**PrP=3SG** пока не
 ‘Пока суп не сварится (букв.: вариться закончит), [за стол не садитесь].’

хант. каз. *Лүв вантыман хйщяс*. (Касум мув..., 2002. С. 22)
 лүв wqnti=**man** хйщ=эс=**∅**
 он лесовать=**CV** остаться=**PAST=SUBJ.3SG**
 ‘Он остался охотиться (букв.: лесовать).’

ненецк. тундр. *Намгэ хонёвамди' ёльце"махаданди' Со"ом" нумгыта тидхалкавась*. [Терещенко, 1990. С. 44]
 намгэ хонё=**ва=м=ди'** ёльце="ма=хада=нди'
 что спать=**VN=ACC.SG=3DU** окончить=**VN=ABL.SG=3DU**
 Со"ом" нумгы=та
 Большая Медведица звезда=**POSS.3SG**
 тидхал=кава=**∅=сь**
 направиться=**CL=SUBJ.3SG=PAST**
 ‘Когда они проснулись (букв.: спать закончили), все звезды Большой Медведицы повернули к рассвету’.

ненецк. тундр. *Нисяда наворць малей'* [Ненецкий фольклор, 1960. С. 110].
 нися=**∅=да** навор=**ць** мале=**й='**
 отец=**NOM.SG=POSS.3SG.SG** есть=**CV** наедаться=**refl=REFL.3SG**
 ‘Отец кончил есть.’

Соответственно, в предикативную парадигму следует включить как морфологические, так и синтаксические и лексические способы реализации аспектуальных значений.

Результативность в хантыйском языке выражается при помощи конструкций, в которых позиция субъекта, как правило, элиминируется, а сказуемое принимает причастную или деепричастную форму. В таких конструкциях дополнительно передаются эвиденциальные смыслы:

хант. шур. *Лант кавэртэм*.
 лант кавэрт=**эм**
 мука варить=**PP**
 ‘Суп сварен (оказывается).’
 (актуализируется момент неожиданности при обнаружении данного факта – ожидалось, что суп еще не будет сварен)

хант. шур. *Хўл хўлна йнта кавэртэм.*

хўл хўлна йнта кавэрт=эм
рыба еще не варить=PP

‘Рыба еще не сварена (оказывается).’

(ожидалось, что рыба уже будет сварена, ожидание не оправдалось)

хант. каз. *Лант йицкэм кавэртман вёл.*

лант йицк=эм кавэрт=ман вёл
мука вода=POSS.1SG.SG варить=CV быть.PR.SUBJ.3SG

‘Суп сварен (оказывается).’

(актуализируется результат – степень готовности супа)

В тюркских языках Южной Сибири для выражения темпоральных, модальных и аспектуальных значений широко используются разнообразные аналитические конструкции со вспомогательными глаголами разных лексико-семантических групп – бытийные, движения, местонахождения и мн. др. Все подобные конструкции включаются в модально-аспектуально-темпоральные субпарадигмы предложения. Хотя в хантыйском и ненецком языках аналитические конструкции сказуемого представлены не так широко, как в тюркских, они должны включаться в систему парадигматических оппозиций.

1.2. Именные категории падежа и посессивности определяют объем парадигмы предложения, связанный с варьированием актантных позиций по категориям одушевленности / неодушевленности, определенности / неопределенности, которые мы также включаем в состав предикативных категорий, формирующих синтаксическую парадигму.

1.2.1. Варьирование, связанное с определенностью / неопределенностью объекта. В рамках акциональной модели выбор падежного оформления объекта зависит от его определенности / неопределенности. Прослеживается соответствие между выбором падежной формы и семантическим вариантом модели. Креативное воздействие направлено на созидание нового объекта, не существовавшего до начала действия, поэтому объект-креатив мыслится как неопределенный, тогда как деструктивное воздействие предполагает заранее известный предмет. Определенность / неопределенность объекта-креатива и объекта-деструктива может кодироваться либо именными, либо глагольными категориями, в зависимости от набора морфологических категорий в разных языках.

В одних языках основная нагрузка ложится на именные категории, в этом случае объектная позиция выражается разными падежными формами. В грамматических описаниях некоторых языков встречается указание на возможность оформления объектной позиции четырьмя разными способами. Например, в якутском языке объект может стоять в формах четырех разных падежей – именительного, винительного, частного и творительного [Убрятова, 1976]. Приведем для контраста эвенкийский язык, в падежной системе которого взаимно противопоставлены друг другу винительный неопределенный (ACC IND) и винительный определенный (ACC) падежи, которые употребляются, соответственно, для обозначения неопределенного объекта-креатива и определенного объекта-деструктива (примеры приводятся по работе [Самойлова, 2003]):

эвенк. *Тадук пастухил вота воталипкил.* [Колесникова, 1966. С. 235].

тадук пастухи=л=∅ вота=я
потом пастух=PL=NOM ограда=ACC IND

вота=ли=пки=л

делать ограду=INCH=PART=PL

‘Потом пастухи начинают делать ограду.’

эвенк. *Тар бегаду тэмулэ олипкил.* [Василевич, 1958. С. 732].

тар=Ø бега=ду тэму=л=э
 тот=NOM месяц=DAT плот=PL=ACC IND

о=ли=пки=л

делать=INCP=PART=PL

‘В том месяце плоты начинают делать.’

эвенк. *Бэе мова хогран.* [Горцевская и др., 1958. С. 291].

бэе=Ø мо=ва хог=ра=н
 человек=NOM дерево=ACC срубить=PR.PERF=3SG

‘Человек срубил дерево.’

эвенк. *Би микчанмэ вамэ* [Колесникова, 1966. С. 109].

би микчан=мэ ва=Ø=мэ
 1SG.NOM кабарга=ACC убить=PR.PERF=1SG

‘Я убил кабаргу.’

В ненецком языке позиция объекта может кодироваться либо именительным, либо винительным падежом, что часто связано с меной типа спряжения – субъектного или объектного (подробнее о взаимной обусловленности падежных форм и форм спряжения см. далее, в разделе, посвященном коммуникативной парадигме).

В казымском диалекте хантыйского языка позиция объекта, выраженного именем существительным, может маркироваться только формой именительного падежа. Соответственно, определенность / неопределенность объекта выражается посессивными аффиксами, а также формами субъектного и объектного спряжения, которые в первую очередь являются средством выражения актуального членения, но служат также и для указания на определенность / неопределенность объекта. Ср.:

хант. каз. *Мўн хўл велсэв.*

мўн хўл вел=с=эв
 мы рыба добыть=PAST=SUBJ.1PL

‘Мы ^{T/R} добыли рыбу.’

{Что случилось? Что произошло?}

хант. каз. *Мўн хўллэв велсэв.*

Мўн хўл=лэв вел=с=эв
 мы рыба=POSS.1PL.PL добыть=PAST=OBJ.1PL

‘Мы добыли ^{T/R} рыбу.’

{Что мы добыли?}

Если в позиции объекта стоит личное местоимение, оно принимает форму винительного падежа. В казымском диалекте форма винительного падежа личных местоимений противопоставлена форме дательного падежа и имеет два варианта – тематический *лўват* и рематический *лўвты*. В шурышкарском особой формы винительного падежа нет, она совпадает с формой дательного падежа, но также представлена двумя вариантами – тематическим *лўвел* и рематическим *лўвела*, ср.:

хант. шур. *Мин лўвел вохсэмэн.*

мин лўвел вох=с=эмэн
 мы двое он.ACC/DAT звать=PAST=SUBJ.1DU

‘Мы (двое) звали его.’

хант. шур. [Йэранасэҕ луттаҕ йэҕлийн,] ҕүв кэмэн пүш ҕүвөҕа катлыҕысҕы.

ҕүв кэмэн пүш ҕүвөҕа
она сколько раз он.АСС/DAT

катлыҕыс=с=ҕы

примерять=PAST=OBJ.3SG.SG

‘[Прежде чем купить платье,] она несколько раз его примеряла.’

(форма ҕүвөҕа акцентируется, так как речь идет о конкретном платье, выбранном из ряда других)

Однако в естественных текстах на хантыйском языке форма винительного падежа личных местоимений встречается крайне редко. При глаголах воздействия типа ‘построить’, ‘разрушить’ и под. она невозможна, так как личное местоимение обозначает только лицо, а объектом подобных действий являются предметы, т. е. действуют семантические ограничения. Если же объектом воздействия является одушевленный предмет, то его высокий иерархический статус требует и высокой синтаксической позиции, он занимает в предложении позицию подлежащего при глаголе в форме страдательного залога – так разрешается конфликт между двумя одушевленными актантами. Позиция подлежащего – личного местоимения часто остается незаполненной. Семантический субъект выражается именем в форме местно-творительного падежа, например:

хант. шур. Имблтыйэн пүкнэҕ эвтэм ханты хуйэн щи верэпса.

имблтыйэн пүкн=эҕ эвт=эм
однажды пупок=POSS.3SG.SG резать=PP
ханты хуй=эн щи вер=эп=с=а
ханты мужчина=LOC PRTCL сделать=MOM=PASS=SUBJ.3SG

Букв.: Однажды (он) побежден мужчиной с обрезанным пупком.

‘Однажды его одолел мужчина ханты с обрезанной пуповиной.’

Определенные ограничения на употребление личных местоимений в форме винительного падежа возникают и в других семантических типах предложений с акциональной структурной схемой. Предложения со значением речевого воздействия (‘ругать, звать кого’), слухового восприятия (‘слышать что’), ментальной обработки информации (‘понимать что’), представляющие собой модус-диктумные конструкции, т. е. неэлементарные простые предложения, допускают в позиции объекта личное местоимение в форме винительного падежа очень ограниченно. Так, по-хантыйски нельзя «услышать кого-то», можно только «услышать чьи-то слова», соответственно, в таком типе предложения личное местоимение в винительном падеже не встретится. Эта форма возможна, хотя и редка, в предложениях с семантикой перемещения, визуального восприятия или эмотивной реакции, например:

хант. каз. ҕүват тыв вохэ.

ҕүват тыв вох=э
он.АСС сюда позвать=IMP.OBJ.2SG.SG

‘Позови его сюда.’

В сургутском диалекте хантыйского языка возможности варьирования способов оформления объектной позиции шире: объект может выражаться также формой творительного падежа как при субъектном, так и при объектном спряжении:

хант. сург.

ma čaj-at alesja wär-λ-эм.
1SG tea-INSFIN Alesja make-PRS-1SG

‘I will make Alesja tea (not surely, not right now).’ [Sosa, 2017. P. 95]

хант. сург.

čaj-at

tea-INSFIN

lipət-təγ.

feed-PST.SG<3SG

‘She let him drink tea and eat food.’ [Sosa, 2017. P. 98]

uč

thing

jeñəłʹə-təγ,

make.drink-PST.SG<3SG

litot-at

food-INSFIN

Таким образом, в состав грамматических категорий предложения в языках коренных народов Сибири может входить указание на определенность / неопределенность объекта, которая в индоевропейских языках выражается лексически (при помощи артиклей, специальных лексем), а в языках урало-алтайской типологической общности грамматически (средствами именной или глагольной морфологии). В тех языках, где эта оппозиция грамматикализована, есть основания включать ее в состав предикативных категорий предложения.

1.2.2. Варьирование грамматического оформления позиции объекта зависит также от его одушевленности / неодушевленности. Стандартным является соотношение, при котором субъект обозначает одушевленное лицо, а объект – неодушевленное, чаще всего материальный предмет. В этом случае ситуация кодируется канонически – моделью $N^{AG}_{NOM} V_f^{ACT} N^{Pat}_{ACC}$.

Однако возможны и другие типы соотношения между субъектом и объектом. Особое выражение получает ситуация, в которой пациенсом оказывается одушевленное лицо, испытывающее на себе воздействие со стороны стихии или другой неподвластной ему силы. В русском языке в этом случае предложение строится по модели $N^{Ob}_{ACC} \leftarrow V_f \rightarrow N^{Funct}_{INSTR}$, которое в традиционной грамматике оценивается как односоставное. Например: [*Когда Пекалов ткнул в валун плечом, слышался шорох,*] и *Пекалова придавило сползшей с валуна сырой шапкой земли и глины* (Владимир Маканин. Утрата) > * Шапка земли и глины придавила Пекалова.

Однако если объектом воздействия стихийной силы является неодушевленный предмет, то возможно использование канонической конструкции, ср.: предложение *Пламя уже охватило мостик* (Роберт Штильмарк. Наследник из Калькутты) строится по модели $N^{Funct}_{NOM} \Leftrightarrow V_f \rightarrow N^{Ob}_{ACC}$, тогда как в предложении «*Совсем было их огнем охватило, – сказала Манефа. – Болотце, слава богу, попало, кони туда повернули*» (П. И. Мельников-Печерский. В лесах) объектом воздействия пламени являются люди, поэтому возможность употребления канонической конструкции в данной ситуации сомнительна, предложение является односоставным.

Выражение семантической роли воздействующей на одушевленный объект силы формой творительного падежа обусловлено необходимостью подчеркнуть более высокий статус одушевленного лица в иерархии действующих в ситуации участников, форма винительного падежа одушевленного объекта указывает на его семантическую роль пациенса.

Аналогично и в хантыйском языке (казымский диалект): в предложениях, описывающих ситуацию воздействия на одушевленный объект, последний сохраняет высокий грамматический статус и выражается именем в форме именительного падежа, однако глагол при этом стоит в форме страдательного залога, указывая на то, что семантическая роль подлежащего – объект воздействия, например:

хант. каз. *Ma ɲamaɲtən təxəmsajəm.*

ма ɲамаɲт=эн

я.NOM мошка=LOC

Букв.: Я мошкой укушен.

‘Меня укусила мошка.’

тəxəм=с=а́й=əм

укусить=PAST=PASS=SUBJ.1SG

В русском языке слово *мошка* может занимать позицию субъекта и принимать форму именительного падежа, так как грамматически интерпретируется как одушевленное имя (*Меня мошка заела*). В хантыйском же языке к классу одушевленных относятся только обозначения людей, по отношению к которым применимо личное местоимение *лйw* 'он, она'. Имя лица в хантыйском предложении чаще всего занимает иерархически самую высокую позицию, не сдвигаясь в синтаксическую позицию дополнения. На его статус как объект воздействия указывает пассивная форма глагола.

Таким образом, в хантыйском языке особым образом маркируется неканоническая ситуация воздействия неодушевленного предмета на одушевленное лицо. Однако в разных языках для этого используются разные стратегии.

В русском языке одушевленное лицо в роли пациента смещается в позицию дополнения, но при этом появление в предложении позиции подлежащего, имеющего более высокий синтаксический статус, маловероятно. Таким образом одушевленный пациент сохраняет свой «верховный», хотя и относительный, статус в предложении.

В хантыйском языке одушевленный пациент сохраняет позицию подлежащего, тем самым категория одушевленности является для этого языка более важной, чем семантическая роль.

В русском языке односоставные предложения используются и при выражении воздействия на одушевленный субъект таких явлений природы, как жар, тепло, холод, а также болезненных состояний, например: *Меня здесь в первые же минуты охватило лихорадочным ознобом* (В. И. Немирович-Данченко. Святые горы). Однако воздействие на одушевленное лицо эмоций (таких как волнение, возбуждение, счастье, буйство, неистовство, ликование и т. п.) выражается канонически, например: *Ее вдруг охватило давнее волнение – желание слиться, вобрать в себя Никиту* (Юрий Мамлеев. Конец света / О чудесном). Тем самым в синтаксической системе русского языка эмоции трактуются как сила, иерархически занимающая более высокое положение, чем одушевленный субъект.

В парадигме предложений акционального воздействия должны быть предусмотрены категории, регулирующие выражение одушевленности или неодушевленности субъекта и объекта воздействия и, соответственно, возможность или невозможность употребления в позиции субъекта имен, называющих природные явления, стихии.

В русском языке к этой парадигме примыкают те разновидности односоставных предложений, в которых описывается ситуация воздействия на одушевленного пациента. Тем самым в рамках моделирования структуры и семантики предложения нивелируется граница между двусоставными и односоставными предложениями, которые рассматриваются как регулярные проекции одной и той же модели, обусловленные определенными парадигматическими параметрами.

Таким образом, предикативная парадигма предложения укладывается в рамки внутримодельного варьирования. К предикативным категориям предложения мы относим, во-первых, комплекс темпорально-модально-аспектуальных значений, которые сложно переплетаются в разных языках и выражаются всеми возможными способами – морфологическим, лексическим, синтаксическим; во-вторых, персональность, которую трактуем широко – как определенность, неопределенность и обобщенность лица. Эти значения связаны с варьированием предикатной позиции. Варьирование актантных позиций (дательный падеж субъекта потенциального действия, именительный падеж объекта) связано с категориями одушевленности / неодушевленности и определенности / неопределенности участников ситуации.

Перечисленные категории универсальны для языков разных систем. Уникальными являются конкретные оппозиции и дифференциальные признаки, структурирующие системы отдельных языков, а также распределение способов их выражения между функционально-семантическими сферами.

2. Коммуникативная парадигма уральского предложения.

В основе коммуникативной (или актуализационной) парадигмы лежит актуальное членение предложения на тему и рему, которое реализуется в противопоставлении информативных и верификативных типов высказываний. Целью информативных высказываний является введение новой информации: в общеинформативных новой является информация о ситуации в целом (что случилось? что произошло?), в частноинформативных – отдельный аспект ситуации (кто является исполнителем действия? на кого оно направлено? когда и при каких обстоятельствах произошло?). В верификативных высказываниях устанавливается соответствие или несоответствие высказываемого действительности в общем (общеверификативный тип) или в частном (частноверификативный тип). Эти отношения тесно связаны с категориями определенности / неопределенности, иерархией одушевленности и получают выражение в грамматических категориях падежа, посессивности и типа спряжения, которые выступают как единый грамматический механизм.

Основные закономерности построения коммуникативной парадигмы в хантыйском языке на примере западных диалектов описаны в работах [Nikolaeva et al., 1993; Nikolaeva, 1999; 2001; Николаева, 2002; Кошкарёва, 2002], сургутского диалекта – в работе [Кошкарёва, 2007], а также в диссертации [Sosa, 2017].

2.1. Информативные высказывания. Специфика уральских языков Сибири состоит в наличии серии парадигматических вариантов, в основе которых лежит актуальное членение предложения. В хантыйском языке с ним прежде всего связано варьирование в оформлении сказуемого, которое принимает формы субъектного, объектного спряжения и пассивного залога. Поскольку в западных диалектах хантыйского языка падежная парадигма редуцирована, а порядок слов варьирует ограниченно, основная нагрузка по выражению тема-рематического членения ложится на глагольные категории и посессивное оформление актантов.

хант. каз. *Лант кавэртлэт, пўт кавэртлэт.*

лант	кавэрт=л=эт	пўт	кавэрт=л=эт
мука	варить=PR=SUBJ.3PL	котел	варить=PR=SUBJ.3PL

‘Суп варят, еду (букв.: котел) варят.’
(Что они делают?)

хант. каз. *Лантэм упэмэн кавэртла.*

лант=эм	уп=эм=эн
мука=POSS.1SG.SG	старшая сестра=POSS.1SG.SG=LOC

кавэрт=л=а=∅
варить=PR=PASS=SUBJ.3SG
‘Суп варит моя старшая сестра.’
(Кто варит суп?)

В ненецком языке наличие в системе склонения имен винительного падежа обуславливает комплекс средств выражения актуального членения, в котором участвуют тип спряжения глагола, падежное варьирование актантов (номинатив / аккузатив), посессивные показатели.

ненецк. лесн. пур. *Дяляу дёльшкана неңаай хэтулашту, тынунтаңкошту, дет пилпёшту, [калтаңкошту, педёлшту, пепайпёшту].*

дяля=ң	дёльш=кана	не=ңаай	хэту=ла=шту=∅
день=GEN.SG	время=LOC.SG	женщина=NOM.PL	шить=_FREQ=HAB=SUBJ.3SG
тынунтаңко=шту=∅	дет=∅	пилпё=шту=∅	
плести нитки=HAB=SUBJ.3SG	котел=NOM.PL	варить=HAB=SUBJ.3SG	

‘А в течение дня женщины шьют, нитки из жил плетут, кушать варят, [стирают, за дровами ходят, дрова рубят мелко].’
{Что происходит? Чем занимаются женщины?}

ненецк. тундр. *Сюдбя вэсаком' та' хадав* [Терещенко, 1990. С. 65].

сюдбя вэсако=**м'** та' хада=**в**
 великан старик=**ACC.SG** тут убить=**OBJ.1SG.SG**
 'Старика-великана тут я убил.'
 {Кого я убил?}

Первое высказывание является общеинформативным, оно отвечает на полный диктальный вопрос *Что происходит? Чем занимаются женщины?* Грамматически именные и глагольные формы остаются немаркированными: грамматические показатели именительного падежа и субъектного спряжения 3-го лица ед. ч. нулевые. Второе высказывание частноинформативное, отвечает на частичный диктальный вопрос *Кого я убил?* Семантический объект маркируется показателем винительного падежа, глагол принимает форму объектного спряжения.

Встречаются также предложения, в которых объект стоит в форме винительного падежа, а глагол – в форме субъектного спряжения и наоборот: объектное спряжение глагола употребляется при объекте в номинативе, например:

ненецк. лесн. *Нешама" нохом каташтуш.*

неша=**ма"** нохо=**м** ката=**шту=Ø=ш**
 отец=**POSS.1PL** песец=**ACC.SG** добыть=**HAB=SUBJ.3SG=PAST**
 'Отец наш песца добывал.'

ненецк. лесн. пур. *Паныхэнтун матамэйтуу пыляу чим талям шалташтутуу чумьше.*

паны=**хэн=туу** мата=**мэй=туу** пыля=**у**
 одежда=**LOC.SG=POSS.3PL** вырезать=**PP=POSS.3PL.SG** шука=**GEN.SG**
 чим=**Ø** талям шалта=**шту=туу** чумьше
 зуб=**NOM.SG** так делать=**HAB=OBJ.3PL.SG** сверху

Букв.: На одежде вырезанный щучий зуб так делают сверху.

'Этот [орнамент] щучий зуб вырезают и сверху на одежде.'

При выражении объекта действия в ненецком языке предпочтение отдается форме винительного падежа (около 90 % случаев), однако иногда позицию объекта занимает имя существительное в форме именительного падежа. Чаще всего употребление имени объекта в форме именительного падежа сопровождается рядом других структурных преобразований: изменением порядка слов и выбором объектного спряжения в предложениях с семантикой созидания. Вероятно, все перечисленные явления взаимосвязаны и являются средством выражения актуального членения.

В статье М. В. Баркаловой [2004] приводится количественный анализ соотношения типа спряжения глагола и семантического типа высказывания.

Семантический вариант	Тип спряжения (%)	
	OBJ	SUBJ
Креативное воздействие	14	86
Деструктивное воздействие	76	24

Данные, представленные в таблице, показывают, что при выражении креативного воздействия преобладает субъектный тип спряжения. Это объясняется тем, что наибольшая коммуникативная значимость придается создаваемому объекту, поскольку цель высказывания состоит именно в сообщении о появлении нового предмета или явления действительности. Поэтому креативный объект составляет рему высказывания, на него падает смысловое ударение.

Предикаты деструктивного воздействия в большинстве случаев оформляются показателем объектного спряжения, поскольку объект разрушения чаще всего предопределен контекстом, целью высказывания является уточнение того действия, которое над ним совершается, т. е. в предложениях с деструктивными предикатами рематизируется сам глагол.

В этой связи интересно сопоставить грамматическое оформление глагола *хадась* (тундр.), *каташ* (лесн.), имеющего два значения – ‘убить’ и ‘добыть’. В предложениях, в которых глагол реализуется в своем первом значении, преобладает форма объектного спряжения, поскольку данное значение относится к пропозиции деструктивного действия:

ненецк. лесн. пур. *Натмянтуң Пучи Пылялки касамамтуң нимытуң ката.*

натмянтуң Пучи Пылялки касамам=м=туң
поэтому Пучи Пырерка парень=ACC.SG=POSS.3PL.SG

ни=мы=туң ката=Ø
NEG=PP=OBJ.3PL.SG убить=CONNeg

‘Поэтому Пучи Пырерку не убили.’

В предложениях с глаголом *хадась* (тундр.), *каташ* (лесн.) в значении ‘добыть’ предпочтение отдается форме субъектного спряжения:

ненецк. лесн. аган. *Нешама" нохом каташтуш.*

неша=ма" нохо=м ката=шту=Ø=ш
отец=POSS.1PL песец=ACC.SG добыть=HAB=SUBJ.3SG=PAST

‘Отец наш песца добывал.’

Следовательно, второе значение рассматриваемого глагола используется в образовании пропозиции креативного действия: предмет, служащий объектом добывания, в результате этого действия предстает в своем новом качестве – из зверя превращается в добычу охотника. Таким образом, выбор формы спряжения зависит от типовой семантики предложения.

2.2. Верификативные высказывания связаны с категорией утвердительности / отрицательности. В хантыйском и ненецком языках отрицание выражается по-разному, это формирует различия в соответствующих субпарадигмах. В хантыйском языке для индикатива и императива используются разные отрицательные частицы, ср.:

хант. шур. *Хуцэл, таңха, хёлна йнт хурлэс.*

хуцэл таңха хёлна йнт хурлэ=с=Ø
заря наверное еще NEG погаснуть=PAST=SUBJ.3SG

‘Заря, наверно, ещё не погасла.’

хант. шур. *Па ал йўва.*

па ал йўв=а
и NEG.IMP приходиться=IMP.SUBJ.2SG

‘Больше не приходи.’

В ненецком отрицание выражается при помощи серии отрицательных вспомогательных глаголов, которые, кроме предикативных категорий времени, лица, наклонения, выражают разные оттенки эвиденциальных, актуализирующих и оценочных смыслов: *нись* ‘не быть’, *вунись* ‘ведь не быть’, *ханясь* ‘как не быть’, *хацясь* ‘чуть не быть’, *хацянась* ‘хорошо, что не быть’ [Кошкарева, Янгасова, 2008]. Смысловый глагол при них выступает в форме коннегатива, например:

Тось нивась пирас". [Герещенко, 1965. С. 468]

то=сь

ни=ва=сь

пирас=?

прийти=CV

NEG=OBJ.1SG=PAST

мочь=CONNNEG

‘Я не мог прийти.’

Таким образом, отрицательная субпарадигма в этих двух языках организована по-разному как с точки зрения способов выражения негации, так и с точки зрения сфер, с которыми негация связана разными системными связями. Для хантыйского важным является противопоставление отрицания для индикатива и императива, а для ненецкого эта оппозиция не существенна, зато при помощи разных отрицательных глаголов дифференцируются тонкие оттенки эвиденциальных смыслов.

Для подчеркнутого утверждения в хантыйском и ненецком языках употребляются аналитические конструкции со вспомогательными бытийными глаголами, смысловой глагол принимает инфинитивную форму. Таким образом, утвердительные предложения, которые признаются исходным членом синтаксической парадигмы, вступают в оппозитивные отношения со структурным типом предложений, сказуемое которых выражается аналитически.

Выводы

Акциональные предложения, репрезентацией которых служит модель $N^{AG}_{НОМ} N^{Pat}_{ACC} V_f^{ACT}$, характеризуются однотипной структурой и семантикой во всех рассматриваемых языках. Однако они различаются по возможностям парадигматического варьирования. В языках с развитой падежной системой основную нагрузку по разграничению парадигматических вариантов берут на себя падежные формы имен, тогда как в казымском диалекте хантыйского языка для этого используются, прежде всего, глагольные категории спряжения и залога. В этом отношении казымский диалект противостоит всем другим изучаемым нами языкам и диалектам, так как в нем падежная система максимально свернута и предназначена для кодирования коммуникативных ролей.

Для каждого языка набор предикативных категорий зависит от типа предложения: парадигмы именных и глагольных предложений закономерно различаются. Для бытийно-пространственных, статальных, акциональных и других типов предложений устанавливаются разные парадигматические параметры. Ядром предикативных категорий являются морфологические категории сказуемого. Различия между синтаксическими парадигмами в разных языках обусловлены набором морфологических категорий имени и глагола, но не сводятся к морфологическим парадигмам. Они объясняются, в частности, типом пропозиции, лексическим значением предиката, спецификой заполнения актантных мест.

Специфику уральских парадигм составляют синтаксические способы выражения коммуникативных типов высказываний, в которых грамматикализованы тема-рематические отношения. Они выражаются при помощи глагольных (тип спряжения – субъектное / объектное, возможность пассивных трансформаций) и именных категорий (падежное варьирование, посессивное оформление). Актуальное членение высказывания в уральских языках грамматикализуется и является частью синтаксической парадигмы элементарного простого предложения как единицы языка.

Список литературы

- Адамец П. К вопросу о синтаксической парадигматике // *Československa rusistika*, XI. 1966. № 2. С. 76–80.
- Антонова И. А. К вопросу о синтаксической парадигме. Парадигма предложений со значением эмоционального состояния / отношения в русском языке // *Язык, сознание, комму-*

- никация: Сб. ст. / Отв. ред. В. В. Красных, А. И. Изотов. М.: МАКС Пресс, 2001. Вып. 19. С. 78–87.
- Баркалова М. В.** Функционально-семантическая классификация глагольных моделей ненецкого языка // Языки коренных народов Сибири. Новосибирск, 2004. Вып. 14. С. 171–217.
- Белошапкина В. А., Шмелева Т. В.** Деривационная парадигма предложения // Вестник МГУ. Серия: Филология. 1981. № 2.
- Белошапкина Т. В.** Когнитивно-дискурсивное описание категории аспектуальности в современном русском языке. М.: КомКнига, 2007. 336 с.
- Буркова С. И.** Краткий очерк грамматики тундрового диалекта ненецкого языка (по материалам говоров, распространенных на территории Ямало-Ненецкого автономного округа) // Диалектологический словарь ненецкого языка / Под ред. Н. Б. Кошкаревой. Екатеринбург: Изд-во «Баско», 2010. С. 180–349.
- Василевич Г. М.** Грамматический очерк эвенкийского языка // Эвенкийско-русский словарь. М.: Гос. изд-во иностр. и нац. словарей, 1958. С. 641–802.
- Всеволодова М. В., Дементьева О. Ю.** Проблемы синтаксической парадигматики: коммуникативная парадигма предложений. М., 1997. 176 с.
- Всеволодова М. В.** Теория функционально-коммуникативного синтаксиса: Фрагмент прикладной (педагогической) модели языка: Учебник. М.: Изд-во МГУ, 2000. 501 с.
- Горцевская В. А., Колесникова В. Д., Константинова О. А.** Эвенкийско-русский словарь. Л.: Учпедгиз, 1958. 310 с.
- Грабе В.** Общее значение синтаксической конструкции и трансформация // *Československá rusistika*, XI. 1966. № 2.
- Гришина Н. И.** Еще одна парадигма предложений // Традиционное и новое в русской грамматике: Сб. ст. памяти В. А. Белошапкиной / Сост. Т. В. Белошапкина, Т. В. Шмелева. М.: Индрик, 2001. С. 215–218.
- Джабраилова В. С.** К вопросу об определении синтаксической парадигмы // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2015. № 10 (52), ч. 2. С. 90–92.
- Зимек Р.** Семантический аспект синтаксической трансформации // *Československá rusistika*, XI. 1966. № 2.
- Золотова Г. А.** Коммуникативные аспекты русского синтаксиса. М.: Наука, 1982.
- Золотова Г. А., Онипенко Н. К., Сидорова М. Ю.** Коммуникативная грамматика русского языка. М., 1998. 524 с.
- Касум мув моньчат-путрат:** Сказки-рассказы Земли Казымской / Сост. С. С. Успенская. Томск: Изд-во Томск. ун-та, 2002. 292 с.
- Колесникова В. Д.** Синтаксис эвенкийского языка. М.; Л.: Наука, 1966. 246 с.
- Кошкарева Н. Б.** Коммуникативная парадигма хантыйского предложения // Языки коренных народов Сибири. Новосибирск, 2002. Вып. 12. С. 29–44.
- Кошкарева Н. Б.** Средства выражения актуального членения в сургутском диалекте хантыйского языка (в сопоставлении с другими уральскими языками и диалектами хантыйского языка) // Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2007. Т. 6, № 2: Филология. С. 34–43.
- Кошкарева Н. Б., Янгасова Н. М.** О функционировании вспомогательных глаголов в приуральском говоре тундрового диалекта ненецкого языка // Научный вестник Ямало-Ненецкого автономного округа. 2008. Вып. 6 (58): Уральские языки севера Сибири. С. 96–103.
- Ломтев Т. П.** Предложение и его грамматические категории. М., 1972. 196 с.
- Москальская О. И.** Проблемы системного описания синтаксиса. М., 1974.
- Ненецкий фольклор** / Сост. З. Н. Куприянова. Л.: Учпедгиз, 1960. 315 с.
- Ненецкий фольклор:** Мифы, сказки, исторические предания / Сост. К. И. Лабанаускас. Красноярск: Таймырский окружной центр народного творчества, 1995.

- Николаева И. А.** Конструкции со вторичным топиком // Лингвистический беспредел: Сб. ст. к 70-летию А. И. Кузнецовой. М.: Изд-во Моск. ун-та, 2002. С. 274–288.
- Общее языкознание: внутренняя структура языка / Под ред. Б. А. Серебренникова. М.: Наука, 1972. 564 с.
- Распопов И. П.** Несколько замечаний о синтаксической парадигматике // Вопросы языкознания. 1969. № 4. С. 92–100.
- РГЛ – Русская глагольная лексика: пересекаемость парадигм / Под общ. ред. Л. Г. Бабенко. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 1998. 520 с.
- РГП – Русские глагольные предложения: Экспериментальный синтаксический словарь / Под общ. ред. Л. Г. Бабенко. М.: Флинта: Наука, 2002. 462 с.
- Савосина Л. М. Синтаксическая парадигма предложения и ее соотношенность с актуализационной парадигмой // Русский язык за рубежом. 1998. № 3.
- Савосина Л. М.** Трансформационная парадигма предложения и ее соотношенность с актуализационной парадигмой // Вопросы языкознания. 2000. № 1. С. 66–74.
- Самойлова Е. Г.** Глагольные модели элементарного простого предложения в эвенкийском языке // Языки коренных народов Сибири. Новосибирск, 2003. Вып. 11. С. 60–107.
- Седельников Е. А.** Структура простого предложения с точки зрения синтагматических и парадигматических отношений // Филологические науки. 1961. № 3. С. 66–77.
- Соловар В. Н.** Парадигма простого предложения в хантыйском языке. Новосибирск: Любава, 2009. 250 с.
- СРЯз – Современный русский язык / Под ред. В. А. Белошапковой. 3-е изд., испр. и доп. М.: Азбуковник, 1997. 925 с.
- Терещенко Н. М.** Ненецкий эпос. Л.: Наука, 1990. 335 с.
- Терещенко Н. М.** Ненецко-русский словарь. М.: Сов. энциклопедия, 1965. 408 с.
- Убрятова Е. И.** Исследования по синтаксису якутского языка. II. Сложное предложение. Новосибирск, 1976. Кн. 1–2.
- Формановская Н. И.** Речевое общение: коммуникативно-прагматический подход: Учеб. пособие. М.: ИКАР, 2002. 234 с.
- Черемисина М. И.** Парадигма элементарного простого предложения как единицы языка // Языки коренных народов Сибири. Новосибирск, 2003. Вып. 11. С. 3–29.
- Шведова Н. Ю.** Парадигматика простого предложения в современном русском языке (опыт типологии) // Русский язык. Грамматические исследования. М., 1967. С. 3–77.
- Шведова Н. Ю.** Спорные вопросы описания структурных схем простого предложения и его парадигм // Вопр. языкознания. 1973. № 4. С. 25–36.
- Nikolaeva I.** Object Agreement, Grammatical Relations, and Information Structure. *Studies in Language*, 1999, no. 23, p. 341–386.
- Nikolaeva I.** Secondary Topic as a Relation in Information Structure. *Linguistics*, 2001, no. 39, p. 1–49.
- Nikolaeva I., Kovgan E., Koškarëva N.** Communicative roles in Ostyak syntax. *Finnisch-Ugrische Forschungen*, 1993, no. 51 / 1–3, p. 125–167.
- Sosa S.** Functions of morphosyntactic alternations and information flow in Surgut Khanty. Helsinki, 2017, 236 p.
- Worth D. L.** The role of transformations in the definition of syntagmas in Russian and Slavic languages. In: American Contributions to the V International Congress of Slavists. Sofia, The Hague, 1963.

References

- Adamets P.** K voprosu o sintaksicheskoj paradiigmatike [On the Issue of Syntactic Paradigmatics]. *Československa rusistika*, XI, 1966, no. 2, p. 76–80. (in Russ.)

- Antonova I. A.** K voprosu o sintaksicheskoi paradigme. Paradigma predlozhenii so znacheniem emotsional'nogo sostoyaniya/otnosheniya v russkom yazyke [On the Issue of Syntactic Paradigms. The Paradigm of Sentences with the Meaning of Emotional States or Attitudes in the Russian Language]. In: *Yazyk, soznanie, kommunikatsiya* [Language, Mind, Communication: An Anthology]. Ed. by V. V. Krasnykh, A. I. Izotov. Moscow, MAKS Press, 2001, iss. 19, p. 78–87. (in Russ.)
- Barkalova M. V.** Funktsional'no-semanticheskaya klassifikatsiya glagol'nykh modelei nenetskogo yazyka [Functional-Semantic Classification of Nenets Verb Models]. In: *Yazyki korennykh narodov Sibiri* [Indigenous Siberian Languages]. Novosibirsk, 2004, iss. 14, p. 171–217. (in Russ.)
- Beloshapkova T. V.** Kognitivno-diskursivnoe opisanie kategorii aspektual'nosti v sovremennom russkom yazyke [Cognitive and Discursive Description of Aspect in the Modern Russian Language]. Moscow, KomKniga Publ., 2007, 336 p. (in Russ.)
- Beloshapkova V. A., Shmeleva T. V.** Derivatsionnaya paradigma predlozheniya [Derivative Sentence Paradigm]. *MSU Bulletin. Series: Philology*, 1981, no. 2. (in Russ.)
- Burkova S. I.** Kratkii ocherk grammatiki tundrovogo dialekta nenetskogo yazyka (po materialam govorov, rasprostranennykh na territorii Yamalo-Nenetskogo avtonomnogo okruga) [A Brief Overview of Grammar of the Tundra Dialect of the Nenets Language (On Subdialect Materials Found in Yamalo-Nenets Autonomous Okrug)]. In: *Dialektologicheskii slovar' nenetskogo yazyka* [Nenets Dialectological Dictionary]. Ed. by N. B. Koshkareva. Ekaterinburg, Basko Publ., 2010, p. 180–349. (in Russ.)
- Cheremisina M. I.** Paradigma elementarnogo prostogo predlozheniya kak edinitsy yazyka [The Paradigm of Elementary Simple Sentences as Language Units]. In: *Yazyki korennykh narodov Sibiri* [Indigenous Siberian Languages]. Novosibirsk, 2003, iss. 11, p. 3–29. (in Russ.)
- Dzhabrailova V. S.** K voprosu ob opredelenii sintaksicheskoi paradigmy [On the Issue of Definition of Syntactic Paradigm]. *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki* [Philological Sciences. Issues of Theory and Practice], 2015, no. 10 (52), pt. 2, p. 90–92. (in Russ.)
- Formanovskaya N. I.** Rechevoe obschenie: kommunikativno-pragmaticheskii podkhod [Spoken Communication: The Communicative and Pragmatic Approach]. A Textbook. Moscow, IKAR Publ., 2002, 234 p. (in Russ.)
- Gortsevskaya V. A., Kolesnikova V. D., Konstantinova O. A.** Evenkiisko-russkii slovar' [Evenki-Russian Dictionary]. Leningrad, Uchpedgiz Publ., 1958, 310 p. (in Russ.)
- Grabe V.** Obschee znachenie sintaksicheskoi konstruksii i transformatsiya [General Meaning of Syntactic Constructions and Transformations]. *Československá rusistika*, XI, 1966, no. 2. (in Russ.)
- Grishina N. I.** Esche odna paradigma predlozhenii [Yet Another Paradigm of Sentences]. Traditsionnoe i novoe v russkoi grammatike [The Traditional and the New in Russian Grammar: In Memory of V. A. Beloshapkova]. Comp. by T. V. Beloshapkova, T. V. Shmeleva. Moscow, Indrik Publ., 2001, p. 215–218. (in Russ.)
- Kasum muv mon'schat-putrat: Skazki-rasskazy Zemli Kazym'skoi [Kasum muv mon'schat-putrat: The Tales and Stories of the Kazym Land]. Comp. by S. S. Uspenskaya. Tomsk, Tomsk University Publ., 2002, 292 p. (in Russ.)
- Kolesnikova V. D.** Sintaksis evenkiiskogo yazyka [Evenki Syntax]. Moscow, Leningrad, Nauka Publ., 1966, 246 p. (in Russ.)
- Koshkareva N. B.** Kommunikativnaya paradigma khantyiskogo predlozheniya [Communicative Paradigm of Khanty Sentences]. In: *Yazyki korennykh narodov Sibiri* [Indigenous Siberian Languages]. Novosibirsk, 2002, iss. 12, p. 29–44. (in Russ.)
- Koshkareva N. B.** Sredstva vyrazheniya aktual'nogo chleneniya v surgut'skom dialekte khantyiskogo yazyka (v sopostavlenii s drugimi ural'skimi yazykami i dialektami khantyiskogo yazyka) [Expression of Thematic-Rhematic Articulation of Sentences in the Surgut Dialect of the

- Khanty Language (Compared to Other Uralic Languages and Khanty Dialects)]. *Vestnik NSU. Series: History and Philology*, 2007, vol. 6, no. 2: Philology, p. 34–43. (in Russ.)
- Koshkareva N. B., Yangasova N. M.** O funktsionirovanii vspomogatel'nykh glagolov v priural'skom govore tundrovogo dialekta nenetskogo yazyka [On the Functioning of the Auxiliary Verbs in the Priuralye Subdialect of the Tundra Dialect of the Nenets Language]. *Nauchnyi vestnik Yamalo-Nenetskogo avtonomnogo okruga [Academic Bulletin of the Yamalo-Nenets Autonomous Okrug]*, 2008, iss. 6 (58): Northern Siberian Uralic Languages, p. 96–103. (in Russ.)
- Lomtev T. P.** Predlozhenie i ego grammaticheskie kategorii [The Sentence and Its Grammatical Categories]. Moscow, 1972, 196 p. (in Russ.)
- Moskalskaya O. I.** Problemy sistemnogo opisaniya sintaksisa [Issues of Systemic Syntax Description]. Moscow, 1974. (in Russ.)
- Nenentskii fol'klor: Mify, skazki, istoricheskie predaniya [The Nenets Folklore: Myths, Tales, and Historical Legendry]. Comp. by K. I. Labanauskas. Krasnoyarsk, Taimyrskii okruzhnoi tsentr narodnogo tvorchestva Publ., 1995. (in Russ.)
- Nenetskii fol'klor [The Nenets Folklore]. Comp. by Z. N. Kupriyanova. Leningrad, Uchpedgiz Publ., 1960, 315 p. (in Russ.)
- Nikolaeva I., Kovgan E., Koškarëva N.** Communicative roles in Ostyak syntax. *Finnisch-Ugrische Forschungen*, 1993, no. 51 / 1–3, p. 125–167.
- Nikolaeva I.** Object Agreement, Grammatical Relations, and Information Structure. *Studies in Language*, 1999, no. 23, p. 341–386.
- Nikolaeva I.** Secondary Topic as a Relation in Information Structure. *Linguistics*, 2001, no. 39, p. 1–49.
- Nikolaeva I. A.** Konstruktsii so vtorichnym topikom [Constructions with Secondary Topics]. *Lingvisticheskii bespredel [The Linguistic Chaos]. An Anthology for A. I. Kuznetsova's 70th Anniversary*. Moscow, Moscow University Publ., 2002, p. 274–288. (in Russ.)
- Obschee yazykoznanie: vnutrennyaya struktura yazyka [General Linguistic: The Inner Structure of Language]. Ed. by B. A. Serebrennikov. Moscow, Nauka Publ., 1972, 564 p. (in Russ.)
- Raspopov I. P.** Neskol'ko zamechaniy o sintaksicheskoi paradigmatiche [Some Notes on Syntactic Paradigmatics]. *Voprosy yazykoznaniiya [Issues of Linguistics]*, 1969, no. 4, p. 92–100. (in Russ.)
- Russkaya glagol'naya leksika: peresekaemost' paradigm [Russian Verbal Lexis: the Crossing of Paradigms]. Ed. by L. G. Babenko. Ekaterinburg, Ural University Publ., 1998, 520 p. (in Russ.)
- Russkie glagol'nye predlozheniya: Eksperimental'nyi sintaksicheskii slovar' [Russian Verbal Sentences: An Experimental Syntactic Dictionary]. Ed. by L. G. Babenko. Moscow, Flinta, Nauka Publ., 2002, 462 p. (in Russ.)
- Samoilova E. G.** Glagol'nye modeli elementarnogo prostogo predlozheniya v evenkiiskom yazyke [Verbal Models of Elementary Simple Sentences in Evenki]. In: *Yazyki korennykh narodov Sibiri [Indigenous Siberian Languages]*. Novosibirsk, 2003, iss. 11, p. 60–107. (in Russ.)
- Savosina L. M.** Sintaksicheskaya paradigma predlozheniya i ee sootnesennost' s aktualizatsionnoi paradigmatike [Syntactic Paradigms of Sentences and Their Relations with Paradigms of Actualization]. *Russkii yazyk za rubezhom [The Russian Language Abroad]*, 1998, no. 3. (in Russ.)
- Savosina L. M.** Transformatsionnaya paradigma predlozheniya i ee sootnesennost' s aktualizatsionnoi paradigmatike [Transformational Paradigms of Sentences and Their Relations with Paradigms of Actualization]. *Voprosy yazykoznaniiya [Issues of Linguistics]*, 2000, no. 1, p. 66–74. (in Russ.)
- Sedel'nikov E. A.** Struktura prostogo predlozheniya s tochki zreniya sintagmaticheskikh i paradigmaticeskikh otnoshenii [Structures of Simple Sentences in the Aspect of Syntagmatic and Paradigmatic Relations]. *Filologicheskie nauki [Philological Sciences]*, 1961, no. 3, p. 66–77. (in Russ.)
- Shvedova N. Yu.** Paradigmatika prostogo predlozheniya v sovremennom russkom yazyke (opyt tipologii) [Paradigmatics of Simple Sentences in Modern Russian (An Experiment in Typology)]

- gy)]. In: *Russkii yazyk. Grammaticheskie issledovaniya* [The Russian Language. Studies in Grammar]. Moscow, 1967, p. 3–77. (in Russ.)
- Shvedova N. Yu.** Spornye voprosy opisaniya strukturnykh skhem prostogo predlozheniya i ego paradigm [Issues of Description of Structure Schemes of Simple Sentences and Their Paradigms]. *Voprosy yazykoznaniiya* [Issues of Linguistics], 1973, no. 4, p. 25–36. (in Russ.)
- Solovar V. N.** Paradigma prostogo predlozheniya v khantyiskom yazyke [Simple Sentence Paradigm in the Khanty Language]. Novosibirsk, Lyubava Publ., 2009, 250 p. (in Russ.)
- Sosa S.** Functions of morphosyntactic alternations and information flow in Surgut Khanty. Helsinki, 2017, 236 p.
- Sovremenniy russkii yazyk* [The Modern Russian Language]. Ed. by V. A. Beloshapkova. Moscow, 1997. (in Russ.)
- Tereschenko N. M.** Nenetskii epos [The Nenets Epic]. Leningrad, Nauka Publ., 1990, 335 p. (in Russ.)
- Tereschenko N. M.** Nenetsko-russkii slovar' [Nenets-Russian Dictionary]. Moscow, Sovetskaya entsiklopediya Publ., 1965, 408 p. (in Russ.)
- Ubrayatova E. I.** Issledovaniya po sintaksisu yakutskogo yazyka. II. Slozhnoe predlozhenie [Studies in Yakut Syntax. II. The Complex Sentence]. Novosibirsk, 1976. Book 1–2. (in Russ.)
- Vasilevich G. M.** Grammaticheskii ocherk evenkiiskogo yazyka [Evenki Grammar: An Overview]. Evenkiisko-russkii slovar' [Evenki-Russian Dictionary]. Moscow, 1958, p. 641–802. (in Russ.)
- Vsevolodova M. V.** Teoriya funktsional'no-kommunikativnogo sintaksisa: Fragment prikladnoi (pedagogicheskoi) modeli yazyka: Uchebnik [Theory of Functional-Communicative Syntax: A Fragment of Practical (Pedagogical) Language Model: A Textbook]. Moscow, MSU Publ., 2000, 501 p. (in Russ.)
- Vsevolodova M. V., Dementieva O. Yu.** Problemy sintaksicheskoi paradigmтики: kommunikativnaya paradigma predlozhenii [The Problem of Syntactic Paradigmatics: The Communicative Paradigm of Sentences]. Moscow, 1997, 176 p. (in Russ.)
- Worth D. L.** The role of transformations in the definition of syntagmas in Russian and Slavic languages. In: *American Contributions to the V International Congress of Slavists*. Sofia, The Hague, 1963.
- Zimek P.** Semanticheskii aspekt sintaksicheskoi transformatsii [Semantic Aspects of Syntactic Transformations]. *Československá rusistika*, XI, 1966, no. 2. (in Russ.)
- Zolotova G. A.** Kommunikativnye aspekty russkogo sintaksisa [Communicative Aspects of Russian Syntax]. Moscow, Nauka Publ., 1982. (in Russ.)
- Zolotova G. A., Onipenko N. K., Sidorova M. Yu.** Kommunikativnaya grammatika russkogo yazyka [Russian Communicative Grammar]. Moscow, 1998, 524 p. (in Russ.)

Список условных сокращений и обозначений

аган. – аганский говор лесного диалекта ненецкого языка; **каз.** – казымский диалект хантыйского языка; **лесн.** – лесной диалект ненецкого языка (лесной ненецкий язык); **ненецк.** – ненецкий язык; **пур.** – пуровский говор лесного диалекта ненецкого языка; **сург.** – сургутский диалект хантыйского языка; **тундр.** – тундровый диалект ненецкого языка; **хант.** – хантыйский язык; **шур.** – шурышкарский диалект хантыйского языка; **эвенк.** – эвенкийский язык

∅ – позиция нулевого аффикса; **ABL** – показатель отложительного падежа; **ACC** – показатель винительного падежа; **ACC IND** – показатель неопределенного винительного падежа; **CL** – клитика; **CONNeg** – показатель коннегатива; **Сop** – глагол-связка; **CV** – показатель деепричастия; **DAT** – показатель дательного-направительного падежа; **DU** – показатель двойственного числа; **FREQ** – показатель фреквентатива; **GEN** – показатель родительного падежа; **НАВ** – показатель хабиуталиса; **IMP** – показатель повелительного наклонения; **INCP** –

начинательный вид; **INSTR** – показатель творительного падежа; **INSFIN** – показатель творительного падежа; **Loc** – локализатор; **MOM** – показатель моментального вида; **N** – имя существительное; **N^{AG}_{NOM}** – субъект-агенса, выраженный именем существительным или его субститутом в форме именительного падежа; **N^{Funct}** – функтив; **N^{OBJ}_{ACC}** – объект, прототипически выраженный именем в форме винительного (или именительного) падежа; **N^{Pat}** – пациент; **NEG** – отрицательная частица (в хантыйском языке), отрицательный глагол (в ненецком языке); **NOM** – показатель именительного падежа; **Ob** – объект; **OBJ** – показатель объектного спряжения; **OBL** – косвенная основа; **PART** – показатель причастия; **PASS** – показатель страдательного залога; **PAST** – показатель прошедшего времени; **PL** – показатель множественного числа; **POSS** – лично-притяжательный аффикс; **POSS.1SG.SG** – лично-притяжательный аффикс 1-го лица единственного числа субъекта обладания при единственном числе объекта обладания; **PP** – показатель причастия прошедшего времени; **PR, PRS** – показатель настоящего времени; **PrP** – показатель причастия настоящего времени; **PR.PERF** – настоящее совершенное время; **PRTCL** – частица; **PST** – показатель прошедшего времени; **refl** – показатель рефлексивного спряжения; **REFL** – лично-числовой аффикс рефлексивного спряжения; **S** – субъект; **SG** – показатель единственного числа; **SUBJ** – показатель субъектного спряжения; **T//R** – граница тема-рематического членения; **V** – глагол; **VN** – глагольное имя; **V_f^{ACT}** – акциональный предикат (глагол с семантикой креативного, деструктивного, трансформационного воздействия на объект, обозначающий появление, повреждение, разрушение объекта в результате воздействия, воздействие с последующим качественным изменением объекта или без него)

Материал поступил в редколлегию

*Received
05.09.2019*

Сведения об авторе

Кошкарева Наталья Борисовна, доктор филологических наук, профессор, главный научный сотрудник сектора языков народов Сибири Института филологии СО РАН (ул. Николаева, 8, Новосибирск, 630090, Россия), зав. кафедрой общего и русского языкознания Гуманитарного института Новосибирского государственного университета (ул. Пирогова, 1, Новосибирск, 630090, Россия)
koshkar_nb@mail.ru

Information about the Author

Natalya B. Koshkareva, Doctor of Philology, Professor, Head Researcher at the Sector of Siberian Languages, Institute of Philology SB RAS (8 Nikolaev Str., Novosibirsk, 630090, Russian Federation), Head of Chair of General and Russian Linguistics, Institute of Humanities, Novosibirsk State University (1 Pirogov Str., Novosibirsk, 630090, Russian Federation)
koshkar_nb@mail.ru

Артикуляторные характеристики реализаций звуков типа «а» в барабинском, алтайском и башкирском языках в сопоставительном аспекте

Т. Р. Рыжикова^{1,2}, **А. А. Добринина**², **Н. С. Уртегешев**^{1,2}

¹ *Томский государственный университет
Томск, Россия*

² *Институт филологии СО РАН
Новосибирск, Россия*

Аннотация

Рассматриваются артикуляторные характеристики звука *a* в барабинско-татарском, алтайском (усть-канский говор) и башкирском (восточный диалект) языках по результатам магнитно-резонансного томографирования. Несмотря на то что носители алтайского (усть-канский говор диалекта алтай-кижи) и барабинско-татарского языков проживают территориально относительно близко, в артикуляторном плане отмечается большее сходство барабинско-татарского с башкирским (восточный диалект). Возможно, это объясняется тождественными процессами их развития (как исторического, так и имманентного характера), а также влиянием татарского литературного языка и его диалектов: в начале XX в. в места компактного проживания барабинцев устремился большой поток поволжско-уральских татар; кроме того, обучение в школах долгое время велось на татарском литературном языке. В настоящее время на развитие барабинско-татарского языка и культуры огромное влияние оказывает масскультура Республики Татарстан. Дальнейшее исследование артикуляторных особенностей всех единиц вокальной системы барабинско-татарского, алтайского и башкирского языков будет способствовать выявлению общих и частных закономерностей в диахронии и синхронии.

Ключевые слова

экспериментальная фонетика, вокализм, артикуляция, МРТ, язык барабинских татар, алтайский язык, башкирский язык

Благодарности

Работа выполнена при финансовой поддержке гранта Правительства РФ № 14.Y26.31.0014 «Языковое и этнокультурное разнообразие Южной Сибири в синхронии и диахронии: взаимодействие языков и культур».

Для цитирования

Рыжикова Т. Р., Добринина А. А., Уртегешев Н. С. Артикуляторные характеристики реализаций звуков типа «а» в барабинском, алтайском и башкирском языках в сопоставительном аспекте // Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2019. Т. 18, № 9: Филология. С. 127–143. DOI 10.25205/1818-7919-2019-18-9-127-143

Articulatory Traits of “a”-Type Sound Realizations in the Barabian, Altai, and Bashkir Languages in the Comparative Aspect

T. R. Ryzhikova^{1,2}, A. A. Dobrinina², N. S. Urtegeshev^{1,2}

¹ Tomsk State University
Tomsk, Russian Federation

² Institute of Philology SB RAS
Novosibirsk, Russian Federation

Abstract

Experimental phonetics is a fundamental source of typological reconstructions. It provides plausible data on the phonetic processes progressing in a language, dialect, or subdialect. In this paper, we compare the results of MRI-investigation of the sound *a* (it being the most frequently used in the Turkic languages) in related though quite distant languages: Baraba-Tatar, Altai (Ust-Khan subdialect) and Bashkir (Eastern dialect). Thus, the purpose of our study is to distinguish the articulatory traits of the *a*-type sound in the Barabian, Altai and Bashkir languages under different positional and combinatory conditions as a result of somatic experimental-phonetic research.

Magnetic-resonance imaging (MRI) of the vocal tunings was done from the native speakers of the three languages: Baraba-Tatar, Altai, and Bashkir. The static MRI images comprising *a*-type articulations were selected from the obtained database. The somatic analysis of the linguistic material was conducted in accordance with the technique practiced in the V. M. Nadelyayev's Laboratory of Experimental-Phonetic Researches (IP SB RAS). Sound tomograms have been analyzed and interpreted, tomoschemes are presented for the visualization purpose. In total, 17 tomograms have been described.

The authors have processed the linguistic and experimental material on three Turkic idioms and made a number of important conclusions.

1. *A*-type sound is realized in the back row words in the languages under consideration, which coincides with the supposition about Turkic vowel harmony suggested earlier.
2. In all languages under investigation the general tuning of the sound *a* is similar: it is central-back. But what makes it unique for every language is its additional characteristics. For example, in Barabian the phoneme /ã/ can be realized in pharyngealized, nasalized and labialized variants, while the Ust-Khan phoneme /ã/ is the most unified one (non-nasalized, rarely labialized and pharyngealized). The Eastern Bashkirian phoneme /ã/ resembles the Baraba-Tatar phoneme in many aspects.
3. The statement (based on the perceptive analysis) about the use of more open and in some senses more backward, laryngeal and even pharyngealized sound *a* in some sub-dialects of the Eastern dialect of Bashkir did not turn out to be correct. According to the experimental data, all eastern Bashkir tunings appear to be central-back strongly shifted forward, i.e. the tongue does not move backward too much. Regarding the mouth openness, all variants of the Eastern Bashkirian sound *a* are half narrow (the third level of openness), and in some cases they can even be said to be narrow (the second level).
4. Despite the territorial closeness of Altai (Ust-Khan sub-dialect) and Baraba-Tatar, the comparative analysis of the articulatory peculiarities of the vocal tunings under discussion revealed close correlation between Barabian and Eastern Bashkirian realizations of sound *a*. It might be accounted for by similar ways of their development (both of historical and immanent character) as well as by the literary Tatar language and its dialects influence on Baraba-Tatar (an intensive wave of immigrants from the Volga-Ural region into Baraba Steppe where Baraba-Tatars had been historically living was recorded in the beginning of the 20th century).

To sum up, the further investigation of all vocal system units is necessary to make final conclusions about typological likelihood or diversity of the languages under consideration.

Keywords

experimental phonetics, vocalism, articulations, MRI, Baraba-Tatar language, Altai language, Bashkir language

Acknowledgements

This work has financially been supported by the RF Government Grant № 14.Y26.31.0014 “Linguistic and ethnocultural diversity of Southern Siberia in synchrony and diachrony: interaction of languages and cultures”

For citation

Ryzhikova T. R., Dobrinina A. A., Urtegeshev N. S. Articulatory Traits of “a”-Type Sound Realizations in the Barabian, Altai, and Bashkir Languages in the Comparative Aspect. *Vestnik NSU. Series: History and Philology*, 2019, vol. 18, no. 9: Philology, p. 127–143. (in Russ.) DOI 10.25205/1818-7919-2019-18-9-127-143

Введение

По данным ЮНЕСКО, в России насчитывается более 130 языков, находящихся под угрозой исчезновения, 20 признаны мертвыми. В эту группу попадают не только бесписьменные языки миноритарных народов РФ, но также и языки республиканского значения, например тувинский, якутский и др.¹ В данной статье рассмотрены артикуляторные характеристики звуков типа «а» в барабинско-татарском, алтайском (усть-канский говор) и башкирском (восточный диалект) языках. Изучаемые языки имеют разную степень угрозы исчезновения. Башкирский язык считается уязвимым (на языке говорит большинство детей, но его распространение ограничивается несколькими областями), алтайский (как северные, так и южные диалекты) и барабинско-татарский входят в группу серьезно уязвимых языков (на языке говорит старшее поколение; поколение родителей может его понимать, но не говорит на нем с детьми или между собой)². Сложная языковая ситуация обуславливает актуальность и безотлагательность лингвистических исследований всех уровней. Цель данной работы заключается в описании артикуляторных настроек звуков типа «а» в рассматриваемых языках по данным магнитно-резонансного томографирования (МРТ) и в сопоставлении полученных результатов. «Из-за неравномерности развития отдельных явлений и целых систем в фонетике, морфологии, синтаксисе и лексике, разной степени изолированности развития, различных, часто очень сложных условий взаимодействия с родственными и неродственными языками тюркские языки получили очень большие внутренние различия. Нередко одно и то же явление в разных тюркских языках оказывается как бы на разных уровнях развития, и потому сравнение всех данных по разным языкам оказывается важным для их понимания» [Убрятова, 1970. С. 72].

Артикуляторные характеристики

Базой исследования являются МРТ-снимки по рассматриваемым языкам. Магнитно-резонансное томографирование было выполнено в рамках Интеграционного проекта конкурса фундаментальных исследований Сибирского отделения РАН в Лаборатории медицинской диагностики Института «Международный томографический центр» СО РАН. Дикторы (один – носитель усть-канского говора алтайского языка, двое – носители барабинско-татарского языка и один – носитель восточного диалекта башкирского языка) записывали программу, подготовленную специально для каждого языка, в стационарных условиях в горизонтальном положении в томографе Philips Achieva Nova Dual 1.5 T, катушка Head/Neck synergy SENSE (Philips medical systems; Eindhoven, Netherlands). Описание методики см.: [Летягин и др., 2013].

По условиям эксперимента, для получения соматических данных методами статического магнитно-резонансного томографирования наиболее предпочтительной для фиксации является ауслузная настройка звука, позволяющая испытуемому затянуть артикуляцию во времени, а оператору вовремя включить аппаратуру. Такой комплекс мероприятий обеспечивает адекватность получаемого материала. При невозможности съемок звука в финальной позиции слова (или слога) из-за ограниченной дистрибуции звука или при необходимости уточнения его характеристик в позициях, отличных от конечной, в программу эксперимента обычно включаются слова, содержащие рассматриваемый звук в начальном или медиальном положении [Селютина и др., 2019]. Указанные обстоятельства вынуждают ограничивать программу эксперимента, которая в среднем содержит около 40 словоформ. Всего в данной статье рассматриваются и анализируются 13 единиц (не считая снимков в нейтральном положении). Такое небольшое количество объясняется рядом объективных причин: сложностью

¹ UNESCO Atlas of the World's Languages in Danger. URL: <http://www.unesco.org/languages-atlas/> (дата обращения 01.09.2019).

² Там же.

транспортировки дикторов в г. Новосибирск для проведения эксперимента в стационарных условиях Институтов СО РАН; длительностью процесса томографирования в нескольких проекциях; высокой стоимостью проведения сеансов МРТ.

Постобработка томограмм (томосхемы представлены для иллюстрации) проводилась в лабораторных условиях в ЛЭФИ ИФЛ СО РАН. В 80-е гг. XX в. В. М. Надеяев предложил методику для расшифровки рентгенограмм звуков [Надеяев, 1980], а в начале XXI в. Н. С. Уртегешев [2009] усовершенствовал ее и адаптировал для расшифровки томографических снимков. Единообразие методики получения и интерпретации экспериментального материала обуславливает сопоставимость результатов.

Самый распространенный в языках мира гласный звук – это звук *a*. Нет языка, в котором не было бы такого звука. Он есть даже в абхазском, где всего два гласных – *a* и *э*, и в убыхском, где *a* – единственная гласная³. Это самый популярный, однако необязательно самый частотный гласный звук. Например, в английском чаще других употребляется звук [e]⁴. Хотя употребление звука *a* обычно не ограничено позиционно-комбинаторными условиями, в тюркских языках он встречается только в твердорядных словоформах из-за распространенного явления сингармонизма [Реформатский, 1970; Касевич, 1986. С. 119–120; Мешадиева, 2004. С. 212–216]. Перечисленные факторы определили выбор звука для сопоставления.

Далее приводится описание артикуляторных настроек звуков типа «а» для рассматриваемых языков.

Язык барабинских татар

Н. А. Баскаков, используя сравнительно-исторический классификационный принцип, включил язык барабинских татар в одну группу с другими сибирско-татарскими языками, а также с татарскими языками Поволжья в кыпчакско-булгарскую подгруппу кыпчакской группы западнохуннской ветви тюркских языков [Баскаков, 1960. С. 159]. Л. Йохансон предлагает другую классификацию тюркских языков и объединяет барабинцев, томских и тоболо-иртышских татар в отдельную западно-сибирскую подгруппу северо-восточной или сибирской группы [Johanson, 2016].

Барабинскую группу на говоры обычно не делят, хотя некоторые лингвисты все-таки выделяют барабинско-туражский, любейско-тунусский, теренинско-чойский говоры.

Один из выдающихся исследователей языков сибирских татар Д. Г. Тумашева отмечает, что барабинско-татарский сохраняет ряд древнетюркских элементов и имеет общность с восточно-тюркскими языками: алтайским, хакасским, шорским, чулымско-тюркским, тувинским [Тумашева, 1969].

Современные материалы по языку, быту, культуре, истории барабинских татар свидетельствуют о том, что барабинско-татарский действительно имеет сложное происхождение, на обско-угорскую субстратную основу наложился более поздние тюркские черты, в результате чего образовалась уникальная языковая общность – язык барабинских татар.

Далее рассматриваются настройки барабинско-татарского звука *a* по данным МРТ.

На рис. 1 представлены томограммы и томосхемы нейтрального уклада органов артикуляторного аппарата у д. 1 и д. 2 – носителей барабинско-татарского языка – при дыхании через нос. По таблице [Надеяев, 1980. С. 65] определяем высоту твердого нёба у д. 1 и д. 2 как низкую.

³ Наука и жизнь. № 9. 2019. URL: <https://www.nkj.ru/archive/articles/13650/> (дата обращения 09.09.2019).

⁴ URL: <https://fb.ru/article/73072/glasnyiy-zvuk-soglasnyiy-zvuk-nemnogo-o-russkoy-fonetike> (дата обращения 09.09.2019).

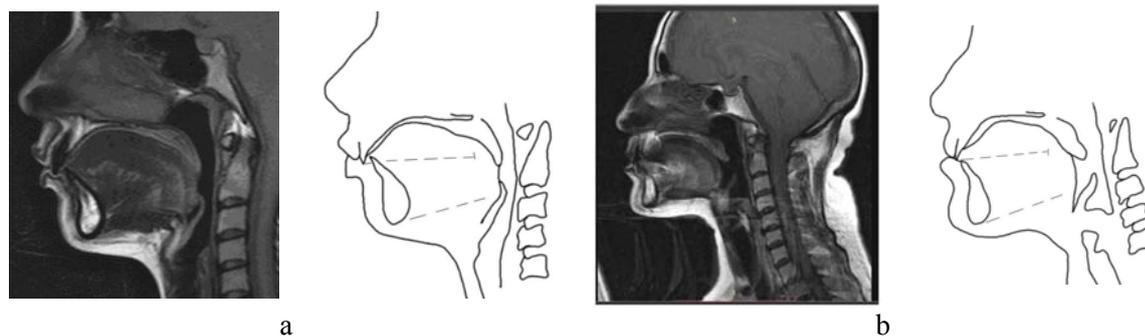

Рис. 1. Нейтральный снимок: *a* – д. 1 (бараб.); *b* – д. 2 (бараб.)
 Fig. 1. Neutral position: *a* – sp. 1 (barab.); *b* – sp. 2 (barab.)

В анлауте словоформы *ат* ‘стреляй!’ (рис. 2, *a*) тело языка у д. 1 расположено в середине ротовой полости, на передней части спинки языка зафиксирован небольшой поперечный прогиб. Средняя часть корня оттянута по направлению к задней стенке фаринкса – настройку можно интерпретировать как фарингализованную. Мягкое нёбо незначительно провисает в области межзубочной части спинки языка, увула не плотно прижата к стенке фаринкса, а немного отстоит от него, давая воздуху доступ в носовую полость. Такая настройка может быть классифицирована как слабоназализованная. Расстояние между зубами несколько меньше, чем между губами. Таким образом, артикуляцию звука *a* в словоформе *ат* ‘стреляй!’ можно описать как центральнозаднерядную основную (нёбный локус на границе твердого и мягкого нёба) третьей основной ступени подъема фарингализованную слабоназализованную слабогубленную (точная фонетическая транскрипция: $\dot{\text{ɤ}}^{\circ} \sim (\text{c}^2/\text{ɤ})(\text{c}^3/\text{ɤe}) // 89 // 3$).

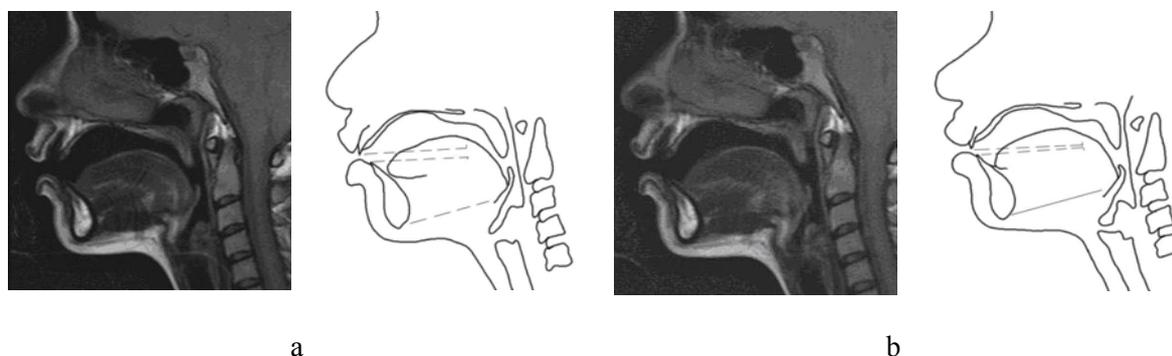

Рис. 2. Звук *a* в разных словоформах в барабинско-татарском языке:
a – в словоформе *ат* ‘стреляй!’, д. 1 (бараб.); *b* – в словоформе *ач* ‘голодный’, д. 1 (бараб.)
 Fig. 2. Sound *a* in different wordforms in the Baraba-Tatar language:
a – in the wordform *at* ‘shoot!’, sp. 1 (barab.); *b* – in the wordform *ach* ‘hungry’, sp. 1 (barab.)

В инициальной позиции в словоформе *ач* ‘голодный’ у д. 1 (рис. 2, *b*) спинка языка имеет округлую форму, все тело языка приподнято к твердому нёбу и немного оттянуто назад, к задней стенке фаринкса. Средняя часть корня языка сильно выпячена по направлению к средней части задней стенки фаринкса, что свидетельствует о фарингализованности настройки. Мягкое нёбо провисает в его средней части по направлению к языку, увула не сомкнута с задней стенкой фаринкса, поэтому настройку можно охарактеризовать как назализованную. Расстояние между губами равно расстоянию между зубами – артикуляция плосколабиализованная. По данным МРТ, у д. 1 в рассматриваемой словоформе звук *a* характеризуется как центральнозаднерядный сильновыдвинутый четвертой основной (с тенденцией

к приоткрытости ~ приоткрытости) ступени отстояния плоскоогубленный назализованный фарингализованный (точная фонетическая транскрипция: $\tilde{a}^{\circ} \sim (c^{1/3})(^{2/3}e) // (7^{2/3})(^{1/3}9) // 4$).

В позиции между двумя аффрикатами в слоформе *чач* ‘волосы’ (рис. 3, *a*) настройка гласного *a* у д. 1 очень похожа на артикуляцию в слоформе *ач* ‘голодный’. Разница состоит в том, что межгубное расстояние в позиции между согласными больше, чем в инициали перед смычным *t*. Кроме того, расстояние между увулой и задней стенкой фаринкса несколько меньше в рассматриваемой слоформе, чем в слове *ач* ‘голодный’. В данном случае можно констатировать следующую артикуляторную настройку звука *a*: центральнозаднерядная сильновыдвинутая третьей основной ступени подъема слабоогубленная назализованная слабофарингализованная (точная фонетическая транскрипция: $\tilde{a}^{\circ} \sim (c)(^{1/3}e) // (7^3/5)(8) // 3$).

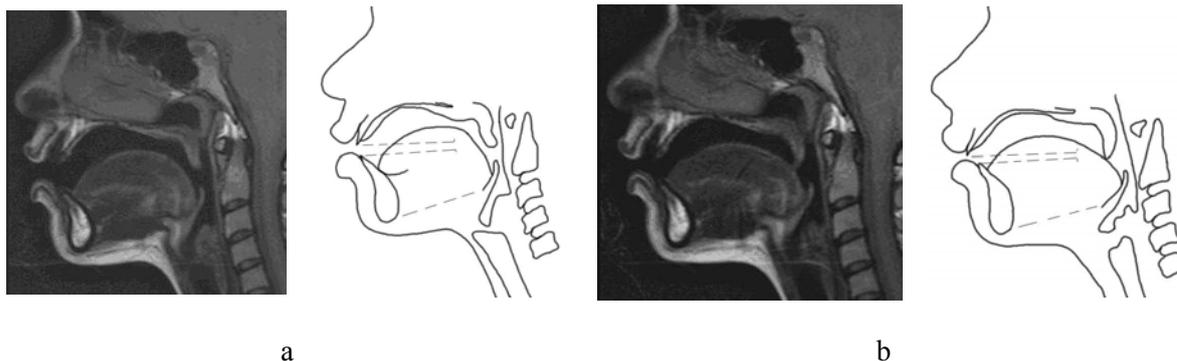

Рис. 3. Звук *a* в разных слоформах в барабинско-татарском языке:
a – в слоформе *чач* ‘волосы’, д. 1 (бараб.); *b* – в слоформе *қар* ‘снег’, д. 1 (бараб.)
 Fig. 3. Sound *a* in different wordforms in the Baraba-Tatar language:
a – in the wordform *chach* ‘hair’, sp. 1 (barab.); *b* – in the wordform *qar* ‘snow’, sp. 1 (barab.)

В слоформе *қар* ‘снег’ в позиции между смычным глухим и малошумным мгновенно-преградным уклад артикуляторных органов при продуцировании гласного *a* у д. 1 (рис. 3, *b*) также очень похож на описанные выше настройки. В данном случае расстояние между зубами несколько меньше расстояния между губами, хотя настройку нельзя трактовать как неогубленную (скорее как слаболабиализованную). Отстояние увулы от задней стенки фаринкса также немного больше, чем на предыдущих томограммах (возможно, это объясняется консонантным окружением). Фонетическое определение следующее: звук *a* – центральнозаднерядный сильновыдвинутый третьей основной ступени подъема фарингализованный слабоогубленный назализованный (точная транскрипция: $\tilde{a}^{\circ} \sim (c^{1/2})(^{1/2}e) // (7^4/5)(^{1/5}9) // 3$).

У д. 2 удалось получить только два информативных томоснимка из-за наличия в ротовой полости металлических протезов. На рис. 4, *a* представлены томограмма и томосхема звука *a* в инициали в слоформе *ач* ‘голодный’ (д. 2). Тело языка имеет округлую форму и расположено срединно в ротовой полости. Корень языка также имеет ровную округлую форму, что свидетельствует об отсутствии фарингализации. Увула провисает в ротовой полости и открывает проход воздуху в носовую полость – артикуляцию можно интерпретировать как назализованную. Расстояние между зубами почти в три раза меньше, чем между губами, что позволяет квалифицировать настройку как неогубленную. По результатам анализа томограммы звук *a* в данной слоформе можно определить как центральнозаднерядный сильновыдвинутый третьей основной ступени отстояния нефарингализованный нелабиализованный назализованный (точная фонетическая транскрипция: $\tilde{a} \sim (b^{1/2})(^{1/2}d) // 78 // 3$).

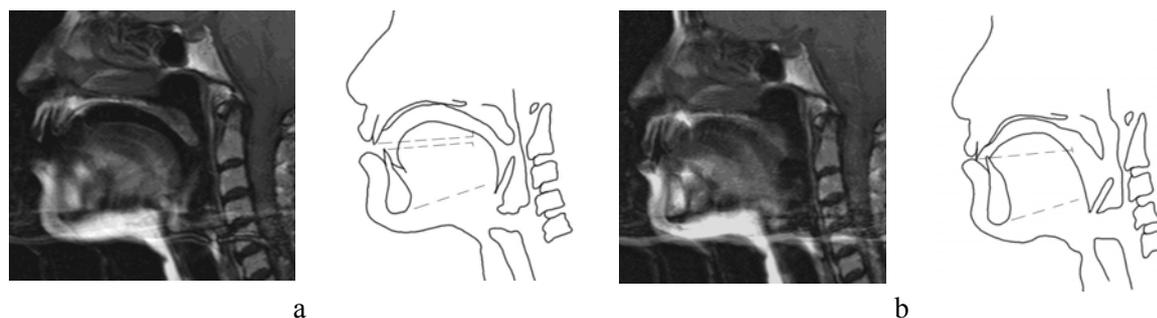

Рис. 4. Звук *a* в разных словоформах в барабинско-татарском языке:
a – в словоформе *ач* ‘голодный’, д. 2 (бараб.); *b* – в словоформе *чач* ‘волосы’, д. 2 (бараб.)

Fig. 4. Sound *a* in different wordforms in the Baraba-Tatar language:
a – in the wordform *ach* ‘hungry’, sp. 2 (barab.); *b* – in the wordform *chach* ‘hair’, sp. 2 (barab.)

В позиции между двумя аффрикатами в словоформе *чач* ‘волосы’ (д. 2, рис. 4, *b*) звук *a* имеет следующую настройку: все тело языка продвинуто вперед, корень языка ровной округлой формы, губы и зубы практически сомкнуты, увула провисает в ротовой полости, не смыкаясь с задней стенкой фаринкса. Звук *a* в данном случае можно описать как центрально/центральнозанырядный сильновыдвинутый третьей основной ступени отстояния нефарингализованный нелабиализованный назализованный (точная фонетическая транскрипция: $\tilde{\text{ɤ}}/\tilde{\text{ɤ}}^{(1/6\text{c})(\text{d}^{1/3})} // (7^{1/3})(^{2/5}9)8 // 3$).

По результатам анализа томограмм по другим дикторам (см. [Рыжикова, 2019. С. 168]) в рассмотренных выше позициях и словах фонеме $/\tilde{\text{ɤ}}/$ было дано следующее определение: центральнозаднерядная разных степеней подъема (второй, третьей и четвертой) в зависимости от позиционно-комбинаторных условий огубленная (преимущественно в инициали слов), фарингализованная, факультативно назализованная. Анализ новых томограмм по двум другим дикторам – носителям барабинско-татарского языка – в целом подтверждает сделанные ранее выводы об артикуляторных особенностях фонемы $/\tilde{\text{ɤ}}/$.

Усть-канский говор алтайского языка

Алтайский язык по классификации Н. А. Баскакова относится к киргизо-кыпчакской группе восточной ветви тюркских языков [Баскаков, 1966. С. 506]. Он неоднороден по своему диалектному составу и развивается как в соответствии со своими внутренними, имманентными закономерностями, так и под давлением экстралингвистических причин. Важность изучения говоров Алтая подчеркивал еще В. В. Радлов [1866], который отмечал, что на Алтае каждая деревня представляет самостоятельный говор, и обращал особое внимание на значимость алтайских говоров и диалектов для восстановления общетюркского идиома. Разговорный алтайский язык не является монолитным, а состоит из нескольких диалектов, объединяющихся в две группы – южную (алтай-кижи, теленгитский, телеутский) и северную (туба, кумандинский, чалканский) и характеризующихся фонетическими, лексическими и грамматическими особенностями. Эту особенность алтайских диалектов учитывает Л. Йохансон в классификации тюркских языков: он объединяет киргизский и южно-алтайский в восточную подгруппу северо-западной (или кыпчакской) группы, а северо-алтайский вместе с шорским, хакасским, чулымско-татарским относит к южно-сибирской подгруппе северо-восточной (или сибирской) группы [Johanson, 1998].

Усть-канский говор является частью языка алтай-кижи – южного диалекта алтайского языка.

Далее рассмотрим настройки звука *a* в усть-канском говоре алтайского языка.

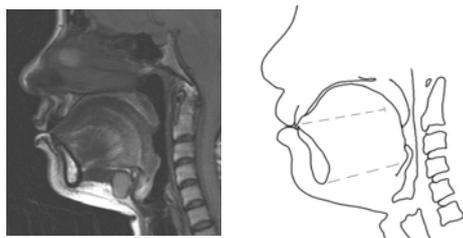

Рис. 5. Нейтральный снимок, д. 1 (усть-кан.)
Fig. 5. Neutral position, sp. 1 (ust-khan.)

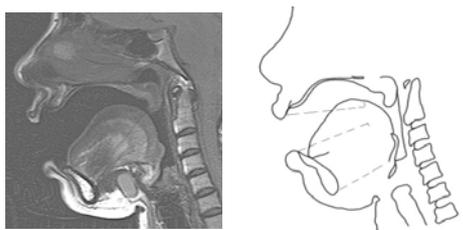

Рис. 6. Звук *a* в слове *kap* 'крышка',
д. 1 (усть-кан.)
Fig. 6. Sound *a* in the wordform *qap* 'cap',
д. 1 (ust-khan.)

На рис. 5 представлено нейтральное положение артикуляторного аппарата при дыхании диктора через нос. Высота твердого нёба определяется как средневысотная.

При артикулировании звука *a* в словоформе *kap* 'крышка' (рис. 6) спинка языка в ее межзубной части поднята к задней половине твердого нёба. Весь язык высоко поднят и оттянут назад, корень языка также оттянут назад и имеет округлую форму. Увула плотно прижата к задней стенке фаринкса. Расстояние между зубами меньше, чем между губами, но незначительно, поэтому артикуляцию можно охарактеризовать как слабоогубленную. Настройку гласного *a* квалифицируем как центральнозаднерядную сильновыдвинутую четвертой сильноприоткрытой ступени отстояния нефарингализованную слаболабиализованную неназализованную (точная фонетическая транскрипция: $\lambda^{\circ}_{\sim} (c^{1/2})(l^{1/2}e) // (7^3/5)(2/59) // 4$).

В словоформе *jac* 'весна' (рис. 7, *a*) при артикулировании звука *a* тело языка оттянуто назад и поднято вверх по направлению к мягкому нёбу, на границе передней и средней частей спинки языка имеется поперечный прогиб. Корень языка оттянут к задней стенке фаринкса и незначительно выгнут на границе нижней и средней частей корня, что свидетельствует о слабой фарингализованности звука. Увула плотно прижата к задней стенке фаринкса. Как и в предыдущем случае, расстояние между губами несколько меньше, чем между зубами. Звук *a* в данной словоформе характеризуем как центральнозаднерядный сильновыдвинутый третьей сильноприоткрытой ступени отстояния слабофарингализованный слаболабиализованный неназализованный (точная фонетическая транскрипция: $\gamma^{\circ}_{\sim} (c^{1/5})^3/5 // (7^{1/4})^{1/2} // 3$).

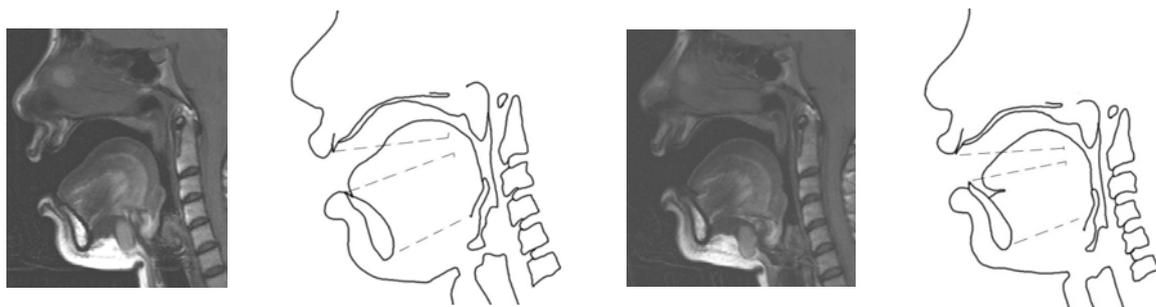

Рис. 7. Звук *a* в разных словоформах в усть-канском говоре алтайского языка:
a – в словоформе *jac* 'весна', д. 1 (усть-кан.); *b* – в словоформе *tash* 'камень', д. 1 (усть-кан.)
Fig. 7. Sound *a* in different wordforms in the Ust-Khan subdialect of the Altai language:
in the wordform *t'as* 'spring', д. 1 (ust-khan.) *b* – in the wordform *tash* 'stone', д. 1 (ust-khan.)

Звук *a* в медиальной позиции между шумными согласными в словоформе *tash* 'камень' (рис. 7, *b*) артикулируется межзубной частью спинки языка, направленной ко второй поло-

вине твердого нёба. Все тело языка поднято по направлению к мягкому нёбу и оттянуто назад. Надгортанник плотно прижат к корню языка, средняя часть корня незначительно оттянута к задней стенке фаринкса (слабая степень фарингализации). Мягкое нёбо плотно прижато к задней стенке фаринкса. Увула оттянута к верхней части коня языка – звук увуларизованный. Расстояние между губами немного больше, чем между зубами, что свидетельствует о нелабиализованной настройке. По вышеперечисленным данным артикуляцию звука *a* можно описать как центральнозаднерядную сверхсильновыдвинутую четвертой основной ступени отстояния слабофарингализованную неогубленную неназализованную (точная фонетическая транскрипция: $\lambda^{\sim}(c^{1/4})(3/4e) // (7^{1/2})(1/29) // 4$).

В словоформе *apaash* ‘беленький’ (рис. 8) долгий звук *a*: артикулируется межзубочной частью спинки языка, направленной к концу твердого нёба. В целом настройка аналогична описанным выше. Как и при произнесении звука *a* в слове *jas* ‘весна’ (рис. 7, *a*) на границе передней и средней частей спинки языка фиксируется поперечный прогиб. Форма корня языка неровная, имеются выпуклости по направлению к задней стенке фаринкса. Объем глоточного резонатора достаточно маленький (однако наименьший в словоформе *tau* ‘камень’ (рис. 7, *b*), а наибольший в словоформе *kap* ‘крышка’ (рис. 6)). Увула плотно прижата к стенке фаринкса. Расстояние между губами немного меньше, чем между зубами. В данном случае настройку звука *a* по данным МРТ можно определить как центральнозаднерядную сильновыдвинутую третьей основной ступени подъема слабофарингализованную слабоогубленную неназализованную (точная фонетическая транскрипция: $\lambda^{\circ\sim}(c^3/4)(1/4e) // (7^3/4)(1/49) // 3$).

В целом, по результатам анализа томограмм, полученным от диктора – носителя устьканского говора алтайского языка, можно сделать вывод о том, что артикуляции звукотипа *a* в рассматриваемом говоре являются достаточно широкими. Тело языка обычно располагается относительно высоко в ротовой полости и занимает заднее положение, хотя активной артикулирующей частью выступает межзубочная часть спинки языка – все настройки центральнозаднерядные. Кроме того, зафиксирована слабая степень огубленности (факультативно – плоское огубление). Для некоторых словоформ отмечается фарингализованность настройки. Все вокальные настройки типа *a* оказались неназализованными.

Таким образом, по данным МРТ, фонема /*λ*/ в устьканском говоре алтайского языка реализуется в основном в аллофонах центральнозаднерядных сильновыдвинутых вперед четвертой (факультативно третьей) ступени отстояния.

Восточный диалект башкирского языка

По современной классификации тюркологов, башкирский язык относится к уральской подгруппе кыпчакских языков, входящих в большую семью тюркских языков [Баскаков, 1952]. Наиболее близкими ему являются такие кыпчакские языки, как татарский, казахский, ногайский. В то же время башкирский язык имеет ряд общих черт с южносибирскими тюркскими (алтайский, шорский, кумандинский, тубинский, чалканский, хакасский, тувинский, якутский, язык древнетюркских памятников) и огузскими (туркменский, диалекты турецкого) языками. Ф. Г. Хисамитдинова отмечает, что в башкирском языке, особенно в его говорах, представлен огромный пласт лексики, множество морфологических и фонетических форм, имеющих параллели в современных огузских тюркских языках или памятниках письменности древних тюрков [2016. С. 82].

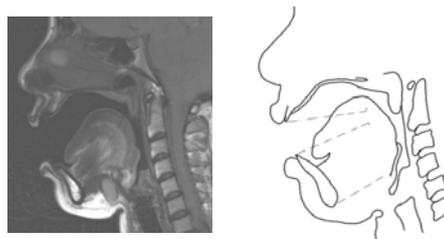

Рис. 8. Звук *a* в словоформе *apaash* ‘беленький’, д. 1 (усть-кан.)
Fig. 8. Sound *a* in the wordform *apaash* ‘very white’, д. 1 (ust-khan.)

Констатируется слабое напряженное оттягивание увулы к языку, настройка гласного определяется как увуларизованная. Наличие щели между задней стенкой носоглотки и нёбной занавеской свидетельствует о назализации гласного.

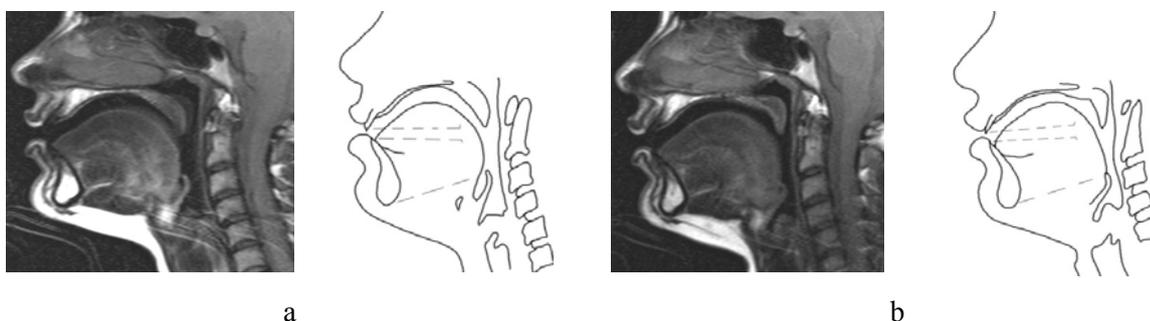

Рис. 11. Звук *a* в восточном диалекте башкирского языка:

a – в словоформе *sac* (лит. *sās*) ‘волосы’, д. 1 (вост.); *b* – в словоформе *hazэр* (лит. *hāzer*) ‘сейчас’, д. 1 (вост.)

Fig. 11. Sound *a* in the Eastern dialect of the Bashkir language:

a – in the wordform *sas* (лит. *sās*) ‘волосы’, д. 1 (east); *b* – in the wordform *hather* (лит. *hāther*) ‘сейчас’, д. 1 (east)

По результатам анализа выявленных артикуляторных характеристик рассматриваемый звук в словоформе *sac* ‘волосы’ можно квалифицировать как центральнозаднерядный сильнопродвинутый вперед третьей основной ступени отстояния нефарингализованный неогубленный назализованный (точная фонетическая транскрипция: $\tilde{a}_4 \text{cd}^1/3 // \underline{78}^1/3 // 3$).

При артикулировании инициально-постконсонантного гласного типа *a* в твердорядной словоформе *hazэр* (лит. *hāzer*) ‘сейчас’ у д. 1 на томограмме (рис. 11, *b*) активно работающим участком является межзубчатая часть спинки языка, направленная ко второй половине твердого нёба, таким образом, характеризующую настройку можно квалифицировать как центральнозаднерядную сильновыдвинутую вперед.

Отстояние активной части спинки от твердого нёба составляет 69,4 % по отношению к h_{\max} , на основании чего рассматриваемый гласный можно определить как звук второй слабоприоткрытой ступени отстояния.

Средняя часть корня языка напряженно оттянута к задней части спинки языка, которая, в свою очередь, напряженно оттянута по направлению к корню языка – звук фарингализованный.

Увула провисает вниз в глотку – настройка гласного определяется как неувуларизованная. Наличие щели между задней стенкой носоглотки и нёбной занавеской обусловлено назализацией.

Кончик языка примыкает к нижним резцам, проецируясь на передний склон альвеолярного валика. Большая величина губного отстояния по сравнению с аналогичным зубным свидетельствует о нелабиализованной, или, иначе, дентализованной [Наделяев, 1980. С. 34] гласной фонации.

Звук *a* в словоформе *hazэр* ‘сейчас’ по результатам анализа томограмм можно интерпретировать как центральнозаднерядный сильновыдвинутый вперед второй слабоприоткрытой ступени отстояния фарингализованный неогубленный дентализованный назализованный (точная фонетическая транскрипция: $\tilde{a} \sim (\text{cd}^5/12)(^7/12\text{de}) // (\underline{78}^1/2)(^1/289) // 2$).

Анализ томограмм с артикуляционной настройкой типа *a* восточного диалекта башкирского языка позволяет свести позиционно-комбинаторные реализации к фонеме $/\tilde{a}/$: центральнозаднерядной сильновыдвинутой вперед третьей основной или третьей сильноприоткрытой (факультативно второй слабоприоткрытой) ступени отстояния.

Заключение

Анализ артикуляторных настроек звукотипа *a* по трем тюркоязычным идиомам: барабинско-татарскому, усть-канскому говору диалекта алтай-кижи алтайского языка и восточному диалекту башкирского – позволил сделать следующие выводы.

1. По результатам анализа томограмм было установлено, что все настройки типа *a* в исследуемых языках – твердоядные. Данное наблюдение подтверждает выдвинутый ранее тезис об использовании звука *a* по законам тюркского сингармонизма только в твердоядных сингармемах.

2. Практически все описанные и проанализированные артикуляции оказались центральнозадными, хотя для каждого языка выделяются особенности. В языке барабинских татар звук *a* имеет разные ступени подъема (вторая, третья и четвертая) и сопровождается рядом дополнительных характеристик: фарингализацией, назализацией, лабиализацией. В усть-канском говоре алтайского языка артикуляции звука *a* оказались сильно- (или сверхсильно-)выдвинутыми вперед четвертой (факультативно третьей) ступени отстояния. При этом в отдельных случаях отмечается слабое огубление и слабая степень фарингализации. Назализация не была зафиксирована, что, вероятно, свидетельствует о сильно-напряженной настройке. В восточном диалекте башкирского языка звук *a* также является сильновыдвинутым третьей (факультативно второй) ступени отстояния. Все башкирские реализации оказались назализованными, факультативно фарингализованными и огубленными, что сближает восточный диалект башкирского языка с барабинско-татарским.

По классификации Л. Йохансона [Johanson, 1998; 2016], башкирский и южные диалекты алтайского языка объединены в одну северо-западную группу (в северо-кыпчакской или волго-уральскую подгруппу и в восточную подгруппу соответственно), в то время как северные диалекты алтайского языка и барабинско-татарский включены в северо-восточную группу (в южно-сибирскую и западно-сибирскую подгруппы соответственно). Анализ экспериментального материала на данном этапе подтверждает более близкое сходство между башкирским (восточный диалект) и барабинско-татарским языками, а не с южно-алтайским (усть-канский говор). Полученные ранее фонетические данные по северным диалектам алтайского языка, в первую очередь по тубинскому, свидетельствуют о наличии общих черт и тенденций языкового развития с барабинско-татарским (фонематический статус фарингализации в языке тубаларов [Сарбашева, 2004. С. 87], факультативное огубление и назализация в языке кумандинцев [Селютина, 1989. С. 19]). Южные же диалекты являются более устойчивыми и единообразными в своих артикуляторных характеристиках (см., например: Чумакаева, 1984а, 1984б; Шалданова, 2007; Добрина, 2018).

3. По наблюдениям А. А. Юлдашева, выполненным на слуховом уровне, т. е. с использованием перцептивного анализа звукового материала, «в говорах восточного диалекта отмечается употребление более открытого, в некоторой степени более заднерядного, гортанного, даже фарингализованного звука *a*. Особенно звук *a* становится более заднерядным, гортанным и в определенной степени фарингализованным рядом с согласными *к, г, х, н*: *ка^hлай ка^hты һөйзәшәң* ‘как ты грубо говоришь’, *Ға^hта* Гата (личное имя), *Ға^hббас* – Габбас (личное имя), *һа^hһык* – *һаҫык* ‘зловонный’, *һ^hабак* (в лит. *һабак*) ‘урок’, ‘назидание’. Интересно отметить, что определенная гортанность, в некоторой степени фарингализованность, встречается в произношении гласного *a* в ик-сакмарском и инзерском подговоре среднего говора южного диалекта. Указанной особенностью восточный диалект и названные говоры южного диалекта сближаются с казахским языком» [Юлдашев, 2010. С. 128]. Следует также добавить, что в говорах восточного диалекта с более заднеязычным, гортанным *a* отмечается переход звуков *у, ы* в *a*. Ср.: *анда* (в лит. *унда*) ‘там’, *анан* (в лит. *унан*) ‘от него’, *антай* (сальют.) (в лит. *ундай*) ‘такой’, *һабай* (сальют.) (в лит. *һыбай*) ‘верхом’, *сыңға* (кыз.) (в лит. *саңғы*) ‘лыжи’, *алйау* (миас.) (в лит. *алйыу*) ‘помутнение разума’ и др. [Максютова, 1976].

Таким образом, для восточного диалекта башкирского языка характерно употребление более открытого, более гортанного варианта гласного *a*. В отдельных позициях, особенно

в айском говоре восточного диалекта, фиксируется открытое *a*, характерное для южного диалекта. Лабиализованного *a*, типичного для демского говора южного и говоров северо-западного диалектов, в говорах восточного диалекта не зафиксировано [Уртегешев и др., 2012. С. 4–5]. По экспериментальным данным, все настройки – центральнозаднерядные сильновыдвинутые вперед, при их артикулировании язык не оттягивается сильно назад, а находится на границе центрального и заднего рядов в классическом понимании [Князев, Пожарицкая, 2011]. Что касается раствора рта, все варианты звукотипа *a* полуузкие (3-я ступень отстояния), в некоторых случаях даже узкие (2-я ступень). Поэтому трудно согласиться с наблюдением А. А. Юлдашева о том, что «в говорах восточного диалекта отмечается употребление более открытого *a*» [2010. С. 128]. С другой стороны, предположение А. А. Юлдашева о том, что гласный *a* становится в определенной степени фарингализованным рядом с согласными *k*, *g*, *x*, *h* [Там же], находит свое подтверждение и в нашем исследовании. На томограмме *хазэр* ‘сейчас’ (см. рис. 11, *b*) у гласного типа *a* констатируется фарингализованная настройка, у гласных в *ал*= ‘брат’ и *сас* ‘волосы’ дополнительная артикуляция – фарингализация – зафиксирована не была.

Если обратиться к анализу описанных выше томограмм и проанализировать их с точки зрения раствора рта и ступени подъема гласного, то наибольшее сходство можно обнаружить между башкирским (восточный диалект) и барабинским языками: все артикуляции достаточно узкие при очень незначительном растворе рта, в то время как усть-канский говор алтайского языка характеризуется более широкими гласными и значительным раствором рта (см. томограммы и томосхемы выше). Следует отметить, что, хотя степень подъема гласного *a* в барабинско-татарском варьируется (от второй до четвертой), все они продуцируются практически при «закрытом» рте (см., например, рис. 4, *b*), в целом для всех дикторов-барабинцев характерно почти одинаковое и очень незначительное расстояние между губами и зубами.

Несмотря на территориальную близость алтайского (усть-канский говор диалекта алтайкижи) и барабинско-татарского языков, в артикуляторном плане отмечается большее сходство с башкирским (восточный диалект) языком. Возможно, это объясняется сходными процессами их развития (как исторического, так и имманентного характера), а также влиянием татарского литературного языка и его диалектов: в начале XX в. в места проживания барабинцев хлынул поток поволжско-уральских татар; кроме того, обучение в школах долгое время велось на татарском литературном языке. В настоящее время на развитие барабинско-татарского языка и культуры огромное влияние оказывает республика Татарстан, которая является контактной областью, а также диалекты башкирского языка, в первую очередь демский (подробнее см.: [Гарипов, 1979. С. 231]). Дальнейшее исследование артикуляторных особенностей всех единиц вокальной системы барабинско-татарского, алтайского и башкирского языков будет способствовать выявлению общих и частных закономерностей в диахроническом и синхроническом аспектах их развития.

Список литературы

- Баскаков Н. А.** К вопросу о классификации тюркских языков // Изв. АН СССР. Отделение литературы и языка. М., 1952. Т. 11, вып. 2. С. 121–134.
- Баскаков Н. А.** Тюркские языки / Отв. ред. Г. Д. Санжеев. М.: Изд-во вост. лит., 1960. 248 с.
- Баскаков Н. А.** Алтайский язык // Языки народов СССР / Гл. ред. В. В. Виноградов. М.: Наука, 1966. Т. 2: Тюркские языки. С. 506–523.
- Гарипов Т. М.** Кыпчакские языки Урало-Поволжья. Опыт синхронической и диахронической характеристики: Моногр. / Под ред. Б. А. Серебренникова. М.: Наука, 1979. 303 с.
- Добринина А. А.** Акустические характеристики гласного типа «а» в языке теленгитов // Языки и фольклор коренных народов Сибири. 2018. № 2 (36). С. 67–73.
- Касевич В. Б.** Морфонология. Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1986. 169 с.

- Князев С. В., Пожарицкая С. К.** Современный русский литературный язык: Фонетика, орфоэпия, графика и орфография: Учеб. пособие для вузов. 2-е изд. М.: Академический проект: Гаудеамус, 2011. 430 с.
- Летягин А. Ю., Ганенко Ю. А., Уртегешев Н. С.** Анатомо-функциональные мышечные механизмы формирования голосового тракта при произнесении аутентичных гласных сибирско-татарского языка по данным магнитно-резонансной томографии // Бюлл. СО РАМН. 2013. Т. 33, № 5. С. 10–17.
- Максютова Н. Х.** Восточный диалект башкирского языка. В сравнительно-историческом освещении: Моногр. / Отв. ред. К. М. Мусаев. М.: Наука, 1976. 292 с.
- Мешадиева А. Э.** Формальное описание закона гармонии в тюркских языках: Моногр. / Под ред. М. А. Махмудова. Баку: Элм, 2004. 244 с.
- Наделяев В. М.** Артикуляционная классификация гласных // Фонетические исследования по сибирским языкам: Сб. науч. тр. / Под ред. В. М. Наделяева. Новосибирск, 1980. С. 3–91.
- Радлов В. В.** Образцы народной литературы тюркских племен. СПб., 1866.
- Реформатский А. А.** Сингармонизм как проблема фонологии и общей лингвистики // Тюркологические исследования: Сб. ст. Фрунзе: Илим, 1970. С. 101–105.
- Рыжикова Т. Р.** Артикуляторно-акустические характеристики барабинско-татарской гласной фонемы *a /ä/* в сопоставительном аспекте // Сибирский филологический журнал. 2019. № 2. С. 163–178.
- Сарбашева С. Б.** Фонологическая система туба-диалекта алтайского языка (в сопоставительном аспекте): Моногр. / Под ред. И. Я. Селютиной. Новосибирск: Сибирский хронограф, 2004. 244 с.
- Селютина И. Я.** Фонемы [a] и [a:] в языке кумандинцев // Звуковые системы сибирских языков: Сб. науч. тр. / Редкол. Е. И. Убрятова, И. Я., Селютина, Н. Н. Широбокова. Новосибирск, 1989. С. 17–25.
- Селютина И. Я., Уртегешев Н. С., Добринина А. А.** Теленгитские согласные по инструментальным данным // Урало-алтайские исследования. М., 2019.
- Тумашева Д. Г.** Отношение барабинского наречия к тюркским языкам и татарским диалектам Сибири // Происхождение аборигенов Сибири и их языков: Сб. ст. Томск: Изд-во Том. ун-та, 1969. С. 46–49.
- Убрятова Е. И.** Задачи сравнительного изучения тюркских языков // Тюркологический сборник: Сб. науч. ст. / Под ред. А. Н. Кононова. М.: Наука, 1970. С. 69–79.
- Уртегешев Н. С.** Соматические параметры настроек гласных: методика определения ступеней отстояния // Түркология. 2009. № 3–4. С. 3–12.
- Уртегешев Н. С., Хисамитдинова Ф. Г., Ишкильдина Л. К.** Атлас артикуляторных настроек согласных восточного диалекта башкирского языка: Моногр. / Отв. ред. И. Я. Селютина. Уфа, 2012. 104 с.
- Хисамитдинова Ф. Г.** Огузские элементы в башкирском языке // Учен. зап. Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского. Серия: Филологические науки. 2016. Т. 2 (68), № 3. С. 81–91.
- Чумакаева М. Ч.** Артикуляторные настройки гласных твердого ряда в алтайском языке (по данным статического рентгенографирования) // Исследования звуковых систем языков Сибири: Сб. науч. ст. / Отв. ред. В. М. Наделяев. Новосибирск, 1984а. С. 22–27.
- Чумакаева М. Ч.** Реализации алтайской долгой фонемы [a:] // Алтайский язык на современном этапе его развития: Сб. ст. Горно-Алтайск, 1984б. С. 162–167.
- Шалданова А. А.** Вокализм диалекта алтай-кижи в сопоставительном аспекте: Моногр. / Под ред. И. Я. Селютиной. Новосибирск: Сова, 2007. 280 с.
- Юлдашев А. А.** Башкирский язык // Языки мира. Тюркские языки: Коллект. моногр. / Отв. ред. Э. Р. Тенишев. М.: Индрик, 1997. С. 206–216.
- Юлдашев А. А.** Диалекты башкирского языка // Диалекты тюркских языков: Очерки. М.: Вост. лит., 2010. С. 121–156.

- Johanson Lars.** Classification of Turkic languages. 2016. URL: <http://www.turkiclanguages.com/www/classification.html> (accessed 09.09.2019).
- Johanson Lars.** The History of Turkic. In: Lars Johanson & Éva Ágnes Csató (eds.). *The Turkic Languages*. London, New York, Routledge, 1998. p. 81–125.

References

- Baskakov N. A.** K voprosu o klassifikatsii tyurkskikh yazykov [To the Problem of the Turkic Languages Classification]. In: *Izvestiya AN SSSR Otdeleniye literatury i yazyka* [USSR AS Bulletin. Department of Literature and Language]. Moscow, 1952, vol. 11, iss. 2, p. 121–134. (in Russ.)
- Baskakov N. A.** Tyurkskiye yazyki [The Turkic Languages]. Ed. by G. D. Sanzheev. Moscow, Izdatel'stvo vostochnoy literatury, 1960, 248 p. (in Russ.)
- Baskakov N. A.** Altaiskii yazyk [The Altai Language]. In: *Yazyki narodov SSSR* [Languages of the USSR Peoples]. Moscow, 1966, vol. 2: The Turkic Languages, p. 506–523. (in Russ.)
- Chumakaeva M. Ch.** Artikulyatornye nastroyki glasnnykh tvyerdogo ryada v altaiskom yazyke (po dannym staticheskogo rentgenografirovaniya) [Articulatory Settings of the Back Vowels in the Altai Language (According to Static Radiography Data)]. In: *Issledovaniya zvukovykh sistem yazykov Sibiri* [Studies in Siberian Phonetic Systems]. Novosibirsk, 1984, p. 22–27. (in Russ.)
- Chumakaeva M. Ch.** Realizatsii altaiskoi dolgoi fonemy [a:] [Realizations of the Altai Long-phoneme [a:]]. In: *Altaiskii yazyk na sovremennom etape ego razvitiya* [The Altai Language in Its Modern State of Development]. Gorno-Altai, 1984, p. 162–167. (in Russ.)
- Dobrinina A. A.** Akusticheskie kharakteristiki glasnogo tipa «а» v yazyke telengitov [Acoustic characteristics of the vowel «а» in the Telengit language]. *Yazyki i fol'klor korennykh narodov Sibiri* [Languages and Folklore of Indigenous Peoples of Siberia], 2018, no 2 (36), p. 67–73. (in Russ.)
- Garipov T. M.** Kypchakskie yazyki Uralo-Povolzh'ya. Opyt sinkhronicheskoi i diakhronicheskoi kharakteristiki [Kipchak Languages of the Volga-Ural Region. A Study of Synchronic and Diachronic Characterization]. Moscow, 1979. 303 p. (in Russ.)
- Johanson Lars.** The History of Turkic. In: Lars Johanson & Éva Ágnes Csató (eds.). *The Turkic Languages*. London, New York, Routledge, 1998. p. 81–125.
- Johanson Lars.** Classification of Turkic languages. 2016. URL: <http://www.turkiclanguages.com/www/classification.html> (accessed 09.09.2019).
- Kasevich V. B.** Morfonologiya [Morphology]. Leningrad, 1986. 169 p. (in Russ.)
- Khisamitdinova F. G.** Oguzskie elementy v bashkirskom yazyke [Oguz Elements in the Bashkir Language]. *Uchenye zapiski Krymskogo federal'nogo universiteta imeni V. I. Vernadskogo. Seriya: Filologicheskie nauki* [V. I. Vernadskii Crimea Federal University Academic Bulletin. Series: Philological Studies], 2016, vol. 2 (68), no. 3, p. 81–91. (in Russ.)
- Knyazev S. V., Pozharitskaya S. K.** Sovremennyi russkii literaturnyi yazyk: Fonetika, orfoepiya, grafika i orfoepiya: Ucheb. posobie dlya vuzov [Modern Russian Literary Language: Phonetics, Orthoepy, Graphics, and Spelling]. Moscow, 2011, 430 p. (in Russ.)
- Letyagin A. Yu., Ganenko Yu. A., Urtegeshev N. S.** Anatomico-funktsional'nye myshechnye mekhanizmy formirovaniya golosovogo trakta pri proiznesenii autentichnykh glasnnykh sibirskotatarskogo yazyka po dannym magnitno-rezonansnoy tomografii [Anatomical and Functional Muscular Mechanisms of the Vocal Tract Formation When Pronouncing Authentic Vowels of the Siberian-Tatar Language According to the Magnetic Resonance Imaging]. *Byulleten' SO RAMN* [Bulletin of the SB RAMS], 2013, vol. 33, no. 5, p. 10–17. (in Russ.)
- Maksyutova N. Kh.** Vostochnyi dialekt bashkirskogo yazyka. V sravnitel'no-istoricheskom osveshchenii [The Eastern Dialect of the Bashkir Language. In Comparative Historical Aspect]. Moscow, 1976, 292 p. (in Russ.)

- Meshadieva A. E.** Formal'noe opisaniye zakona garmonii v tyurkskikh yazykakh [Formal Description of the Vowel Harmony Laws in the Turkic Languages]. Baku, 2004, 244 p. (in Russ.)
- Nadelyayev V. M.** Artikulyatsionnaya klassifikatsiya glasnykh [Articulatory Classification of the Vowels]. In: Foneticheskiye issledovaniya po sibirskim yazykam [Phonetic Studies in Siberian Languages]. Novosibirsk, 1980, p. 3–91. (in Russ.)
- Radlov V. V.** Obraztzy narodnoi literatury tyurkskikh plemen [Samples of the Folk Literature of the Turkic Tribes]. St. Petersburg, 1866. (in Russ.)
- Reformatsky A. A.** Singarmonizm kak problema fonologii i obshchei lingvistiki [Vowel Harmony as a Problem of Phonology and General Linguistics]. In: Tyurkologicheskiye issledovaniya [Turcological Studies]. Frunze, 1970, p. 101–105. (in Russ.)
- Ryzhikova T. R.** Artikulyatorno-akusticheskie kharakteristiki barabinsko-tatarskoj glasnoj fonemy *a* /*ʌ*/ v sopostavitel'nom aspekte [Articulatory and Acoustic Characteristics of the Barabata-Tatar Vowel Phoneme *a* /*ʌ*/ in the Comparative Aspect]. *Sibirskii filologicheskii zhurnal* [Siberian Journal of Philology], 2019, no. 2, p. 163–178. (in Russ.)
- Sarbasheva S. B.** Fonologicheskaya sistema tuba-dialekta altajskogo yazyka (v sopostavitel'nom aspekte) [The phonological system of the Tuba-dialect of the Altai language (in a comparative aspect)]. Novosibirsk, 2004, 244 p. (in Russ.)
- Selyutina I. Ya.** Fonemy [á] i [á:] v yazyke kumandintsev [Phonemes [á] and [á:] in the Kumandy Language]. In: Zvukovye sistemy sibirskikh yazykov [Sound Systems of the Siberian Languages]. Novosibirsk, 1989, p. 17–25. (in Russ.)
- Selyutina I. Ya., Urtegeshev N. S., Dobrinina A. A.** Telengitskiye soglasnye po instrumental'nym dannym [Telengit Consonants According to the Instrumental Data]. In: Uralo-altaiskie issledovaniya [Uralic-Altai Studies]. Moscow, 2019. (in Russ.)
- Shaldanova A. A.** Vokalizm dialekta altaj-kizhi v sopostavitel'nom aspekte [Vocalism of the Altai-Kizhi Dialect in a Comparative Aspect]. Monograph. Novosibirsk, 2007, 280 p. (in Russ.)
- Tumasheva D. G.** Otnosheniye barabinskogo narechiya k tyurkskim yazykam i tatarskim dialektam Sibiri [The Relation of the Baraba dialect to the Turkic languages and Tatar dialects of Siberia]. In: Proiskhozhdeniye aborigenov Sibiri i ikh yazykov [The Origins of the Siberian aborigines and their languages]. Tomsk, 1969, p. 46–49. (in Russ.)
- Ubryatova E. I.** Zadachi sravnitel'nogo izucheniya tyurkskikh yazykov [Tasks of Comparative Study of the Turkic Languages]. In: Tyurkologicheskii sbornik [Turcological Anthology]. Moscow, 1970, p. 69–79. (in Russ.)
- Urtegeshev N. S.** Somaticheskie parametry nastroek glasnykh: metodika opredeleniya stupenei otstoyaniya [Somatic Parameters of Vowels: a Technique of Defining Their Rise]. *Tyrkologiya* [Turcology], 2009, no. 3–4, p. 3–12. (in Russ.)
- Urtegeshev N. S., Khisamitdinova F. G., Ishkil'dina L. K.** Atlas artikulyatornykh nastroek soglasnykh vostochnogo dialekta bashkirskogo yazyka [Atlas of the Articulatory Tunings of Consonants in the Eastern Dialect of the Bashkir Language]. Monograph. Ufa, 2012, 104 p. (in Russ.)
- Yuldashev A. A.** Bashkirskii yazyk [The Bashkir Language]. In: Yazyki mira. Tyurkskiye yazyki [World Languages. The Turkic Languages]. Moscow, 1997, p. 206–216. (in Russ.)
- Yuldashev A. A.** Dialekty bashkirskogo yazyka [Dialects of the Bashkir Language]. In: Dialekty tyurkskikh yazykov [Dialects of the Turkic Languages: Essays]. Moscow, 2010, p. 121–156. (in Russ.)

Материал поступил в редколлегию
Received
09.09.2019

Сведения об авторах

Рыжикова Татьяна Раисовна, кандидат филологических наук, старший научный сотрудник Лаборатории лингвистической антропологии ТГУ (пр. Ленина, 36, Томск, 634050, Россия); старший научный сотрудник ИФЛ СО РАН (ул. Николаева 8, Новосибирск, 630090, Россия)
tanya12@mail.ru

Добринина Альбина Альбертовна, кандидат филологических наук, научный сотрудник ИФЛ СО РАН (ул. Николаева 8, Новосибирск, 630090, Россия)
ekinur@mail.ru

Уртегешев Николай Сергеевич, кандидат филологических наук, ведущий научный сотрудник Лаборатории лингвистической антропологии ТГУ (пр. Ленина, 36, Томск, 634050, Россия); ведущий научный сотрудник ИФЛ СО РАН (ул. Николаева 8, Новосибирск, 630090, Россия)
urtegeshev@mail.ru

Information about the Authors

Tatiana R. Ryzhikova, PhD, Senior Researcher, Laboratory of Linguistic Anthropology, Tomsk State University (36 Lenin Ave., Tomsk, 634050, Russian Federation); Senior Researcher, Department of the Siberian Peoples' Languages, Institute of Philology SB RAS (8 Nikolaev Str., Novosibirsk, 630090, Russian Federation)
tanya12@mail.ru

Albina A. Dobrinina, PhD, Researcher, Department of the Siberian Peoples' Languages, Institute of Philology SB RAS (8 Nikolaev Str., Novosibirsk, 630090, Russian Federation)
ekinur@mail.ru

Nikolay S. Urtegeshev, PhD, Senior Researcher, Laboratory of Linguistic Anthropology, Tomsk State University (36 Lenin Ave., Tomsk, 634050, Russian Federation); Leading Researcher, Department of the Siberian Peoples' Languages, Institute of Philology SB RAS (8 Nikolaev Str., Novosibirsk, 630090, Russian Federation)
urtegeshev@mail.ru

УДК 811.161.1'0'374(092)(438+474.5)''15/16''
DOI 10.25205/1818-7919-2019-18-9-144-156

Польско-литовские материалы в азбуковнике Давида Замарая и украинское окружение патриарха Филарета

А. А. Юдин

*Государственная публичная научно-техническая библиотека СО РАН
Новосибирск, Россия*

Аннотация

На основе известных источников предлагается по-новому взглянуть на инициатора кампании по запрещению «литовских» книг в Московском государстве в первой трети XVII в. Кроме сохранившихся документов и бесспорных биографических фактов к выдвижению гипотезы об инициативе в преследовании книжной продукции из соседнего государства, исходившей от литовского выезджего, ставшего в Московской Руси архиепископом Суздальским и Тарусским, Иосифа Курцевича, привлекаются также рукописные материалы из азбуковников московского справщика Давида Замарая. Изучение словарных статей этих азбуковников позволяет установить, что часть из них была заимствована из книг «литовской печати», которые поступали в Москву от неизменного корреспондента Иосифа Курцевича митрополита Киевского Иова Борецкого («Беседы Иоанна Златоуста на Деяния апостольские» (Киев, 1624), «Беседы св. Иоанна Златоуста на 14 посланий апостола Павла» (Киев, 1623)). Выясняется также, что «киевский богослов» Афанасий Китайчич, ставший первым в череде хулителей «Евангелия Учительного» Кирилла Транквиллиона Ставровецкого, был под патронажем Иосифа Курцевича и мог выражать и его точку зрения на эту книгу.

Ключевые слова

Иосиф Курцевич, Афанасий Китайчич, Давид Замарай, азбуковник, Кирилл Транквиллион Ставровецкий, книги «литовской печати»

Благодарности

Статья подготовлена при финансовом содействии РФФИ (грант № 16-34-01008a2 «Русские рукописные словари как культурный феномен: история бытования и литературный контекст»)

Для цитирования

Юдин А. А. Польско-литовские материалы в азбуковнике Давида Замарая и украинское окружение патриарха Филарета // Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2019. Т. 18, № 9: Филология. С. 144–156. DOI 10.25205/1818-7919-2019-18-9-144-156

Polish-Lithuanian Data of David Zamaray's Azbukovnik and the Ukrainians in Patriarch Filaret's Surroundings

A. A. Yudin

*The State Public Scientific Technological Library SB RAS
Novosibirsk, Russian Federation*

Abstract

In this article, we take a new look at the initiator of the campaign to prohibit the so-called “Lithuanian” books in the Moscow Tsardom in the first third of the 17th century on the basis of known sources. In addition to the extant documents and indisputable biographical facts, manuscript materials from the azbukovniks of Muscovite corrector David Zamaray are also involved to propose the hypothesis about the initiative in the prosecution of books from the neighboring state that came from Lithuanian emigrant Jozef Kurcewicz, who became archbishop of Suzdal and Tarusa in the Moscow Tsardom. The examination of vocabulary entries of these azbukovniks allows us to establish that some of them were borrowed from the “Lithuanian printing” books, coming to Moscow from the constant correspondent

© А. А. Юдин, 2019

ISSN 1818-7919

Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2019. Т. 18, № 9: Филология
Vestnik NSU. Series: History and Philology, 2019, vol. 18, no. 9: Philology

of Jozef Kurcewicz, Metropolitan of Kiev Job Boretsky (such as *Homilies of John Chrysostom on the Acts of the Apostles* (Kiev, 1624), *John Chrysostom's Homilies on 14 Epistles of Apostle Paul* (Kiev, 1623)). We also show that the Kievan theologian Athanasius Kitaichich, who became the first among detractors of *Didactic Gospel* of Kyrylo Stavrovetsky-Tranquillion, was under the patronage of Jozef Kurcewicz and could reflect his point of view on this book.

Keywords

Jozef Kurcewicz, Athanasius Kitaichich, David Zamaray, azbukovnik, Kyrylo Stavrovetsky-Tranquillion, "Lithuanian printing" books

Acknowledgements

The article is prepared through to financial support by the Russian Foundation for Basic Research, project 16-34-01008a2

For citation

Yudin A. A. Polish-Lithuanian Data of David Zamaray's Azbukovnik and the Ukrainians in Patriarch Filaret's Surroundings. *Vestnik NSU. Series: History and Philology*, 2019, vol. 18, no. 9: Philology, p. 144–156. (in Russ.) DOI 10.25205/1818-7919-2019-18-9-144-156

Исследователей давно занимает тема запрета при патриархе Филарете «Евангелия Учительного» Кирилла Транквиллиона Ставровецкого. Т. А. Опарина прямо говорит о том, что «не совсем ясно, в силу каких причин в книжном потоке, идущем из киевской митрополии, было отобрано именно это сочинение» [Опарина, 2000. С. 187]. Известно, что первоначальную апробацию книги Транквиллиона в Москве поручили Афанасию Китайчичу, бывшему монаху Киево-Печерского монастыря. В результате его работы, а также привлечения позднее к рассмотрению этой книги русских справщиков (богоявленского игумена Ильи и священника Ивана Наседки) появляется сочинение, которое затем распространилось в рукописных сборниках под именем «Прения с Евангелием Учительным». Как предполагает Т. А. Опарина, текст этих «Прений» может быть не вполне самостоятелен, а восходить к Постановлениям собора 1625 г., который прошел в Киеве под управлением поставленного в 1620 г. Иерусалимским патриархом Феофаном на вновь созданную Киевскую митрополию Иова Борецкого. Судя по всему, этот собор, кроме выявленных в книге Кирилла Транквиллиона отклонений от православной экклезиологии, рекомендовал также автору «исправить сочинение в строго православном духе». Однако совершенно детективная история с первоначальным выявлением С. Т. Голубевым в Киевском центральном архиве списка Постановлений этого собора и обнаружением его пропажи на следующий день по приходе для занятий в архив позволяет только предположительно говорить о том, что именно Постановления Киевского собора послужили основой для создания Прений (см. об этом: [Маслов, 1984. С. 39; Опарина, 1998. С. 162–167; 2000. С. 186, 193]).

Тем не менее именно Киевская митрополия и ее отдельные представители, на наш взгляд, были заинтересованы в запрещении книги Кирилла Транквиллиона в Москве. Это, конечно же, не снимает ответственности с московского правительства, но позволяет по-новому взглянуть на сожжение экземпляров «Евангелия Учительного» Кирилла Транквиллиона по постановлению патриарха царя Михаила Федоровича и Филарета в ноябре 1627 г. (подробнее см.: [Булычев, 2004. С. 12–48]).

Во-первых, уже упоминавшийся, выехавший из литовских пределов, монах Афанасий Китайчич 15 августа 1627 г., т. е. в том самом году, когда началось рассмотрение книги Кирилла Транквиллиона, был поставлен игуменом Никитского монастыря в Переяславле Залесском. Ранее, в марте 1626 г., он прибыл в Москву с вещами другого изгнанника из Литвы, епископа Владимирского и Брестского Иосифа Курцевича. В этом же 1626 г., но еще в августе, епископ Курцевич был рукоположен в приютившей его Москве в архиепископы Суздальские и Тарусские, заняв таким образом второе по значимости архиепископство в государстве, о чем позднее пенял ему в грамоте сам царь: «А то архиепископство в нашем государстве по степени другое место» [Харлампович, 1900. № 15. С. 464. Примеч. 3]. При этом обстоятельства отхода столь крупного церковного деятеля соседнего государства в мос-

ковские пределы, в первую очередь из-за недостатка документов, ставят перед исследователем определенные вопросы. Уже К. В. Харламповичем было отмечено, что незадолго до отъезда 14 июня 1625 г. Иосиф Курцевич вовсе не собирался, судя по его хозяйственным планам, бежать из Дерманского монастыря на Волыни, управлять в котором он был поставлен без согласия его владельца, яркого католика князя Александра Заславского [Харлампович, 1900. № 14. С. 435]. Князь позднее, в 1627 г., передает этот монастырь в управление Мелетию Смотрицкому только после перехода последнего в унию. Сохранилось также свидетельство бывшего игумена Дерманского монастыря, предшественника Иосифа Курцевича, Рафаила Жиморского, который в расспросной речи 17 марта 1624 г. по выходе в Московское государство заявил, что при правлении монастырем Иосиф Курцевич «учал приводить» насельников в унию [Макарий (Булгаков), 1996. С. 316]. Такое радикальное свидетельство все же можно объяснить личной неприязнью, к тому же других подобного рода свидетельств пока не найдено. Тем не менее отъезд Иосифа Курцевича в Москву связывают как с общим ухудшением обстановки после произошедшего в ноябре 1623 г. убийства в Витебске ревностного униата, архиепископа Полоцкого, Иосафата Кунцевича, и последовавшей за этим убийством реакцией со стороны коронных властей, так в частности и с активной деятельностью Иосифа Курцевича в деле защиты православия от наступления униатов (см.: [Маштафаров, Флоря, 2010. С. 635]).

Следует отметить также, что привлеченный к оценке книги Кирилла Транквиллиона в Москве Афанасий Китайчич позднее, в 1630–1634 гг., был архимандритом Владимирского Рождественского монастыря (в епархии все того же Иосифа Курцевича) [Строев, 1877. Стб. 662, 678]. Таким образом, можно говорить о том, что привлеченный к изучению «Евангелия Учительного» киевский монах находился под патронажем своего земляка и мог выражать в том числе и его точку зрения. Кроме того, и Афанасий Китайчич и Иосиф Курцевич состояли в переписке с митрополитом Киевским Иовом Борецким, который в письмах к ним обоим говорит о себе как о «смиренном» и «нищем», что, скорее, можно отнести к особенностям эпистолярного жанра [Харлампович, 1914. С. 80]. Таким образом, в подкрепление положения, высказанного еще Т. А. Опариной [2000. С. 189], что «Прения с Евангелием Учительным» могут отражать не московскую, а киевскую точку зрения на сочинение Кирилла Транквиллиона, можно добавить еще и то, что с положенными в их основу Постановлениями Киевского собора московские книжники познакомились при деятельном участии киевлян, в том числе и высших иерархов киевской митрополии.

Трудно сказать, однако, какую непосредственно роль в очернении книги Кирилла Транквиллиона сыграл Иосиф Курцевич. Как с сожалением пишет К. В. Харлампович, от столь европейски образованного иерарха (есть сведения об обучении Курцевича в Падуанском университете), можно было бы ожидать большего на новой родине [Харлампович, 1914. С. 37]. О его ученых занятиях имеются лишь отрывочные сведения: для списания ему были предоставлены патриархом Филаретом «Книга Максима Грека, в десть» (в 1631 г.) [Харлампович, 1900. № 15. С. 467] и «Книга правил св. апостол и св. отец, в десть», принадлежавшая патриарху Иову (в 1630 г.) [Там же. С. 468]. В суздальский Спасо-Евфимиев монастырь он жертвует «Книгу Василия Кессарийского печати литовской в десть» [Там же. С. 469]¹, в период его ссылки в Соловецкий монастырь дает вкладом «Октай осми гласов киевской печати» и «Потребник московской печати» [Там же. С. 476]².

Московское правительство уделяло большое внимание выходцам из Литвы. В зависимости от статуса вышедшего, ему выделялась также денежная помощь [Макарий (Булгаков), 1996. С. 432–433]. Традиционная денежная царская милость православным монастырям соседнего государства подвигала целые делегации от этих монастырей искать ее у царского

¹ Автор ссылается на: *Шлякин И. А.* Описание рукописей Суздальского Спасо-Евфимиева монастыря. СПб., 1881. С. 66.

² Автор ссылается на: *Белокуров С. А.* Материалы для русской истории. М., 1888. С. 26, 29 (№ 792, № 1009).

и патриаршего двора³. Стремилась заручиться финансовой поддержкой и покровительством Москвы и авторы новых печатных литовских книг. Так, уже спустя месяц после выхода книги «Бесед св. Иоанна Златоуста на 14 посланий апостола Павла», 1 мая 1623 г., киево-печерский служитель Андрей Николаев привез ее в Москву от Захарии Копыстенского. При этом два экземпляра издания были поднесены государю, два – патриарху, один – думному дьяку Ивану Грамотину и по одному – путивльским воеводам Василию Большому Ромодановскому и Григорию Алябьеву [Харлампович, 1914. С. 102]. 4 января 1625 г. Памва Берында поднес государю «Беседы Иоанна Златоуста на Деяния апостольские» (Киев, 1624). «Патриарху Филарету вместе с «Беседами» он поднес греческую рукописную книгу (Постническая книга Фикары)» [Там же]. Перевод последней из упоминаемых книг был также издан в Вильно в 1620 г.⁴

Интерес к «литовским» книгам в Москве в первой трети XVII в. вполне объясним, как и необходимость в служебных книгах, изданных в соседнем государстве. Московское царство только выходило из Смуты, не было полностью восстановлено книгоиздание на Печатном дворе. Прения московских справщиков сначала с Лаврентием Зизанием, предполагавшим напечатать свой «Катехизис» в Москве, заручившись поддержкой патриарха Филарета⁵, рассмотрение и последующее запрещение «Евангелия Учительного» Кирилла Транквилиона (а потом и всех книг «литовской» печати в 1627 г.⁶) – все эти события следует рассматривать в контексте сложившейся именно в это время исторической ситуации в Москве. Своеобразная охранительная тенденция в политике московских властей применительно к выходцам из Литвы и книгопечатной продукции соседнего государства явилась вполне обоснованной реакцией на притеснение там православия и продвижение униатства. Характерно, что в год восстановления Киевской митрополии в 1620 г. в Западной России [Макарий (Булгаков), 1996. С. 403], в Москве патриархом Филаретом был созван Освященный собор для суда над Сарским и Подонским митрополитом Ионой Архангельским, который выступал против перекрещивания католиков при принятии ими православия⁷.

Поэтому естественным представляется пристальное внимание русских книжников в процессе работы с «литовскими» изданиями не только к вопросам языка, но и к содержанию этих книг, выявлению в них догматических несоответствий. Отражением такого интереса могут служить древнерусские словари, которые были необходимы в работе переводчика и издателя-справщика. Наиболее представимым словарем-Азбуковником, содержащим большое количество так называемых «польских»⁸ слов в своем словнике, можно считать Третий Азбуковник⁹, который сейчас принято называть по имени его создателя, справщика Московского Печатного двора, Азбуковником Давида Замарая (см.: [Коваленко, 2018; Левичкин, 2014; Юдин, 2018]). Собственно, наличие такого рода статей и является одним из главных маркеров, который позволяет отделить списки этого Азбуковника от других типов [Юдин, 2018. С. 175]. Сведений о жизни и деятельности справщика Давида Замарая сохранилось не так много. Вероятно, возглавлять справщиков на Печатном дворе он перестал в 1625 г. [Левичкин, 2014. С. 546–547]. Тем не менее нет сведений о его удалении из Печатного двора в это время. О том, что справщик работал с книгами «литовской» печати, свиде-

³ На материале книг и столбцов, хранившихся в архивах Министерств иностранных дел и юстиции К. В. Харлампович приводит данные о выходцах и просителях милостыни «из Литвы» с [Харлампович, 1914. С. 3–74].

⁴ *Фикарий Святогорец*. Вертоград душевный. Вильно: Тип. Братская, 1620. См.: [Книга Белоруссии..., 1986. С. 94, № 93].

⁵ Прения московских книжников с автором Катехизиса опубликованы по одному из списков в издании Общества любителей древней письменности: [Заседание..., 1878].

⁶ Подробнее см.: [Бульчев, 2004. С. 13–14].

⁷ Подробнее о соборе и о печатном закреплении его постановлений см.: [Бульчев, 1989].

⁸ Термины «поляк», «польской нации», «польской породы» применительно к населению Западной Руси, как пишет К. В. Харлампович, «имели смысл не этнографический и даже не политический, а скорее – географический», т. е. рассматривались как подвластные Польше [Харлампович, 1914. С. X].

⁹ По классификации Л. С. Ковтун, см.: [Ковтун, 1989. С. 9, 10, 15].

тельствуют материалы словарных статей его Азбуковника. Среди книг, активно использовавшихся Замараем, есть и «Евангелие Учительное» Кирилла Транквиллиона Ставровецкого. Наряду с киевской «Книгой о вере единой» 1619–1620 гг., острожской «Книжицей» в шести разделах Василия Суражского-Малюшицкого (1588 г.), виленской «Книгой о вере» 1596 г. и другими полемическими книгами «литовской печати»¹⁰.

И хотя трудно выявить в Азбуковниках следы полемической или идеологической борьбы между православными, католиками и протестантами, настолько малы по объему большинство статей древнерусского книжного памятника, все же некоторое отражение этих веяний несут в себе и словник, и окружение разных списков отдельных типов Азбуковника. Так, вопрос о несоответствии изображений символов евангелистов в христианской иконографии Запада и Востока, ставившийся в вину автору «Евангелия Учительного» Кириллу Транквиллиону на страницах рукописных «Прений» с ним [Чумичева, 2000. С. 262–263], волнует и авторов Азбуковников. В некоторых списках так называемого Второго Азбуковника соответствующая статья дополнена, автору словаря потребовалось объяснение того, почему в Малой России символы евангелистов иначе «пишут»¹¹. Или текст словника Азбуковника в рукописи, возможно, принадлежавшей Ивану Наседке, известному справщику, привлекавшемуся к «вынесению приговора» главному труду Кирилла Транквиллиона, имеет в своем конвое сочинение «Сын церковный», – произведение катехитической традиции, как по составу, так и сюжетно связанное с проблемой перекрещивания иностранцев.

Азбуковник Давида Замараия в части «польских» статей имеет также заимствования из книг, появившихся в Москве в середине 20-х гг. XVII в. Именно тогда наиболее тесно русское правительство ведет общение с иерархами Киевской митрополии, одним из посредников в таком общении выступает Иосиф Курцевич. Как было уже отмечено, именно в этот период один из его корреспондентов привозит в Россию три книги из Польско-Литовского государства.

При сравнении глосс в «Беседах на св. Иоанна Златоуста на 14 посланий апостола Павла» с «польскими» словарными статьями Азбуковника Давида Замараия нами был установлен тот факт, что именно глоссы из этого издания могли служить источниками некоторых из них:

Беседы на св. Иоанна Златоуста на 14 посланий апостола Павла. Киев, 1623 ¹²	Азбуковник Давида Замараия (РГБ, собрание Г. Г. Юдина, № 4)
Арѳров ¹³ – различия (стб. 1214)	Арфро (т) различие или разньство* ¹⁴ (л. 6)
Варстату – орудию (стб. 478)	Варстату, орудию (л. 14 об.)
Всяко – весма (стб. 137)	Весма (т) отнюдь или всяко (л. 15 об.)
Напутие – вина (стб. 62)	Вина, напутие (л. 17 об.)
Вотованю – въ иже о повинномъ суде ¹⁵ (стб. 59)	Во таваню, в суде (л. 18 об.)
Въскрылей – скачушыя (стб. 28)	Воскрылеи (т) скачушеи, или обылки травныя яже возскачают до высоты и паки вскорее падают на землю (л. 18 об.)
Вывола[ния] – заточения (стб. 244)	Выволания, заточения (л. 20)
Гада – прикровение (стб. 1075)	Гада, прикровение (л. 22)

¹⁰ Об этих и других источниках Азбуковника Давида Замараия см.: [Юдин, 2018. С. 179–188].

¹¹ ГПНТБ СО РАН, собрание М. Н. Тихомирова, № 71, Азбуковник, XVII в. Л. 116: «в Малой Росии пишут Марка евангелиста лвом, понеже он нача о Иоаннове проповеди, Иоанна же Богослов[а орли]ом подобием, понеже тои с небес пролете умом».

¹² Первое слово в таблице – глосса, второе – слово в тексте, к которому она относится.

¹³ Последняя буква плохо распечатана.

¹⁴ Астериском выделены статьи, которые встречаются в списке: РГБ, собр. М. П. Погодина, № 1642.

¹⁵ Только те слова, которые отмечены в тексте для толкования, выделены здесь курсивом.

Гувако / трафес – женопитанныи (стб. 950)	Гинекотрафесь (г), женопитателных (л. 24)*
Мотыку – дикель (стб. 815)	Декель, мотыка (л. 28 об.)
Депозит – вере преданное (стб. 859)	Депозит, вере преданное (л. 28 об.)
Диета – тонкая пища (стб. 1059)	Диета, пища тонкая (л. 28 об.)
Опухлыа – идропки (стб. 687)	Дропки (т) опухлыа, или надымающиеся гневом (л. 30)
Енигма – прикровение (стб. 700)	Енигма прикровение, а паки Енигма тма (л. 35 об.)
Задрен / твеня – дух оумиления (стб. 339) ¹⁶	Задренпевеня (т) дух оумиления окаянного (л. 40 об.)
Злеци(л) – повеле (стб. 23)	Злецыл, повелель, или заповедал (л. 43 об.)
Оудивлятися – зевати (стб. 55)	Зевати, оудивлятися (л. 46 об.)
Каталогос – Понеже бо именъ есть <i>събрание</i> (стб. 481)	Каталогось, собрание словесь (л. 54 об.)
Лавиринфъ есть мисце многими оулицами и закутками закривленое откуль до двери трафити трудно, а снати (?) не можно (стб. 35) ¹⁷	Лаоуринфъ глаголется местце, многи оулицами и закутками закривленное (л. 64)
Бисерь – маргарить (стб. 259)	Маргарить (т) бисерь драгии, тако и книга святаго Златооуста есть нарицаема (л. 67 об.)
Матери градом – митрополии (стб. 1121)	Митрополит, мати градовом (л. 69 об.)*
Новаа – Неара (л. 5нн)	Неара, новая (л. 76)
Параклит – Оутешитель (стб. 242)	Параклит, оутешитель (л. 82 об.)
Пориц[аху] – наваждаху (стб. 13)	Порицаху, наваждаху (л. 90 об.)
Реестрь – Съчисление (л. 11нн)	Реестрь, счинение (л. 95 об.)
Верви – спарте (стб. 985)	Спарти, верви (л. 99)
Секратно – новейшее (стб. 97)	Секратно, новейше (л. 101 об.)
схѣдон – убо мадианския жены связанных негли пленниковъ взяша (стб. 750)	Схедон, пленников (л. 101 об.)
схисма – раздоръ (стб. 920)	Схисма, раздор, еже есть несогласие (л. 103)
Сикофант / диавол – сикофантъ, или <i>клевветникъ</i> (стб. 108)	Сикофантъ, диявол (л. 103)
сиронѣа – посмеяние (стб. 666) ¹⁸	Сиронсия, посмеяние (л. 103 об.)
Земле / дел[атели] – тяжателе (стб. 343)	Тяжатели, делатели (л. 113 об.) ¹⁹
филот-/μια/ Тщание / о честь – любочестие (стб. 802)	Филотимия, любочестие (л. 119)

В представленной таблице даны не все глоссы из печатной книги и их соответствия в азбуковнике²⁰. Указанные примеры показательны в части соответствия в обоих источниках.

¹⁶ Начальная буква второй строки маргиналии пропечатана нечетко, отсюда, вероятно, такое чтение в статье азбуковника.

¹⁷ Яркий пример того, что именно эта книга стала одним из источников для автора словаря: вся глосса или, скорее, рубрика набрана более мелким шрифтом, отчего середина слова «Лавиринфъ» плохо читаема, и часть толкования после слова «закривленное» представляет определенную сложность в прочтении. Это отразилось в словнике азбуковника Давида Замарая: написание заголовочного слова опирается на печатный текст, плохо читаемая часть глоссы отброшена при написании толкования.

¹⁸ Греческий шрифт в книге, использовавшийся для набора этой глоссы, довольно мал, книжник вполне мог принять греческое «ε» за «σ», отсюда получилось искаженное заголовочное слово в русском азбуковнике: «Сиронсия».

¹⁹ Книжник, вероятно, не воспринял первую часть слова, напечатанного в две строки при заимствовании.

Акцент сделан на слова, представленные в азбуковнике и в издании не в словарной (заголовочной) форме, а именно в такой падежной форме, в какой они встречаются в глоссах и тексте этой книги «литовской» печати.

Такая же характерная особенность выявилась и при сравнении отдельных статей Азбуковника Давида Замарая и книги «Беседы Иоанна Златоуста на Деяния апостольские»:

Беседы Иоанна Златоуста на Деяния апостольские. Киев, 1624	Азбуковник Давида Замарая (РГБ, собрание Г. Г. Юдина, № 4)
Уньния – гнюсства (с. 78)	Гнюсство, оуньние (л. 27)
Състоятис / буде – дотяжеть (с. 50) ²¹	Дотяжет, будет (л. 30)
Инако – етерако (с. 116)	Етерако, инако (л. 33)
Мониста – Златница (с. 245)	Златица, мониста женския красоты (л. 41 об.)
Завеса – Катапетасма (с. 188)	Катапетасма, завеса церковная (л. 52 об.)
Попир[ающе] – лекающе (с. 148)	Лекающе, попирающе (л. 65)
Огороднины – зелия оградная (с. 91)	Огородины (т) зелия огородая, или овощь (л. 80)
Творческая оучения – Пиитическая догматы (с. 45)	Пиитическая (т) творческая (л. 87)
[При]крыва[ет] – притеняет (с. 59)	Притеняет, прикрывает (л. 87 об.)
[При]крово[нне] – притененне (с. 58)	Притененне, прикровенне (л. 87 об.)
Под оўтро – по оутреници ²² (с. 122)	Под оустро, пооутреницы (л. 89 об.)
Сирфетон – гной (с. 45)	Сирфетон, гной (л. 103)
Распутия – стогны (с. 114)	Стогны, распутия (л. 103 об.)
Хром сый – слуть (с. 129)	Сулуть ²³ (т) хром (л. 106 об.)
Сведительс[тво] – послушество (с. 133)	Сведчество, или сведоцтво (т) послушество, еже ес свидетельство (л. 108)
Типось – Начертание (с. 190)	Типось, начертание (л. 111)

Следует отметить, что на сегодняшний день известно три списка Азбуковника Давида Замарая²⁴, которые можно назвать авторскими. Один имеет шифрованную запись справщика от 1596 г. (РНБ, собрание М. П. Погодина, № 1642)²⁵, второй – выходную запись 1626 г. (РГБ, собр. Г. Г. Юдина, № 4) и третий – вкладную от 1632 г. (БАН, Архангельское собрание, Д. 446).

Как видно из представленных примеров (особенно в первой таблице), некоторые случаи заимствования лексики из книг «литовской печати» 1620-х гг. отражены и в списке Замара-

²⁰ Для анализа и выборки в таблицу были изучены только глоссы первой трети этого киевского издания.

²¹ См. сн. 19.

²² Зримая печатная особенность (плохо читаемый шрифт) знака придыхания над «v» в глоссе позволяет предположить, что и здесь, как и в случаях, указанных выше, книжник мог неправильно прочесть слово и заимствовать его именно так для своей заголовочной статьи. Это также может служить лишним доказательством того, что именно это издание послужило одним из источников словаря Давида Замарая.

²³ Первое «у» в толкуемом слове, вероятно, из-за «камуры» над этим же словом в печатном тексте.

²⁴ Всего на данный момент известны девять списков Азбуковника этого типа: к семи, выявленным Л. С. Ковтун [1989. С. 10], можно добавить недавно обнаруженные списки из Российской государственной библиотеки и Владимиро-Суздальского музея.

²⁵ Совсем недавно А. Н. Левичкин предложил свою, более убедительную, версию расшифровки этой записи, из которой следует, что автор Азбуковника – справщик Московского Печатного двора Давид Замарай, а не клирик монастыря Антония Римлянина в Новгороде Димитрий, как считалось ранее. См.: [Левичкин, 2014. С. 549]. Прежняя расшифровка была сделана Л. С. Ковтун при помощи Б. М. Клосса [Ковтун, 1989. С. 16–17].

евского азбуковника, который был создан, судя авторской выходной записи, в 1596 г.²⁶ Это может являться подтверждением положения, выдвинутого А. Н. Левичкиным, о создании Давидом Замараем Азбуковника в 1626 г. в Москве [Левичкин, 2014. С. 549]²⁷. Однако речь в данном случае может идти о двух периодах в жизни древнерусского книжного памятника: времени создания первоначального свода словарных статей (1596 г.) и времени появления списка словаря, в котором сохраняется указание на дату его создания, но появляются и статьи, почерпнутые из источников позднее этой даты. Разумно будет предположить, что автор этого Азбуковника, создав его в 1596 г., относится к своему произведению практически, по-полняя с каждым новым списком его словник.

Мы предполагаем, что такая хронология записей в авторских рукописях этого Азбуковника не случайна. Она напрямую связана как с перипетиями жизненного пути московского справщика, так и с вехами ознакомления, идеологического противостояния и закономерного сосуществования книг «литовской печати» в Московском государстве. В самом деле, 1596 г. – год Брестской унии и появления «Грамматики» Лаврентия Зизания, 1626 г. – активная торговля книгами, ознакомление с ними московских справщиков, обнаружение догматических расхождений и последующая опала «литовских» книг, 1632 г. – закат жизни патриарха Филарета, активно выступившего против распространения книг «литовской печати», именно в этот год исследователями зафиксировано восстановление свободной продажи и распространения этих книг в московских пределах [Булычев, 2004. С. 32]. Книги «литовской печати» были неизменно популярны вплоть до петровских реформ и далее, уже в старообрядческой среде [Бубнов, 1995. С. 58].

Свое особое положение в Москве Иосиф Курцевич, по мнению исследователей, заслужил тем, что был поставлен в архиепископы Владимирские и Брестские, как и Филарет Никитич на Московское патриаршество, Иерусалимским патриархом Феофаном. Также замечено, что дачи от государя и патриарха Иосиф Курцевич получал такие же, а иногда и большие, чем в свое время полагались тому же Феофану. Отмечается также особое участие Иосифа Курцевича в жизни царя, но здесь следует видеть в первую очередь благорасположение к Курцевичу отца Михаила Федоровича. Этим же благорасположением можно объяснить и тот факт, что Курцевич избежал обязательного для выходцев из Литвы в то время перекрещивания, которое было закреплено московским собором 1620 г. Кроме всего прочего, Иосиф Курцевич своей подписью поучаствовал в восстановлении текста сгоревшей 3 мая 1626 г. грамоты, выданной Филарету Никитичу патриархом Феофаном.

Однако все блага, исходившие от патриарха, закончились вместе с его смертью 1 октября 1633 г. Иосиф был сослан сначала в Сийский монастырь, а по рассмотрении его дела и обнаружении все новых подробностей его неблагочестивой жизни с него был снят святительский сан и панagia, и его сослали уже простым чернецом на Соловки [Горбатов, 2011. С. 234–235].

Здесь же уместно будет сказать, что первоначально К. В. Харлампович, ссылаясь на легенду на могильной плите, виденную им в Казанском Зилантовом монастыре, указывает 9-е декабря 1589 г. как дату рождения будущего суздальского архиепископа [Харлампович, 1900. № 13. С. 405]. Позднее, при работе с книгами и столбцами Разрядного приказа в Архиве Министерства юстиции исследователь отыскивает более точную дату рождения Иосифа Курцевича. Тем не менее в дальнейшем исследователи не указывают ее, определяя время появления на свет этого деятеля 80-ми гг. XVI в. [Маштафаров, Флоря, 2010. С. 634]²⁸ Однако

²⁶ Единственный дошедший список с этой авторской датировкой создания Азбуковника относится к 30-м гг. XVII в. (РНБ, собр. М. П. Погодина, № 1642). Подробное изучение водяных знаков бумаги рукописи представлено в: [Юдин, 2012. С. 92]. См. также: [Левичкин, 2014. С. 541–542].

²⁷ К. И. Коваленко считает, что дата создания Азбуковника Давида Замара не является ошибочной [Коваленко, 2018. С. 85]. Выражаю признательность К. И. Коваленко за возможность ознакомления с текстом ее диссертации.

²⁸ Е. Н. Горбатов прямо ссылается на эту же статью из Православной энциклопедии [Горбатов, 2011. С. 233].

в письме Иосифу Курцевичу его матери, инокини Домникии²⁹, на которое и ссылается К. В. Харлампович, прямо сказано: «А что еси писал чтоб я к тебе отписала как родился, рождение твое в лето 1594-го месяца сентября 26 де[нь] на Преставление святого Иоанна Бого- слова. Души усопших: отец мои Оранской Павел, а мат[ь] моя Марина, дед твои княз[ь] Михайло, а бабка Пелагея, брат твои Большой Михайло, а про иных писала ко князю Павлу, чтобы ис поминников выписал а я не упомню»³⁰. Отец инокини Домникии, Павел Григорьевич Оранский, известен по Протестации от 26-го сентября 1570 г., в которой он выступает как игумен монастыря св. Спаса, «земенин господарьский повету Володимерского», который послал «врадника своего Яна Олшовского с подданными своими Яновскими, монастыря святого Спаса у Володимири, с плугами орати землю свою властную церковную Яновскую монастырскую», предъявив «на довод спокойного держаня своего лист князя Михайла Куцевича(!)»³¹. Ивашка Олшевской упоминается в качестве служки черного попа Онисифора, отца Андрея Бермацкого, зятя Иосифа Курцевича, привезшего к нему из Литвы его сына, малолетнего Ивана Бермацкого, по настоянию родителей в 1629 г.³²

Конечно, путаница в датах может произойти и при написании письма самим адресантом, как это достоверно отмечено Б. Н. Флорей при публикации послания Иосифа Курцевича своему двоюродному брату князю Григорию Четвертинскому, выказавшему желание перейти под власть московского государя [Флоря, 1991. С. 149]³³. Однако некоторые сведения, имеющиеся в столбцах Разрядного приказа Белгородского стола, вступают в противоречие с устоявшимся в науке описанием событий, и их нельзя списать на ошибки авторов посланий. Так, например, Юрий Бермацкий, «наместник и прозвитер Мезецкой», 3 июня 1629 г. пишет своему брату Андрею в Москву, сообщая, что «сестра меньшая жены твоей, которая была у пана Лясоты, и та ныне выдана замуж за князя Юрья Чарторьского прошлой весной»³⁴. До сих пор было известно, что князь Юрий (Ежи) Чарторьский действительно женился вторично на Гальше Головинской, но умер и был похоронен в 1626 г. [Bazydło, 1979. S. 763]³⁵. Как же он тогда смог жениться в 1628 г. спустя два года после своей смерти? К сожалению, недостаток биографических данных не позволяет с уверенностью говорить о том, где проживал и чем занимался тот или иной человек в интересующее нас время.

Например, есть сведения о том, что упоминавшийся уже Афанасий Китайчич, с авторитетного мнения которого и началась кампания по рассмотрению недостатков книги Кирилла Транквиллиона, вышел в Московское государство не от Киевской Печерской лавры, а был в Литовской Руси иноком Преображенского монастыря в Четвертне на Воляни [Буланин, 2004. С. 325], родовом месте князей Четвертинских, один из которых, князь Григорий, был кузеном архиепископа Суздальского. Скорее всего, в Москве Иосиф Курцевич выступал в качестве патрона по отношению к Афанасию.

Кроме того, доподлинно неизвестно, какими трудами прославился этот украинский богослов, прежде чем ему доверили составить «рецензию» на труд своего земляка, и почему затем рассмотрение «Евангелия Учительного» передали московским справщикам. В Москве

²⁹ А. В. Маштафаров и Б. Н. Флоря осторожно предполагают, что это могла быть его мачеха, И. Галка Стужинская [Маштафаров, Флоря, 2010. С. 635].

³⁰ РГАДА. Ф. 210 (Разрядный приказ) Белгородский стол. Стб. 29. Л. 172.

³¹ Архив Юго-Западной России. Киев, 1911. Ч. 8, т. 6: Акты о землевладении в Юго-Западной России XV–XVIII вв. С. 305, 307.

³² РГАДА. Ф. 210 (Разрядный приказ) Белгородский стол. Стб. 29. Л. 178. Возможно, это был родственник упомянутого выше Яна Олшевского.

³³ Здесь речь идет об аберрации памяти автора письма, объединившего в одно два события, в действительности произошедших с разницей в четыре года.

³⁴ РГАДА. Ф. 210 (Разрядный приказ) Белгородский стол. Стб. 29. Л. 203.

³⁵ Польские исследователи также отмечают противоречивость источников в деле установления даты смерти князя Юрия Чарторьского: по одним из них, его смерть наступила в 1616 г., другие относят это событие к 1623 г. См.: [Michalski, 2013. S. 70]. Благодарю И. С. Трояк за указание на эту статью. Установившаяся в польской историографии дата смерти князя Юрия, скорее всего, связана с мнением автора статьи в авторитетном Польском биографическом словаре [Latacz, 1937].

Афанасий Китайчич, судя по известным источникам, более не привлекался к работе с книгами «литовской» печати. Известно, что еще до своего отъезда из Литвы, в 1626 г., «поп Афанасий» приезжал к Иосифу Курцевичу и привозил его вещи, тогда же он побывал в Троице-Сергиевой лавре, в следующем году он сподобился видеть «государские очи и был у государя у руки»³⁶. К его авторитетному мнению прибегают лишь по поводу возможного перехода его литовского патрона, князя Григория Четвертинского, под власть московского царя³⁷, при этом прямо заставляя Китайчича писать письма князю с целью «прошупывания почвы»³⁸. «Киевский богослов» был близко знаком и с матерью Иосифа Курцевича, которая в письмах к сыну отдает низкий поклон «господину отцу Афанасию Китайчичу»³⁹, сохранился перевод письма его сестры, инокини Дубенского девичья монастыря Софронии Китайческой⁴⁰, в 1629 г. он разыскивает сбежавшего от него к игумену Молченского монастыря повара Тренку Трофимова⁴¹. Сведений о его судьбе после 1634 г., года опалы его покровителя в Москве Иосифа Курцевича, пока не найдено [Буланин, 2004. С. 325].

На основе изложенных фактов биографии Иосифа Курцевича можно высказать предположение о том, что именно этот человек повлиял на развернувшуюся кампанию по запрету распространения книг литовской печати в Московском государстве. Конечно, с уверенностью говорить о том, что именно Иосиф Курцевич был вдохновителем столь запомнившегося современникам и потомкам книжного аутодафе, мы не можем. Этот вопрос требует более серьезного рассмотрения на документальной основе.

Список литературы

- Бубнов Н. Ю.** Старообрядческая книга в России во второй половине XVII в. СПб., 1995.
- Буланин Д. М.** Афанасий Китайчич // Словарь книжников и книжности Древней Руси. СПб., 2004. Вып. 3 (XVII в.). Ч. 4: Т–Я. Дополнения. С. 325–327.
- Булычев А. А.** История одной политической кампании в XVII в.: Законодательные акты второй половины 1620-х годов о запрете распространения «литовских» печатных и рукописных книг в России. М., 2004.
- Булычев А. А.** О публикации постановлений церковного собора 1620 г. в мирском и иноческом «Требниках» (М., 1639) // Герменевтика древнерусской литературы. М., 1989. Сб. 2: XVI – начало XVII века. С. 35–62.
- Горбатов Е. Н.** Материалы к биографии архиепископа Иосифа (Курцевича) // Вестник церковной истории. 2011. № 3–4. С. 233–242.
- Заседание в книжной палате 18 февр. 1627 г. по поводу исправлений Катехизиса Лаврентия Зизания. СПб., 1878. (Изд. Об-ва любит. древн. письм.; вып. 17).
- Книга Белоруссии. 1517–1917: Сводный каталог. Минск, 1986.
- Коваленко К. И.** Азбуковник Давида Замарая как источник по русской лексикографии XVII в.: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. СПб., 2018. 30 с.
- Ковтун Л. С.** Азбуковники XVI–XVII вв.: Старшая разновидность. Л., 1989.
- Левичкин А. Н.** О датировке Азбуковника 1596 года // ТОДРЛ. СПб., 2014. Т. 63. С. 541–550.
- Макарий (Булгаков), митр. Московский и Коломенский.** История русской церкви. М., 1996. Т. 6.

³⁶ РГАДА. Ф. 210 (Разрядный приказ) Белгородский стол. Стб. 29. Л. 94–96.

³⁷ Там же. Л. 8, 11.

³⁸ Там же. Л. 22, 51, 156.

³⁹ Там же. Л. 171.

⁴⁰ От 13 августа 1628 г.: РГАДА. Ф. 210 (Разрядный приказ) Белгородский стол. Стб. 29. Л. 174–177.

⁴¹ РГАДА. Ф. 210 (Разрядный приказ) Белгородский стол. Стб. 29. Л. 217–220.

- Маслов С. И.** Кирилл Транквилион Ставровецкий и его литературная деятельность. Киев, 1984.
- Маштафаров А. В., Флоря Б. Н.** Иосиф (Иезекииль) (Курцевич Иван Дмитриевич) // Православная энциклопедия. М., 2010. Т. 25. С. 634–636.
- Опарина Т. А.** «Прения с Евангелием учительным» Кирилла Транквилиона-Ставровецкого в русской богословской полемике XVII века // Проблемы истории, русской книжности, культуры и общественного сознания. Новосибирск, 2000. С. 185–193.
- Опарина Т. А.** Иван Наседка и полемическое богословие киевской митрополии. Новосибирск, 1998.
- Строев П. М.** Списки иерархов и настоятелей монастырей Российской церкви. СПб., 1877.
- Флоря Б. Н.** Послание Иосифа Курцевича князю Григорию Четвертинскому // Славяне и их соседи. М., 1991. Вып. 3: Католицизм и православие в Средние века. С. 141–151.
- Харлампович К. В.** Иосиф Курцевич, архиепископ Суздальский, б. Владимирский и Брестский (1621–1624 гг.) // Волынские епархиальные ведомости. 1900. № 13. С. 404–416; № 14. С. 433–444; № 15. С. 464–477.
- Харлампович К. В.** Малороссийское влияние на великорусскую церковную жизнь. Казань, 1914. Т. 1.
- Чумичева О. В.** Символы евангелистов в русской иконографической традиции // Проблемы истории, русской книжности, культуры и общественного сознания. Новосибирск, 2000. С. 259–263.
- Юдин А. А.** Азбуковник Давида Замарая: «польско-литовские» материалы // Рукописи, старопечатные и редкие книги в собраниях России: Сб. ст., посвящ. юбилею Е. И. Дергачевой-Скоп. Новосибирск, 2018. С. 169–198.
- Юдин А. А.** Новгородский Азбуковник: литературные источники, списки, редакции // Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2012. Т. 11, № 12: Филология. С. 91–97.
- Bazydło J.** Jerzy [Czartoryski]. In: Encyclopedia katolicka. Lublin, 1979, t. 3, s. 763–764. (in Pol.)
- Latacz E.** Czartoryski Jerzy. In: Polski słownik biograficzny. Kraków, 1937, t. 4, s. 277–278. (in Pol.)
- Michalski A.** O pochodzeniu i początkach kariery domu książąt Czartoryskich. *Slupskie studia historyczne*, 2013, № 19, s. 47–71. (in Pol.)

References

- Bazydło J.** Jerzy [Czartoryski]. In: Encyclopedia katolicka. Lublin, 1979, t. 3, s. 763–764. (in Pol.)
- Bubnov N. Yu.** Staroobryadcheskaya Kniga v Rossii vo Vtoroi Polovine XVII v. [A Old Believer Book in Russia in the Second Half of 16th Century]. St. Petersburg, 1995. (in Russ.)
- Bulanin D. M.** Afanasii Kitaichich. In: Slovar' knizhnikov i knizhnosti Drevnei Rusi [The Dictionary of the Scribes and Booklore of Old Rus]. St. Petersburg, 2004, issue 3 (17th century), vol. 4: T–Ya. Additions, p. 325–327. (in Russ.)
- Bulychev A. A.** Istoriya odnoi politicheskoi kampanii v XVII v.: Zakonodatel'nye akty vtoroi poloviny 1620-kh godov o zaprete rasprostraneniya «litovskikh» pechatnykh i rukopisnykh knig v Rossii [The History of One Political Campaign in 17th Century: Legislative Acts of the Second Half of 1620s Prohibiting Distribution of “Lithuanian” Printed and Manuscript Books in Russia]. Moscow, 2004. (in Russ.)
- Bulychev A. A.** O publikatsii postanovlenii tserkovnogo sobora 1620 g. v mirskom i inocheskom «Trebnikakh» (M., 1639) [On the Publication of the 1620 Church Council’s Decree in the Secular and Monastic Small Euchologia (Moscow, 1639)]. In: Germenevtika drevnerusskoi literatury [The Hermeneutics of Old Russian Literature]. Moscow, 1989, iss. 2: The 16th – early 17th centuries, p. 35–62. (in Russ.)

- Chumicheva O. V.** Simvoly evangelistov v russkoi ikonograficheskoi traditsii [The Symbols of the Evangelists in Russian Iconographic Tradition]. In: Problemy istorii, russkoi knizhnosti, kul'tury i obshchestvennogo soznaniya [The problems of Russian Booklore, Culture, and Social Consciousness]. Novosibirsk, 2000, p. 259–263. (in Russ.)
- Florya B. N.** Poslanie Iosifa Kurtsevicha knyazyu Grigoriyu Chetvertinskomu [The Jozef Kurcewicz's Epistle to Prince Gregory Chetvertynsky]. In: Slavyane i ikh sosedi [The Slavs and Their Neighbors]. Moscow, 1991, iss. 3: The Catholicism and Orthodoxy in the Middle Ages, p. 141–151. (in Russ.)
- Gorbatov E. N.** Materialy k biografii arkhiepiskopa Iosifa (Kurcevicha) [Materials for the Biography of Archbishop Josef (Kurtsevich)]. *Vestnik tserkovnoi istorii* [Journal of Church History], 2011, no. 3–4, p. 233–242. (in Russ.)
- Kharlampovich K. V.** Iosif Kurtsevich, arkhiepiskop Suzdal'skii, b. Vladimirskii i Brestskii (1621–1624 gg.) [Jozef Kurcewicz, the Archbishop of Suzdal, Formerly of Vladimir and Brest (1621–1624)]. *Volynskie eparkhial'nye vedomosti* [Volynian Eparchial Journal], 1900, no. 13, p. 404–416; no. 14, p. 433–444; no. 15, p. 464–477. (in Russ.)
- Kharlampovich K. V.** Malorossiiskoe vliyanie na velikoruskuyu tserkovnuyu zhizn' [The Little Russian Influence at Great Russian Church Life]. Kazan, 1914, vol. 1. (in Russ.)
- Kniga Belorussii. 1517–1917 [The Book of Belarus. 1517–1917]. Summary Catalog. Minsk, 1986. (in Russ.)
- Kovalenko K. I.** Azbukovnik Davida Zamaraya kak istochnik po russkoi leksikografii XVII v. [David Zamarai's Azbukovnik as a Source of Russian Russian Lexicography of the 17th Century]. Cand. phil. sci. syn. diss. St. Petersburg, 2018, 30 p. (in Russ.)
- Kovtun L. S.** Azbukovniki XVI–XVII vv.: Starshaya raznovidnost' [Azbukovniks of the 16th–17th Centuries: the Earlier Version]. Leningrad, Nauka, 1989, 296 p. (in Russ.)
- Latacz E.** Czartoryski Jerzy. In: Polski słownik biograficzny. Kraków, 1937, t. 4, s. 277–278. (in Pol.)
- Levichkin A. N.** O datirovke Azbukovnika 1596 goda [On the Dating of the Azbukovnik of 1596]. In: Trudy Otdela drevnerusskoi literatury [Proceedings of the Department of Old Russian Literature]. St. Petersburg, Nauka, 2014, vol. 63, p. 541–550. (in Russ.)
- Makarii (Bulgakov), Metropolitan of Moskow and Kolomna.** Istoriya russkoi tserkvi [The Russian Church History]. Moscow, 1996, vol. 6. (in Russ.)
- Mashtafarov A. V., Florya B. N.** Iosif (Iezekiil') (Kurtsevich Ivan Dmitrievich). In: Pravoslavnaya entsiklopediya [Orthodox Encyclopedia]. Moscow, 2010, vol. 25, p. 634–636. (in Russ.)
- Maslov S. I.** Kirill Trankvillion Stavrovetskii i ego literaturnaya deyatelnost' [Kyrylo Stavrovetsky-Tranquillion and His Literary Activity]. Kiev, 1984. (in Russ.)
- Michalski A.** O pochodzeniu i początkach kariery domu książąt Czartoryskich. *Śląskie studia historyczne*, 2013, № 19, s. 47–71. (in Pol.)
- Oparina T. A.** «Preniya s Evangeliiem uchitel'nym» Kirilla Trankvilliona-Stavroveckogo v russkoi bogoslovskoi polemike XVII veka [The Kyrylo Stavrovetsky-Tranquillon's "Didactic Gospel Discussion" in the Russian Theological Polemics of 17th century]. In: Problemy istorii, russkoi knizhnosti, kul'tury i obshchestvennogo soznaniya [The Problems of Russian Booklore, Culture, and Social Consciousness]. Novosibirsk, 2000, p. 185–193. (in Russ.)
- Oparina T. A.** Ivan Nasedka i polemicheskoe bogoslovie Kievskoi mitropolii [Ivan Nasedka and Polemical Theology of the Kiev Metropolis]. Novosibirsk, 1998. (in Russ.)
- Stroev P. M.** Spiski ierarkhov i nastojatelei monastyrei Rossiiskoi tserkvi [The Lists of Hierarchs and Hegumens of the Russian Orthodox Church]. St. Petersburg, 1877. (in Russ.)
- Yudin A. A.** Azbukovnik Davida Zamaraya: «pol'sko-litovskie» materialy [David Zamaray's Azbukovnik: the Polish-Lithuanian Data]. In: Rukopisi, staropechatnye i redkie knigi v sobraniyakh Rossii [Manuscripts, Old Printed and Rare Books in Russian Storages]. Anthology in Honor of Anniversary of E. I. Dergacheva-Skop. Novosibirsk, 2018, p. 169–198. (in Russ.)

Yudin A. A. Novgorodskij Azbukovnik: literaturnye istochniki, spiski, redaktsii [Novgorod Azbukovnik: Literary Sources, Copies, Literary Versions]. *Vestnik NSU. Series: History and Philology*, 2012, vol. 11, no. 12, p. 91–97. (in Russ.)

Zasedanie v knizhnoi palate 18 fevr. 1627 g. po povodu ispravlenii Katekhizisa Lavrentiya Zizaniya [The Book Chamber Session of February 18, 1627 Related to Lavrenty Zizany's Catechism]. St. Petersburg, 1878. (Editions of the Society of Lovers of Ancient Literature; Issue 17). (in Russ.)

Материал поступил в редколлегию
Received
11.01.2019

Сведения об авторе

Юдин Алексей Александрович, научный сотрудник отдела редких книг и рукописей ГПНТБ СО РАН (ул. Восход, 15, Новосибирск, 630102, Россия)
alexey_yudin@mail.ru

Information about the Author

Alexey A. Yudin, researcher at the Department of Rare Books and Manuscripts of the State Public Scientific Library of SB RAS (15 Voskhod Str., Novosibirsk, 630102, Russian Federation)
alexey_yudin@mail.ru

УДК 821.161.1
DOI 10.25205/1818-7919-2019-18-9-157-168

Конфликт поколений в русской литературе второй половины 1850-х годов

А. А. Пономарева

*Новосибирский государственный педагогический университет
Новосибирск, Россия*

Аннотация

Статья посвящена исследованию конфликта поколений в русской литературе второй половины 1850-х гг. Материалом послужили произведения, опубликованные в «толстых» журналах (преимущественно в «Русском вестнике» и «Отечественных записках»). В статье проанализировано два варианта конфликта: прадеды / деды – внуки и отцы – дети. Изучены характерология и сюжетные функции персонажей, между которыми происходит столкновение, а также структурно-семантическая организация обусловленных ими сюжетов. В исследовании показано, что во второй половине 1850-х гг. оба варианта сюжета так или иначе связаны с крестьянской реформой. В литературе и критике развивается общая для того времени тема ожидания «нового» человека, способного реализовать широко обсуждаемые демократические теории преобразования помещичье-крестьянских отношений. Писатели и критики делают акцент на тех чертах, которые отличают нового героя от людей прошлого – прадедов / дедов / отцов. Между тем задача переустройства общественного порядка оказывается не под силу «человеку 1850-х гг.». Выражая свою преданность демократическому делу, он, тем не менее, не отказывается от всех дворянских привилегий, в результате чего сгенерированные в русле злободневных идей сюжетные ходы оказываются «нерабочими».

Ключевые слова

1850-е гг., беллетристика, конфликт поколений, тема отцов и детей, крестьянская реформа, идеологический комплекс

Для цитирования

Пономарева А. А. Конфликт поколений в русской литературе второй половины 1850-х годов // Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2019. Т. 18, № 9: Филология. С. 157–168. DOI 10.25205/1818-7919-2019-18-9-157-168

The Generation Gap in Russian Literature of the Second Part of 1850s

A. A. Ponomareva

*Novosibirsk State Pedagogical University
Novosibirsk, Russian Federation*

Abstract

The paper analyzes the generation gap in the Russian literature of the second part of 1850s. Our research is based on works published in magazines: short stories, novelettes, and novels by L. N. Tolstoy, E. P. Novikov, P. I. Melnikov-Pecherskii, S. T. Slavutinskii, S. A. Ladyzhenskii, N. M. Pavlov, etc.

The generation gap in Russian literature of the second part of 1850s hasn't yet been made an object of special research. It is traditionally touched upon in relation to the novel *Fathers and Sons* (1862) by I. S. Turgenev and fiction 'generated' by this novel. However, variants of 1850s and of 1860s differ from each other in significant ways: this variants linked by various ideas, heroes, plots and other.

The paper features two variants of the generation gap formed in the Russian literature of the second part of 1850s: great-grandfather / grandfather versus children, fathers versus children. The paper contains a detailed analysis of

© А. А. Пономарева, 2019

characterology and plot functions of protagonists that collide with each other, as well as structural-semantic plot organization.

First generation gap formed in the middle of 1850s. Short stories, novelettes, and novels have similar plot-composition structures: a story from the distant Russian past forms the plot core; as a rule, events take place in the 18th century (the so-called grandfather's time); most often, the story is told by a servant of an old lord or is written down after his words; the audience of the story is meant to be from the middle of the 19th century; in some cases, he is also the narrator, a young man who compares generation values of the 18th and 19th centuries.

The paper asserts that, in spite of the fact that events take place in the past, the generation are identified through the turn towards social processes of the second half of the 1850s, particularly the emancipation reform. Literature and criticism emphasize the arrival of the new educated follower of democratic reforms instead of the hot-tempered landowner of the old type.

The type of the educated landowner gained prominence in 1850–1860s during the active discussion of the emancipation reform. The main narrative function of such protagonists is to prove the effectiveness of democratic theories in practice. At the core of the plot there is the conflict with the generation of fathers, the opponents of reform. We propose that the generation of children, as well as the generation of fathers, is needy: in spite of their education, the young men are shown to be petty and unable to act upon their words or understand the peasant way of life. The protagonists explain their lack of success by other reasons: the new generation was too hasty in their actions.

In conclusion, we maintain that Russian literature reflects an important social process of second part of 1850s, namely the anticipation of a 'new' man able to act upon popular democratic theories. This type formed ex adverso: writers and critics show a kind of behavior that differs from that of great-grandfathers, grandfathers, or fathers. However, the problem of rearrangement of the social system is beyond the abilities of the 'fifties' protagonist'. Much as he differs from his ancestors, he remains their descendant. A demonstrative devotion to democratic theories does not negate his aristocratic privileges. As a result, the plot turns stemming from popular ideas do not work as expected in the end.

Keywords

1850s, fiction, the generation gap, theme of fathers and children, emancipation reform, ideological complex

For citation

Ponomareva A. A. The Generation Gap in Russian Literature of the Second Part of 1850s. *Vestnik NSU. Series: History and Philology*, 2019, vol. 18, no. 9: Philology, p. 157–168. (in Russ.) DOI 10.25205/1818-7919-2019-18-9-157-168

С 1850-ми гг. в истории русской литературы связан любопытный парадокс: на протяжении долгого времени этот литературный период не выделялся как самостоятельный и своеобразный, назывался «пустым местом», временем, которое не имеет собственной «физиономии»¹; между тем для самих «пятидесятников»² вопрос самоидентификации был одним из основных, они всячески старались подчеркнуть свою оригинальность на фоне предшествующих поколений³. Особенно остро этот вопрос стал звучать с середины 1850-х гг., когда произошел своего рода слом эпохи. Б. Ф. Егоров отмечает: «Еще не закончилась Крымская война, еще не начались споры об освобождении крестьян, но вся Россия чувствовала, что со смертью Николая I завершилась большая и страшная эпоха, что больше так жить невозможно» [1982. С. 76]. Литература отреагировала на эту тенденцию. В периодических изданиях стали регулярно появляться произведения, в которых изображался конфликт «старого» и «нового» поколений. Ему посвящена наша статья.

Интересующая нас тема мало исследована в литературоведении. Традиционно конфликт поколений рассматривается на материале романа И. С. Тургенева «Отцы и дети» (1862) и «порожденной» им беллетристики. Однако варианты конфликта 1850-х и 1860-х гг. существенно отличаются друг от друга: они связаны с различным кругом идей, героями, сюжетами и т. д.

Цель статьи – выявить и проанализировать варианты конфликта поколений, сформировавшиеся в русской литературе второй половины 1850-х гг. В этом контексте подробно ис-

¹ Приведенное заключение о 1850-х годах принадлежит писателю Е. А. Соловьеву. Цит. по: [Проскурина, 2013. С. 167].

² Понятие «пятидесятники» было введено П. Д. Боборыкиным [1902. С. 20].

³ Подробнее об истории изучения литературного процесса 1850-х гг. см.: [Проскурина, 1984; Пономарева, 2017].

следованы характерология и сюжетные функции персонажей, между которыми происходит столкновение, а также структура и семантика связанных с ними сюжетов.

Материалом послужили повести Е. П. Новикова (псевд. Е. Данковский) «Поездка в деревню» («Отечественные записки», 1855, т. 100), П. И. Мельникова-Печерского (псевд. А. Печерский) «Старые годы» («Русский вестник», 1857, т. 10), С. Т. Славутинского (псевд. С-кий) «История моего деда» («Русский вестник», 1858, т. 14), рассказ И. А. Салова «Забытая усадьба» («Русский вестник», 1858, т. 14), повести С. Д. Хвоцинской (псевд. Ив. Весеньев) «Сельцо Лысково» («Отечественные записки», 1859, т. 124), С. А. Ладыженского (псевд. Булкин) «Век нынешний и век минувший» («Русский вестник», 1860, т. 26), Н. М. Павлова (псевд. А. Бицын) «Конец впереди» («Русский вестник», 1860, т. 30) и др.

В литературе рассматриваемого времени чаще всего акцент ставится не на сходстве между поколениями, а на отличиях, которые сильнее подчеркивают произошедший слом эпохи. Можно выделить две основные поколенческие оппозиции: прадеды / деды – внуки; отцы – дети.

Первая поколенческая оппозиция формируется раньше других – в середине 1850-х гг. Повести, в которых она представлена, имеют сходную сюжетно-композиционную организацию: ядро сюжета составляет история из старых русских времен – как правило, события разворачиваются в XVIII в., во времена прадедов / дедов; чаще всего эта история рассказывается старым баринном или записывается с его слов слугой (псарем / камердинером и др.); слушателем / читателем истории оказывается представитель поколения середины XIX в., в некоторых случаях он выступает в роли рассказчика; молодой человек сравнивает ценности поколений XVIII и XIX вв. История из старых русских времен представляется в двух модальностях: сатирической и элегической.

Наиболее репрезентативный пример первого направления – повесть П. И. Мельникова-Печерского «Старые годы». Сюжет повести составляет ряд страшных картин, в которых раскрывается избалованность, дикость нрава и ограниченность ума старого русского барина. В повести подчеркивается разрыв между поколениями XVIII и XIX вв. Они противопоставляются по ряду оснований: непросвещенность / просвещенность, презрение к законности / уважение закона, развращенность / нравственность. Рассказчик – представитель поколения середины XIX в. – приходит к убеждению, что старая эпоха не может восхищать современных людей: «Нет, чтобы ни говорили любители старины, как бы ни величали они времена мимошедшие, а как всмотришься поглубже в эту пресловутую старину, да как взглядишься попристальнее в жизнь наших прадедов – нелицемерную воздашь хвалу Господу, что не сулил нам родиться полтора года тому назад и сотворил русскими людьми XIX столетия. Прошли, миновались беспутные старые годы! Благодаря Бога они и не воротятся <...> Прошла пора дикого самоуправства, тупого презрения к народу, безверия, смешанная с ханжеством и боязнью черта, надменного высокомерия, <...> переходившего в подлость и унижение» (Печерский, 1856. С. 53–54).

Если в повести акцентируется разрыв между поколениями XVIII и XIX вв., то в критических статьях о ней, напротив, обращается внимание на преемственность между ними. К примеру, критик «Библиотеки для чтения» отмечает, что события, представленные беллетристом, «печальны не как воспоминание о давно и невозвратно прошедшей поре заблуждений и испытаний, плод которых – богатое разумом и опытом настоящее, а как воспоминание о ранах, еще не совсем заживших и сопровождающихся болезнью, которая требует долгого и упорного лечения <...>» (И. Л., 1857. С. 20). Далее критик замечает, что при всем видимом противоречии эпох между ними есть «еще родственная, во всем проглядывающая и отзывающаяся связь» (Там же).

Разрабатывая новую злободневную проблематику, беллетристы ориентируются на широко обсуждаемые в это время произведения, в которых также изображаются картины старой русской жизни: на роман А. С. Пушкина «Дубровский» и «Семейную хронику» С. Т. Аксакова.

Вторичность повести П. И. Мельникова-Печерского отмечалась уже литературными критиками. Критик «Библиотеки для чтения», высоко оценивший повесть, все же обратил внимание на то, что в изображении картин старой русской жизни и помещика-самодура мало нового: «Это быт и личность Ивана Грозного в малом виде – с ограничениями и видоизменениями, которые отделяют быт царя и великого ума от быта важного барина с обыкновенным умом, при одинаковых наклонностях и пороках <...>. Эта сторона нашей народности была столько уже раз воспроизводима и вовсе недалеко от нас» (И. Л., 1857. С. 25).

Е. Н. Эдельсон, включивший П. И. Мельникова-Печерского в ряд подражателей М. Е. Салтыкова-Щедрина, негативно оценил вторичность повести. По его мнению, беллетрист «группировал собранные им анекдоты около образа, смешанного из двух типов: старика Багрова и Куролесова из “Семейной хроники”, несколько изменив их сообразно анекдотам, находившимся в его распоряжении, и собственному своему взгляду на дело» (Эдельсон, 1859. С. 365).

В ряд литературных источников повести также можно добавить «Дубровского», из которого взят эпиграф. Отдельные сюжетные ситуации аллегорично связаны с сюжетной линией Троекурова, точнее предысторией, в которой рассказывается о его быте. Отсылки именно к этому фрагменту романа закономерны: в нем представляется «каталог» событий, с точки зрения литераторов середины XIX в. наиболее характерных для старой русской жизни. Среди отличительных черт быта Троекурова отмечается, что его дом всегда был полон гостей, готовых тешить барскую праздность. В повести «Старые годы» подробно представляются шумные и буйные увеселения героя в дружеском кругу. В главе «Ярмарка» подробно описан праздник, который он устраивает для всех приехавших – от приказных и торговых людей до «больших господ». В повествовании подчеркивается, что для него не существует других законов, кроме своей прихоти: по его распоряжению за домом ставятся столы, выкатываются бочки, «музыка, песни, пальба, день-деньской стоном стоят» (Печерский, 1856. С. 74), со всей волости «нагоняются» бабы и девки. Еще одна характерная черта быта Троекурова, сформулированная в романе перифрастически, также подробно описывается в повести: связь с крепостными женщинами. Центральное событие главы «Именины» – это домашний спектакль, который показывают крепостные актеры в честь праздника. Участвовавшие в нем женщины вечером становятся любовницами помещика и его гостей.

Если сюжетные ситуации повести П. И. Мельникова-Печерского только аллегорично связаны с романом «Дубровский», то сюжет повести С. Т. Славутинского «История моего деда» можно рассматривать в аспекте структурного цитирования⁴. Представитель молодого поколения, пересказывающий историю о старых временах (о тяжбе деда с состоятельным соседом), отмечает ее сходство с литературной: «История моего деда, отца моей матери, несколько похожа на повесть Пушкина *Дубровский*. Для более резкого сходства не достает в ней такого лица, каков сын Дубровского; был сын и у деда, только не является он мстителем за отца, да и человек он совсем других свойств <...>» (Славутинский, 1858. С. 65).

Как и в пушкинском романе, в повести «История моего деда» сюжет открывается развернутой экспозицией, в которой описываются характеры соседей-помещиков. Однако в рассматриваемом случае подчеркивается, что соседи, которые на первый взгляд кажутся друзьями, в действительности враги, на время заключившие перемирие. Герой повести, сопоставимый с Дубровским, несмотря на свою бедность, сумел сохранить собственное достоинство: смог так «поставить себя в глазах князя, что ему ни в каком случае не приходилось своевольничать» (Там же. С. 73).

Рассматриваемый сюжет, по сравнению с сюжетом «Дубровского», расширяется: в него вводятся события, подготавливающие роковую ссору помещиков. Характерно, что это расширение происходит за счет актуализации некоторых сюжетных элементов романа А. С. Пушкина. В частности, беллетрист переносит в начало, предвещающее ссору, фрагмент «Дубровско-

⁴ Пушкинские реминисценции в повести «История моего деда» рассмотрены И. Ю. Жаровой [2016].

го», в котором описывается вторжение людей богатого помещика во владения соседа. В рассматриваемом сюжете разворачивается намеченная в романе метафора *ссора – война*. Вторжение цыган и расправа над ними представляется здесь как военное сражение: «Опрометью кинулся опять дед мой с своим маленьким отрядом догонять дерзких цыган; но они, видимо, достигали уже места, где могли укрыться под надежную защиту <...> Нельзя было перехватить цыган, и дед мой воинственно скомандовал своему отряду пустить несколько зарядов вдогонку скакавшим без памяти грабителям <...> некоторые выстрелы, видно, были довольно удачны, потому что вслед за ними раздалось из толпы преследуемых несколько болезненных стонов» (Славутинский, 1858. С. 82).

Также расширение заимствованного сюжета происходит за счет введения событий, предсказывающих роковую ссору. Отдельные эпизоды посвящены описанию встреч героя с юродивым, пожару в церкви и смерти священника.

Центральное событие сюжета повести, как и в первом томе «Дубровского», – ссора помещиков. Герои также ссорятся из-за слуги-псаря: вернувшись с охоты, князь узнает о том, что его любимая собака умерла, в порыве гнева он наказывает провинившегося в присутствии гостей; сосед, став свидетелем происшествия, выказывает свое недовольство хозяином. Характерно, что в эпизоде обнаруживается скрытая цитата из пушкинского романа: «Князь был страстно предан охоте; собакам его житье было гораздо лучше, чем приживальцам и даже любимым холопам» (Там же. С. 86).

Подчеркнув, что герои – непримиримые враги, беллетрист вводит точную мотивировку тяжбы, последовавшей за ссорой: князь желает разорить противника и таким образом отомстить ему. Заимствованная из романа часть сюжета, следующая за ссорой, также расширяется. Расширение сюжета происходит путем редупликации пушкинского эпизода: богатый помещик обращается к чиновнику и с его помощью отсуживает поместье героя. В повести представлено, как князь незаконно овладевает имуществом соседа, а тот пытается отстоять свои права. Финал сюжетной линии героя тот же, что и у Дубровского: он заболевает и умирает.

Таким образом, тяжба соседей-помещиков оказывается событием того же порядка, что и охота, буйные увеселения на деревенских пирах и т. д., представляется оригинальной чертой старой русской жизни, которую, по словам рассказчика, «почти заслонили внешние исторические события» (Там же. С. 65). Картины прошлого получают ту же негативную оценку, что и в повести П. И. Мельникова-Печерского. В центре описания также оказываются предрассудки, произвол, злоупотребления личной властью, неуважение человеческого достоинства и несоблюдение долга честного гражданина⁵. Однако, по сравнению со своим современником, С. Т. Славутинский мало прорабатывает рассматриваемую поколенческую оппозицию. Его внимание концентрируется на занимательной стороне истории из старых русских времен.

Сатирическое изображение прошлого по-разному воспринималось критиками. Особенно хорошо это заметно в журнальных откликах на повесть П. И. Мельникова-Печерского «Старые годы»⁶. Например, Е. Н. Эдельсон отмечал, что в представленной картине нет «ничего человеческого», от нее веет «безжалостным мертвым холодом» (Эдельсон, 1859. С. 353–354). Анонимный критик «Библиотеки для чтения», напротив, указал на историческую достоверность изображенного: по его мнению, персонажи повести являются «историческими образцами», которые «прекрасно характеризуют быт эпохи» (И. Л., 1857. С. 24). Аналогично о повести отозвался Н. А. Некрасов. По его замечанию, беллетристу удалось с «небывалой

⁵ «Еще тогда в России необоримо сильны были предания, предрассудки, произвол, злоупотребления, во всем обходящие закон; еще слаба, даже совершенно ничтожна была вера даже и старших представителей общества в собственное достоинство, в призвание человека, в долг честного гражданина» (Славутинский, 1858. С. 94).

⁶ Критическая рецепция повести подробно рассмотрена Е. В. Переваловой [2010].

смелостью» изобразить «крупного русского барина во всей ширине и безобразии старой русской жизни»⁷.

Картина старых русских времен, представленная в элегической модальности, другая. В данном случае нам встретилось только одно произведение, связанное с рассматриваемой темой, – рассказ И. А. Салова «Забывтая усадьба». Его основу составляет сюжет *оскудения родового поместья*. Один из ядерных мотивов в нем – воскрешение счастливого прошлого через воспоминание. Старый камердинер с любовью и восхищением рассказывает молодому человеку, по всей видимости, соседу, о быте своего умершего барина: об охоте, пирах, взаимоотношениях с приживальщиками и т. д. В отличие от повестей «Старые годы» и «История моего деда» здесь в центре внимания оказываются не страшные картины прошлого, а эмоционально-психологическое состояние покинутого всеми камердинера. Слушатель обращает внимание на то, что рассказчик, переживая счастливые моменты прошлого (деревенский бал, Пасху и др.), вновь оживает.

В рассматриваемом сюжете конец старой эпохи представляется на фоне разрушения усадьбы. Молодой человек, ежедневно посещающий ее, отмечает, что это пространство уже лишено жизни. За всем, что он видит, проступает прошлое: «Я любил бродить по двору и по саду, и странное дело, почти каждый раз невольно переносился в то время, когда среди всех этих развалин еще кипела жизнь. Впрочем, иначе оно и не могло быть, потому что все, на что бы только не упал мой взор, говорило не о настоящем, а о прошедшем. И мне стоило только закрыть глаза, как передо мною являлись вдруг целая толпа мужчин и дам в фижмах, громадных чепцах и мушках; я начинал уже слышать какие-то странные звуки и видел, как вся эта разряженная толпа перемешивалась и грациозно пускалась танцевать <...> Я открывал глаза и снова вокруг меня темный сад с гнилыми беседками, тихо о чем-то шепчущий, и снова большой дом с перебитыми окнами и облупленными стенами» (Салов, 1858. С. 134).

Смерть слуги, последнего представителя старых времен, приводит к разрушению барской усадьбы: молодой человек замечает, что на ее месте «остался только один сад с полуразрушенными статуями и беседками, обнесенный плетнем, заросшим крапивой и лопухом» (Там же. С. 146). С молодым поколением в рассматриваемой повести связан мотив выгодного преобразования старого. В эпилоге отмечено, что новый управляющий наследника находит хозяйственное применение руинам: он ломает дом и из кирпича выстраивает ригу.

Таким образом, в произведениях, в которых происходит сопоставление поколений прадедов / дедов и внуков, акцент делается преимущественно на их ценностных различиях, которые прямо связываются со степенью образованности. Причем, несмотря на то что все события разворачиваются в прошлом, идентификация поколений происходит также за счет их «поворота» к общественным процессам второй половины 1850-х гг., в частности крестьянской реформе. В беллетристике и литературной критике подчеркивается, что на смену дикому, вспылчивому, ограниченному помещику старых времен приходит новый. Его отличительные свойства наиболее полно сформулированы Н. А. Добролюбовым: «Ныне уже редки помещики, которые живут одними только трудами своих крестьян и сами ничего не делают; ныне дворяне считают своей обязанностью служить или вне службы иметь какие-нибудь полезные занятия. С течением времени все большее и большее количество дворян начинает заводить у себя улучшения по сельскому хозяйству, принимать участие в промышленных и торговых предприятиях и т. п. Редкий помещик, живущий в деревне, в наше время не выписывает журналов и хороших книг... Следовательно, у них есть куда девать свое время не без пользы и, кроме того, есть сознание необходимости трудиться самому и при помощи просвещающего влияния новых книг, есть уважение к человеческому достоинству и в лице крестьянина. С переменою крепостных отношений исчезнет, без всякого сомнения, и последняя возможность таких явлений, какие бывали в помещичьем быту в старину <...>»⁸.

⁷ Цит. по: [Первалова, 2010. С. 118].

⁸ Добролюбов Н. А. Деревенская жизнь помещика в старые годы. URL: http://az.lib.ru/d/dobroljubow_n_a/text_0520.shtml (дата обращения 15.07.2018).

Тип образованного помещика получил особое распространение в беллетристике на рубеже 1850–1860-х гг., во время бурного обсуждения крестьянской реформы. Основная сюжетная функция героя этого типа – доказать на деле эффективность демократических теорий. Ядро сюжетов составляет столкновение такого героя с поколением отцов, противниками любого рода преобразований.

Чаще всего герой, принадлежащий к поколению отцов, – праздный помещик, мало занимающийся хозяйством. В повести С. А. Ладыженского «Век нынешний и век минувший» цель его жизни определяется таким образом: «...жить в свое удовольствие и дорожить только одним – сохранением хороших отношений и дружбы» (Ладыженский, 1860. С. 272). Все свободное время помещик сидит возле окна с трубкой и задает вопросы проходящим под окнами дворовым людям. Его друзья-соседи мало от него отличаются: один из них целыми днями спит и не вмешивается в хозяйство, которым управляет преимущественно жена; другой – молодой старик – находится в постоянных разъездах, передавая сплетни знакомым. Познакомившись с бытом старого поколения, молодой человек, приехавший из столицы, разочарованно замечает, что все вокруг покрыто грязью, «слоем тука», «наведено ленью и невежеством».

На фоне праздных отцов ярко проявляется деятельность и практичность детей. В некоторых случаях подчеркивается, что они лучше понимают практическую сторону жизни. С этой точки зрения характерно заключение героя повести С. Д. Хвоцинской «Сельцо Лысково». Говоря о недостатках стариков, молодой человек замечает, что он, несмотря на несущественную разницу в возрасте со своим отцом («между мною и отцом всего двадцать пять лет разницы, не Бог знает что»), научился понимать, что «жизнь – вещь сложная и трудная, что надо к ней готовиться» (Хвоцинская, 1859. С. 19).

Другой тип старого помещика представлен в повести «Сельцо Лысково». Вдова Карпова необразованна, резка в обращении с окружающими, не понимает человеческого достоинства, «не развивает его в мужике», но при этом «отличная женщина, насколько это возможно при ее воспитании», как замечает один из персонажей: «Крестьяне довольны, богаты, не стеснены; она сама живет их бытом; ее доход не взимается в ущерб работникам. В материальном отношении лучшей хозяйкой быть нельзя» (Там же. С. 44). Заметим, что такой тип старого помещика не распространен в беллетристике второй половины 1850-х гг.

В повестях, представляющих конфликт отцов и детей, подчеркивается несостоятельность не только старшего, но и младшего поколения. Герой «Сельца Лысково» обладает «мелким» характером: корыстные поступки он пытается объяснить популярными демократическими теориями. Свою тягбу с вдовой Карповой молодой человек представляет подвигом, который ему нужно совершить во благо общества: став помещиком, он сможет показать пример правильного управления хозяйством и усовершенствовать свое образование (съездить за границу, прослушать курсы у известных профессоров). Однако в действительности причины тягбы иные: герой хочет получить дополнительный доход, который позволит ему упрочить положение.

В повести «Сельцо Лысково» несостоятельность героя становится более очевидной благодаря введению в сюжет еще одного представителя молодого поколения, обладающего положительными чертами характера. Младший брат, в отличие от старшего, настаивает на том, что нельзя «кормиться в виде паразитов» и что необходимо «самому зарабатывать себе кусок хлеба и приобретать научные познания» (А. Я. Панаева)⁹. Осуждая желание старшего брата забрать поместье у вдовы, он отказывается от доли и посвящает себя образованию и честному труду (ходит по «кондициям»). Однако нужно отметить, что его роль в конфликте поколений остается не вполне ясной.

⁹ Герой – характерный представитель нарождающегося нового поколения рубежа 1850–1860-х гг. О молодежи, которая проявит себя в начале 1860-х гг., довольно подробно пишет А. Я. Панаева в своих «Воспоминаниях» [1956].

Герой повести Е. П. Новикова «Поездка в деревню», наследник большого состояния, обладает болезненным самолюбием: он обижается на то, что на станции для него быстро не находятся лошади, что попутчик принимает его за москвича, а не петербуржца. Приехав в деревню с целью познакомиться со старым порядком ведения хозяйства и по возможности изменить его, он с нетерпением ожидает, как крестьяне будут кланяться ему и целовать руку.

В характеристике героя повести С. А. Ладыженского «Век нынешний и век минувший» подчеркивается, что он легко увлекается разными идеями в зависимости от окружения и быстро «перегорает». В результате его слова никогда не становятся делом. Такая черта, как непостоянство взглядов, отмечается в характеристике и других представителей молодого поколения – друзей героя, молодых супругов, приехавших из города в деревню заниматься хозяйством. В основе их сюжетной линии лежит схема, сформировавшаяся в середине XIX в. под влиянием романа Ж. Санд «Жак» и повести А. В. Дружинина «Полинька Сакс»: мужчина с демократическими взглядами женится на поверхностно образованной девушке; после свадьбы он берется за ее перевоспитание и делает из нее «союзницу». Их совместная жизнь изображена в ироническом свете: «Не было эксцентричностей, не было странностей, которых бы юная чета не предпринимала. То скакали они за границу изучать воспитание детей, когда Софья Александровна готовилась быть матерью; то запирались они в Петербурге или Москве, никого не видали и ничего не слышали, возясь с родившимся чадом; то, следуя новым системам воспитания, не говорили они с ребенком и запрещали всем с ним говорить; то кормили его хлебом, то хлеба не давали <...>; то удалялись они совершенно от общества, находя его безнравственным, то кидались в него сломя голову, боясь застоя и отсталости» (Ладыженский, 1860. С. 305–306).

Приезд в деревню и желание заниматься хозяйством представляется как очередная эксцентричность и странность молодой семьи, то, что будет брошено, как только появится новая идея.

Основная причина столкновения поколений отцов и детей – принципы управления хозяйством и предстоящая крестьянская реформа. Наиболее ярко взаимное непонимание представляется в повести «Век нынешний и век минувший». Николай Иванович, как и все помещики в уезде, с «грустью, смешанной со страхом», ожидает предстоящих изменений. С точки зрения старшего поколения, реформа «разрушит» их мир. Предпосылки этого они замечают уже в настоящем, в том, каким образом меняется их повседневная жизнь: «... тот из самого смиренного и тихого сделался жесточайшим спорщиком; кто, век ничего не читавший и ни о чем, делающемся вне своего уезда, не знавший, – кричал теперь о каких-то *красных*, тот при разговорах ходил запирать все двери; этот, напротив, никогда прежде ни с одним из своих людей не говоривший, теперь с каждым заговаривал и выпытывал, что всякий думает; все перетрусили до того, что перестали заниматься хозяйством» (Там же. С. 274).

Сын Николая Ивановича, напротив, встречает новость об отмене крепостного права с большим воодушевлением. По его мнению, мир начинает воскресать: «Пришел давно ожидаемый конец этой безобразной системе, этой барщине! Как прояснились, я думаю, лица у мужичков? Как светло озарил их, я думаю, луч надежды?» (Там же. С. 276).

Во всех сюжетах представляется переустройство хозяйства на новый лад. Наиболее точно задачи молодого помещика сформулированы в повести С. Д. Хвоцинской «Сельцо Лысково»: «... самый лучший помещик, конечно, тот, который выполняет ее (обязанность. – А. П.) всю: богатеет ли сам, богатеют с ним и крестьяне наравне; тот, который обращается с ними как с равными себе, учит их, входит в их душевные нужды... Устроить вокруг себя нравственное и материальное довольство – вот задача помещика...» (Хвоцинская, 1859. С. 44).

Однако в повести С. Д. Хвоцинской на первый план выдвигается мотив преобразования ради выгоды. Герой, «сообразно с современными воззрениями», планирует превратить село в доходную ферму.

Основной мотив, связанный с переустройством хозяйства, – тотальное разрушение старого. Так, герой повести «Сельцо Лысково» признается, что первое, с чего нужно начать, –

«ломать, ломать и ломать». Все, что он видит в селе, его не удовлетворяет: «старое барское хозяйство – тьма крошечная: в ней не скоро разберешься. <...> Для этих деревенских сидней, кажется, ничто в мире не движется вперед. Про них книги не писаны» (Хвоцинская, 1859. С. 49). В повести «Век нынешний и век минувший» молодые люди также призывают «вырвать с корнем» старое, «бросить <...> без оглядки, без сожаления и создать во что бы то ни стало новое» (Ладыженский, 1860. С. 305–306). Главное, по их мнению, – следить за тем, чтобы старая «закваска <...> не зашла в поколение новое...» (Там же. С. 392).

Переустройство хозяйства на новый лад начинается не сразу: герои приглядываются к крестьянскому быту, в некоторых случаях подробнее знакомятся со старыми принципами хозяйствования. В повести «Поездка в деревню» этот элемент сюжета редуцирован: герой решает инкогнито погулять по деревне, для того чтобы выяснить, как живут крестьяне. Для этого он представляется заблудившимся рабочим. Однако ему не удастся собрать полезных сведений: его быстро разоблачают. В повестях Л. Н. Толстого «Утро помещика», Н. М. Павлова «Конец впереди» и С. А. Ладыженского «Век нынешний и век минувший», напротив, этот элемент сюжета представлен довольно подробно. Основное, на чем ставится акцент, – непонимание молодым человеком крестьян: их быта, языка и пр. Особенно ярко это изображено в повести Л. Н. Толстого: каждая встреча Нехлюдова с крепостными обнаруживает разрыв между его теоретическими знаниями и действительностью. Другой вариант «погружения» в помещичье-крестьянский быт представлен в повести «Конец впереди». Искренне желая разобраться в хозяйстве, герой совершает не обход крестьян, как Нехлюдов, а ряд поездок по соседям, думая, что те смогут дать ему дельные советы. Однако он встречается только с отрицательными типами помещиков: старым ипохондриком, который живет не для себя и не для других, как замечает молодой человек; молодым стариком, который не вмешивается в управление хозяйством; помещиком, который жестко обходится с крестьянами и др.

Попытки переустроить хозяйство всегда оказываются неудачными. Обязательным следствием нововведений является отпуск старого слуги на волю / отказ от услуг старого управляющего, старосты. Однако этот гуманный жест всегда приводит к драматическим или трагическим результатам: смерти старосты («Поездка в деревню»), уходу старого слуги из родного села («Сельцо Лысково»), ссоре отца и сына («Век нынешний и век минувший»). Ярче всего разрыв между демократической теорией и практикой переустройства хозяйства представляется в повести «Сельцо Лысково». В ней с иронией рассказывается о том добре, которое совершает молодой помещик крестьянам: «Оно выказалось торжественно, разом исправило полувековое непонимание человеческого достоинства. Брезжин позвал камердинера г-жи Карповой <...> и объявил ему, что он вольный и может выбирать себе какое угодно место жительства, кроме Лыскова. В грозных терминах выразился молодой человек против гнусной неблагодарности помещицы, не оценившей ни многолетнего труда, ни заслуги... Но есть же тупые головы, не понимающие благоденствий! Глупый старик ушел от барина на кухню и завыл, причитая, что теперь ему остается только идти по миру» (Хвоцинская, 1859. С. 68).

Изменение оценочного компонента в изображении крестьян (глупы не крестьяне, а молодой помещик) становится отличительной чертой рассматриваемых сюжетов. Причем в беллетристике подчеркивается «антилитературность» данных описаний (т. е. несоответствие сформировавшейся в литературе тенденции). Репрезентативный пример – повесть Н. М. Павлова «Конец впереди». В ней прямо указывается, что помещичье-крестьянские отношения изображены по-новому: «...на тысячу ладов потянулась одна и та же история непонимания друг друга; а вместе завязались те же отношения, о которых в последнее время Нельцев читал много повестей и романов, помещаемых в журналах, с тою только разницей для Нельцева, что герои тех повестей обыкновенно выходили правы, а крестьяне, как и резонно, оставались какой-то глупой сволочью, которые сами не знают, чего хотят; наш же герой считал себя самого кругом виноватым. Как нельзя лучше он понял, что в этом случае крестьяне были ум-

ней него: поняли сразу, с кем имеют дело, и вот всякий выжимает из него по своим силам» (Павлов, 1860. С. 369).

В некоторых случаях неудачи обусловлены не только тем, что молодой человек мало понимает крестьян, но и тем, что ему мешает «оппозиционная партия» во главе с отцом. В повести «Век нынешний и век минувший» старый помещик, недовольный нововведениями сына, начинает заниматься хозяйством так усердно, как никогда раньше. Он смеется вместе с управляющим над новыми порядками, пытается их изменить. Молодой человек начинает действовать назло отцу: отдавать приказы, которые ему самому кажутся дикими, и настаивать на их исполнении. В конце концов, герой признается, что новому поколению не удастся переустроить хозяйство, пока «не вымрут <...> старики с их понятиями» (Ладыженский, 1860. С. 336). Единственным выходом для себя он называет бегство.

Примечательно, что в ряде повестей отмечается преимущество старых принципов ведения хозяйства. Герой повести «Конец впереди», рассуждая о том, как жестоко поступил помещик с крестьянкой, укравшей из его сада яблоки, признается, что этот господин, которого «позволено назвать скотиной», «во сто раз и пригоднее и лучше для крестьянина», чем его демократически настроенные друзья с их «арсеналом»: он говорит с крестьянами на одном языке. К аналогичному заключению приходит герой повести «Сельцо Лысково», младший брат молодого человека, выигравшего тяжбу. По его замечанию, «...неграмотная старуха умела сделать счастливых, а образованный человек разорил!» (Хвощинская, 1859. С. 74).

Итак, мы установили, что в литературе отражен один из важных общественных процессов второй половины 1850-х гг. – ожидание «нового» человека, способного реализовать популярные, широко обсуждаемые демократические теории. Его образ создается от противного: писатели и литературные критики делают акцент на тех чертах, которые отличают его от людей прошлого – прадедов / дедов / отцов. Между тем задача переустройства общественного порядка оказывается не под силу герою 1850-х гг. Несмотря на подчеркнутое отличие от старых поколений, он все же остается их потомком. Выражая преданность демократическому делу, молодой человек, тем не менее, не отказывается от своих дворянских привилегий, в результате чего сгенерированные в русле злободневных идей сюжетные ходы становятся «тупиковыми».

Список литературы

- Боборыкин П. Д.** Алексей Потехин (к пятидесятилетию его писательства) // ИОРЯС АН. 1902. Т. 7, кн. 1. С. 17–38.
- Егоров Б. Ф.** Борьба эстетических идей в России середины XIX века (1848–1861). Л.: Искусство, 1982. 269 с.
- Жарова И. Ю.** Пушкинские реминисценции в повести С. Т. Славутинского «История моего деда» // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2016. № 10 (64), ч. 2. С. 29–32.
- Панева (Головачева) А. Я.** Воспоминания. М.: Гослитиздат, 1956. 508 с.
- Перевалова Е. В.** Журнал М. Н. Каткова «Русский вестник» в первые годы издания: 1856–1862. М.: МГПУ, 2010. 346 с.
- Пономарева А. А.** Литературные сюжетные коды в беллетристике 1850-х годов: Дис. ... канд. филол. наук. Новосибирск, 2017. 196 с.
- Проскурина Ю. М.** Русская художественная проза «пятидесятых годов» XIX века (развитие реализма в повествовательных жанрах): Автореф. дис. ... д-ра филол. наук. Свердловск, 1984. 35 с.
- Проскурина Ю. М.** Русские беллетристики в литературной интеграции середины XIX века // Уральский филологический вестник. 2013. № 1. С. 167–172.

Список источников

- Добролюбов Н. А.** Деревенская жизнь помещика в старые годы. URL: http://az.lib.ru/d/dobroljubow_n_a/text_0520.shtml (дата обращения 08.08.2019).
- И. Л.** Старые годы. Повесть Андрея Печерского («Русский вестник», 1857 г. июль: книжка первая) // Библиотека для чтения. 1857. Т. 144. С. 19–34.
- Ладыженский С. А.** Век нынешний и век минувший // Русский вестник. 1860. Т. 26. С. 257–318, 336–379.
- Павлов Н. М.** Конец впереди // Русский вестник. 1860. Т. 30. С. 357–428.
- Печерский А.** (Мельников-Печерский П. И.) Старые годы // Русский вестник. 1856. Т. 10. С. 43–134.
- Салов И. А.** Забытая усадьба // Русский вестник. 1858. Т. 14. С. 132–146.
- Славутинский С. Т.** История моего деда. Отрывок из записок // Русский вестник. 1858. Т. 14. С. 65–112.
- Хвощинская С. Д.** Сельцо Лысково // Отечественные записки. 1859. Т. 124. С. 1–74.
- Эдельсон Е. Н.** Н. Щедрин и новейшая сатирическая литература // Утро. М.: [Б. и.], 1859. С. 351–366.

References

- Boborykin P. D.** Aleksey Potekhin (k pyatidesyatiletuyu ego pisatel'stva) [Aleksey Potekhin (For the Fiftieth Anniversary of His Literary Career)]. In: IORYaS AN. 1902, no. 7, pt. 1, p. 17–38. (in Russ.)
- Egorov B. F.** Bor'ba esteticheskikh idei v Rossii serediny XIX veka (1848–1861) [The Struggle of Aesthetic Ideas in Russia in the Middle of the 19th Century (1848–1861)]. Leningrad, 1982. 269 p. (in Russ.)
- Panaeva (Golovacheva) A. Ya.** Vospominaniya [Memory Lane]. Moscow, 1956, 508 p. (in Russ.)
- Perevalova E. V.** Zhurnal M. N. Katkova «Russkiy vestnik» v pervye gody izdaniya: 1856–1862 [Journal of M. N. Katkov *Russian Herald* in the First Years of Publication: 1856–1862]. Moscow, 2010, 346 p. (in Russ.)
- Ponomareva A. A.** Literaturnye syuzhetnye kody v belletristike 1850-kh godov [Literary Plot Codes in 1850s Fiction]. Cand. phil. diss. Novosibirsk, 2017. 196 p. (in Russ.)
- Proskurina Yu. M.** Russkaya khudozhestvennaya proza «pyatidesyatykh godov» XIX veka (razvitie realizma v povestvovatel'nykh zhanakh) [Russian Literary Prose of the “Fifties” of the 19th Century (Development of Realism in Narrative Genres)]. Cand. phil. sci. syn. diss. Sverdlovsk, 1984, 35 p. (in Russ.)
- Proskurina Yu. M.** Russkie belletristki v literaturnoy integratsii serediny XIX veka [Russian Women Writers in the Literary Integration of the Mid-Nineteenth Century]. *Ural'skiy filologicheskii vestnik* [*Ural Philological Herald*], 2013, no. 1, p. 167–172. (in Russ.)
- Zharova I. Yu.** Pushkinskie reministsentsii v povesti S. T. Slavutinskogo «Istoriya moego deda» [Pushkin's Reminiscences in the Novel *My Grandfather's Story* by S. T. Slavutinsky]. *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki* [*Philological Science. Theory and Practice Issues*]. 2016, no. 10 (64), pt. 2, p. 29–32. (in Russ.)

List of Sources

- Dobrolyubov N. A.** Derevenskaya zhizn' pomeshchika v starye gody [Village Life of a Landowner in the Old Days]. URL: http://az.lib.ru/d/dobroljubow_n_a/text_0520.shtml (accessed 08.08.2019). (in Russ.)
- Edelson E. N.** N. Shchedrin i noveishaya satiricheskaya literature [N. Shchedrin and the Newest Satirical Literature]. In: *Utro* [The Morning]. Moscow, 1859, p. 351–366. (in Russ.)

- I. L.** Starye gody. Povest' Andreya Pecherskogo («Russkii vestnik», 1857 g. iyul': knizhka pervaya). *Biblioteka dlya chteniya* [*Library for Reading*], 1857, vol. 144, p. 19–34. (in Russ.)
- Khvoshchinskaya S. D.** Sel'tso Lyskovo [The Small Village Lyskovo]. *Otechestvennye zapiski* [*Domestic Notes*], 1859, vol. 124, p. 1–74. (in Russ.)
- Ladyzhenskiy S. A.** Vek nyneshnii i vek minuvshii [Present and Past Centuries]. *Russkii vestnik* [*Russian Herald*], 1860, vol. 26, p. 257–318, 336–379. (in Russ.)
- Pavlov N. M.** Konets vpered [The End Ahead]. *Russkii vestnik* [*Russian Herald*], 1860, vol. 30, p. 357–428. (in Russ.)
- Pecherskiy A.** (Mel'nikov-Pecherskiy P. I.) Starye gody [Old Years]. *Russkii vestnik* [*Russian Herald*], 1856, vol. 10, p. 43–134. (in Russ.)
- Salov I. A.** Zabytaya usad'ba [The Forgotten Manor]. *Russkii vestnik* [*Russian Herald*]. 1858, vol. 14, p. 132–146. (in Russ.)
- Slavutinskiy S. T.** Istoriya moego deda. Otryvok iz zapisok [My Grandfather's Story. Excerpt from Notes]. *Russkii vestnik* [*Russian Herald*], 1858, vol. 14, p. 65–112. (in Russ.)

Материал поступил в редколлегию
Received
09.08.2019

Сведения об авторе

Пономарева Анастасия Александровна, кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка, Новосибирское высшее военное командное училище (ул. Иванова, 49, Новосибирск, 630117, Россия); доцент кафедры русской и зарубежной литературы, теории литературы и методики обучения литературе, Новосибирский государственный педагогический университет (ул. Вилуйская, 28, Новосибирск, 630126, Россия)
anastasiya.ponomareva.92@inbox.ru

Information about the Author

Anastasia A. Ponomareva, Candidate of Philology, Assistant Professor at the Chair of Russian Language, Novosibirsk Higher Military Command School (49 Ivanov Str., Novosibirsk, 630117, Russian Federation); Assistant Professor at the Chair of Russian and Foreign Literature, Theory of Literature and Methodic of Literature Teaching, Novosibirsk State Pedagogical University (28 Vilyuiskaya Str., Novosibirsk, 630126, Russian Federation)
anastasiya.ponomareva.92@inbox.ru

УДК 82-3

DOI 10.25205/1818-7919-2019-18-9-169-175

Архетипический мотив хаоса в сюжетной структуре повести А. П. Чехова «Убийство»

Л. Н. Синякова

*Новосибирский государственный университет
Новосибирск, Россия*

Аннотация

Исследуется функционирование архетипического мотива хаоса в повести А. П. Чехова «Убийство» (1895). Мотив хаоса организует сюжетное повествование. Его динамика манифестирует проникновение хаоса в базовые структуры жизни, такие как семья, вера и персональное самоопределение. Помимо того, мотив хаоса репрезентирован в мотивике состояния и пространства – в мотивах «смятенной» природы, потерявшего статус безопасного места дома и, наконец, каторги. Основное событие повести концептуально и композиционно обусловлено мотивом «отпадения от веры», являющегося вариантом мотива хаоса. Грехом богоотступничества отмечены ведущие персонажи – Тереховы. Центральное фабульное событие – убийство – обусловлено столкновением гордыни братьев и сестры Тереховых. Хаос-субстанция (природа, пространство) и хаос-психологическая деструкция интегрированы в единый мирообраз. Обретение веры старшим Тереховым становится сюжетным завершением повести. Повествование заканчивается фиксацией состояния природы, несущего «хаотическую» семантику. В смысловой перспективе изображенного мира восстанавливается равновесие порядка и хаоса.

Ключевые слова

архетипический мотив, хаос, богоотступничество, мотивика природы, мотивика пространства

Для цитирования

Синякова Л. Н. Архетипический мотив хаоса в сюжетной структуре повести А. П. Чехова «Убийство» // Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2019. Т. 18, № 9: Филология. С. 169–175. DOI 10.25205/1818-7919-2019-18-9-169-175

Archetypal Motif of Chaos in the Plot Structure of A. P. Chekhov's Story *The Murder*

L. N. Sinyakova

*Novosibirsk State University
Novosibirsk, Russian Federation*

Abstract

The article examines the representation of chaos motif, which is the most general one among archetypal motifs, in A. P. Chekhov's *The Murder* (1895). Chaos motif arranges the plot structure, being represented in its variants, such as misbelief and nature and space disorder.

In *The Murder*, the central event is determined by mental disorders of characters. Each of them stands on their unique religious outlook. Matvei Terekhov teaches his cousin Yakov to accept the fundamental rules of Church, but he is not always true to his beliefs, too. The true reason of murder is hate towards each other, including Yakov's sister Aglaya – it is a hate crime, which represents total moral destruction.

Matvei's death awakens new feelings in Yakov's perception. Now he understands what suffering is. As he looks at prisoners, he gains his faith. All he wants to ask is why it was so hard to reveal the truth.

Besides chaotic existence problems, three other types of archetypal motifs are realized. These are the following: natural chaos, spatial chaos, and unsafe home. Nature stands between winter and spring, and it is time for spring to arrive. This causes disorder all around, and makes Matvei feel anxious and frustrated.

Space semantics also explicate chaos, especially in the final scene, in which Yakov tries to extrapolate his actual Sakhalin experience on his previous life. The narrative is based on spatial concepts here.

And, finally, the symbol of home loses its meaning of safety in the semantic structure of the story. It turns out to be somebody's else but not the family's. And it causes panic fears among its habitants. Fear is one of basic reflexes on chaos extension.

We conclude that the archetypal motif of chaos connects the plot levels, such as the murder event, lack of faith in the main characters, nature, space, and disorder at home. Thus, it is proven to be the motif core of the story.

Keywords

an archetypal motif, chaos, lack of faith, nature motifs, space motifs

For citation

Sinyakova L. N. Archetypal Motif of Chaos in the Plot Structure of A. P. Chekhov's Story *The Murder*. *Vestnik NSU. Series: History and Philology*, 2019, vol. 18, no. 9: Philology, p. 169–175. (in Russ.) DOI 10.25205/1818-7919-2019-18-9-169-175

Введение

Архетипический мотив определяется как высказывание, формирующее смысловое ядро литературного произведения: «...некий микросюжет, содержащий предикат (действие), агенса, пациенса и несущий более или менее самостоятельный и достаточно глубокий смысл» [Мелетинский, 1994. С. 54]. Одним из базовых архетипических мотивов является мотив хаоса; парадигматически парным к нему выдвигается мотив космоса (порядка). Хаос может быть определен как смешение и неразличение разнородных субстанций: «...первоначальное состояние неорганизованной материи, из которого создается новый порядок бытия путем проявления скрытых сущностей. <...> хаос выступает как то, что включает все противоположные силы в недифференцированном состоянии. <...> Он был также идентифицирован с бессознательным. Но с большим основанием хаос можно рассматривать как состояние, предшествующее бессознательному» [Керлот, 1994. С. 543].

В. Н. Топоров формулирует мифопоэтическую концепцию хаоса, в которой также подчеркивает его энтропийность: «К характеристикам хаоса, регулярно повторяющимся в самых разных традициях, относится связь хаоса с водной стихией, бесконечность во времени и пространстве, разъятость вплоть до пустоты или, наоборот, смешанность всех элементов (аморфное состояние материи, исключаящее не только предметность, но и существование стихий и основных параметров мира в раздельном виде), неупорядоченность и, следовательно, максимум энтропических тенденций, т. е. абсолютная изъятость хаоса из сферы предсказуемого (сплошная случайность, исключаящая категорию причинности), иначе говоря, предельная удалённость от сферы “культурного”, человеческого, от логоса, разума, слова и, как следствие, – ужасность, мрачность. Но, возможно, важнейшая черта хаоса – это его роль лона, в котором зарождается мир, содержание в нем некоей энергии, приводящей к порождению» [Топоров, 1988. С. 581]. Энергия распада в субстанции хаоса генерирует возможные новые конструкции универсума. Отсылая к названию книги И. Пригожина, мы наблюдаем появление порядка из хаоса [Пригожин, Стенгерс, 1986]. Парность универсалий порядка и хаоса является одним из миромоделирующих условий в логоцентрических системах. Литература, являясь одной из форм репродуцирования Логоса, воспроизводит, в том числе, корреляцию этих универсалий – в символической, мотивической, мифопоэтической и подобных структурах художественного текста.

Результаты исследования

Мотивная экспрессия сюжета повести А. П. Чехова «Убийство» (1895) может быть описана как проникновение хаоса в фундаментальные структуры жизни, такие как семья, персо-

нальное самоопределение и религиозность. Фабульно универсалия хаоса аккумулирована в центральном событии – убийстве братом и сестрой Тереховыми их двоюродного брата Матвея. Мотив хаоса стягивает в пучок комплементарные мотивы богоотступничества, поисков веры и преступления.

В сюжетной композиции история Матвея Терехова занимает первые две главы, в третьей она инкорпорируется в историю всего шаткого в вере рода Тереховых, в четвертой и пятой (в которой происходит убийство) «носителем основного события» (М. М. Бахтин) является Яков Терехов. В заключительной, седьмой, главе Яков на Сахалине обретает веру. Отметим, что последовательность в развертывании сюжетного высказывания подтверждает преобладание в семиоэстетической архитектонике текста «хаографии» над «космографией».

Темпоральная семантика в повести манифестирует план покаяния и усмирения гордыни: основное действие происходит во время Великого поста. Фиксируются канун Благовещенья, затем самый праздник Благовещенья; убийство происходит в страстной понедельник. Вопреки этико-религиозному императиву сюжетного времени в фиктивной реальности наблюдается эскалация греховности всех персонажей.

Так, Матвей Терехов осуждает Якова за проявление гордыни: «Признаться, не люблю я брата. <...> Человек он надменный, суровый, ругательный, для своих родственников и работников мучитель, на духу не бывает» [Чехов, 1985. Т. 9. С. 134]¹. В церковь брат не ходит, продолжает Матвей, потому что утверждает, что в одной «поп картежник», а в другой «священник курит и водку пьет». Он порицает старших Тереховых: «Не любит духовенства! Сам себе и обедницу служит, и часы, и вечерню, а сестрица ему вместо дьячка» (с. 134). Однако сам Матвей, демонстрируя немалую гордыню, постоянно вмешивается в эти псевдорелигиозные «деяния» с призывом: «Образумьтесь, братец! Покайтесь, братец!» (с. 134, 145, 152), и всегда «от этих слов Якова Иваныча бросало в жар, а Аглая (сестра. – Л. С.) <...> начинала браниться» (с. 145). Проповедническая интенция Матвея подкрепляется неверными ссылками на Евангелие, причем на протяжении повествования неоднократно фиксируется речевая безграмотность обличающего, что в немалой степени дискредитирует его учительные претензии². «Братец, ваша молитва не угодна Богу. Потому что сказано: прежде смиришь с братом твоим, и тогда пришед принеси дар твой. Вы же деньги в рост даёте, водочкой торгуете. Покайтесь!» – взывает Матвей (с. 145). Приведенные слова представляют собой неточную цитату из Нагорной проповеди: «Итак, если ты принесешь дар твой к жертвеннику и там вспомнишь, что брат твой имеет что-нибудь против тебя, оставь там дар твой пред жертвенником, и пойдя, прежде примиришь с братом твоим, и тогда приди и принеси дар твой» (Матф., 5: 23–24)³.

Из исповедального рассказа Матвея известно, что, будучи рабочим изразцового завода, он поддавался на искушение «лукавого беса» (с. 139), захотел стать праведнее монахов, «держался устава святой Афонской горы» (с. 139), устроил молельную за городом и обрел славу святого и целителя. «Никого я, конечно, не исцелял, но известно, как только заведется какой раскол и лжеучение, то от женского пола отбоя нет» (с. 139); «прихожанки» хлынули в это потаенное место, и постепенно образовалась секта, наподобие молокан, как решил слушавший эту историю жандарм Жуков (с. 140). Кончилось все наставлением от хозяина завода, Осипа

¹ В дальнейшем ссылки на этот том приводятся в тексте. В скобках указывается страница.

² Например, «... чтоб людей послушать, об леригии поговорить», «Я <...> еще в малолетстве был привержен леригии» (с. 135, 138), «Сию книгу читал я, Матвей Терехов, и нахожу ее из всех читанных мною книг самую лутшею, в чем и приношу мою признательность <...> Кузьме Николаевичу Жукову, как владельцу оной бесценной книги» (с. 137).

³ Интересна замена в воззвании Матвея Терехова лексемы «примириться» на лексему «смириться», значения которых не тождественны. Ср.: примириться – «прекратить состояние ссоры, вражды между кем-либо; терпимо относиться к чему-либо <...>»; смириться – «становиться покорным, послушным, переставать упорствовать, примиряться с чем-либо, покориться силе обстоятельств. Смирить свою гордость, высокомерие» [Ефремова, 2000]. Невольная замена слов может косвенно указывать на потаенное желание младшего Терехова доминировать над непокорным братом.

Варламыча: «Будь <...> обыкновенным человеком, ешь, пей, одевайся и молись, как все, а что сверх обыкновения, то от беса. Вериги <...> твои от беса, посты твои от беса, модельня твоя от беса; все, говорит, это гордость» (с. 140–141). На другой день, в чистый понедельник, Матвей Терехов, по его воспоминаниям, надорвался, был при смерти, а по выздоровлении «отговелся по-настоящему и стал опять человеком»: «И я теперь ем и пью, как все, и молюсь, как все...» (с. 141).

Сюжет «отпадения от веры», с одной стороны, Матвея, декларирующего свою «обыкновенность», но присвоившего себе роль духовного наставника старших Тереховых; с другой стороны, Якова и Аглаи, которых «не любили, потому что когда кто-нибудь верует не так, как все, то это неприятно волнует даже людей равнодушных к вере» (с. 142), – контекстуально обусловлен историей всего их неустойчивого в исповедании канонической веры рода, начиная с прабабки героев: «Тереховы вообще всегда отличались религиозностью, так что им даже дали прозвище – Богомолы. Но <...> оттого, что они жили особняком, как медведи, избегали людей и до всего доходили своим умом, они были склонны к мечтаниям и к колебаниям в вере, и почти каждое поколение веровало как-нибудь особенно» (с. 143). Матвей «с самого детства боролся с мечтаниями и едва не погиб»; Яков Иванович «после смерти жены вдруг перестал ходить в церковь и молился дома. На него глядя, совратилась и сестра Аглая»; дочь Якова Дашутку она также не пускала в церковь (с. 143, 144). В хаотическое дробление «вер» устремляется ментальная энергия потомков Авдотьи Тереховой, которая, в свою очередь, придерживалась «старой веры» (с. 143).

Яков чтит свою веру как начало упорядочивающее, организующее жизнь, равнопротяженную последовательности ритуальных директив, своего рода жизненное расписание: «Он читал, пел, кадил и постился не для того, чтобы получить от Бога какие-либо блага, а для порядка. Человек не может жить без веры, и вера должна выражаться правильно, из года в год, изо дня в день в известном порядке, чтобы каждое утро и каждый вечер человек обращался к Богу именно с теми словами и мыслями, какие приличны данному дню и часу» (с. 144). «Нужно жить, а значит, и молиться так, как угодно Богу, и поэтому каждый день следует читать и петь только то, что угодно Богу, то есть что полагается по уставу <...>» (с. 144).

Вмешательство обличающего Матвея означало в восприятии Якова нарушение установленного порядка: «...хотя слова брата считал он пустяками, но почему-то и ему в последнее время тоже стало приходить на память, что богатому трудно войти в царство небесное, что в третьем году он купил <...> краденую лошадь, что <...> какой-то пьяница умер у него в трактире от водки...» (с. 145). В стремлении восстановить покой он и устраняет Матвея. Поводом явилась сопровождаемая обычными упреками в маловерии просьба последнего дать ему немного постного масла. Прекрасно осознавая неизбежность наказания, Яков не может принять того, что его с Аглаей поведут на суд, а все будут указывать на них и «весело говорить», что «Богомолых ведут!», и ему «хотелось <...> пережить этот срам не теперь, а когда-нибудь после» (с. 154). Желание обнаруживает гордыню, свойственную Якову и до убийства, и подтверждает неизменность его самоощущения – противонаправленную гармонию систему этических установок.

Только на каторге Яков обретает разрушенную им самим гармонию: «С тех пор, как он пожил в одной тюрьме вместе с людьми, пригнанными сюда с разных концов, – с русскими, хохлами, татарами, грузинами <...>, и с тех пор, как прислушался он к их разговорам, наглядывая на их страдания, он опять стал возноситься к Богу, и ему казалось, что он наконец узнал настоящую веру, ту самую, которой так жаждал и так долго искал и не находил весь его род, начиная с бабки Авдотьи. Всё он уже знал и понимал, где Бог и как должно ему служить, но было непонятно только одно <...>, почему эта простая вера, которую другие получают от Бога даром вместе с жизнью, досталась ему так дорого <...>?» (с. 160). Таким образом, преодоление хаоса, этическим эквивалентом которого в структуре личности персонажа является гордыня, а религиозно-этическим – грех самости, – возможно как опыт собственного и приобщение к чужому страданию.

Остальные персонажи, включая Матвея, перед гибелью впавшего в свой излюбленный учительный тон, хотя, по его признанию, «не дал Бог» ему «дара» (с. 141), – не постигли значения страдания. Каторга не изменила образа мыслей ни Аглаи, ни Дашутки, ни случайного свидетеля, виновного в недоносительстве за определенную мзду, – буфетчика Сергея Никанорыча. Эти персонажи, нимало не изменившись, остались в архетипической зоне «хаоса».

Мотив хаоса организует в повести и внеперсональную сферу. По наблюдению Ю. В. Доманского, «в целом ряде мотивов архетипическое значение актуализируется всегда, вне зависимости от ситуации». Таковы «мотивы, связанные с описанием природы, стихий мироздания; мотивы, непосредственно соотносимые с циклом человеческой жизни, ключевыми моментами и категориями в жизни человека; мотивы, характеризующие положение человека в пространстве» [Доманский, 2001. С. 28].

Убийство Матвея, составляющее «внезапный поворот» в сюжетной структуре, соответствует второй группе указанных мотивов, перемещение Якова из дома на каторгу, где он в последнем эпизоде вглядывается «в ту сторону, где была родина» (с. 160), соотносится с третьей группой, но самые сильные позиции в хаотизации витального пространства в сюжете повести занимает состояние природы.

Время великого поста описывается как задержавшаяся зима, смешение, неразличение зимы и весны. «А весна в этом году поздняя <...> Оно и лучше, я не люблю весны. Весной грязно очень <...>. В книжках пишут: весна, птицы поют, солнце заходит, а что тут приятно? Птица и есть птица и больше ничего. Я люблю хорошее общество, чтоб людей послушать, <...> а эти там соловьи да цветочки – Бог с ними!» – признается Матвей, обнаруживая крайнюю глухоту к красоте мира и, соответственно, нечувствительность к гармонии – космосу (эмотивная и ценностная аннигиляция гармонического) (с. 136). «А как нарочно, каждый день, несмотря на то что уже был конец марта, шел снег и лес шумел по-зимнему, и не верилось, что весна настанет когда-нибудь» (с. 146). «Мороза не было, и уже таяло на крышах, но шел крупный снег; он быстро кружился в воздухе, и белые облака его гонялись друг за другом <...>. А дубовый лес <...> издавал суровый, протяжный шум. Когда сильная буря качает деревья, то как они страшны!» (с. 136). Архетипически страх соотносится с проникновением хаоса / мрака в мир живых существ: «С остатками Хаоса на земле связан ужас, страх, порождаемый тьмой, ночью, бесформенностью, отсутствием надёжных границ между человеком и царством Хаоса» [Топоров, 1988. С. 582]. Страх определяется как психологическая эманация стихии хаоса.

Тут же Матвею мерещится «мужик с окутанною головой, тоже весь белый», но, когда он оглянулся, «уже не было ни саней, ни мужика, как будто всё это ему только примерещилось, и он ускорил шаги, вдруг испугавшись, сам не зная чего» (с. 136). А между тем около шлагбаума «намело целые горы, и, как ведьмы на шабаше, кружатся облака снега» (с. 136). Двойное видение – сигнал распада, раздробления физической предметности – коррелирует с неопределённым, сумеречным состоянием природы.

На Сахалине, в последнем эпизоде повести, пейзаж воспроизводит хаотическое состояние действительности в ее пространственном аспекте: «Налево был едва виден высокий крутой берег, чрезвычайно мрачный, а направо была сплошная, беспросветная тьма, в которой стояло море, издавая протяжный, однообразный звук...» (с. 159). Природа индуцирует хаос, и восприятие Якова актуализирует пространственные и ценностные значения беспорядка: он «вглядывался напряженно в потемки, и ему казалось, что сквозь тысячи вёрст этой тьмы он видит родину, видит родную губернию, свой уезд, Прогонную (станцию. – Л. С.), видит темноту, дикость, бессердечие и тупое, скотское равнодушие людей, которых он там покинул <...> и хотелось жить, вернуться домой, рассказать там про свою новую веру и спасти от гибели хотя бы одного человека <...>» (с. 160). Вопреки самоощущению Якова, обретшего веру, пространство вокруг него заряжено тьмой и хаосом: «Было слышно, как на пароходе убрали якорную цепь. Дул уже сильный, пронзительный ветер, и где-то вверху на крутом берегу скрипели деревья. Вероятно, начинался шторм» (с. 160). Конец повести отме-

чен «штормовой» (хаотической) семантикой, прогнозирующей новый цикл распада – беспорядка.

Репрезентация образа дома в повести как пространственного объекта также обнаруживает вторжение хаоса в упорядоченное пространство. Напомним: дом, как архетипический образ, – это «замкнутое, отгороженное от внешнего мира “свое” пространство, символизирующее покой, безопасность, уют, благополучие и согласие в семье, достаток и т. п.» [Пыхтина, 2014. С. 13]. Дом в пространственной организации сюжета повести «заряжен» двойственностью, как и окружающая героев действительность (деньги у Якова есть, но их, как оказалось, почти и нет; молитвы в доме читаются, но провоцируют ссоры и вызывают зло, Матвей гордится своей религиозностью, но чрезмерно печется о теле, и пр.).

Повествователь сообщает, что в здании будто кто-то еще обитает, внося ощущение разделенности пространства, создавая локус чужого и страшного. В нейтральном повествовании описывается, что на пустом втором этаже трактира постоянно стучит и гудит ветер, «и казалось, что кто-то бегал, спотыкаясь о балки» (с. 137). В восприятии Якова, в свою очередь, «погода располагала и к скуке, и к ссорам, и к ненависти, а ночью, когда ветер гудел над потолком, казалось, что кто-то жил там наверху, в пустом этаже...» (с. 146). После убийства пустой этаж снова «оживает», на этот раз в фокусе трех персонажей: «Перед тем, как лечь, Богу не молились и лампад не зажигали. Все трое (Яков, Аглая и Дашутка. – Л. С.) не спали до самого утра, но не промолвили ни одного слова, и казалось им всю ночь, что наверху в пустом этаже кто-то ходит» (с. 156). Дом не воспринимается как место покоя и безопасности, и стихия хаоса проникает в это знаковое пространство.

Заключение

Таким образом, в изучаемой повести мотив хаоса реализуется в качестве универсального принципа деконструкции мира, а имплицитно присутствующий, как обычно в бинарных миромоделирующих системах, архетипический мотив космоса содержательно свернут и выдвигается только в конце в качестве сюжетной перспективы – в эволюции мировоззрения Якова. Однако равновесие двух начал потенцируется именно наличием этой перспективы.

Список литературы

- Доманский Ю. В.** Смыслообразующая роль архетипических значений в литературном тексте: Пособие по спецкурсу. Тверь: Твер. гос. ун-т, 2001. 94 с.
- Ефремова Т. В.** Новый словарь русского языка. Толково-словообразовательный. М.: Русский язык, 2000. URL: <https://www.efremova.info/> (дата обращения 30.04.2019).
- Керлот Х. Э.** Словарь символов. М.: REFL-book, 1994. 608 с.
- Мелетинский Е. М.** О литературных архетипах. М.: РГГУ, 1994. 136 с.
- Пригожин И., Сенгерс И.** Порядок из хаоса: новый диалог человека с природой / Пер. с англ. М.: Прогресс, 1986. 432 с.
- Пыхтина Ю. Г.** Функционально-семантическая типология пространственных образов и моделей в русской литературе XIX – начала XXI в.: Автореф. дис. ... д-ра филол. наук. М., 2014. 30 с.
- Топоров В. Н.** Хаос // Мифы народов мира: В 2 т. М.: Сов. энциклопедия, 1988. Т. 2. С. 579–582.
- Чехов А. П.** Полн. собр. соч. и писем: В 30 т. Соч.: В 18 т. М.: Наука, 1985. Т. 9. 543 с.

References

- Chekhov A. P.** Polnoe sobranie sochinenii i pisem. V 30 t. Sochineniya. V 18 t. [Complete Works and Letters in 30 vols. Works in 18 vols.]. Moscow, Nauka, 1985, vol. 9, 543 p. (in Russ.)

- Domansky Yu. V.** Smysloobrazuyushchaya rol' arkhетипических значений v literaturnom tekste [Semantic Role of Archetypal Meanings in Literary Texts]. Tver, Tver University Publ., 2001, 91 p. (in Russ.)
- Efremova T. V.** Novyi slovar' russkogo yazyka. Tolkovo-slovoobrazovatel'nyi [New Russian Word-Formative Vocabulary]. Moscow, Russian Language Publ., 2000. URL: <https://www.efremova.info/> (accessed 30.04.2019). (in Russ.)
- Kerlot H. E.** Slovar' simvolov [The Symbol Glossary]. Moscow, REFL-book Publ., 1994, 608 p. (in Russ.)
- Meletinskii E. M.** O literaturnykh arkhетипakh [On Literary Archetypes]. Moscow, Russian State Humanities University Publ., 1994, 136 p. (in Russ.)
- Prigozhin I., Stengers I.** Poryadok iz khaosa: Novyi dialog cheloveka s prirodoi [Order out of Chaos. Man's New Dialogue with Nature]. Moscow, Progress Publ., 1986, 432 p. (in Russ.)
- Pykhtina Yu. G.** Funktsionalno-semanticheskaya tipologiya prostranstvennykh obrazov i modelei v russkoi literature XIX – nachala XX v. [The Functional and Semantic Image and Model Typology in Russian Literature of 19th – Early 20th Century]. Dr. phil. sci. syn. diss. Moscow, 2014, 30 p. (in Russ.)
- Toporov V. N.** Khaos [Chaos]. Mify narodov mira [Myths of the People of the World]. In 2 vols. Moscow, Soviet Encyclopaedia Publ., 1988, vol. 2, p. 579–582. (in Russ.)

*Материал поступил в редколлегию
Received
15.05.2019*

Сведения об авторе

Синякова Людмила Николаевна, доктор филологических наук, профессор НГУ (ул. Пирогова, 1. Новосибирск, 630090, Россия)
scholast@ngs.ru

Information about the Author

Lyudmila N. Sinyakova, Dr of Philology, professor at Novosibirsk State University (1 Pirogov Str., Novosibirsk, 630090, Russian Federation)
scholast@ngs.ru

УДК 82'06
DOI 10.25205/1818-7919-2019-18-9-176-184

«Легенда о Великом инквизиторе» как метасюжет традиционалистской прозы

В. А. Степанова

*Красноярский государственный педагогический университет
им. В. П. Астафьева
Красноярск, Россия*

Аннотация

Статья посвящена анализу преломления метасюжета о Великом инквизиторе в традиционалистской прозе рубежа XX–XXI вв. Комплекс мотивов, заявленных в легенде о Великом инквизиторе, отвечает кризису ценностной системы, характерной для традиционализма этого периода (неотрадиционализма). Кризис сопровождается утратой ориентиров как таковых, ситуацией предельной неопределенности: мировоззренческий дуализм, свойственный «классической» традиционалистской прозе, сменяется многовариантностью. Роль Великого инквизитора, создающего ложную, но приемлемую для людей систему ценностей, играет патриархальный уклад. В произведениях Б. Екимова, М. Тарковского, Р. Сенчина следование патриархальному укладу, традиционная крестьянская работа на земле не позволяют прокормить семью, обеспечить продолжение рода. Альтернативой, найденной еще Ф. М. Достоевским, является всепрощающая любовь, которая и открывает выход в инобытие, прежде открытый любому патриархальному герою. В кризисные периоды он дарован только тем, кто способен на сознательный выбор, на жертву / самозаклание ради другого, что и позволяет преодолеть хаос и небытие.

Ключевые слова

Великий инквизитор, традиционалистская проза, неотрадиционализм, утопия, Б. Екимов, М. Тарковский, Р. Сенчин, кризис ценностной системы

Для цитирования

Степанова В. А. «Легенда о Великом инквизиторе» как метасюжет традиционалистской прозы // Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2019. Т. 18, № 9: Филология. С. 176–184. DOI 10.25205/1818-7919-2019-18-9-176-184

“The Legend of the Grand Inquisitor” as a Metaplot of Traditionalist Prose

V. A. Stepanova

*Krasnoyarsk State Pedagogical University
named after V. P. Astafiev
Krasnoyarsk, Russian Federation*

Abstract

The article deals with the analysis of the refraction of the metaplot about the Grand Inquisitor in the traditionalist prose of the turn of the 20th – 21st centuries. The complex of motives presented in the legend of the Grand Inquisitor corresponds to the crisis of the value system characteristic of the traditionalism of this period (new traditionalism). The crisis is accompanied by the loss of reference points as such, a situation of extreme uncertainty: the worldview dualism inherent in ‘classical’ traditionalist prose is replaced by multivariance. The role of the Grand Inquisitor, creating a false but acceptable system of values, plays a patriarchal way. In the works of B. Ekimov, M. Tarkovsky, R. Senchin the following the patriarchal way of life, traditional peasant work on the land does not allow one to support the family, to ensure the continuation of the family. The only alternative found by F. Dostoyevsky is forgiving love,

© В. А. Степанова, 2019

ISSN 1818-7919

Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2019. Т. 18, № 9: Филология
Vestnik NSU. Series: History and Philology, 2019, vol. 18, no. 9: Philology

which opens the way to otherness, which was previously open to any patriarchal hero. In crisis periods, it is given only to those who are capable of conscious choice, to sacrifice / self-sacrifice for the sake of another, which allows to overcome chaos and non-existence.

Keywords

Grand Inquisitor, traditionalist prose, neotraditionalism, utopia, B. Ekimov, M. Tarkovsky, R. Senchin, crisis of the value system

For citation

Stepanova V. A. "The Legend of the Grand Inquisitor" as a Metaplot of Traditionalist Prose. *Vestnik NSU. Series: History and Philology*, 2019, vol. 18, no. 9: Philology, p. 176–184. (in Russ.) DOI 10.25205/1818-7919-2019-18-9-176-184

Введение

«Легенда о Великом Инквизиторе» стала своеобразным метасюжетом русской литературы. О. С. Сухих в работе «“Великие инквизиторы” в русской литературе XX века» замечает, что «Легенда» представляет собой «квинтэссенцию волновавших писателя нравственно-философских проблем» [2012. С. 4]. Исследовательница постулирует «достоевскоцентричность» литературы XX в., что подтверждается и замечанием И. Волгина о превращении образов Ф. М. Достоевского в своеобразные литературные архетипы [Волгин, 2007]. Сюжет о Великом Инквизиторе, безусловно, является одним из наиболее значимых в русской прозе. В рамках данной статьи нас интересует, прежде всего, преломление сюжета в русле традиционалистской прозы как консервативного течения. Кризис традиционалистской прозы, пришедшийся на 1980–1990-е гг., сопровождается потерей ориентиров, мировоззренческим кризисом, что неизбежно ставит героя перед выбором между старым и новым, сакральным и профанным, жертвенностью и потребительством.

Но если традиционалисты, осмысляя кризисность направления, ставят под сомнение способности достижения идеала, но не их ценность, новое поколение писателей переосмысливает и сами ценности, и возможность их достижения. В этом ключе – разочарования в прежних ориентирах и поиска новой системы координат – написаны поздние произведения В. Распутина, Б. Екимова, эта же тенденция, но уже без попытки воссоздания традиции, присутствует в текстах М. Тарковского «Замороженное время», «Енисей, отпусти», «Бабушкин спирт», Р. Сенчина «Ёлтышевы», «Зона затопления», а также С. Шаргунова, Г. Садулаева, А. Варламова и др.

Метасюжет о Великом Инквизиторе включает в себя комплекс мотивов: мотив выбора, мотив свободы, мотив заклания себя ради идеи / бессмысленной жертвы (как инвариант), мотив любви / прощения как форма снятия противоречий, «проблема “насилованного счастья”», проблема экспериментирования над историей и вопрос о последствиях реализации этих идей для личности» [Сухих, 2012. С. 12]. Нельзя не отметить, что часть мотивов характерна для любой утопии.

В текстах Б. Екимова, М. Тарковского, Р. Сенчина тесно переплетены мотивы выбора и ответственности за сохранение ценностных ориентиров, вопрос самого права на выбор рассматривается как отступление от своей судьбы (в патриархальном обществе выбор предопределен), что коррелирует с метасюжетом «Легенды о Великом Инквизиторе».

Традиционалистская проза: кризис и варианты преодоления

Специфика образа Инквизитора заключается в том, что он, отказываясь от недостижимого идеала, создает ценностную систему – ложную, но приемлемую для людей. Система лишает людей выбора, но дает основания для самоуспокоения. В традиционализме роль такой системы, предопределяющей выбор человека и сулящей возможность счастья / спасения, играет сам патриархальный уклад, следование идеалам которого дарует охранение и выход в вечность. Таким образом, в классическом традиционализме фиксируется утопическая картина, соответствующая планке идеала, заданного Христом в сюжете о Великом Инквизиторе.

Однако уже в текстах 1980–1990-х гг. единственное, что сохраняет патриархальный уклад, – саму возможность перехода в инобытие, смерть. При этом необходимость придерживаться заданных ориентиров уже воспринимается как нежизнеспособная. Эта парадигма вполне отвечает заявленной в «Братьях Карамазовых» мысли о разделении на сильных (способных свободно следовать за Христом) и слабых (неспособных к свободе): так, патриархальные герои классического традиционализма – сильные, способные к самостоянию и защите не только себя и своего рода, но и мира окрест. Герои, отчужденные от рода, неизменно слабые, безвольные: вспомним Илью из повести В. Распутина «Последний срок» – утрата волос, подчинение жене, неспособность воспринять правду бытия. Примечательно, что именно в этот период демонстрируется разрушение общности как таковой (принципиально важной для веры, как подчеркивается в «Легенде»), происходит замещение обряда ритуалом (так, в рассказе В. Распутина «В ту же землю» похороны по городским правилам описаны как формальный ритуал, что и требует поиска нового обряда). О. Сухих подмечает, что Ф. Достоевский создает парадоксальную фигуру инквизитора-атеиста, т. е. в «Легенде» противопоставляется живая вера (воплощением которой является Христос со всепрощающей любовью) и религия (свод правил, ритуалов, за соблюдением которых следит кардинал). Что же удерживает персонажей в плане повествования в рамках нежизнеспособных правил? Традиционализм – явление не сугубо литературное, но социокультурное.

М. Берг, анализируя традиционализм как явление, констатирует: «Читательские ожидания провоцировали процесс репродуцирования приемов утопического реализма, приспособленных для решения таких задач, как “восстановление разорванной связи времен” и приобщение к опыту русской культуры XIX века, превратившейся у “шестидесятников” в еще один источник утопических представлений» [2000. С. 18].

Однако кризис любого литературного течения наступает именно на том этапе, когда это течение является легитимным и «каноничным», т. е. в роли условного Великого Инквизитора выступает сама логика направления, рамки которого каждый нарратор пытается преодолеть индивидуально, по-своему. Важность легитимности традиционализма в социокультурной жизни страны подтверждается и многочисленными государственными наградами, которые были вручены В. Распутину, В. Астафьеву, В. Белову в начале 2000-х.

Неотрадиционализм как явление формируется в 1990–2000-е гг., для него характерна утрата системы ориентиров как таковой, мировоззренческий дуализм сменяется плюрализмом, многовариантностью судеб, утрачивается та самая «общность», о которой говорит Великий Инквизитор: «Сыскать такое, чтоб и все уверовали в него и преклонились пред ним, и чтобы непременно все вместе. Вот эта потребность общности преклонения и есть главнейшее мучение каждого человека единолично и как целого человечества с начала веков» [Достоевский, 1982. С. 299].

Утрата общности – явление прежде всего социальное. Исторические события в жизни страны начала 1990-х – распад СССР, резкое расслоение общества, особое внимание к вопросам национальной идентичности – заставляют исследовать стратегии индивидуального выбора в ситуации неопределенности.

Состояние героев, зафиксированное в текстах неотрадиционализма, отвечает представлению Великого Инквизитора о том, что человек не в состоянии справиться со своей свободой: первый этап – бунт: «Они ниспровергнут храмы и зальют кровью землю. Но догадаются наконец глупые дети, что хоть они и бунтовщики, но бунтовщики слабосильные, собственного бунта своего не выдерживающие. <...> беспокойство, смятение и несчастье – вот теперешний удел людей после того, как ты столь претерпел за свободу их» [Там же. С. 301]. Особенно актуальным сюжет о бунте становится в начале 2000-х: он реализуется в романах «Санька» З. Прилепина, «Лед под ногами» Р. Сенчина, «1993» С. Шаргунова и др.

Метасюжет о Великом Инквизиторе в прозе Б. Екимова

Наиболее явно метасюжет о Великом Инквизиторе проявляет себя в повести Б. Екимова «Пиночет» (1999). У Ф. М. Достоевского сформулировано, что система, удерживающая человека в ценностных рамках, формируется на основании «чуда, тайны, авторитета» (то, что Христос в романе отвергает, а Инквизитор использует) [Достоевский, 1982. С. 30]. Утопия во многом также опирается на данные основания. В повести Б. Екимова показывается развенчание социальной утопии, связанной (в данном случае косвенно) и с религиозными представлениями традиционалистов.

Н. Ковтун в статье «Патриархальный миф в традиционалистской прозе рубежа XX–XXI веков» отмечает: «Пространство колхоза организовано в стилистике обетованности (последний ковчег) и одновременно отмечено классическими признаками казарменной утопии. Хутор освобождается от инородцев – корыстных чеченцев, здесь утверждается железная дисциплина, по дорогам встают караульщики, окрест гумна, коровников пропускается колючая проволока, доносительством занимаются даже дети. Мир окрест – непредсказуем, хаотичен, ассоциируется с Содомом, где гибнет все живое» [2013. С. 85].

Легенда о Великом Инквизиторе в новой интерпретации есть воплощение проекта Корытина. Сын принимает колхоз «Христа ради» как завет от умирающего отца. Неслучайно именно после согласия сына умирает старый председатель: «Так он и умер, спокойно, во сне» [Екимов, 2011. С. 398]. Смерть во сне – атрибут праведности, исполненности судьбы, снег, покрывающий кладбище, знаменует переход в метафизическое. Герои повести оказываются в мире хаоса, где бывшие ориентиры утрачены, новые не выстроены, община разрушена. Важной характеристикой нового мироустройства выступает отказ от земли: «А земля нам задаром не нужна. Зубами ее грызть не будешь! От огорода руки не владают. На черта она, эта земля?! Не землю, зарплату дайте, как раньше! За надой, за привес, за теляток, премию – чтобы за все копейка шла. А земля наша лишь на кладбище» [Там же. С. 411]. Надежда на выживание связывается с пенсиями стариков: «Говорим ей: гляди не помирай. И у всех так: молятся на стариков. Дожились» [Там же. С. 411]. Степан, прямо названный в тексте богатырем, не способен прокормить семью, так как не может воровать, его дочь готова идти в манекенщицы, что, несомненно, грозит бедой. Вывернутый мир, в котором старики содержат семью, а зрелые люди оказываются беспомощны, не содержит уже надежды на возрождение утопического начала.

Принятая молодым председателем миссия исполнения воли отца является закланием себя ради идеи: подчеркивается неоднократно, что Корытин отказался от более прибыльного места, но в родном колхозе пытается возродить благополучие, действуя силой. Он выступает богатырем, пытающимся в одиночку сладить с врагом: «Сила пришла, какую шашкой не возьмешь. С ней и пушкой не сладишь. Гаубицей», – говорит Петрович о новом времени [Там же. С. 423]. И хотя сам Корытов повторяет, что старое не вернуть («Ни царя-батюшку, ни прошлую нашу жизнь. Что с возу упало, тому – конец. Это главное, что надо понять» [Там же. С. 425]), тем не менее, именно возрождением прошлого он и занимается. Волевым усилием, преодолевая всеобщую ненависть, удается председателю по крупицам восстановить самое необходимое для жизни (хотя о райских садах и изобилии речь уже не идет), но очевидно, что это держится одним человеком, само же общество уже не является общиной, разрознено и инфантильно: «Все кинь, завтра – дикое поле. А понастроили: фермы, мастерские... И все в дым: растянут, разломают, сожгут. Детвора. <...> С папой привыкли жить, в семье. Прикажут: “Паси”, – значит – паси; “Коси!” – буду косить. А без папки хоть помирай» [Там же. С. 448]. Разделение общества на «сильных», выбирающих следовать отжившим заветам, и «слабых», растерянных и бунтовщиков, коррелирует с метасюжетом, заявленным Достоевским.

В тексте развенчиваются и патриархальная, и казарменная утопии: подвижничество одного человека способно лишь привести его к смерти (недаром сестра прощается с Корытовым навсегда), но сохранить минувшее, а тем более создать новое жизнеспособное пространст-

во – невозможно. Былые ценности утрачены, а для новой утопии нет оснований. Повесть «Пиночет» в контексте метасюжета о Великом Инквизиторе фиксирует состояние удержания нормы одним человеком, что – в логике развития сюжета – обречено, сулит гибель не только утопии, но и самого героя.

В более поздней повести Б. Екимова «Предполагаем жить» (2008) явлена попытка преодоления ситуации кризиса. Повесть представляет собой, скорее, манифест, чем художественное произведение, что довольно типично для представителей «деревенской прозы»: столкнувшись с кризисом традиционных ценностей, писатели становятся ораторами, обращаются к публицистике, схематичным произведениям (В. Распутин, В. Астафьев, С. Залыгин, А. Солженицын и др.). Повесть ориентирована на поиск нового основания, но поиск утопии уже не географический, не связан с границами родового пространства, а заключен в выборе жизненного пути. Идея – «Ничего нам не надо. А один лишь покой. Дом у реки, у моря. Сосновая роща. Живи и радуйся» [Екимов, 2008] – воспринята Ильей от умирающего незнакомца. И река, и сосновая роща обладают глубоким символическим значением. Река помимо границы означает и переход. Во многих культурах сосна олицетворяет «древо жизни». Кроме того, сосна является символом бессмертия (недаром ее часто используют для озеленения кладбищ).

В повести исследуются уже не коллективные (как в «Пиночете» – колхоз), но индивидуальные стратегии выбора жизненного пути.

Каждый собеседник героя, с которым Илья делится идеей покоя и уединения, отказывается от следования утопическому идеалу, откладывает обращение к покою и созерцанию на будущее, данный выбор почти незамедлительно приводит героев к смерти. Такое прямолинейное и довольно схематичное уничтожение героев, сделавших неправильный выбор, демонстрирует его предопределенность. В поисках покоя Илья оказывается сначала на хуторе у бабушки Насти, на Дону. Есть и река, и уединение, и родовые связи. Но и в этом заповедном месте приходится спасать могилы от разорения, да и Илью отсылает из поместья бабушка, опасаясь беды: «Моя сына, не возьми в обиду, но тебе лучше уехать» [Там же]. А на Волге, в поместье тетки Ангелины, простор, описанный как рай, замещается деньгами и роскошью, простота не воспринимается как благо.

Примечательно, что в «Легенде» Достоевского единственным способом преодоления хаоса и истинного следования за идеалом является всепрощающая любовь, которая и открывает надмирное. В повести Екимова таким выходом, способом обретения своей судьбы оказывается служение людям. В этом ключе выписаны образы отца Ильи, врача Хабарова, который символично возвращал людям зрение, память о нем сопровождает сына на протяжении всего текста, является, по сути, единственной опорой, обретенной им.

Подобной же исполненностью судьбы обладает баба Настя, окормляющая и растящая внуков, готовая помочь всей родне, уберечь могилы. Судьба её – от раннего сиротства до старости – наполнена работой и долгом перед родными: «Тяжело, моя сына. Но ведь – свои, родненькие. Их не кинешь» [Там же].

По-своему исполняет завет и сосед её, Арчаков, названный хозяином реки, собирающий сирот со всего света, отделяется от всех людей, к нему не проберешься, его жена говорит: «“Колхоз у нас будет”». «Взаправди колхоз» [Там же], – подтверждает бабушка Настя.

Б. Екимов в своих произведениях совмещает былой идеал с новыми условиями. Патриархальный хозяин Холюша в условиях переломного времени, разорения колхоза оказывается нежизнеспособен, странен. Корытин – прямая реализация идеала коммунистической утопии – в условиях меняющегося мира способен только вызывать ненависть, порождать насилие. По сути, в основании кризиса утопии в прозе автора лежит анахронизм. Герои Екимова оказываются перенесены из прошлого в современность в первозданном виде, что усиливает их чуждость, их традиции, устои, образ жизни неприменимы к новому миру. Единственный выход, который достаточно прямолинейно предлагает писатель в финальной повести, – обретение себя через служение людям.

Метасюжет о Великом Инквизиторе в прозе М. Тарковского

Иначе преломляется метасюжет в художественном мире М. Тарковского. В прозе писателя картина мира является тернарной: город – деревня – тайга. Тайга – пространство, «где мир сведен до размеров, когда в нем еще можно навести порядок своими руками» [Тарковский, 2014. С. 67]. Природа возведена в абсолют: «...природа – самый простой язык, на котором небо разговаривает с людьми <...> словно чудо произошло – уже не страшно, что иголки плывут, а тебя больше нет. Плывайте, мои золотые, плывите, да напоминайте нашим детям: кто служит вечной красоте, да не стыдится повторений» [Там же. С. 83–84]. Именно природа задает цикл забот, который наряду с кругом забот о ближних обеспечивает тот самый выход в вечность, который коррелирует и со всепрощающей любовью Христа.

Другие стратегии – поиск «новой жизни», отказ от промысла, переезд в город – маркированы как кризисные, деструктивные. Стратегия поиска новой жизни наиболее полно проявляется в образе Сереги из повести «Стройка бани». Внешнее сходство с отцом лишь подчеркивает внутренние различия, для него охота была «не всепоглощающим потомственным делом, а лишь чудаческим дополнением ко всему остальному» [Там же. С. 155], долгие месяцы «общей таежной жизни» с отцом перечеркиваются одним днем. Склонность Сереги «болеть», ложиться при малейшем недомогании тоже атрибутирует его как человека, чуждого таежной жизни. Отъезд в город и последнее его письмо к отцу с просьбой прислать рыбы, в то время как Иваныч строит баню и думает, «что дела надо доводить до конца, и то, что скорее умрет, чем позволит пропасть многовековому мужицкому опыту» [Там же. С. 148]. То, что «сам отъезд Сереги был пустяком... по сравнению с общей бедой, когда твое дело жизни оказывается ненужным сыну» [Там же. С. 177], – лишь подтверждает, что выбор взрослыми детьми иного пути – явление общее, свидетельство переломной эпохи, хаоса новой жизни.

Иную стратегию выбирает Парень, герой повестей «Ложка супа» (2000) и «Бабушкин спирт» (2004). Парень живет в баньке, и, «пока не пьет, цены нет, а как заусило – пропади все пропадом» [Там же. С. 212]. Первая повесть заканчивается тем, что Парень на время возвращается к детскому, беспомощному состоянию: он ослеп от пьянки, мать кормит его, водит, её «жалеющая, горчайшая и одновременно сладостная полуулыбка будто говорила: да, вот мы и вернулись, откуда пришли» [Там же. С. 235]. Примечательно, что Парень связан с Енисеем «навсегда». Это свидетельствует о том, что осмыслить его образ следует именно в контексте образов патриархальных героев. В повести «Бабушкин спирт» Парень становится Дядькой, он «так сократил количество действия, что почти впал в некий анабиоз <...> В оценении его не было ничего жалкого» [Там же. С. 239]. Отказ от деятельности, признание ее бессмысленной – иной вариант отчуждения от собственной судьбы. Но отчуждение это – созерцательное, неслучайно и дом назван «лбом жизни», и время в этом пространстве течет по-особому, оно тоже «замороженное»: «...вечно у горизонта что-то сеялось, никогда не приближаясь» [Там же. С. 240]. Дядька и Василий в тексте противопоставлены.

Василий – пахарь, он живет хлопотами и заботами, в работе, но «все вроде бы уходило в отвал, вдрызг он срабатывался сам» [Там же. С. 242], традиционная деятельность патриархального героя уже не релевантна в изменившемся мире, не является устойчивым, позволяющим выжить, но преобразуется в гонку, которая не приводит к результату. Про Дядьку сказано, что он «ближе всех казался к какой-то первой правде» [Там же. С. 244], ждал от железа – «вечного, возобновимого» [Там же. С. 245]. Его бездеятельность, созерцательность – уход от мира, он отказывается принимать его новые законы, но и восстановить старые не в состоянии, соответственно, оцепенение – возможность не участвовать в происходящем: «...если бы все так забастовали, то проучили бы извертевшийся мир, и жизнь снова обрела бы тот вдумчивый строй, когда говорил человек с природой без посредников» [Там же. С. 244].

Противоположность стратегий Сереги и Дядьки заключается в том, что сама возможность сделать выбор, отказаться от родовой судьбы отражает кризис, хаос. Дядька же отвергает выбор как таковой, застывает в созерцании.

Однако если у Б. Екимова идея Великого Инквизитора в повести «Пиночет» реализуется через личную жертвенность, принуждение людей к праведной жизни (спасению) вопреки их воле, то у Тарковского трагизм заключается в том, что выбор является индивидуальным. В повести «Енисей, отпусти» (2004) сказано: «Енисей брал на духовное иждивение лишь тех, у кого выбора не было» [Тарковский, 2014. С. 280].

Наиболее противоречивым в этом ключе является образ Бабушки, выписанной в стилистике праведничества, но при этом торгующей спиртом. Очевидно, что Бабушка принадлежит к патриархальным героям, вписана в природный цикл и в круг забот о ближних, но при этом она решается на торговлю спиртом. Тема алкоголя лейтмотивом проходит через все тексты писателя, является тем мерилом, которое определяет способность человека к выживанию, исполнению судьбы. Но финальный вывод: «Жизнь давно превратилась в неравную войну трезвых и пьяных, и выходило, жить натрезвяк и при порядке беспокойно и неудобно» [Там же. С. 255], – свидетельствует о смене ориентиров. Алкоголь маркирован однозначно негативно: «с похмелья душа отнимается», – так подчеркивается духовная смерть через отступление от традиционных устоев.

Бабушка принимает решение «замараться» торговлей, «поскольку задавила нищета и нерадивость близких» [Там же. С. 255]. Торговля нацелена на помощь своей семье, но, когда пьяная Галька сжигает хлеб, Бабушка замечает: «Что же я наделала?» [Там же. С. 266]. Интенция покаяния и впадение в грех ради спасения близких (пусть и мнимого) актуализирует сюжет о Сонечке Мармеладовой. Именно намерение оказывается более значимым, чем его реализация, преодолевая рамки заданных ценностей. Бабушка получает отпущение грехов, свидетельством чему и является то, что «взъярившиеся небеса не желали отдавать Бабушкино тело земле» [Там же. С. 269].

Метасюжет о Великом Инквизиторе в прозе Р. Сенчина

Совсем иной контекст приобретает торговля спиртом в романе Р. Сенчина «Ёлтышевы», где последовательность ошибочных решений приводит к разложению и гибели. В романе вопрос выбора пути задается уже с первых строк, но – при этом – неизменно сопровождается отрицательной коннотацией: выбор не сделан или сделан неправильно: «...тот момент, когда, как в сказке про богатыря, нужно было выбрать путь, по которому двинуться дальше, Ёлтышев проспал. <...> появлялась то одна, то другая возможность действительно изменить судьбу. Но он не решался» [Сенчин, 2017. С. 8]. Возвращение на родину, в деревню, Валентины имеет совсем иные коннотации, чем в «классической» традиционалистской прозе или даже у Екимова и Тарковского. Прощаясь с городской квартирой, Валентина «взвыла, как на похоронах, повалилась» [Там же. С. 31]. Выбор остается прерогативой старшего поколения – именно Николай и Валентина совершают ошибки, принимают индивидуальные решения. В их сыновьях воплощены два типажа: Артем – философ (упоминается иронически), а Денис – воин. В изменившемся мире герой-интеллектуал не жизнеспособен, не может ни поддержать семью, ни устроить свою судьбу – отказывается и от труда, и от сына, и нелепо гибнет в ссоре с отцом. Денис, хоть и не воевал, но приобрел вид «бывалого парня – ходил с перевальцем, долго после дембеля носил форму, хищно посапывал перебитым носом, всегда был настроен подраться, собирался наняться то в иностранный легион, то в спецназ» [Там же. С. 39]. Важно, что акцент сделан именно на форме, это тоже карикатура на типаж, несчастливо воин оказывается в тюрьме, а освободившись, не успевает ничего поправить – его убивают в первую же ночь дома.

Так обрываются судьбы героев, которые – каждый по-своему – отказались делать выбор / следовать своей судьбе. Иначе строится жизнь их родителей: выбор Николая – череда насилия (от использования газа в медвытрезвителе до убийств, которые описываются исключи-

тельно как физическое действие, без рефлексии), выбор Валентины – пьянство, а потом и участие в торговле спиртом, что демонстрирует постепенный отказ от ценностных ориентиров. Принципиальное отличие от Бабушки в повести Тарковского заключается в отсутствии жертвенности – Ёлтышевы торгуют спиртом ради собственного благосостояния.

Трагизм Сенчина заключается в том, что изменившийся мир не предполагает моделей самостояния: любой выбор ведет к разрушению и смерти. По сути, выбор – лишь иллюзия, хотя на протяжении всего текста подчеркивается, что герои принимают неправильные решения, альтернативы в плане повествования нет.

Заключение

Таким образом, метасюжет о Великом Инквизиторе в преломлении традиционализма демонстрирует мир бунтующий, утративший систему ориентиров, но обретший свободу выбора. Хаос преодолевается только способностью личности к любви и жертве, без которых невозможно приобщиться к вечности (бессмертию души).

Список литературы

- Берг М.** Литературократия. Проблема присвоения и перераспределения власти в литературе. М.: НЛО, 2000. 342 с.
- Волгин И. Л.** Достоевский в изгнании // Октябрь. 2007. № 8. URL: <http://magazines.russ.ru/october/2007/8/vo9.html> (дата обращения 23.06.2018).
- Достоевский Ф. М.** Братья Карамазовы // Достоевский Ф. М. Собр. соч.: В 12 т. М.: Правда, 1982. Т. 4. 384 с.
- Екимов Б. П.** Пиночет // Екимов Б. П. Привет издалека: рассказы, повести. М.: Русский мир, 2011. С. 390–454.
- Екимов Б. П.** Предполагаем жить // Новый мир. 2008. № 5, 6. URL: http://magazines.russ.ru/novyi_mi/2008/5/ek2.html (дата обращения 23.06.2018).
- Ковтун Н. В.** Патриархальный миф в традиционалистской прозе рубежа XX–XXI веков // Сибирский филологический журнал. 2013. № 1. С. 77–87.
- Сенчин Р. В.** Ёлтышевы // Сенчин Р. В. Срыв: проза жизни. М.: АСТ, 2017. С. 5–246.
- Сухих О. С.** «Великие инквизиторы» в русской литературе XX века. Н. Новгород: Медиа-график, 2012. 208 с.
- Тарковский М. А.** Избранное. Новосибирск: ИД «Историческое наследие Сибири», 2014. 496 с.

References

- Berg M.** Literaturokratiya. Problema prisvoeniya i pereraspredeleniya vlasti v literature [Literaturokratiya. The Problem of Appropriation and Redistribution of Power in Literature]. Moscow, NLO Publ., 2000, 342 p. (in Russ.)
- Volgin I. L.** Dostoevskiy v izgnanii [Dostoevsky in Exile]. *Oktyabr'*, 2007, no. 8. URL: <http://magazines.russ.ru/october/2007/8/vo9.html> (accessed: 23.06.2018). (in Russ.)
- Dostoevskiy F. M.** Brat'ya Karamazovy [The Brothers Karamazov]. In: Dostoevskiy F. M. Sbranie sochinenii [Collected Works]. In 12 vols. Moscow, Pravda Publ., 1982, vol. 4, 384p. (in Russ.)
- Ekimov B. P.** Pinochet [Pinochet]. In: Ekimov B. P. Privet izdaleka: rasskazy, povesti [Hello from Afar: Stories, Novels]. Moscow, Russkii mir Publ., 2011, p. 390–454. (in Russ.)
- Ekimov B. P.** Predpolagaem zhit' [We Intend to Live]. *Novyi mir*, 2008, no. 5, 6. URL: http://magazines.russ.ru/novyi_mi/2008/5/ek2.html (accessed: 23.06.2018). (in Russ.)

- Kovtun N. V.** Patriarkhal'nyi mif v traditsionalistskoi proze rubezha XX–XXI vekov [Patriarchal Myth in the Traditionalist Prose of the Turn of the 20th – 21st Centuries]. *Siberian Journal of Philology*, 2013, no. 1, p. 77–87. (in Russ.)
- Senchin R. V.** Eltyshyevy. In: Senchin R. V. Sryv: proza zhizni [Disruption: Life Prose]. Moscow, AST, 2017, p. 5–246. (in Russ.)
- Sukhikh O. S.** “Velikie inkvizitory” v russkoi literature XX veka [“The Great Inquisitors” in Russian Literature of the 20th Century]. Nizhnii Novgorod, Media-graphic Publ., 2012, 208 p. (in Russ.)
- Tarkovsky M. A.** Izbrannoe [Favorites]. Novosibirsk, Istoricheskoe nasledie Sibiri Publ., 2014, 496 p. (in Russ.)

Материал поступил в редколлегию
Received
10.05.2019

Сведения об авторе

Степанова Василина Андреевна, кандидат филологических наук, доцент кафедры мировой литературы и методики ее преподавания, Красноярский государственный педагогический университет им. В. П. Астафьева (ул. Ады Лебедевой, 89, Красноярск, 660049, Россия)
burivouh@mail.ru
ORCID 0000-0001-9579-8120

Information about the Author

Vasilina A. Stepanova, Candidate of Philology, senior lecturer of the Department of World Literature and Methodic of teaching Faculty of Philology, Krasnoyarsk State Pedagogical University named after V. P. Astafiev (89 Ada Lebedeva Str., Krasnoyarsk, 660049, Russian Federation)
burivouh@mail.ru
ORCID 0000-0001-9579-8120

УДК 821.161.1

DOI 10.25205/1818-7919-2019-18-9-185-193

Своеобразие комического в фельетонах М. Стоговского (1918–1919)

Е. А. Денисова

*Институт филологии СО РАН
Новосибирск, Россия*

Аннотация

Статья посвящена творчеству Михаила Николаевича Ананьева, публиковавшегося под псевдонимом Мих. Стоговский. Проанализирована поэтика его остросатирических текстов, опубликованных в Ново-Николаевской газете «Русская речь» в 1918–1919 гг. Комическое в фельетонах М. Стоговского формируется на фоне резко изменившейся жизни, он описывает абсурдность современной ему реальности. М. Стоговский обращается ко многим жанрам: очеркам, заметкам, словарным статьям, басням, сказкам и др. Особенность его поэтики – использование уже готовых универсальных форм. М. Стоговский брал за основу своих текстов не только понятные многим иносказательные, народные жанры, но и известные произведения других авторов. За два года работы в Ново-Николаевской газете в его творчестве прослеживается динамика от легких юмористических текстов до острой сатиры на новый политический режим.

Ключевые слова

Михаил Стоговский, сибирская литература, комическое, периодика, фельетон, литература XX века

Благодарности

Статья подготовлена при поддержке гранта РФФИ и Правительства Новосибирской области 18-412-540003 p_a «“Паралипоменон” сибирской литературы XX века в архивах и книжных собраниях Новосибирской области»

Для цитирования

Денисова Е. А. Своеобразие комического в фельетонах М. Стоговского (1918–1919) // Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2019. Т. 18, № 9: Филология. С. 185–193. DOI 10.25205/1818-7919-2019-18-9-185-193

The Peculiarity of the Comic in M. Stogovsky's Feuilletons (1918–1919)

E. A. Denisova

*Institute of Philology SB RAS
Novosibirsk, Russian Federation*

Abstract

Mikhail Stogovsky is the pseudonym of the now-forgotten Siberian author Mikhail Nikolaevich Ananyev. In 1918–1919 he regularly published his satirical texts in the newspaper *Russian Speech*. The newspaper was published in the Siberian city, which was then called Novo-Nikolaevsk. M. Stogovsky describes the absurdity of modern reality, so he often uses quotations from newspapers as epigraphs that define a comic position. During two years of work in the Novikolaevsk's newspaper, there is a dynamic in his texts: from light humorous texts to sharp satire about the new political regime. M. Stogovsky preferred allegorical genres (fables, fairy tales), many of which are devoted to the topic of political struggle at the end of 1918 and at the beginning of 1919. By the end of 1919, the Bolsheviks and their political regime became the main object of ridicule, because Siberia was still under the control of the White Army during the publication of the newspaper *Russian Speech*. Bolshevism was perceived as an enemy movement, the authors faced the task of creating not just an entertaining text, but creating negative images of the leaders of Bolshevism, therefore caricature images of Lenin and Trotsky often appear in feuilletons. However, M. Stogovsky created a satire on all levels of society, including the local government and ordinary citizens. He skillfully mastered such comic tech-

© Е. А. Денисова, 2019

ISSN 1818-7919

Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2019. Т. 18, № 9: Филология
Vestnik NSU. Series: History and Philology, 2019, vol. 18, no. 9: Philology

niques as irony and sarcasm, creating multi-valued, multi-level jokes and ridicule. This talent allowed M. Stogovsky to stand out among a large number of his contemporary feuilleton authors.

Keywords

Mikhail Stogovsky, Siberian literature, comic, periodicals, feuilleton, literature of the 20th century

Acknowledgements

The grant with the support of the Russian Foundation for Basic Research and the Government of the Novosibirsk Region 18-412-54003 p a “*Paralipomenon* of Siberian literature of the 20th century in the archives and book collections of the Novosibirsk Region”

For citation

Denisova E. A. The Peculiarity of the Comic in M. Stogovsky's Feuilletons (1918–1919). *Vestnik NSU. Series: History and Philology*, 2019, vol. 18, no. 9: Philology, p. 185–193. (in Russ.) DOI 10.25205/1818-7919-2019-18-9-185-193

В последние годы в научной среде растет интерес к региональной литературе начала XX в., среди ее представителей нередко встречаются действительно талантливые и оригинальные авторы. Однако многие их имена, тексты и судьбы в настоящее время забыты и незнакомы широкой читательской аудитории. Вместе с тем они являются важной частью русской литературы, их творчество необходимо изучать для включения его в культурно-литературный процесс XX в.

В статье впервые вводятся в научный оборот сведения о забытых страницах истории сибирской печати, в частности, о литературном процессе в Ново-Николаевске в годы Гражданской войны.

Михаил Стоговский – псевдоним Михаила Николаевича Ананьева. В 1918–1919 гг. он регулярно публиковал свои остросатирические тексты в газете «Русская речь», в рубрике «Маленький фельетон». «Русская речь» – Ново-Николаевская беспартийная политическая, экономическая и литературная газета, которая выходила ежедневно с октября 1918 по декабрь 1919 г. Редактором этой газеты был удивительно разносторонний человек – Георгий Яковлевич Жук (1884–1941) – впоследствии известный деятель обновленчества церкви, где он получил сан митрополита Архангельского. В 1926–1933 гг. был настоятелем храма на Ваганьковском кладбище. В 1918 г. параллельно с редакторской работой в газете «Русская речь» и журнале «Русский богатырь» он работал законоучителем Ново-Николаевской учительской семинарии. После ее закрытия он становится священником Успенской кладбищенской церкви города Ново-Николаевска.

М. Н. Ананьев родился в 1877 г., вырос в известной купеческой семье Ананьевых недалеко от Симбирска в деревне Стоговка; название местности объясняет происхождение его псевдонима. Родная сестра отца Михаила Николаевича была женой известного поэта и писателя Скитальца (литературный псевдоним Степана Григорьевича Петрова; 1869–1941), который не раз останавливался в доме Ананьевых. Первая часть его романа «Дом Черновых» посвящена описанию жизни семьи Черновых в Стоговке (в романе имение называется «Волчье логово»). Члены семьи Ананьева (Мих. Стоговского) стали прототипами героев этого романа [Край Ильича..., 1985. С. 193].

В Ново-Николаевск М. Стоговский попал из Симбирска, по-видимому, с частями белой армии; о его судьбе после 1919 г. ничего не известно.

В 1907 г. в Симбирске в типографии А. И. Колосова вышла его книга «Басни, сказки, пародии, стихотворения». Книга, созданная на волне первой русской революции, была наполнена острыми политическими сочинениями, разоблачавшими самодержавие, поэтому тираж был конфискован и почти полностью уничтожен. Известно о существовании двух экземпляров: один хранится в Ульяновской областной научной библиотеке имени В. И. Ленина (Дворец Книги), другой был в свое время в личной коллекции букиниста Б. Карамзина [1962].

В 1907 г. М. Стоговский был редактором симбирской газеты «Вести с Волги», которая печаталась в той же типографии. Он публиковал свои тексты в «Самарской газете», газете Нижнего Новгорода «Волгарь» [Бейсов, 1966. С. 118] и «Охотничьем вестнике» [Масанов,

1958. С. 140], «Вестнике штаба Отдельной Оренбургской армии», газете «Русская речь» и журнале «Русский богатырь» (Ново-Николаевск).

М. Стоговский был одним из самых активных авторов газеты «Русская речь». Его фельетоны отличались большой оригинальностью, он обращался ко многим жанрам и жанровым разновидностям, использовал различные приемы создания комического эффекта.

В фельетонах М. Стоговского положения современного мира доведены до абсурда. Например, «взятки, взятки и взятки...» – так охарактеризовал один из попутчиков повествователя способ доставки товаров с Дальнего Востока в фельетоне «Путевые заметки»:

– Но, позвольте, как же взятки? – Усомнились мы. – Теперь, ведь, железные дороги на военном положении, за спекуляцию и взятничество чуть ли не расстрел угрожает. Неужели и это не действует?

– Как не действует? И даже очень. Ставки повысили. Где раньше тысячу брали, две берут. Страхуются¹ (Путевые заметки, 1919, с. 3).

Однако это не автор доводит до абсурда положения внутри созданного им художественного мира; он описывает абсурдность современной ему жизни, которая может восприниматься как смешное обстоятельство, только будучи заключенной в рамки сатирического текста. Ярким примером развития сюжета на основе абсурдного положения являются тексты, в которых М. Стоговский в качестве эпитафии выбирает цитаты из местных газет. Например:

Группой демократических избирателей подан протест на выборы в Городскую Думу. Мотив протеста – неадекватный размер избирательных записок (В стане побежденных, 1919, с. 3).

Сюжет фельетона объясняет мотивацию демократов подать такой протест: выборы проиграла, но существует необходимость оставаться у власти, «известно следы замести надо».

Комическое в фельетонах М. Стоговского формируется на фоне резко изменившейся жизни; как следствие, он описывает не только новые условия быта, но и появление новых слов. Можно найти тексты, организованные по типу словарной статьи или просто строящиеся на объяснении значения какого-нибудь нового слова. Ниже представлено объяснение слова «ориентация»:

Самая популярная и распространенная у нас ориентация на «авось, да небось» и «куда кривая не вынесет»... – хотя и является, так сказать, нашим исторически самобытным достоянием, в оде лаптей, самовара и нагайки, но как уже неоднократно доказано на горьком опыте, придерживающиеся этой ориентации с фатальным постоянством занимали в итоге не совсем удобную позицию на бобах, или в калоше. Приведем несколько образцов ориентации: <...> У спекулянтов барахолки ориентация на безвыходное положение обывателя (которая формулируется так: куды ему деваться – заплатит). <...> У большевистских провокаторов, распускающих очередные басни, ориентация на утрату обывателем здравого смысла (Ориентация, 1919, с. 3).

Еще одним примером является текст «Добавление к энциклопедическому словарю», опубликованный вне рубрики «Маленький фельетон», где М. Стоговский дает краткое объяснение сразу нескольким словам и словосочетаниям:

Варфоломеевская ночь. Вообще всякая ночь в городах советской России;
Декрет. Краткое руководство для громил и бандитов. Советский катехизис;
Саботаж. Нежелание вить веревку на свою шею
(Добавление к энциклопедическому словарю, 1919, с. 4).

Новый послереволюционный мир автор моделирует по законам карнавального миропорядка. Отсюда, например, использование имен античных богов или итальянского поэта Данте, упомянутых в фамильярной форме:

Да и что говорить об истории, когда сама богиня истории Клио, забыв свой преклонный возраст, сделала великолепный пируэт, махнув лет на 200, не то вперед, не то назад. Мы сами теперь творим историю. И вот это, я вам доложу, может выйти история (Наш городок, 1918, с. 3);

¹ Здесь и далее тексты Мих. Стоговского воспроизводятся в соответствии с современными нормами орфографии и пунктуации.

Уставшие люди так легко поддаются эффекту при благосклонном участии Бахуса, а влияние этого веселого божка сказывалось на всем: то тут, то там вспыхивали и разгорались скандальчики (Путевые наброски, 1919, с. 3);

Как мы ехали <в поезде. – Е. Д.>, описывать не буду, тут кажется, спасовал бы сам Данте наспециализировавшийся мысленно в своих странствованиях по чистилищам. Для меня навсегда останутся загадкой, как не отбивает охоту, этот крошечный ад к подобным экскурсиям у паломников – спекулянтов (Путевые наброски, 1919, с. 3).

Разнообразие жанров у М. Стоговского было связано не только с желанием удивить и привлечь читателя, во многом это было обусловлено и историческими событиями, происходившими на тот момент в стране и непосредственно в Ново-Николаевске. Перед ним и современными ему авторами стояла задача описать новый мир и его устройство, поэтому они выбирают жанры наиболее доступные для массового читателя: очерк, заметка, словарная статья, и более метафоричные, но в то же время понятные каждому иносказательные формы басни и сказки.

В большом тематическом разнообразии фельетонов М. Стоговского можно выделить несколько основных направлений. В конце 1918 г. автор обращался к жанрам, предполагающим иносказание, к универсальным формам для создания комического текста. Большинство произведений этого периода посвящено теме политической борьбы: появляется басня «Гуси», где за власть борются гуси и сороки, фельетон «Большой беговой день» о скачках, где каждая лошадь представляет свое политическое движение. В забеге участвуют:

1) *Большевик* <здесь и далее в этой цитате курсив автора. – Е. Д.>, рыжий жеребец (выводной из Германии) <...> Зав. Ленина и К-о. Едет Л. Троцкий. Камзол рукава и картуз пурпуровые. 2) *Учредилка*, соловая кобылка В. Чернова. <...> Зав. А. Керенского. Едет владелец. Камзол, рукава и картуз красные. <...> 4) *Русский Витязь*, серый жеребец. Государственная собственность. <...> Едет А. Колчак. Рукава и картуз защитного цвета, через плечо георгиевская лента (Большой беговой день, 1918, с. 3).

Также появляется сказка «О трех братьях и Жар-птице», пропитанная иронией к большевикам. Начинается она так:

Жили на селе три брата. Двое умных, а третий Большевик. Матери одной, а отцы разные. Старшой Иван Эсдекович, второй Иван Эсерович, а третий Большевик так, приبلудный (О трех братьях и Жар-птице, 1918, с. 3).

В период выпуска газеты «Русская речь», в 1918–1919 гг. Сибирь еще была подконтрольной территорией Белой армии, поэтому, несмотря на беспартийность газеты, прослеживалась единая социально-политическая линия, в которой большевики являлись врагами; они и их режим регулярно становились объектом осмеяния. Например, в фельетоне «Приятельская беседа» два товарища обсуждают большевиков и жизнеспособность большевизма:

– И им место найдется. Когда думаешь, их утопические теории могли бы воплотиться на земле в действительность, если допустить, что вообще-то они жизнеспособны.
– Да, как тебе сказать... Не так уже скоро, лет 200–300, а то и все 500.
– Прекрасно. Оставлять их нельзя, потому зараза. Вешать только за то, что родились на 500 лет раньше, тоже не резон.
– Исправить ошибку природы. Заморозить скороспелых пророков по способу профессора Бехметьева и пусть себе полеживают в погребнице до поры до времени в состоянии анабиоза, пока благодарные потомки не сочтут своевременным использовать мороженых пророков (Приятельские беседы, 1919, с. 3).

В основе комического эффекта в этом тексте лежит псевдонаучная теория, выраженная сочетаниями слов, сближающих высокое и низкое (понятие «пророк» сочетается с определением «скороспелый»). Для большинства произведений М. Стоговского характерно употребление просторечной лексики, которая усиливает комический эффект.

В первую очередь для автора важно не увеселительное содержание, а создание образов и персонажей нового времени, которые носят отрицательные характеристики. Его произведения – это сатира на все слои общества.

Он осуждает не только большевиков, но и бездействие местной власти. Этому посвящен фельетон «Черная магия» (1919), в котором автор высмеивает тенденцию демонизировать большевиков; таким образом, он демонстрирует безынициативность своих властей:

– Ах, Иван Андреевич, да разве с ними сладишь? Ведь они, батюшка, – сила. Не стерлась еще, видно, мишура-то сусальная, позолота лозунгов. <...> А, кроме того, нагнитесь-ка пониже, между нами говоря, они черной магией занимаются.

– Ну, уж это вы, Андрей Иванович, других морочьте. Слава тебе, Господи, не в средние века живем.

– Вот вы говорите... А это что же по-вашему: нужно им утверждение выборов оттянуть, они это сейчас поколдуют – нет выборного делопроизводства, как корова языком слизнула. Прошла в этом надобность, – пожалуйста, вот оно в девственной, так сказать, неприкосновенности. Знаете, как коробки волшебные: – положишь туда карту, ейн, цвей, дрей, – нет карты. Раз, два, три – готово, получайте (Черная магия, 1919, с. 3).

В фельетоне «Владимир “Красное Солнышко”» главными действующими лицами являются Ленин и Троцкий – карикатурные персонажи, представляющие собой упрощенные и гиперболизированные образы действительных идеологов революции. В фельетоне М. Стоговского лидер большевиков представлен как тщеславный, комичный и недалекий правитель, которому присвоили имя и статус исторического лица. Главной целью таких текстов было не развлечение публики остроумными диалогами, а создание отрицательного образа реального лидера большевизма в читательской аудитории Сибири. Этот текст М. Стоговский написал в жанре мини-пьесы, полностью построенной на диалогах Ленина, Троцкого, Луначарского и Чернова, с короткими авторскими ремарками. Персонажи обсуждают судьбу России, и какой тип власти хочет русский народ. Ленин приходит к выводу, что нужен монархизм. Дальше комизм ситуации строится на выяснении между Лениным и Троцким вопроса, кто станет монархом:

Т р о ц к и й. (Хмуро) У вас что ж, и монарх на примете есть?

Л е н и н. Ну, это детали... Одно скажу: тут русский человек нужен. Знаете, коренной эдакий русак. Ну с Волги, скажем, из Симбирска что ли?

Т р о ц к и й. С Волги. Из Симбирска... Странно право... Да вы истории не знаете. Русский народ спокон века привык, чтобы царь у него иноземец был. Варяг там, или немец какой, полукровка.

Л е н и н. Вы еще еврей скажите? Это когда интернационал, тогда конечно, всякий сброд, а тут сами судите: «Божьей милостью Лейба 1-ый...». Ну, с чем же это сообразно?

Т р о ц к и й. (Обиженно) Еврей... И Соломон еврей был. А чем не царь? Всем царям царь. <...> А потом что ж? Я и креститься могу. Примеры то эти бывали. Взять, хоть Владимира князя... Язычником был. Нельзя, по-вашему? <...>

Л е н и н. ... Да! Владимир... Ведь и я Владимир... Владимир 2-ой “Красное солнышко”... Это, брат, тебе не пролетарский вождь! (Владимир «Красное Солнышко», 1919, с. 3).

В этом контексте сочетание «Красное солнышко», особенно в уменьшительно-ласкательной форме, обретает комическую многозначность и оригинальность. В годы Гражданской войны строить тексты на диалогах Ленина и Троцкого было общим местом антибольшевистской печати. Однако талант создавать такого рода многогранные остроты выделял М. Стоговского среди других авторов-фельетонистов сибирской периодики.

М. Стоговский отрицательно относился к большевистской власти и ее лидерам, что просчитывается в его публицистических текстах из газеты «Русская речь» и журнала «Русский богатырь». В частности, в статье «О земле» он пытается воссоздать образ Троцкого, уже как исторического лица, рисуя его кровавым террористом:

Враги России стали сеять смуту в народе <...> довели страну до великого бедствия, до владычества над ней разных проходимцев вроде еврея Бронштейна (Троцкого), которые с помощью своих ставленников – комиссаров затопили Русь слезами и кровью (О земле, 1919, с. 6).

В фельетоне же М. Стоговский создает уничижительный образ Троцкого – не великого злодея, а хныкающего мальчика, заискивающего перед Лениным. Упоминая Троцкого в своих текстах, автор регулярно делает акцент на его национальной принадлежности. На первый взгляд, антисемитские выпады М. Стоговского можно считать следствием общей тенденции белогвардейской печати. Однако тексты, опубликованные в сборнике «Басни, сказки, паро-

дии, стихотворения», говорят о его положительном отношении к евреям и еврейству («Экстренное заседание истиннорусских людей»). Из этого можно заключить, что акцент на еврейской теме в фельетонах 1918–1919 гг. носит скорее адресный и исключительный характер.

Одним из самых оригинальных текстов является фельетон «В стране комиссаров», который посвящен событиям в стране «Большевизия». В нем автор воспроизводит рубрики газет, содержание которых приписывается большевистским авторам. Использование такой формы позволило М. Стоговскому в одном произведении охватить различные сферы жизни. В разделе «Декрет по комиссариату финансов» автор придумывает указ о новом взносе в казначейство, созданном для «экономии съестных продуктов и достижения идеального уровня граждан»: граждане, обладающие талией объемом выше предельной нормы, платят по 1000 рублей за каждый сверхнормировочный дюйм. Это пародия на большое количество подлинных большевистских декретов, которые воспринимались как абсурдные. Тот факт, что на их фоне вымышленный декрет выглядит вполне правдоподобно, является основой комического эффекта в этом сочинении.

В раздел «Корреспонденция» М. Стоговский помещает сообщение о воздвижении в Ленинграде памятника «первому в мире большевику, каковым бесспорно является библейский Хам» (В стране комиссаров, 1919, с. 3). Рубрика «Вести с фронта» посвящена «геройскому» отступлению советских войск. Главным сатирическим приемом этого текста является сарказм, автор использует обилие хвалебных наименований для большевистской армии, которые совершенно не соответствовали их действиям (геройские войска, чудо-богатыри, советские львы, витязи):

В пылу отваги наши витязи, чтобы облегчить себе свободу действия, побросали винтовки, шашки и прочее снаряжение. Отходящие советские части в безумстве храбрых рвались все вперед и вперед, почти не отставая от своих достойных вождей, мчавшихся впереди на автомобилях (В стране комиссаров, 1919, с. 3).

В этом же фельетоне М. Стоговский воссоздает рубрику «Маленький фельетон», в которую помещает «Поэзы Демьяна Бедного» под названием «Восстань, свободный пролетарий». После имени Демьяна Бедного автор делает сноску «придворный советский поэт». Это, конечно, не действительное стихотворение Бедного, а пародийная стилизация, об этом говорит содержание произведения и ирония в адрес лидеров большевизма. «Придворный поэт» не мог себе позволить написать такие строки:

Недаром мчались торопливо,
Покинув многоводный Рейн,
Забывши Мюнхенское пиво,
Товарищ Ленин и Бронштейн.
(В стране комиссаров, 1919, с. 3)

В те годы многие писатели белого фронта приписывали авторство своих текстов Демьяну Бедному. Об этом свидетельствует написанный им самим стихотворный фельетон «Правда-матка, или – как отличить на фронтах подлинные листовки Демьяна Бедного от белогвардейских подделок под них» (1919).

Пометка М. Стоговского «придворный поэт» – это в первую очередь насмешка над настоящей фамилией поэта (Придворов) и намек на то, что в картине мира автора большевизм является монархизмом в новой модификации, поэтому борьба большевиков за власть выглядит парадоксальной. Автор регулярно использует этот парадокс для создания комичных ситуаций в своих произведениях. Мотив приравнивания большевизма к монархизму является сквозным для творчества М. Стоговского в годы революции и Гражданской войны.

Особенность его поэтики – это использование уже готовой универсальной формы. За основу он часто брал не только народные иносказательные жанры, но и произведения известных авторов. Ярким примером является переработка стихотворения Некрасова «Осторожность» (1868). В № 64 1919 г. газеты «Русская речь» М. Стоговский публикует одноименное

стихотворение, посвященное, как и у Некрасова, отсутствию свободы слова. Он наполняет текст современными ему проблемами, оставляет пятчастность оригинала и использует главный рефрен в конце каждой части:

Осторожность, осторожность,
Осторожность, господа.

Легкость слога и повторение последней строки позволяют воспринимать текст как народную песнь противников революции.

Другим подобным примером является текст «Федорушка». М. Стоговский использует название и стилистику этого стихотворения, написанного М. П. Розенгеймом в начале 1860-х гг. (под заголовком М. Стоговский делает пометку «По А. Толстому»: в начале XX в. авторство этого текста ошибочно приписывали графу А. К. Толстому). Текст строится на диалоге Федорушки, в образе которой персонифицирована Россия, и автора. Комическое формируется через псевдорекфлексию Федорушки:

Как не пригорюниться? Все меня чураются...
Бросили, обидели, да в глаза ругаются:
Стала, слышь, Федорушка, ты федеративная,
Злая, непутевая, баба препротивная.
(Федорушка, 1918, с. 2)

В каждом из названных произведений М. Стоговский вслед за названием и формой оригинала заимствует и способ создания комического. В одном из фельетонов автор заимствует хрестоматийную фразу комедии классической литературы:

Я собрал вас господа, чтоб сообщить вам пренеприятное известие. На выборах мы провалились (В стане побежденных, 1919, с. 3).

Дальнейшее развитие сюжета никак не связано с комедией Гоголя, но эта фраза в читательском сознании сразу задает комический дискурс.

В текстах М. Стоговского 1918 г. очень явно прослеживается мысль о том, что большевизм – это временное явление, власть, которая в скором времени проиграет. Вероятно, поэтому в тот период М. Стоговский создает легкие ироничные тексты. С середины 1919 г. иллюзии о быстром уходе большевиков с политической арены растворяются, и автор начинает отдавать предпочтение острой сатире, в которой прочитывается авторское восприятие действительности как катастрофы. Рубрика «Маленький фельетон» позволяла автору наполнять текст, посвященный острым социальным и политическим вопросам, юмористическими зарисовками, которые снижали в восприятии читателя градус проблемы, трансформируя трагическое обстоятельство в комическое.

Список литературы

- Бейсов П.** Арестованная книга // Свободное слово бессмертно (из истории революционной литературы в старом Симбирске. 1905–1912): Моногр. Саратов: Приволж. кн. изд-во, 1966. С. 117–126.
- Карамзин Б.** Стихи под арестом // В мире книг. 1962. № 12. С. 42.
- Край Ильича: Памятные места [Ульяновска и области] / Редколлегия: Н. А. Кузминский, М. Х. Валкин, Г. Н. Федоров. 2-е изд. Саратов: Приволж. кн. изд-во, 1985. 257 с.
- Масанов И. Ф.** Словарь псевдонимов русских писателей, ученых и общественных деятелей: В 4 т. М., 1958. Т. 3. 415 с.

Список источников

- Стоговский М. Большой беговой день // Русская речь. 1918. № 50. 1 дек. С. 3.
 Стоговский М. В стане побежденных // Русская речь. 1919. № 142. 8 июля. С. 3–4.
 Стоговский М. В стране комиссаров // Русская речь. 1919. № 69. 2 апр. С. 3.
 Стоговский М. Владимир «Красное Солнышко» // Русская речь. 1919. № 79. 15 апр. С. 3.
 Стоговский М. Добавление к энциклопедическому словарю // Заря Южного Урала. 1919. № 88. 25 мая. С. 4.
 Стоговский М. Наш городок // Русская речь. 1918. № 44. 24 нояб. С. 3.
 Стоговский М. О земле // Русский богатырь. 1919. № 3. 1 окт. С. 6–8.
 Стоговский М. О трех братьях и Жар-птице // Русская речь. 1918. № 55. 8 дек. С. 3.
 Стоговский М. Ориентация // Русская речь. 1919. № 177. 19 авг. С. 3.
 Стоговский М. Приятельские беседы // Русская речь. 1919. № 114. 25 мая. С. 3.
 Стоговский М. Путевые наброски // Русская речь. 1919. № 62. 25 марта. С. 3.
 Стоговский М. Федорushка // Русская речь. 1918. № 34. 13 нояб. С. 2.
 Стоговский М. Черная магия // Русская речь. 1919. № 178. 21 авг. С. 3.

References

- Beisov P. Arestovannaya kniga [Arrested Book]. In: Svobodnoe slovo bessmertno (iz istorii revolyutsionnoi literatury v starom Simbirske. 1905–1912) [Free Word is Immortal (From the History of Revolutionary Literature in the Old Simbirsk. 1905–1912)]. Saratov, Privolzhsk book Publ., 1966, p. 117–126. (in Russ.)
 Karamzin V. Stikhi pod arestom [Verses under Arrest]. *V mire knig* [In the world of books], 1962, no. 12, p. 42 (in Russ.)
 Krai Il'icha: Pamyatnye mesta (Ul'yanovska i Oblasti) [Land of Ilyich: Memorable places]. Eds. N. A. Kuzminsky, M. Kh. Valkin, G. N. Fedorov. 2nd ed. Saratov, Privolzhsk book Publ., 1985, 257 p. (in Russ.)
 Masanov I. F. Slovar' psevdonimov russkikh pisatelei, uchenykh i obshchestvennykh deyatelei [Dictionary of Pseudonyms of Russian Writers, Scientists and Public Figures]. In 4 vols. Moscow, 1958, vol. 3, 415 p. (in Russ.)

List of Sources

- Stogovsky M. Bol'shoi begovoi den' [Big Running Day]. *Russian Speech*, 1918, no. 50, p. 3. (in Russ.)
 Stogovsky M. Chernaya magiya [Black Magic]. *Russian Speech*, 1919, no. 178, p. 3. (in Russ.)
 Stogovsky M. Dobavlenie k entsiklopedicheskomu slovaryu [Addition to the Encyclopedic Dictionary]. *Dawn of the Southern Urals*, 1919, no. 88, p. 4. (in Russ.)
 Stogovsky M. Fedorushka [Fedorushka]. *Russian Speech*, 1918, no. 34, p. 3.
 Stogovsky M. Nash gorodok [Our Town]. *Russian Speech*, 1919, no. 44, p. 3. (in Russ.)
 Stogovsky M. O trekh brat'yakh i Zhar-ptitse. [About the Three Brothers and the Firebird]. *Russian Speech*, 1918, no. 55, p. 3. (in Russ.)
 Stogovsky M. O zemle [About the Land]. *Russian Hero*, 1919, no. 3, p. 6–8. (in Russ.)
 Stogovsky M. Orientatsiya [Orientation]. *Russian Speech*, 1919, no. 177, p. 3. (in Russ.)
 Stogovsky M. Priyatel'skie besedy [Chats]. *Russian Speech*, 1919, no. 114, p. 3 (in Russ.)
 Stogovsky M. Putevye nabroski [Travel Outline]. *Russian Speech*, 1919, no. 62, p. 3. (in Russ.)
 Stogovsky M. V stane pobezhdenykh [In the Camp of the Vanquished]. *Russian Speech*, 1919, no. 142, p. 3–4. (in Russ.)

Stogovsky M. V strane komissarov [In the Country of Commissioners]. *Russian Speech*, 1919, no. 69, p. 3. (in Russ.)

Stogovsky M. Vladimir «Krasnoe Solnyshko» [Vladimir “The Red Sun”]. *Russian Speech*, 1919, no. 79, p. 3. (in Russ.)

Материал поступил в редколлегию
Received
11.02.2019

Сведения об авторе

Денисова Екатерина Андреевна, аспирант сектора литературоведения Института филологии СО РАН (ул. Николаева, 8, Новосибирск, 630090, Россия)
etak92@mail.ru

Information about the Author

Ekaterina A. Denisova, Graduate Student of Department of Literary Studies of Institute of Philology of the Siberian Branch of Russian Academy of Sciences (8 Nikolayev Str., Novosibirsk, 630090, Russian Federation)
etak92@mail.ru

Христианские мотивы в романе Ч. Т. Айтматова «Плаха»

Е. И. Шевчугова

*Сибирский федеральный университет
Красноярск, Россия*

Аннотация

Выявляются христианские мотивы в романе Ч. Т. Айтматова «Плаха», приводится их описание, интерпретация. Новизна определяется малой изученностью творчества Айтматова в целом и отсутствием работ, посвященных религиозной составляющей романа в частности. Методы изучения – историко-литературный, компаративный, мотивный анализ художественного текста.

Обобщается система взглядов на мир Авдия Каллистратова. Доказывается, что его образ и жизненный путь через избранность, одиночество, обреченность, сознание предначертанного и своей миссии соотносятся с образом и земной жизнью Христа. Важны и ветхозаветное имя героя, и его происхождение, и проводимая жизненная программа, и исход через распятие.

По мнению автора, человечество дошло до критической отметки, конца света, совершается Апокалипсис. Делается вывод о том, что «Плаха» – роман-предупреждение о грядущем конце времен, который современный человек приближает творимым злом, его масштабы огромны. Только трагический и героический подвиг людей, подобных Авдию, может замедлить этот процесс. При этом христианская доктрина не является единственно верной: вторая половина романа основана на пантеистических взглядах, демонстрируя синкретичность авторского взгляда на мир.

Ключевые слова

Ч. Т. Айтматов, «Плаха», Авдий Каллистратов, христианские мотивы, Гефсиманский сад, образ Христа

Для цитирования

Шевчугова Е. И. Христианские мотивы в романе Ч. Т. Айтматова «Плаха» // Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2019. Т. 18, № 9: Филология. С. 194–201. DOI 10.25205/1818-7919-2019-18-9-194-201

Christian Motives in Ch. T. Aitmatov's Novel *The Scaffold*

E. I. Shevchugova

*Siberian Federal University
Krasnoyarsk, Russian Federation*

Abstract

In the following article, we identify the Christian motifs in the novel *Plakha (The Scaffold)* by Ch. T. Aitmatov, describe them and offer our interpretations. The novelty of our analysis stems from the fact that Ch. T. Aitmatov's body of work is still underresearched, particularly the religious components of this novel. Within our study, we employ the historical-literary, comparative, and motif analysis.

We summarize the worldview of Avdii Kallistratov as a system and show that his image and life journey as someone who experiences choice, solitude, fate, recognition of his predestination and mission resemble the image and earthly life of Jesus Christ. His Old Testament name, his origins, the course of his life, and the crucifixion as the ultimate outcome are all important.

According to the author, the mankind has reached the critical mark; the end of the world, the Apocalypse is advancing. We conclude that *The Scaffold* is a literary warning about the coming end of times, which is being drawn closer by the evils of modern humans. Only the tragic and heroic feats of people like Avdii can possibly slow this process down.

At the same time the Christian doctrine is not the only correct one: the second half of the novel is based on pantheistic views, demonstrating the syncretism of the author's worldview.

Keywords

Ch. T. Aitmatov, The Scaffold, Avdii Kallistratov, Christian motifs, Gethsemane garden, image of Christ

For citation

Shevchugova E. I. Christian Motives in Ch. T. Aitmatov's Novel *The Scaffold*. *Vestnik NSU. Series: History and Philology*, 2019, vol. 18, no. 9: Philology, p. 194–201. (in Russ.) DOI 10.25205/1818-7919-2019-18-9-194-201

История вопроса, постановка проблемы

Творчество Чингиза Айтматова вызывает стабильный, но сдержанный интерес в отечественном и зарубежном литературоведении. Советских исследователей писатель привлекал как яркий представитель региональной литературы: в 60–70-е гг. опубликованы несколько небольших очерков [Селивёрстов, 1966; Асаналиев, 1968; Глинкин, 1968; Лебедева, 1972; Воронов, 1976; Карим, 1978], в 80–90-е выходит ряд диссертаций и статей, касающихся национальной традиции и национального характера, авторской концепции человека [Мирза-Ахмедова, 1980; Гачев, 1982; Коркина, 1988; Строилов, 1988; Иманкулов, 1990; Шевченко, 1990; Пу Сяо Лун, 1993], но только в 2000-е появляются работы, основанные на современной методологии, вскрывающие сущностные основания произведений писателя [Мироненко, 2002; Мискина, 2004; Новикова, 2006; Тамаева, 2010; Аминева, 2013; Жиглий, 2013]. Причиной нам видится промежуточное положение автора между национальной и русской литературами, однако значимость его явно недооценена. По-прежнему не создано фундаментального труда, охватывающего творчество Айтматова в развитии и характеризующего сквозные мотивы его произведений. Это, по-видимому, остается актуальной задачей современного литературоведения.

Актуальность, практическая значимость

Изучение религиозных мотивов как в рамках одного текста, так и в сопоставительном анализе нескольких произведений является одной из важных задач айтматоведения. Предлагаемое исследование, надеемся, станет научным заданием для широкого изучения творчества писателя на современном этапе литературоведения и с использованием актуальных методов и инструментов. Таким образом, понимание значения Айтматова для отечественной и мировой литературы будет возрастать, расширяя научную картину советской литературы. Этим определяется практическая значимость исследования.

Изучение христианских оснований творчества писателей привлекает всё большее внимание ученых, формируется методологическая база, ведутся дискуссии о соотношении научного и религиозного дискурсов при исследовании конкретных текстов. Наиболее авторитетными можно назвать исследования И. А. Есаулова, С. Г. Бочарова, Л. Е. Герасимовой, Л. В. Журавиной и др. Значимо проведение коллективных обсуждений категории религиозности в литературоведении и публикация их результатов. Актуальность нашего исследования определяется его включенностью в одно из самых «живых» направлений современной науки о литературе [Гуманитарная мысль..., 2000; Круглый стол..., 2006]. Особенно актуально стоит вопрос о писателях советского периода: например, новейшая статья Н. В. Ковтун [2018] посвящена отношению В. Г. Распутина к вере и праведничеству.

Цель, методология, теоретические основания исследования

Цель настоящего исследования – выявить и описать христианские мотивы романа «Плаха». Объект изучения – мотивика романа Ч. Айтматова, предмет – религиозные образы и мо-

тивы. Новизна определяется малой изученностью творчества Айтматова в целом и отсутствием работ, посвященных религиозной составляющей романа в частности.

Теоретической основой исследования стала теория мотива И. В. Силантьева [1999], а также труды отечественных литературоведов: С. Г. Бочарова [2001], М. Л. Гаспарова, В. А. Непомнящего и др. [Гуманитарная мысль..., 2000]. Методы изучения – историко-литературный, компаративный, мотивный анализ художественного текста.

Результаты

Христианские мотивы, образы, идеи занимают в романе «Плаха» (1986) значительное место: ими насыщена первая и вторая части произведения, но их почти нет в третьей части, посвященной жизненной драме Бостона Урукчеева. Обозначенный круг тем связан прежде всего с историей Авдия Каллистратова. Имя дано герою ветхозаветное – оно упоминается в Библии в Третьей Книге Царств. Примечательно происхождение героя. Отец Авдия был провинциальным дьяконом, истово верующим, но понимавшим «условность того, что создано человеком от имени и во имя Бога» [Айтматов, 1987. С. 54]¹. Обратим внимание на детали портрета Авдия: бледное высокое чело, волосы до плеч, плотная каштановая бородка, не столько красивость, сколько благостное выражение лица, лихорадочный блеск серых навывкате глаз, выразивших непокой духа и мысли. Автор замечает, что герой испытывал многие тяжкие страдания от окружающих людей, к которым он шел с добром (с. 34).

Время действия романа – 50-е гг. XX в., крайне непростое для православной церкви. Спустя 30 лет Чингиз Айтматов поставит вопрос о необходимости возвращения к христианским заповедям. При этом авторский ход – от противного: он показывает, что человечество дошло до критической отметки, совершается Апокалипсис. В этой ситуации необходим поиск основ, которые могут дать опору почти безнадежному миру. Такой попыткой становятся проповеди Авдия. Он готов противостоять злу в одиночку: «Что есть глагол перед звонкими деньгами? Что есть проповедь перед тайным пороком? Как одолеть словом материю зла? Так дай же силы, не покидай меня в моем пути, я один, пока один, а им, одержимым жаждой легкой наживы, несть числа...» (с. 78).

Свое предназначение герой видит в проповедовании обновленного христианского вероучения, пытается найти «трибуну» через журналистику. Автор подчеркивает обреченность Авдия: с одной стороны, он посягает на неподвластные времени, тысячелетние неизменные пасхальные концепции, ревностно оберегающие чистоту вероучения от каких бы то ни было, пусть даже благонамеренных, новомыслей (с. 33); с другой – ему противостоит отвергающая религию как таковую могучая логика научного атеизма.

Осознаваемые героем обреченность, избранность, трагическое одиночество, но и невозможность отказаться от избранной миссии, сближают его с фигурой Христа; «На таких, как я, история отыгрывается, отводит душу...» (с. 54).

Важным для характеристики персонажа является эпизод со староболгарским храмовым хором, певчими, которых довелось Авдию услышать в Пушкинском музее, в Москве. Сама обстановка контрастирует с «мутным средоточием зла» Казанского вокзала. Повторы лексем «покой», «мир» и «благость» определяют настроение эпизода: торжественный и ликующий след голосов преодолевает пределы зла. Чувствительность героя к песнопениям показывает его вневременную и внепространственную связь с христианским миром, с его первоисточником: «...гимны, которые они распевали, словно исходили от меня, от моих собственных побуждений, от накопившихся болей, тревог и восторгов» – что демонстрирует избранность героя (с. 47, 51).

Авдий чувствует связь времен. Рассказывает: «А ведь как изучал в семинарии историю Христа – переносил Его муки на себя в такой степени, что плакал навзрыд». В диалог с героем вступает повествователь: «О, какое крушение мироздания видел он в том, что Христа рас-

¹ В дальнейшем ссылки на текст романа приводятся по этому изданию. В скобках указывается страница.

пьяли в тот жаркий день, на той горе на Лысой. Но не подумал в ту пору малоопытный юнец: а что, если существует на свете закономерность, согласно которой мир больше всего и наказывает своих сынов за самые чистые идеи и побуждения духа? Быть может, стоило подумать: а что, если это есть форма существования и способ торжества таких идей? <...> Что, если именно в этом – цена такой победы?» (с. 67); а спасение душ ценой жизни может оказаться итогом, судьбой, смыслом всего жизненного пути, – так он спасет свою душу (с. 85).

Теперь уже автор открыто проводит параллель между Авдием и Христом: «Поистине нет предела парадоксам Господним... Ведь был уже однажды в истории случай – тоже чудак один галилейский возомнил о себе настолько, что не поступился парой фраз и решился жизни. И оттого, разумеется, пришел ему конец... И тогда тоже, кстати, была пятница, и тот, кто мог спастись, тоже не догадался ради своего спасения сказать в свою пользу двух слов...» (с. 121).

Образ героя обогащается мотивами юродства: так, Обер-Кандалов называет его чокнутым, ненормальным, диким, а Гришан – настоящим идиотом (с. 107). Сочувствующие герои именуют по-другому – святой отец, поп, праведник, но, как мы полагаем, в том же смысловом поле (с. 110, 114).

Развернуто представлены рассуждения Авдия, вопросы, которые он сам себе задает. Это, в сущности, целая программа. Здесь герой становится резонером, открытым проводником авторской дидактики.

Признавая величие христианства, он собирается «искать новую, современную форму Бога, даже если мне никогда не удастся ее найти», «фигуру Бога-современника с новыми божественными идеями, соответствующими нынешним потребностям мира» (с. 68). Его собеседник, Виктор Никифорович Городецкий, парирует: Авдий пытается программировать Бога, умозрительно придумать. «Понимаешь, если бы Христос не был распят, он не был бы Господом. Эта уникальная личность, одержимая идеей всеобщего царства справедливости, вначале была зверски убита людьми, а затем вознесена, воспета, оплакана, выстрадана, наконец. Здесь сочетается поклонение и самообвинение, раскаяние и надежда, кара и милость – и человеколюбие». Плохо, что со временем это было извращено в угоду интересам определенных сил. Но Бог-мученик, который «пошел на плаху, на крестную муку ради идеи», всегда будет могущественнее и притягательнее, чем абстрактная идея, пусть это и современно мыслящее существо. Получается, что своей судьбой, пойдя на свою плаху, Авдий опровергает им же сформулированные теоретические построения. Это снова, как у Раскольникова, идея, проверенная практикой и не выдержавшая проверки жизнью. При этом герой чувствует невозможность для себя отказаться от пересмотра идей канонического богословия, понимая, что для церкви он становится богоискателем, что неизбежно приведет к отлучению (с. 69). Так, собственно, и происходит.

Последней каплей, после которой исключение Авдия из семинарии и отлучение его от церкви уже неизбежно, становится разговор героя и представителя Московской патриархии владыки Димитрия, который характеризуется как благообразный и благоразумный человек средних лет. Герой настаивает, что за столько веков, сколько христианское вероучение существует на земле, представление о Боге тоже должно было измениться: «Бог бесконечен. Но если человеческая мысль развивается, то Бог тоже должен иметь свойство развития». Если истина познана до конца, то это мертвое учение. Отец Координатор полагает эти мысли о ревизии вероучения заблуждением молодости, проявлением гордыни. Авдий же высказывает ключевой тезис: «Вне нашего сознания Бога нет», что трактуется собеседником так: «Ты мнишь, несчастный, что Бог лишь плод твоего воображения, а потому сам человек почти Бог над Богом, тогда как само сознание сотворено небесной силой» (с. 70–73).

Следующий вопрос Авдия: «Зачем было бы Богу создавать нас столь несовершенными, если бы Он мог избежать того, чтобы мы, Его творения, сочетали в себе одновременно две противоположные силы – силы добра и силы зла. Зачем бы Ему понадобилось делать нас столь подверженными сомнениям, порокам, коварству даже в отношениях с Ним самим»

(с. 73). По-видимому, герой здесь транслирует вопросы автора, который на протяжении всего романа рассуждает о балансе сил зла и добра в мире.

Наконец, вначале мирно настроенный отец Координатор предсказывает герою, что ему с такими мыслями не сносить головы и в миру, так как нигде не любят тех, кто подвергает сомнению что-либо – религию или идеологию. А мирская жизнь жестче, чем кажется. Авдий решительно утверждает, что «моя церковь всегда будет со мной» и «моя церковь – это я сам. Я не признаю храмов и тем более не признаю священнослужителей, особенно в сегодняшнем их качестве». Владыка Димитрий предрекает: «Мир научит тебя слушаться» (с. 73).

Первая и вторая части романа посвящены исполнению Авдием двух добровольно принятых им на себя миссий: внедрение в банду добытчиков анаши – «гонцов», и участие в работе команды расстрельщиков сайгаков в Моюнкумской саванне. «Вызволить души этих людей из-под власти порока, раскрепостить их, раскрыть им глаза на самих себя, освободить от вечно преследующего страха, отравляющего их, как яд, разлитый в воздухе», – так герой видит свой путь (с. 80). Подчеркивается трагическая сложность миссии: «зло противостоит добру даже тогда, когда добро хочет помочь вступившим на путь зла» (с. 80).

Таким же еретиком, каким стал для официальной церкви Авдий, является Гришан, главарь банды гонцов за анашой. Он саркастически утверждает: «Конкурент твой, понимаешь ли! Дорогу тебе перебежал» (с. 107). Его теория стройна, хоть и насквозь фальшива: «...у меня к Богу есть свой путь, я вхож к нему иначе, с черного хода. Не так твой Бог разборчив и недоступен, как тебе мнится... <...> Я помогаю людям изведать счастье, познать Бога в кайфе. Я даю им то, чего вы не можете дать им ни своими проповедями, ни своими молитвами... Своих людей я приближаю к Богу куда оперативнее, чем кто-либо. <...> На свете все продается, все покупается, и твой Бог в том числе <...> я, если хочешь знать, отвлекаю неутоленных, неустроенных. Я громоотвод, я увожу людей черным ходом к несбыточному Богу» (с. 109–110).

Авдий называет эти мысли концепцией антихриста. Гришан парирует: «Что стоит твое христианство без антихриста? Без его вызова? Кому оно нужно? Какая в нем потребность? Вот и выходит, что я вам необходим! А иначе с кем вам бороться, как продемонстрировать воинственность своих идей? <...> Вот и попробуй переубеди их, малолетних Ленек и разбитых Петрух, спасай их души, спаситель!» (с. 110).

Обе миссии композиционно параллельны, проходят по одному и тому же сценарию: понимание героем своей миссии – проповедь, попытка открыть людям глаза на творимое ими зло – жестокая расправа над Авдием. Параллелизм сюжетов поддерживается на уровне системы персонажей. Так, сходно вдут себя Гришан и главный застрельщик Обер-Кандалов. Лёнька и один из расстрельщиков попытались вмешаться в расправу над Авдием, но сами пострадали. Указанные сюжеты обрамляются двумя встречами с волчицей Акбарой. Обе демонстрируют избранность героя и его экзистенциальную связь с миром.

Глубокая и отчаянная любовь к Инге Фёдоровне открывает герою еще одно проявление Бога: «Бог, являя себя через любовь, дарует тем самым человеку наивысшее счастье бытия, и щедрость Бога тут бесконечна» (с. 35). Однако именно чувство героя заставляет его вернуться в Моюнкумы, из которых он чудом выбрался живым в первый раз.

Принципиальное значение имеет вставной объемный эпизод в Гефсиманском саду. Он поддерживает и без того прозрачную аллюзию Авдий – Христос. Этот сюжет, конечно, необходимо рассмотреть в сравнении с текстом романа М. А. Булгакова, но это тема отдельного исследования. Причем, очевиден и внутритекстовый параллелизм: Христос – Понтий Пилат и Авдий – отец Координатор. В этих диалогах проясняются идеи проповедников, предрекается их трагический исход. Эпизод в Гефсиманском саду категорично утверждает избранность героя, предначертанность его миссии. Кроме того, выводит повествование на притчевый уровень («Как и сто лет назад, ехали люди в поезде...»).

Смерть героя, распятого пьяницами на дереве в степи, коррелирует с гибелью Христа. Это событие, возвышающее героя, делает его миссию и жизнь ненапрасной.

Выводы

Для Айтматова христианская доктрина не является единственно верной. Вся вторая половина романа насыщена пантеистическими идеями, идеями о целесообразности и мудрости всего, происходящего в природе, пока в нее не начинает вмешиваться человек.

Весь разговор затеян ради главного вопроса: на что готов человек ради истины и добра? Пример Христа – ключевой: цена борьбы за истину – собственная жизнь. Айтматов довольно пессимистичен: зло почти всегда побеждает. Но, пока есть люди, подобные Авдию, есть надежда. Хотя в целом, «Плаха» – роман-предупреждение. Писатель рисует картины Апокалипсиса, тотального конца времен. Насколько напрасными или ненапрасными были эти жертвы, будет зависеть от тех, кому роман адресован: смогут ли люди увидеть, что человечество дошло до критической отметки морального падения. По Айтматову, вероятно, Страшный суд уже наступил. Христианское вероучение в обновленном варианте – один из путей, предлагаемых писателем.

Список литературы

- Айтматов Ч. Т.** Плаха: романы. Алма-Ата: Жалын, 1987. 574 с.
- Аминева В. Р.** Мифологизм в прозе Ч. Айтматова и современных татарских писателей // Филология и культура. 2013. № 2 (32). С. 45–51.
- Асаналиев К. А.** Открытие человека современности. Заметки о творчестве Ч. Айтматова. Фрунзе: Кыргызстан, 1968. 150 с.
- Бочаров С. Г.** О религиозной филологии // Литературоведение как проблема: Тр. Научного совета «Наука о литературе в контексте наук о культуре». Памяти Александра Викторовича Михайлова посвящается. М.: Наследие, 2001.
- Воронов В.** Чингиз Айтматов. Очерк творчества. М.: Сов. писатель, 1976. 229 с.
- Гачев Г.** Чингиз Айтматов и мировая литература. Фрунзе: Кыргызстан, 1982. 285 с.
- Глинкин П. Е.** Чингиз Айтматов. Л.: Просвещение, 1968. 112 с.
- Гуманитарная мысль: светская или религиозная? / М. Гаспаров, С. Зенкин, В. Непомнящий, Б. Парамонов, А. Ретблат, И. Роднянская // Знамя. 2000. № 7.
- Жиглий Ю. В.** Проблемы творчества и назначения искусства в интерпретации Ч. Айтматова (на примере автобиографического очерка «Заметки о себе») // Филология и культура. 2013. № 4 (34). С. 184–187.
- Иманкулов Д. Р.** Ч. Айтматов и советский многонациональный театр: Автореф. дис. ... канд. искусств. Л., 1990. 35 с.
- Карим М.** О писателе Ч. Айтматове // Литературная газета. 1978. № 50. 13 дек.
- Ковтун Н. В.** «Дорога к Храму...»: как её видят автор и персонажи (на материале прозы В. Г. Распутина) // Вестник НГУ. Серия История, филология. 2018. Т. 17, № 9. С. 168–186.
- Коркина О. Г.** Концепция человека и мира в романе социологического и критического реализма // «Плаха» Чингиза Айтматова и «Доктор Фауст» Томаса Манна. Пермь, 1988.
- Круглый стол «Религиозное литературоведение: обретения и утраты» // Вестник Московского университета. Серия 9: Филология. 2006. № 3. С. 90–146.
- Лебедева Л.** Повести Ч. Айтматова. М.: Худож. лит., 1972. 77 с.
- Мирза-Ахмедова П. М.** Национальная эпическая традиция в творчестве Ч. Айтматова. Ташкент: Фан, 1980. 92 с.
- Мироненко Е. Л.** Фольклорно-мифологический контекст художественной прозы Ч. Айтматова: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Алматы, 2002.
- Мискина М. С.** Фольклорно-мифологические мотивы в прозе Чингиза Айтматова: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Томск, 2004. 24 с.
- Новикова А. В.** Сравнительный анализ произведений Чингиза Айтматова на русском, немецком и английском языках: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 2006. 27 с.

- Пу Сяо Лун.** Авторская концепция национального характера в прозе Чингиза Айтматова: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 1993. 18 с.
- Селивёрстов М.** Откровения о любви. Заметки о творчестве Ч. Айтматова. Фрунзе: Кыргызстан, 1966. 147 с.
- Силантьев И. В.** Теория мотива в отечественном литературоведении и фольклористике: Очерк историографии. Новосибирск: ИДМИ, 1999. 104 с.
- Строилов Л.** Творчество Чингиза Айтматова в западноевропейской критике. Фрунзе: Кыргызстан, 1988. 128 с.
- Тамаева Х. Н.** Духовно-нравственный и художественный мир Чингиза Айтматова и его мотивы в северокавказской прозе: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Майкоп, 2010. 27 с.
- Шевченко Л.** Уроки освоения традиций и новаторство в творчестве Ч. Айтматова // Вопросы литературы народов СССР. 1990. Вып. 16.

References

- Ajtmatov Ch. T.** Plakha: romany [The Scaffold. Novels]. Alma-Ata, Zhalyyn Publ., 1987, 574 p. (in Russ.)
- Amineva V. R.** Mifologizm v proze Ch. Aitmatova i sovremennykh tatarskikh pisatelei [Mythologism in the Works of Ch. Aitmatov and Modern Tatar Writers]. *Filologiya i kul'tura [Philology and Culture]*, 2013, no. 2 (32), p. 45–51. (in Russ.)
- Asanaliyev K. A.** Otkrytie cheloveka sovremennosti. Zаметки o tvorchestve Ch. Aitmatova [The Discovery of the Modern Man. Notes on Ch. Aitmatov's Works]. Frunze, Kyrgyzstan Publ., 1968, 150 p. (in Russ.)
- Bocharov S. G.** O religioznoi filologii [On Religious Philology]. In: *Literaturovedenie kak problema [Literary Studies as a Problem]. Works of the Academic Council Literary Studies in the Context of Cultural Studies. In the Memory of Alexander Viktorovich Mikhailov.* Moscow, Nasledie Publ., 2001. (in Russ.)
- Gachev G.** Chingiz Aitmatov i mirovaya literatura [Chingiz Aitmatov and World Literature]. Frunze, Kyrgyzstan Publ., 1982, 285 p. (in Russ.)
- Glinkin P. E.** Chingiz Aitmatov [Chingiz Aitmatov]. Leningrad, Prosveshchenie Publ., 1968, 112 p. (in Russ.)
- Gumanitarnaya mysl': svetskaya ili religioznaya? [Humanitarian Thought: Secular or Religious?]. M. Gasparov, S. Zenkin, V. Nepomnyashchii, B. Paramonov, A. Retblat, I. Rodnyanskaya. *Znaniya [The Standard]*, 2000, no. 7. (in Russ.)
- Imankulov D. R.** Ch. Aitmatov i sovetskii mnogonatsional'nyi teatr [Ch. Aitmatov and the Soviet Multi-National Theater]. Cand. art. diss. Leningrad, 1990, 35 p. (in Russ.)
- Karim M.** O pisatele Ch. Aitmatove [On Ch. Aitmatov, the Writer]. *Literaturnaya gazeta [The Literary Newspaper]*, 1978, no. 50, December 13. (in Russ.)
- Korkina O. G.** Kontseptsiya cheloveka i mira v romane sociologicheskogo i kriticheskogo realizma [The Concept of Man and the World in Social Realist and Critical Realist Novels]. In: «Plakha» Chingiza Aitmatova i «Doktor Faust» Tomasa Manna [Chingiz Aitmatov's *The Scaffold* and Thomas Mann's *Doctor Faustus*]. Perm, 1988. (in Russ.)
- Kovtun N. V.** «Doroga k Khramu...»: kak eyo vidyat avtor i personazhi (na materiale prozy V. G. Rasputina) [“The Way to the Temple...”: How the Author and Characters See It (on the material of V. Rasputin's prose)]. *Vestnik NSU. Series: History and Philology*, 2018, vol. 17, no. 9, p. 168–186. (in Russ.)
- Kruglyi stol «Religioznoe literaturovedenie: obreteniya i utraty» [Round Table Religious Literary Studies: Gains and Losses]. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 9: Filologiya [MSU Bulletin. Series 9: Philology]*, 2006, no. 3, p. 90–146. (in Russ.)
- Lebedeva L.** Povesti Ch. Aitmatova [Ch. Aitmatov's Novels]. Moscow, Khudozhestvennaya literatura Publ., 1972, 77 p. (in Russ.)

- Mironenko E. L.** Fol'klorno-mifologicheskii kontekst khudozhestvennoi prozy Ch. Aitmatova [The Folklore and Mythological Context of Ch. Aitmatov's Literary Works]. Cand. phil. sci. syn. diss. Almaty, 2002. (in Russ.)
- Mirza-Ahmedova P. M.** Natsional'naya epicheskaya traditsiya v tvorchestve Ch. Aitmatova [National Epic Traditions in Ch. Aitmatov's Works]. Tashken, Fan Publ., 1980, 92 p. (in Russ.)
- Miskina M. S.** Fol'klorno-mifologicheskie motivy v proze Chingiza Aitmatova [Folklore and Mythological Motifs in Chingiz Aitmatov's Works]. Cand. phil. sci. syn. diss. Tomsk, 2004, 24 p. (in Russ.)
- Novikova A. V.** Sravnitel'nyi analiz proizvedenii Chingiza Aitmatova na russkom, nemetskom i angliiskom yazykakh [Comparative Analysis of Chingiz Aitmatov's Works in Russian, German, and English]. Cand. phil. sci. syn. diss. Moscow, 2006, 27 p. (in Russ.)
- Pu Xiaolong.** Avtorskaya kontseptsiya natsional'nogo kharaktera v proze Chingiza Aitmatova [Chingiz Aitmatov's Concept of National Personality]. Cand. phil. sci. syn. diss. Moscow, 1993, 18 p. (in Russ.)
- Selivyorstov M.** Otkroveniia o lyubvi. Zametki o tvorchestve Ch. Aitmatova [Revelations About Love. Notes on Ch. Aitmatov's Works]. Frunze, Kyrgyzstan Publ., 1966, 147 p. (in Russ.)
- Shevchenko L.** Uroki osvoeniia traditsii i novatorstvo v tvorchestve Ch. Aitmatov [Appropriation of Traditions and New Discoveries in Ch. Aitmatov's Works]. *Voprosy literatury narodov SSSR [Issues of USSR Literature]*, 1990, iss. 16. (in Russ.)
- Silantev I. V.** Teoriia motiva v otechestvennom literaturovedenii i fol'kloristike: Ocherk istoriografii [Theory of Motif in Russian Literary Studies and Folkloristics: A Historiographic Overview]. Novosibirsk, IDMI, 1999, 104 p. (in Russ.)
- Stroilov L.** Tvorchestvo Chingiza Aitmatova v zapadnoevropeiskoi kritike [Western European Criticism of Chingiz Aitmatov's Works]. Frunze, Kyrgyzstan Publ., 1988, 128 p. (in Russ.)
- Tamaeva H. N.** Dukhovno-nravstvennyi i khudozhestvennyi mir Chingiza Aitmatova i ego motivy v severokavkazskoi proze [Spiritual, Moral and Artistic World of Chingiz Aitmatov and His Motifs in North Caucasus Prose]. Cand. phil. sci. syn. diss. Maikop, 2010, 27 p. (in Russ.)
- Voronov V.** Chingiz Aitmatov. Ocherk tvorchestva [Chingiz Aitmatov. An Overview of His Works]. Moscow, Sovetskii pisatel' Publ., 1976, 229 p. (in Russ.)
- Zhiglyi Yu. V.** Problemy tvorchestva i naznacheniiya iskusstva v interpretatsii Ch. Aitmatova (na primere avtobiograficheskogo ocherka «Zametki o sebe») [The Problem of Art and the Purpose of Art in Ch. Aitmatov's Interpretation (on Example of the Autobiographical Essay *Notes on Self*)]. *Filologiya i kul'tura [Philology and Culture]*, 2013, no. 4 (34), p. 184–187. (in Russ.)

Материал поступил в редколлегию
Received
10.08.2019

Сведения об авторе

Шевчугова Екатерина Игоревна, кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка, литературы и речевой коммуникации института филологии и языковой коммуникации, Сибирский федеральный университет (пр. Свободный, 79, Красноярск, 660041, Россия)
e.pinzenina@gmail.com

Information about the Author

Ekaterina I. Shevchugova, Candidate of Philology, Associate Professor of the Chair of the Russian Language, Literature and Speech Communication of the Institute of Philology and Language Communication, Siberian Federal University (79 Svobodny Ave., Krasnoyarsk, 660041, Russian Federation)
e.pinzenina@gmail.com

УДК 82.02
DOI 10.25205/1818-7919-2019-18-9-202-211

Реализация комического в книге А. Борисовой «Записки для моих потомков»

Д. И. Фролкина

*Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова
Москва, Россия*

Аннотация

Исследуется реализация форм комического в произведении детской литературы современной якутской писательницы на примере комизма характера, комизма ситуаций и языкового комизма. Комизм характера реализован в образе главной героини, Валентинки, простодушной и непоседливой девочки, главной чертой которой является умение попадать в различные истории. Комизм ситуаций выстраивается на основном приеме комического – неожиданности. При этом в повести отчетливо выделяются приемы, сопряженные с реакцией испуга и страха, основанные на недопонимании героев, связанные с обманутыми ожиданиями, выстроенные на комическом контрасте.

Юмористический эффект достигается также за счет средств языкового комизма: обыгрывания многозначного слова или фразеологизма, использования речевых каламбуров и имитации детской речи. В произведении используются также театральные и цирковые приемы комического, например классическая буффонада.

Ключевые слова

комическое, детская литература, современная литература, якутские писатели

Для цитирования

Фролкина Д. И. Реализация комического в книге А. Борисовой «Записки для моих потомков» // Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2019. Т. 18, № 9: Филология. С. 202–211. DOI 10.25205/1818-7919-2019-18-9-202-211

Realization of the Comic in the Story by A. Borisova *Zapiski dlya moikh potomkov (Notes for My Descendants)*

D. I. Frolkina

*Lomonosov Moscow State University
Moscow, Russian Federation*

Abstract

In the following article, we explore the ways to create a comic effect in the in the stories of the modern Yakut children's writer A. Borisova *Zapiski dlya moikh potomkov (Notes for My Descendants)*. The comedic tropes are analyzed on three levels: the characters, the situations, and the language. Children's literature has always been particularly humorous and entertaining, which is vividly seen in the works of the best domestic children's writers (N. Nosov, V. Dragunsky, V. Golyavkin etc.). Because of this, in literary criticism and linguistics there is an extensive classification of various techniques for creating a comedic effect. E. Garanina, N. M. Rotanova, I. V. Tsikusheva and others are engaged in the study of these techniques using children's literature as their research material. Nevertheless, the major works are still devoted to the issues of linguistic comedic effects which determines the relevance of this study.

The comic effect of the story by A. Borisova is achieved in several ways, including those of non-literary nature, for example, theatrical circus in the form of classic buffoonery. The comedy is delivered by the main character of the story – the restless girl Valentinka whose defining trait is her ability to get into various funny situations. Valentine's character is outlined from different sides; the negative sides of the girl are, too, shown to the reader. Because of this,

© Д. И. Фролкина, 2019

ISSN 1818-7919

Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2019. Т. 18, № 9: Филология
Vestnik NSU. Series: History and Philology, 2019, vol. 18, no. 9: Philology

the author emphasizes that the protagonist is a realistic character with all the positive and negative traits typical for real people. Thus the author achieves one of the goals of children's literature: to convey the important moral and moral values to the child reader using the example of a young protagonist. The comedic elements of fictional situations are based on unexpected or comic contrast caused by a misunderstandings. Language-based comedy is represented quite widely and is based on various types of wordplay, for example, using polysemy, phraseological units or language paradoxes, incorrect word reproduction and imitation of word formation typical for children's speech.

Summing up, we can say that the stories of the Yakut author A. Borisova *Zapiski dlya moikh potomkov* (*Notes for My Descendants*) demonstrate various ways of creating a comic effect on a variety of text levels.

Keywords

comic, children's literature, modern literature, Yakut writers

For citation

Frolkina D. I. Realization of the Comic in the Story by A. Borisova *Zapiski dlya moikh potomkov* (*Notes for My Descendants*). *Vestnik NSU. Series: History and Philology*, 2019, vol. 18, no. 9: Philology, p. 202–211. (in Russ.) DOI 10.25205/1818-7919-2019-18-9-202-211

В данной статье будет рассмотрена реализация комического в произведении А. Борисовой «Записки для моих потомков». Стоит упомянуть, что именно с этой повестью современная якутская и российская писательница стала финалистом Международной детской литературной премии им. В. Крапивина в 2010 г. Рассматривая особенности юмора в указанном тексте, мы обратим внимание на комизм характера, комизм ситуаций и языковой комизм.

При создании детского произведения авторы прибегают к различным средствам и приемам комического. Изучению этого посвящены работы Е. А. Гараниной (1998), Н. М. Ротановой (2006), И. В. Цикушевой (2010), А. А. Идиатулиной (2011), Л. В. Чаловой (2013) и др.

Юмор – одна из отличительных черт детской литературы, особенно ориентированной на младший возраст: «Жизнеутверждающий юмор – характерная эстетическая особенность литературы, адресованной читателям старшего дошкольного и младшего школьного возраста» [Москвичева, 2009. С. 75]. Тот факт, что детская литература в значительной мере юмористическая и смешная, отнюдь не случаен. С одной стороны, такая ситуация отражает здоровую психологию ребенка (повторим распространенное мнение, что ребенку нужен повод только для печали, естественное же его состояние – радость), а с другой стороны, позволяет передать важные воспитательные и нравственные идеи и ценности в понятной детям форме. Как утверждал А. Алексин, «юмор и занимательность – это порой кратчайшее расстояние между самой серьезной проблемой и сознанием юного читателя» [2017. С. 3]. Произведения признанных детских писателей (Н. Носова, В. Драгунского, В. Голявкина и др.) полностью соответствуют этому, прививая маленьким читателям в увлекательном и юмористическом виде важные моральные идеи.

Необходимо сказать о границах терминов, так как вышеназванные понятия *комического*, *юмора* и *смешного* по-разному трактуются в отечественной и западной науке, следовательно, находятся в разных отношениях между собой. В данной статье мы вслед за Ю. Боровым и А. Зисем принимаем точку зрения, дифференцирующую комическое и смешное, так как не все смешное является комическим: смех может быть вызван самыми разными причинами, в том числе и физиологического характера, в то время как комическое подразумевает наличие (хотя бы в минимальном виде) неких эстетических и интеллектуальных установок. В свою очередь, юмор наряду с сатирой (иногда иронией и сарказмом) принято считать формами или видами комического. Следует отметить, что терминологическая база среды комического весьма обширная и противоречивая. В цели данной статьи не входит подробное освещение различных точек зрения на разграничение этих понятий, мы остановимся на традиционном взгляде на юмор как форму выражения комического.

Комизм характера

Как считал Н. Носов, «действительная причина смешного заключена не во внешних обстоятельствах, ситуациях, положениях, соответствиях или несоответствиях, а коренится в самих людях, в человеческих характерах» [1985. С. 168]. Советскому писателю, как никому другому, удалось создать яркие и непосредственные образы детей. За таким изображением стоит особая художественная психология: живые и цельные герои, попадая из одной истории в другую (нередко в силу своей неопытности или нестандартного взгляда на ситуацию), условно «втягивают» в свои истории и ребенка-читателя, который, воспринимая героев как своих сверстников, вынужден формировать свою собственную точку зрения. Таким образом, заостряя внимание на комическом характере, автор отменяет в рамках произведения принятую иерархию *читатель – герой*, делая ребенка реальным участником описываемых событий.

В «Записках для моих потомков» А. Борисовой главным героем выступает девочка Валентинка, вместе с семьей регулярно приезжающая на каникулы в деревню, к бабушке. Именно там и происходят все юмористические ситуации.

Ю. Борев отмечал, что «комический характер часто дается путем сатирического заострения и преувеличения одной, главной черты» [1970. С. 199]. Главной чертой Валентинки является ее удивительная способность попадать в разные переделки, неожиданные ситуации. Нередко причиной этого становится неординарная логика героини. Так, например, на вопрос друзей, почему у нее забинтована нога, девочка отвечает: «...я просто так бинты накрутила, из-за Мальвы... Она лапу ушибла и хромает. Поэтому я Мальве лапу перевязала и себе тоже из солидарности» [Борисова, 2014. С. 84]¹. Или ей хочется завести маленького «дракончика-варана», ведь «он станет домашним, а когда вырастет большим, то запугает тех, кого я не люблю» («Операция МИК»). Рассуждения Валентинки по-детски непосредственны и простодушны, она пытается найти свое объяснение непонятным ей вещам, и у читателя это вызывает искреннюю улыбку: «Человек не должен быть один. Он должен кого-то любить, с кем-то ссориться и драться» («Ничейная бабушка»).

Бойкая и непоседливая, Валентинка всегда занята «делом», поэтому, если девочка проводит весь день дома и усердно помогает домашним, это оправданно вызывает недоверие и опасения со стороны всех членов семьи: «Я... весь вечер вела себя так хорошо, что удивила маму и бабушку, а мамин брат дядя Сеня запел с подозрением в голосе: “Что день грядущий нам готовит?”» («Воспитательные цели»).

Образ Валентинки становится в один ряд известными героями-проказниками (Миша и Коля Н. Носова, Денис Кораблев В. Драгунского и др.). А. Борисова, помимо изображения комической стороны детского образа, обрисовывает и другие качества героя, делая его не только занимательным типажом, но и живой, реальной личностью со своими мыслями, мечтами и системой ценностей. Из «Записок...» мы узнаём, что Валентинка – добрая и способная к состраданию девочка, она может отказаться от своей мечты, чтобы подарить чудо другому человеку, именно поэтому героиня отдает все накопленные деньги (отложенные на покупку игрушечного корабля) старой и одинокой, «ничейной», бабушке («Ничейная бабушка»). Валентинка любит фантазировать, представляя себя то морским богом, то бродячей певицей. Мечтает героиня о многом, например о том, что «было бы просто замечательно найти какой-нибудь отдельный от взрослых остров, где жили бы только дети, росли бамбуки и ананасы, а зимой падал снег...» («Операция МИК»).

Поступая так или иначе, Валентинка руководствуется собственными мыслями и принципами, потому что у героини присутствует то, что Гегель называл «несокрушимое доверие к самому себе» [Гегель, 1969. С. 303]. Напомним, что философ считал это главнейшим свойством комического персонажа.

¹ Далее ссылки на это издание приводятся в круглых скобках.

Необходимо заметить, что читатель имеет возможность наблюдать героиню не только с положительной стороны. Валентинка совершает ошибки, сомневается, может учинить скандал родителям или невежливо высказаться о приехавших гостях. Подобная разноплановая иллюстрация характера героини – необходимая черта комического персонажа и художественного образа вообще, ведь в противном случае герой теряет свою убедительность и становится литературной карикатурой. Такое положение применимо и необходимо в сатирических произведениях, однако перед нами текст юмористический, не предполагающий обличительного осмеяния героини. Смех, вызываемый ею у читателя, беззлобный, добрый, мягкий. Оптимизм Валентинки продиктован её детской непосредственностью и природными свойствами характера. О таком типе персонажа В. Пропп точно заметил, что он «может быть комичным как будто независимо от наличия в нем каких-то нравственных недостатков» [1976. С. 114].

Есть еще одна причина, по которой автор показывает героиню с разных сторон. Несмотря на то, что ее характер, безусловно, комический, при усилении этой черты не состоялось бы цельного образа. Ведь одна из важнейших целей детской литературы заключается в приобщении маленького читателя к большой жизни, в передаче ему важных человеческих ценностей, и «проводником» в таком случае становится «живой» герой, а не карикатурный персонаж.

Комизм ситуаций

Одна из важнейших категорий комического – неожиданность. В научной литературе дается несколько определений данного понятия. Для нас важно, что обилие формулировок связано, в основном, с причиной неожиданного. Так, например, французский мыслитель Монтескье писал: «Когда безобразие для нас неожиданно, оно может вызвать своего рода веселье и даже смех» [1955. С. 753]. Другой известный философ, А. Шопенгауэр, имел иную точку зрения: «Смех всегда возникает не из чего иного, как из неожиданного сознания несоответствия между известным понятием и реальными объектами, которые в каком-либо отношении мыслились в этом понятии, – и сам служит лишь выражением такого несоответствия» [2011. С. 540]. Многие исследователи убедительно доказывают, что прием неожиданности может быть обусловлен не только ситуацией, но и языковым контекстом [Сафонова, 2013. С. 474]. Таким образом, неожиданность – «прием комического, внезапно проявляющийся в любой точке сюжетной линии и связанный с нормальными ситуациями» [Мысоченко, 2016. С. 902].

Как отмечал Ю. Боров, механизм комической неожиданности психофизиологически сродни испугу, так как это – «реакции переживания, не подготовленная непосредственно предшествовавшими событиями и связанными с ними переживаниями» [1970. С. 49]. Это в прямом и переносном смысле справедливо для реакций героев «Записок для моих потомков», так как многие комические ситуации выстраивались в том числе и на испуге. Например, в рассказе «Огородный барабан» команда детей, пытаясь украсть колхозные арбузы, с ужасом встречается на своем пути страшного черного человека, который машет руками и пытается на них прыгнуть. Реакция детей оказалась вполне ожидаема: «Почти не таясь, мы во все лопатки помчались к забору. Мигом перемахнув через него, мы понеслись к кустам. Я бухнулась в шиповник, но со страху даже не ощутила колючек» («Огородный барабан»). Впоследствии ребята долго смеялись над тем, что такой испуг вызвало у них огородное чучело. Комизм ситуации усиливается еще и тем фактом, что буквально за пару часов до «кражи» дети уже соорудили пугало, правда, для своего огорода.

В рассказе «На память с динозавром» Валентинка с другом Васей отправилась на рыбалку, но вместо ожидаемой щуки с диким ужасом вытащили из воды динозавра, который оказался большой и сучковатой корягой. Комический эффект возникает из-за двойной неожиданности: щука – динозавр / динозавр – коряга.

Прием *неожиданности, сопряженный с реакцией испуга и страха*, в детской литературе не новинка – его активно использовал, например, Н. Носов («Тук-тук-тук», «Живая шляпа», «Мишкина каша» и др.). Несмотря на описание жутких для детей ситуаций, негативного эффекта не возникает, ведь в итоге всё обязательно разрешается благополучно. Комизм же достигается в том числе из-за несоответствия воображаемой причины испуга и его реальной, часто безобидной, причины.

Другим вариантом комической неожиданности в «Записках для моих потомков» можно назвать *комическое недоразумение*, связанное с недопониманием героев. В таких ситуациях один персонаж не вполне понимает поступки или указания другого и совершает из-за этого ошибку. Надо отметить, что если в первом случае, когда герои сами понимали причину своего испуга, комическое разрешение ситуации исходило от самих персонажей, то в случае недоразумения комический эффект возникает только на читательском уровне. Так, в рассказе «Операция МИК» после непредвиденно устроенного поджога Валентинка ожидает строгого и жесткого наказания от родителей. Поэтому, когда отец ведет ее в неизвестную местность, героиня воспринимает это как попытку «заблудить» ее в лесу, как Ганзеля и Гретель. Именно с такими мыслями Валентинка начинает выдергивать из своей юбки нитки и бросать их на дорогу, чтобы потом найти путь назад. Однако отец, как оказалось, вел свою дочь к родителям другого «поджигателя» и к концу пути с огромным удивлением обнаружил полное отсутствие юбки у девочки.

В другой ситуации недопонимание возникает уже между ребятами:

Васька сказал:

– Стукни по носу, у меня руки заняты, а там комар.

Я стукнула Ваську по носу ведёрком для рыбы.

Он завопил:

– Ты что, очумела?! – бросил банку с червями, удочки и пакет с завтраком и съездил мне по шее.

Сам попросил, а сам дерётся!

(«На память с динозавром»)

Комический эффект достигается именно за счет недоразумения: Васька не предполагал, что комара будут убивать ведром, а Валентинка прямолинейно восприняла слово «стукни».

Недопонимание возникает именно из-за того, что один или оба героя не высказывают свою мысль со всеми объяснениями, предполагая, что это понятно само собой. Так, например, Валентинка не рассказывает маме «предысторию» своего суждения: девочка узнала о теории Дарвина, а еще о том, что всё живое так или иначе связано с динозаврами. Мама же воспринимает именно слова Валентинки, поэтому диалога и, главное, комплимента не получается:

Перед сном я сказала маме:

– А знаешь, ты когда-то была динозавром.

Мне хотелось поделиться нашим открытием, а она обиделась. Я испугалась и сказала:

– Нет, мама, я пошутила, ты была обезьяной!

(«На память с динозавром»)

Сюжетный поворот, не соответствующий ожиданиям героев, также присутствует в повести А. Борисовой. В этом случае комический эффект возникает не из-за недопонимания действующих лиц, а из-за непредвиденного развития событий, расстроившего планы героев. По сути, здесь имеет место *ситуация обманутого ожидания*. Незаметно своровав колхозные арбузы, ребята с радостью их съедают, веселье детей связано еще и с тем, что ради этих арбузов пришлось пойти на риск и свое рода мошенничество – и всё как будто бы удалось. Однако плоды оказались незрелыми, и вместо спокойного сна ребят ждало расстройство желудка со всеми вытекающими последствиями. Всё это в итоге и привело героев к разоблачению («Огородный барабан»).

Стоит также выделить *комизм положений, построенный на комическом контрасте*. В таком случае чаще всего имеет место смешение высокого и низкого: например, дети воодушевленно ищут клад с золотом, а находят... ночной горшок («Операция МИК»). В другой

раз ребята проходят подготовку на настоящих героев, решив отсидеть два часа в зловонном курятнике («Трудно быть героями»). Комический эффект достигается именно за счет неожиданного контраста, логически не выводимого для читателя из предыдущих сюжетных ходов.

В «Записках для моих потомков» А. Борисова широко использует вариации неожиданного (неожиданность, связанная с воображаемой опасностью, с недоразумением – непониманием, с обманутым ожиданием, и, наконец, неожиданность, выстроенная на контрасте). Всё это обуславливает комизм ситуаций и положений, в которые попадают герои повести.

Ю. Рассказов в статье «Проба смеха» справедливо отмечал, что «речевая деятельность есть наиболее общая структура смеха» [1999. С.273]. Проблемой речевого комизма занимаются многие исследователи, например, М. А. Панина, Е. Б. Демидова, А. Е. Левицкий, Е. А. Земская и др. Однако изучение языковых средств в детской литературе пока остается на глубокой научной периферии. Безусловно, справедливо отмечал А. Н. Лук, что за основу изучения комического следует брать «словесно-речевое» творчество [1968. С. 52]. Заметим также, что проводить четкую границу между приемами создания комического неправомерно, ведь и комизм ситуаций, характера, жестов и пр. нередко формируется с помощью языковых средств, именно поэтому важно понять, что есть языковые средства и как они создают комическую атмосферу в произведении, в данном случае в «Записках для моих потомков».

Языковой комизм

Юмористический эффект в повести часто достигается за счёт *обыгрывания многозначного слова*. Вот, например, одно из размышлений Валентинки: «Говорят, в последнее время я изменилась в худшую сторону. Не знаю, где она находится, слева или справа, но по крайней мере не там, где плохо относятся к животным» («Синий лес»). Героиня буквально понимает слово «сторона» и на этом строит свое рассуждение. Как отмечал В. Виноградов [1981], игра прямым и переносным значениями является одной из знаковых форм создания юмористического эффекта. На обыгрывании многозначного слова выстроен разговор друзей:

- У цивилизованных людей теперь немножко другие понятия и приличия, – вспомнила я. Сардана и Васька посмотрели на меня с уважением, а Павлик нахмурился:
- Приличия – полная чепуха, их придумали взрослые. Надо одеваться прилично, есть прилично, учиться прилично – умереть можно от скуки!
- Моя мама говорит, что надо ещё прилично зарабатывать, – добавила Сардана. («Трудно быть героями»)

У читателя это вызывает улыбку, ведь герои не до конца понимают друг друга, потому что каждый воспринимает только одно значение: Валентинка думает о приличии как определенной норме поведения, Павлик имеет в виду «хорошо», в смысле «соответствующе нормам», а Сардана воспроизводит мамину мысль, в которой прилично значит много.

Примеров многозначности в повести достаточно, как и иллюстраций *языкового парадокса*. Это средство диктуется оригинальной логикой героя-ребенка. В формальном же отношении здесь идет речь о том, что А. Лук называл «ложным усилением» и «ложным противопоставлением» [1968. С. 54], когда вторая часть высказывания либо противоположна по смыслу, либо противоречит первой, выводя фразу на уровень абсурда. Особенно ярко это средство представлено в речи Валентинки, что вполне объяснимо, поскольку она и является рассказчиком. Так, например, упоминая о своем родственнике, она произносит: «Дядя Сеня – мой друг, потому что он хоть и взрослый, но всё-всё понимает». Или в другом месте о нём же: «...он довольно старый, ему, кажется, двадцать или тридцать лет» («Синий лес»). Парадокс высказываний виден только читателю, сама героиня искренне воспринимает двадцать и тридцать лет как нечто одинаковое и уже «старое», и ей кажется естественным, что взрослые мало что понимают в жизни. Говоря о своих предпочтениях, девочка замечает: «Петь я очень люблю и еще подумую, кем стать, когда вырасту, – матросом или певицей» («Синий

лес»). Неожиданность появления матроса, никак не прокомментированного героиней, но, по всей видимости, логично ею упомянутого, и формирует комический эффект.

Псевдоконтраст (прием, в котором вторая часть высказывания противоречит началу и тем самым усиливает и развивает мысль, заложенную в нём) мы можем найти во многих фразах Валентинки. Например, перечисляя свои с другом «подвиги», она радостно замечает: «У нас неплохо получается и дрессировка. Поросята, например, научились проходить сквозь обруч, если им показываешь еду» («Воспитательные цели»). Вначале подчеркивается удачный результат их с Васей работы, но фраза выстроена таким образом, что читатель ожидает продолжения, более подробного объяснения, и оно даже подтверждает слова девочки: дрессировка идет успешно, и свиньи теперь могут проходить сквозь обруч. Однако последние слова как раз полностью отменяют установку: оказывается, животные просто шли за едой и ничуть не «дрессировались». Именно такое снятие и вызывает юмористическое настроение читателя.

Игра со словом находит разнообразное выражение в повести. Некоторые исследователи находят в этом реализацию авангардистской языковой модели, к которой принадлежит современная детская литература [Идиатулина, 2011. С. 242]. Одним из воплощений этой игры является *обыгрывание фразеологизмов*. Наиболее частым же средством становится буквальное понимание отдельных слов, составляющих фразеологизм, что вызывает его разрушение. Это в результате приводит к неожиданному логическому переосмыслению: «Поели “что Бог послал”, как говорит моя бабушка. Бог послал нам пирожки, настряпанные Сарданиной мамой, вареные яйца и молоко в пластиковой бутылке» («Синий лес»). Разговаривая с Васей о плюсах работы швейцаром, Валентинка заключает: «Еще деньги на чай дают», и слышит в ответ: «Зачем мне их чай? Я лучше мороженое куплю...» («На память с динозавром»).

Также имеет место фонетическое обыгрывание устойчивых единиц (например, «испустила пух» о порвавшейся подушке), наложение идиом на свободное сочетание («Ни пуха тебе, ни пера, подушка») («Воспитательные цели»).

Материалом отдельного изучения могут послужить примеры языковой игры, демонстрирующие *обыгрывание звучания или значения слов, неверно понятых / услышанных* героями. Именно на этом приеме выстраивается следующий диалог Васи и Павлика:

- Есть всякие пьесы, – важничал Павлик. – Например, про то, как один принц спрашивал у всех, быть ему или не быть. Или как Дездемону душили.
- Кто душил? – раскрыл рот Васька.
- Кто-кто... Отелло.
- А зачем Отелла Дездемону душила?
- Отелло – он, а не она. Черный такой. Вот у дедушки Миши есть собака Мавр, а у Отелло была такая национальность.
- Собака?!
- Мавр, дурак!
- Кто дурак – Отелло?
- Ты дурак, отстань!
- («Как мы были актерами»)

Неверное восприятие слова возможно чаще всего именно в разговоре, поэтому в повести мы наблюдаем этот прием именно в диалогах ребят:

- Ты прямо саблезубый тигр, – засмеялась я.
- С чего это «соплезубый»? – насторожился Васька.
- («Грудно быть героями»)

Большое значение для произведений детской литературы имеет имитация или воспроизведение речи детей, с присущим ей новаторским словообразованием. В исследуемой повести есть масса примеров детских *оказионализмов*, созданных по той или иной деривационной модели. Например, Валентинка однажды заявляет родителям: «То, что вы совершили с Мальвой – кощунство... А ты, мама, **кощунья**». Девочка придумывает слово по аналогии с другими: «лгунья», «попрыгунья», «молчунья» и пр. В следующем рассказе читаем, как

ребята вылепили из глины «динозаврят», сделали лабиринт и пустили по нему гулять их воспитателя «**Минозавра**» – словообразовательное слияние Минотавра и динозавра. По мнению Л. В. Васильева, использование оригинально образованных окказионализмов является одним из важных лингвостилистических приемов создания языкового комизма [1990. С. 86].

Таким образом, в «Записках для моих потомков» одним из средств достижения комического эффекта является языковая игра, особые речевые каламбуры, выстроенные, чаще всего, на обыгрывании многозначных слов, фразеологизмов или языкового парадокса, неверного воспроизведения слова и имитации детского словообразования.

Особое место в книге занимает рассказ «Как мы были актерами». Текст примечателен тем, что демонстрирует классические принципы театральной и цирковой буффонады (вида клоунады с подчеркнута преувеличенными, утрированными действиями актера), причем не запланированной героями: ребята намеревались показать героическую пьесу жителям деревни, однако всё с самого начала пошло не так, как задумывалось. С формальной точки зрения комическая постановка оценивается и непосредственно зрителями, героями произведения, т. е. участниками художественного пространства, и читателями – адресатами этого пространства.

Первым элементом буффонады, с которым сталкиваются наблюдатели пьесы, становится утрированный, карнавальным внешним видом актеров: «На сцену вышла принцесса в атласном мамином халате и с кружевной кухонной шторкой на голове», на ногах у героини были мамины туфли на высоком каблуке. Из-за того, что обувь была крайне неудобная, к тому же туфли все время «хлябали и стучали», «принцесса немножко оступалась и заваливалась набок». В итоге «каблуки придавили халат, принцесса шлёпнулась, а одна туфля взлетела и упала в зал на голову кого-то из зрителей» («Как мы были актерами»). Буффонные положения, опять же не запланированные актерами, сопровождают всю пьесу. Так, например, Вася, играющий космического воина, был вынужден надеть серебристые лосины Валентинки, так как другой «инопланетной» одежды не было. Но штаны были слишком тесные, и, «когда Вася кланялся, раздался треск, и лосины, конечно, сзади лопнули. Принцесса не сдержалась и громко захохотала, а доблестный воин стал красный, как помидор, и боком побежал со сцены, бросив под стол коня и булаву» («Как мы были актерами»). Присутствуют также и цирковые элементы: например, в сцене, где герои передают друг другу палку колбасы, и в этот момент неожиданно из зала выбегает собака, хватая ее и моментально скрывается. Реакция же актеров представляет собой лацци, импровизированный буффонный трюк, причем в его классической форме – связанный с едой: «С тупым и счастливым видом он (Вася. – Ф. Д.) ткнул вилкой в пустую тарелку и клацнул зубами. Павлик не растерялся, мигом снял свой ботинок, выскочил из-за сцены и положил Васке на тарелку», тот «...зажмурился и засунул в рот полботинка!» («Как мы были актерами»).

Отметим, что подобные ситуации не гротескно нагромождены в повествовании, а умело разбавлены «нормальным» поведением героев, ведь, как считал Ч. Чаплин, «легче всего убить смех преувеличением» [Садуль, 1981. С. 55]. Пьеса заканчивается зрительскими овациями и искренним удивлением ребят: они ожидали прямо противоположной реакции.

Как отмечал Б. Дземидок, подобные фарсово-водевильные жанры относятся к «чистому комизму», который не содержит интеллектуальных и оценочных элементов и «однороден по эмоции» [1974. С. 90]. Это справедливо, так как основная цель чистого комизма – «вызвать смех и развлечь» [Там же].

«Записки для моих потомков» А. Борисовой – книга юмористическая, демонстрирует слияние как литературных, так и театральных принципов реализации комического. Литературные приемы представлены как минимум на трех уровнях комизма: характера, ситуаций и языка. Театральный же комизм выражается в форме классической буффонады.

Список литературы

- Алексин А. Г.** Об авторе и книге [Вступ. ст.] // Ермолаев Ю. Капля дёгтя и полмешка радости. М.: Речь, 2017. 240 с.
- Борев Ю.** Комическое. М.: Искусство, 1970. 246 с.
- Борисова А. В.** Записки для моих потомков. М.: Настя и Никита, 2014. 128 с.
- Васильев Л. М.** Современная лингвистическая семантика. М.: Высш. шк., 1990. 176 с.
- Виноградов В. В.** Проблемы русской стилистики. М.: Высш. шк., 1981. 319 с.
- Гегель Г. В. Ф.** Эстетика: В 4 т. М.: Искусство, 1969. Т. 2. 328 с.
- Дземидок Б.** О комическом. М.: Прогресс, 1974. 223 с.
- Идиатулина А. А.** Приемы речевой игры в творчестве современных детских писателей // Филология и культура. 2011. № 23. С. 242–246.
- Лук А. Н.** О чувстве юмора и остроумии. М.: Искусство, 1968. 192 с.
- Монтескье Ш.** Избр. произведения. М.: Госполитиздат, 1955. 803 с.
- Москвичева О. А.** Над чем смеются дети // Вестник Моск. гос. гуманитар. ун-та. Серия: Филологические науки. 2009. № 3. С. 70–76.
- Мысоченко И. Ю.** Словесный комический образ: сущностные характеристики // Концепт. Науч.-метод. электрон. журн. 2016. Т. 15. С. 901–905.
- Носов Н. Н.** О некоторых проблемах комического // Жизнь и творчество Николая Носова: Сб. ст. / Сост. С. Миримский. М.: Дет. лит., 1985. 256 с.
- Пропп В. Я.** Проблемы комизма и смеха. М.: Искусство, 1976. 183 с.
- Рассказов Ю.** Проба смеха // Пропп В. Я. Проблемы комизма и смеха. Ритуальный смех в фольклоре (по поводу сказки о Несмеяне). М.: Лабиринт, 1999. С. 260–275.
- Садуль Ж.** Чарли Чаплин. М.: Искусство, 1981. 256 с.
- Сафонова Е. В.** Формы, приемы и средства создания комического // Молодой ученый. 2013. № 5. С. 472–478.
- Шопенгауэр А.** Мир как воля и представление. М.: Харвест, 2011. 848 с.

References

- Aleksin A. G.** Ob avtore i knige (Vstup. st.) [About the Author and the Book. Introductory Article]. In: Ermolaev Yu. Kaplya degtya i polmeshka radosti [A Drop of Tar and Half a Bag of Joy]. Moscow, Rech' Publ., 2017, 240 p. (in Russ.)
- Borev Yu.** Komicheskoe [TheComic]. Moscow, Iskusstvo Publ., 1970, 246 p. (in Russ.)
- Borisova A. V.** Zapiski dlya moikh potomkov [Notes for My Descendants]. Moscow, Nastya i Nikita Publ., 2014, 128 p. (in Russ.)
- Dzemidok B.** O komicheskom [On the Comic]. Moscow, Progress Publ., 1974, 223 p. (in Russ.)
- Hegel G. V. F.** Aesthetics. In 4 vols. Moscow, Iskusstvo Publ., 1969, vol. 2, 328 p. (in Russ.)
- Idiatulina A. A.** Priemy rechevoi igry v tvorchestve sovremennykh detskikh pisatelei [Word Play in the Works of Modern Children's Writers]. *Filologiya i kul'tura* [Philology and Culture], 2011, no. 23, p. 242–246. (in Russ.)
- Luk A. N.** O chuvstve yumora i ostroumii [On Humor and Wit]. Moscow, Iskusstvo Publ., 1968, 192 p. (in Russ.)
- Montesquieu Sh.** Izbrannye proizvedeniya [Selected Works]. Moscow, Gospolitizdat Publ., 1955, 803 p. (in Russ.)
- Moskvicheva O. A.** Nad chem smeyutsya deti [What Makes Children Laugh]. *Vestnik MGHU. Seria: Filologicheskie nauki* [MSHU Bulletin. Series: Philological Studies], 2009, no. 3, p. 70–76. (in Russ.)
- Mysochenko I. Yu.** Slovesnyi komicheskii obraz: sushchnostnye kharakteristiki [Verbal Comic Image: Essential Characteristics]. *Kontsept. Nauchno-metodicheskii elektronnyi zhurnal* [Concept. Academic and Methodical Digital Magazine], 2016, vol. 15, p. 901–905. (in Russ.)

- Nosov N. N.** O nekotorykh problemakh komicheskogo [On Certain Problems of the Comic]. In: Zhizn' i tvorchestvo Nikolaya Nosova [Life and Works of Nikolai Nosov]. Comp. by S. Mirimsky. Moscow, Det. lit. Publ., 1985, 256 p. (in Russ.)
- Propp V. Ya.** Problemy komizma i smekha [The problems of the Comic and Laughter]. Moscow, Iskusstvo Publ., 1976, 183 p. (in Russ.)
- Rasskazov Yu.** Proba smekha [Test of Laughter]. In: Propp V. Ya. Problemy komizma i smekha. Ritual'nyi smekh v fol'klore (po povodu skazki o Nesmeyane) [The Problems of the Comic and Laughter. Ritual Laughter in Folklore (Regarding the Tale of the Unsmiling Princess)]. Moscow, Labirint Publ., 1999, p. 260–275. (in Russ.)
- Sadul Zh.** Charli Chaplin [Charlie Chaplin]. Moscow, Iskusstvo Publ., 1981, 256 p. (in Russ.)
- Safonova E. V.** Formy, priemy i sredstva sozdaniya komicheskogo [Forms, Techniques, and Means of Creating a Comedic Effect]. *Molodoi uchenyi* [The Young Researcher], 2013, no. 5, p. 472–478. (in Russ.)
- Schopenhauer A.** Mir kak volya i predstavlenie [The World as Will and Representation]. Moscow, Kharvest Publ., 2011, 848 p. (in Russ.)
- Vasiliev L. M.** Sovremennaya lingvisticheskaya semantika [Modern Linguistic Semantics]. Moscow, Vysshaya shkola Publ., 1990, 176 p. (in Russ.)
- Vinogradov V. V.** Problemy russkoi stilistiki [Problems of Russian stylistics]. Moscow, Vysshaya shkola Publ., 1981, 319 p. (in Russ.)

Материал поступил в редколлегию

Received

03.06.2019

Сведения об авторе

Фролкина Дарья Ивановна, аспирант кафедры истории новейшей русской литературы и современного литературного процесса филологического факультета Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова (Ленинские горы, 1, Москва, 119991, Россия)
fdic@mail.ru

Information about the Author

Daria I. Frolkina, PhD student in the history of modern Russian literature and the modern literary process of the philological faculty of Lomonosov Moscow State University (1 Leninskie gory, Moscow, 119991, Russian Federation)
fdic@mail.ru

УДК 821.161.1.9

DOI 10.25205/1818-7919-2019-18-9-212-214

Рецензия на книгу:

**Илюшечкина Т. Н. Литературная история «Описания Сибири»
Никифора Венюкова в рукописной книжной традиции XVII–XVIII веков.
Новосибирск: ГПНТБ СО РАН, 2018. 538 с.**

Т. В. Панич

*Институт истории СО РАН
Новосибирск, Россия*

Рецензируемая книга посвящена исследованию одного из интереснейших по своему жанру и содержанию сочинений последней трети XVII в. – «Описанию Новья земли, сиречь Сибирскаго царства, и Московскаго государства», которое вошло в исследовательский обиход под названием «Описание Сибири». Т. Н. Илюшечкина впервые обратилась к изучению литературной истории памятника в полном объеме его рукописной традиции. Она опиралась на комплекс рукописей XVII–XVIII вв., в структуре которых имеется интересующий ее текст. К анализу были привлечены и отдельные списки сочинения, а также русская, немецкая и голландская версии исторической повести «О взятии Сибири Ермаком». Некоторые манускрипты впервые введены в научный оборот.

В результате текстологического анализа известных автору монографии списков «Описания Сибири» и историко-литературного осмысления полученных данных были установлены варианты и виды текста; определены их литературные и структурные особенности. Последовательно, шаг за шагом Т. Н. Илюшечкина реконструирует на страницах своей книги литературную историю «Описания Сибири». При этом она вносит существенные коррективы в сложившиеся в науке представления относительно истории текста «Описания Сибири» и его литературной специфики. Так, детальное текстологическое изучение выявленных рукописных материалов позволило Т. Н. Илюшечкиной выдвинуть аргументы, опровергающие имеющиеся в научной литературе высказывания о двух русских редакциях памятника. В монографии сделан обоснованный вывод о существовании единственной «русской редакции» «Описания Сибири», которая представлена двумя вариантами списков. Новизной отличаются также наблюдения и выводы Т. Н. Илюшечкиной, касающиеся немецкой версии «Описания Сибири». В данном случае, как правомерно полагает автор книги, следует говорить о «немецкой редакции русского сочинения» (с. 129).

При реконструкции истории текста памятника одной из важных проблем, стоявших перед автором книги, являлся анализ содержания сборников, включающих «Описание Сибири». Предстояло изучение памятника в системе «текст – контекст»: анализ «конвоя», «контекста» и «единого контекста», в котором проходила рукописная жизнь «Описания Сибири» (Т. Н. Илюшечкина четко обосновала значение каждого из принятых ею терминов, корректно используя их в ходе анализа своих материалов).

© Т. В. Панич, рец., 2019

ISSN 1818-7919

Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2019. Т. 18, № 9: Филология
Vestnik NSU. Series: History and Philology, 2019, vol. 18, no. 9: Philology

Решение поставленной задачи позволило Т. Н. Илюшечкиной выявить и продемонстрировать читателю полный состав статей каждого сборника (отдельные тексты впервые введены здесь в научный оборот); отметить уникальный характер некоторых рукописей и, что особенно важно, определить влияние на литературную судьбу «Описания Сибири» окружающих его текстов. Исследуя рукописные сборники, Т. Н. Илюшечкина выявила специфику их структуры, идентифицировала тексты, установила своеобразие редакций сочинений, составляющих «конвой» и «контекст» «Описания Сибири». Выводы автора относительно структуры и состава сборников, содержащих «Описание Сибири», базируются на скрупулезном изучении каждого текста, с учетом записей на полях, глосс, интерполяций, редакторских помет и т. п.

Выявление контекстуальных связей «Описания Сибири» и их анализ позволили автору книги получить достоверную (насколько это оказалось возможным) картину литературной жизни сочинения, помогли более полно и точно воспроизвести историю возникновения и функционирования текста сочинения и, в частности, показать его генетическую связь с Посольским приказом. Это наблюдение Т. Н. Илюшечкиной косвенно подтверждает мнение А. И. Андреева о том, что автором «Описания Сибири» был известный государственный деятель, дипломат, подьячий Посольского приказа Никифор Данилович Венюков. Т. Н. Илюшечкина поддерживает позицию А. И. Андреева, хотя и подчеркивает, что эта позиция не имеет твердого обоснования, проблема авторства пока остается открытой (с. 61).

Автор монографии не ограничивается текстологическим анализом, выстраивая систему генетических связей между всеми списками «Описания Сибири» и восстанавливая пути развития рукописного бытования памятника. Помимо изучения текстуальных и контекстуальных связей сочинения внутри того или иного сборника, а также исследования состава самих сборников, особое внимание Т. Н. Илюшечкина уделила анализу сочинения в привязке к культурно-историческому контексту, учитывая все те составляющие общественного и культурного процесса того или иного временного отрезка, которые оказывали воздействие на текст «Описания Сибири», определяя вектор его развития, характер литературной истории памятника, специфику бытования сочинения в книжной рукописной традиции XVII–XVIII вв.

Пристальное внимание автора монографии к изучению среды возникновения текста «Описания Сибири» и дальнейшего его бытования представляется оправданным и ценным с научной точки зрения. Рассмотрение этого вопроса обогатило исследование дополнительными данными, касающимися не только литературных аспектов «Описания Сибири», но и круга связанных с сочинением лиц (владельцев, переписчиков, редакторов, переводчиков и читателей). Многие из владельцев, а также упоминаемых в рукописях персон являются известными историческими деятелями, видными представителями культуры XVII–XVIII вв. (русской и европейской). Анализируя среду бытования «Описания Сибири», автор монографии находит новые свидетельства культурных (книжных) связей между Россией и европейскими странами (что предполагает обмен идеями, ценностными установками и взглядами на социальную жизнь и культуру); открывает неизвестные ранее факты, добавляющие новые биографические данные и штрихи к портретам владельцев сборников; приводит некоторые дополнительные сведения, позволяющие точнее судить об их эстетических и литературных вкусах и предпочтениях.

Необходимо отметить, что научная значимость результатов, полученных автором монографии в ходе анализа рукописей с «Описанием Сибири», состоит также в том, что они содержат новый материал по истории развития и функционирования в период позднего русского Средневековья такой формы, как сборник, являвшийся, как известно, одним из распространенных типов рукописной книги в Древней Руси, интерес к которому со стороны ученых-медиевистов сохраняет устойчивый характер.

Ценной стороной монографии является большое приложение, в котором представлены изученные автором рукописные материалы; приводится подробное археографическое описание сборников, включающих списки «Описания Сибири»; прилагается именной указатель.

Книга Т. Н. Илюшечкиной являет собой плод глубоких научных разысканий и кропотливого текстологического и историко-литературного анализа. Научная значимость полученных автором результатов сообщает монографии фундаментальный характер и ставит ее в ряд новейших филологических исследований, направленных на системное изучение актуальных вопросов литературной культуры рубежа XVII–XVIII вв. Выводы и наблюдения автора книги представляют теоретическую и практическую ценность для специалистов-филологов. Они могут быть использованы при подготовке специальных курсов и учебных пособий по литературе русского Средневековья для студентов высшей школы. Книга привлечет внимание тех, кто интересуется «сибирской» темой, а также читателей, интересующихся историей отечественной словесности.

Материал поступил в редколлегию

Received

02.07.2019

Сведения об авторе

Панич Тамара Васильевна, доктор филологических наук, ведущий научный сотрудник Института истории СО РАН (ул. Николаева, 8, Новосибирск, 630090, Россия)
tvpanich@ngs.ru

Information about the Author

Tamara V. Panich, Doctor of Philology, Leading Researcher, Institute of History SB RAS (8 Nikolaev Str., Novosibirsk, 630090, Russian Federation)
tvpanich@ngs.ru

Информация для авторов

Вестник Новосибирского государственного университета
Серия «История, филология»
Выпуск «Филология»

Правила оформления рукописи

Авторы представляют статьи на русском языке объемом не более 0,4 авторского листа (10 страниц, 16 тыс. знаков), включая иллюстрации (одна иллюстрация форматом 190×270 мм = $\frac{1}{6}$ авторского листа, или 6,7 тыс. знаков). Редакция каждого выпуска имеет право принимать статьи меньшего объема в зависимости от наполняемости портфеля выпуска. Объем сообщений, рецензий, заметок не должен превышать 0,2 авторского листа (8 тыс. знаков).

В конце статьи, рецензии, заметки необходимо указать полностью имя, отчество, фамилию автора, ученую степень и звание, должность, учреждение (название кафедры, вуза и т. п.), в котором выполнена работа, его полный почтовый адрес, а также адрес электронной почты, домашний адрес и телефон.

Рукопись должна удовлетворять требованиям к оформлению текста (см. далее), быть выверена, датирована и подписана автором (авторами). Каждая рукопись рецензируется. Редакция оставляет за собой право вносить редакторскую правку, а также отклонять статьи в случае получения на них отрицательных рецензий. Приоритет в приеме работ к печати отдается работам, в которых ставятся и решаются актуальные проблемы современной лингвистики, отличающиеся новизной, написанные на достаточно репрезентативном фактическом материале.

Содержание выпусков «Филология» ориентировано на следующие научные специальности:

10.02.01 – русский язык

10.02.19 – теория языка

10.02.20 – сравнительно-историческое, типологическое и сопоставительное языкознание

10.01.01 – русская литература

Требования к оформлению основного текста и иллюстративных материалов

Статья (основной текст, список литературы и источников, подписи к рисункам и таблицам) представляется в редакцию распечатанной на бумаге форматом А4 и в электронной версии, выполненной в формате WinWord (.doc, .rtf). Размер кегля 14 для Time New Roman, межстрочный интервал 1,5. Все страницы рукописи должны быть пронумерованы.

Не следует:

- производить табуляцию;
- разделять абзацы пустой строкой;
- использовать макросы, сохранять текст в виде шаблона и с установкой «только для чтения»;
- форматировать текст и расставлять принудительные переносы.

На первой странице текста статьи указывается УДК. Ниже даются название статьи, инициалы и фамилия автора, название учреждения, его почтовый адрес и e-mail, аннотация (2 000 знаков включая пробелы) и ключевые слова (не больше 10) на русском, затем на английском языке. Далее идет текст статьи, который заканчивается списком литературы и, при необходимости, списками источников и условных сокращений терминов, географических названий и т. д.

Образец оформления статьи:

УДК 81:39, 81'23

**Исследование наименований растений и национальная языковая картина мира:
к постановке проблемы**

Е. К. Иванова

*Новосибирский государственный университет
ул. Пирогова, 1, Новосибирск, 630090, Россия
philology@gf.nsu.ru*

Аннотация

Систематизируются термины для общего наименования лексических единиц тематической группы «Названия растений и их частей». Дается краткий обзор истории изучения данной лексики и прослеживаются истоки современного этнолингвистического когнитивного подхода, а также описываются возможные перспективы ее изучения.

Ключевые слова

термин, этнолингвистика, картина мира, фитонимы

Благодарности

Исследование проведено за счет гранта Российского научного фонда (проект № 14-50-00000)

**Studies of Plant-Names and an Ethnic World Image:
Defining the Problem**

E. K. Ivanova

*Novosibirsk State University
1 Pirogov Str., Novosibirsk, 630090, Russian Federation
philology@gf.nsu.ru*

Abstract

This paper proposes a brief review of the history of researches in the vocabulary of plant-names (as well as names of some parts of plants). The author lays special emphasis on the sources of the modern ethnolinguistic approach. Some prospects of the further research are outlined.

Keywords

linguistic terms, ethnolinguistics, world image, phytonyms

Acknowledgements

The work was supported by the Russian Science Foundation, project 14-50-00000

Основной текст статьи

Список литературы

Список источников

Материал поступил в редколлегию

Received

15.09.2018

Сведения об авторе / Information about the Author

Иванова Екатерина Кирилловна, доктор филологических наук, профессор Новосибирского государственного университета (ул. Пирогова, 1, Новосибирск, 630090, Россия)

Ekaterina K. Ivanova, Dr of Philology, professor at Novosibirsk State University (1 Pirogov Str., Novosibirsk, 630090, Russian Federation)

ivanova@ngs.ru

ORCID

SPIN

В лингвистических статьях выпуска «Филология» «Вестника НГУ» иллюстративный материал (слово, фразеологическая единица, словосочетание, предложение) в тексте статьи выделяется курсивом; толкование значения слова и семы заключается в одинарные кавычки ‘...’; имя концепта набирается прописными буквами курсивом (например: концепт *ЗНАНИЕ*, концептосфера *РЕЛИГИЯ*). Цитаты заключаются в кавычки-«ёлочки» («...»); если внутри цитаты имеется цитатная вставка, то последняя выделяется кавычками-«лапками» («...“...”...», «... “...”»). Ссылка на источник приводимого в качестве иллюстративного материала фрагмента чужого текста приводится после примера в круглых скобках, например: «Надзор за деятельностью банков должен быть в надежных руках. Чтобы при необходимости смотреть на финансовые проводки сквозь пальцы?» (Новая газета. 2007. № 7). Если иллюстративный материал взят из интернет-ресурса, то ссылка на такой источник дается под текстом на этой же странице (в поле сноски). Если на один и тот же интернет-источник делается несколько ссылок, то такой источник указывается в списке источников в конце статьи (например: НКРЯ – Национальный корпус русского языка <http://www.ruscorgo.ru>).

Библиографические ссылки в публикации даются в квадратных скобках: указывается фамилия автора, год издания работы, страница, например, [Виноградов, 1977. С. 57]; повторная ссылка оформляется [Там же] или [Там же. С. 48]. В конце статьи в алфавитном порядке без нумерации помещаются список литературы, список источников, а также, при необходимости, список условных сокращений терминов, географических названий и т. д.

Библиографическое описание публикации включает: фамилии и инициалы авторов (всех, независимо от их количества), полное название работы, а также жанр издания, в котором она опубликована (моногр., коллект. моногр., сб. ст., сб. науч. ст., сб. науч. тр.), ответственный редактор (под ред.), название издания, в котором она опубликована (для статей), город, название издательства, год издания, том (для многотомных изданий), номер, выпуск (для периодических изданий), объем публикации (количество страниц – для монографии, первая и последняя страницы – для статьи, тезисов). Фамилия и инициалы автора (авторов) выделяются полужирным шрифтом.

Далее следует то же описание в транслитерации и в квадратных скобках в переводе на английский язык (для русскоязычной литературы).

Например:

Капинос Е. В., Проскурина Е. Н., Ромодановская Е. К. Предисловие // Словарь-указатель сюжетов и мотивов. Новосибирск: Изд-во СО РАН, 2006. Вып. 2. С. 3–17.

Kapinos E. V., Proskurina E. N., Romodanovskaya E. K. Predislovie [Preface]. In: Slovar’-ukazatel’ syuzhetov i motivov russkoi literatury [Dictionary of Russian Literary Plots and Motives]. Novosibirsk, SB RAS Publ., 2006, iss. 2. p. 3–17. (in Russ.)

Одесская М. М. Чехов и проблема идеала. М: РГГУ, 2011. 496 с.

Odesskaya M. M. Chekhov i problema ideala [Chekhov and the Problem of Perfection]. Moscow, RSHU Publ., 2011, 496 p. (in Russ.)

Созина Е. К. О «сырости водосточных труб»: философско-антропологическое измерение творчества Чехова в контексте поколения восьмидесятников // Критика и семиотика. 2006. № 10. С. 82–97.

Sozina E. K. O syrosti i vodostochnykh trub: filosofsko-antropologicheskie izmereniye tvorchestva Chekhova v kontekste pokoleniya vos’midesyatnikov [On Dumpness of Drainpipes: Philosophy-Anthropology Dimension of Chekhov’s Creative Work]. *Kritika i semiotika* [Critique and Semiotics], 2006, no. 10, p. 82–97. (in Russ.)

Электронные версии рисунков (только в форматах .gif, .jpg, .tif, .cdr) следует прилагать отдельными файлами. Размер изображения не должен превышать 190 × 270 мм.

Допускается создание таблиц и диаграмм в WinWord и Excel (обязательно приложить исходный файл в формате .xls), кегль шрифта в надписях не должен быть меньше 9. Максимальное поле изображения – 190 × 270 мм.

Обязательно прилагать файлы используемых (нестандартных) шрифтов (.ttf),

Автор, передавая рукопись статьи (произведение) в редколлегию журнала, тем самым предоставляет ей право использования передаваемых материалов в составе журнала следующими способами: обнародование, воспроизведение, распространение, доведение произведения до всеобщего сведения путем размещения в сети Интернет, а также перевод на иностранные языки, включая те же действия относительно переведенного произведения.

Распространение «Вестника НГУ» осуществляется через ОАО «Роспечать», подписной индекс – 18283.

Адрес редакционной коллегии
серии «История, филология» (выпуск «Филология»)

ул. Пирогова, 1, НГУ, кафедра общего и русского языкознания
или кафедра русской литературы
Новосибирск, 630090, Россия

Тел.: (8 383) 363 42 30

E-mail: philology@gf.nsu.ru